

KEVIN BALES

DISPOSABLE PEOPLE

New slavery
in the global economy

UNIVERSITY OF CALIFORNIA PRESS
BERKELEY/LOS ANGELES/LONDON

2000

КЕВИН БЭЙЛЗ

ОДНОРАЗОВЫЕ ЛЮДИ

Новое рабство
в глобальной экономике

МОСКВА
НОВЫЙ ХРОНОГРАФ
2006

УДК 316.334.22-058.5
ББК 60.561.23
Б41

Федеральная целевая программа «КУЛЬТУРА РОССИИ»
(подпрограмма «Поддержка полиграфии и книгоиздания России»)

Перевод осуществлен при поддержке Института «Открытое общество»
(Фонд Сороса), Россия и Института «Открытое общество» Будапешт,
а также благодаря поддержке
Посольства США (Public Affairs Section), Москва, Россия СЕУ

Перевод с английского Ларисы Косовой

Кевин Бэйлз

Б41 Одноразовые люди. Новое рабство в глобальной экономике. —
М: Новый хронограф, 2006. — 304 с.

ISBN 5-87550-177-4

Эта книга о современном рабстве, тщательно скрываемом, изощренном и от того еще более жестоком и унижительном, нежели это было в глубокой древности в эпоху рабовладения известную нам из школьных учебников. Описывается рабство в странах Юго-Восточной и Центральной Азии, Латинской Америки. Сегодня рабство распространилось по всему миру. Есть оно и в таких высокоразвитых странах как Франция и Соединенные Штаты. Есть и в России. То, что когда-то воспринималось как особенность капитализма, сегодня стало тканью российской действительности.

Книга Бэйлза поможет лучше понять это явление и правильно оценить степень исходящей от него угрозы. Для многих она прозвучит как предостережение, а для тех, кто попал в беду, станет и ценным пособием, в котором он найдет необходимые адреса и сведения.

ББК 60.561.23

Предисловие к русскому изданию

Социальная дезорганизация, экономический кризис, политическая нестабильность — все это создает условия, способные породить рабство. Россия в недавнем прошлом прошла через все эти испытания. В свое время за стабильность советского общества пришлось расплачиваться очень дорого — свободой людей, сегодня за экономическую и социальную свободу в новой России приходится платить страданиями миллионов. Два ключевых фактора поддерживают современное рабство: социальная и экономическая уязвимость бедных и коррумпированность полиции и власти. В условиях, когда экономика претерпевает радикальные изменения, а реорганизуемая общественно-политическая система находится в состоянии нестабильности, бедные становятся еще более уязвимыми, а коррупция расцветает. Именно это характеризует нынешнее состояние России, способствуя возникновению новых форм рабства.

Сегодня некоторые новые русские бизнесмены охотно используют рабский труд. Организованные преступные группировки в России самым тесным образом связаны с закабалением и работорговлей мужчинами, женщинами и детьми, как внутри России, так и за ее пределами. В марте 2002 года Подразделение по борьбе с организованной преступностью сигнализировало, что в Москве имеются случаи похищения людей, приезжающих в столицу в поисках работы. Этих людей продают в качестве дешевой рабочей силы представителям строительных компаний. Особое внимание работодателей привлекают выходцы из среднеазиатских республик, которых бандиты запугивают и заставляют бесplatно работать. Мировая практика показывает, что людей обычно

продают из бедных стран в более богатые. Это значит, что импорт людей, которые попадают в рабство в России, представляет лишь ничтожную часть тех, кого вывозят в страны Западной Европы, Ближнего и Дальнего Востока. Значительный процент этих людей составляют женщины, которых вовлекают в проституцию или иные формы эксплуатации. Вывоз людей из России в качестве живого товара достигает двести тысяч человек и по существующим на сегодняшний день оценкам приносит организованной преступности до 3 миллиардов долларов в год.

Эта серьезная проблема усугубляется тем, что Россия не принимает на себя никаких международных обязательств. В России отсутствует закон, направленный на борьбу с работорговлей. Принуждение к проституции противозаконно, но уголовно не преследуется. В России существует ряд законов, которые можно было бы использовать для борьбы с работорговлей: закон о нарушениях при пересечении границы, о подделке документов, о похищении людей, о принуждении к сексуальным действиям, о мошенничестве, организованной преступности, порнографии. Но уголовные дела по этим законам редко возбуждаются и расследуются, а преступники обычно не наказываются. Ресурсы, направляемые на деятельность правоохранительных органов, недостаточны. Кроме того, не существует специальных подразделений по борьбе с работорговлей, а также курсов для обучения сотрудников правоохранительных органов. Представляется недостаточным и обращение Госдумы РФ к Конгрессу США с предложением о сотрудничестве в разработке законов против рабства. Учитывая остроту и масштабы проблемы, за прошедшие годы можно было сделать гораздо больше.

Россия уже вовлечена в процессы глобализации, но готова ли она к этому? Одним из атрибутов процесса глобализации является продолжающееся закабаление людей и международная торговля рабами. То, что когда-то называлось проблемой, которая «может существовать лишь в капиталистических странах», сегодня стало тканью российской действительности. Было время, когда многие русские мечтали о свободе, теперь те, кто свободен, должны думать о своей ответственности перед теми, кто свободы лишен. К счастью, в России есть люди, в первую очередь женщины, которые не ждут, пока прозреет власть, а сами вступают в борьбу с рабством. В конце этой книги Вы найдете список российских организаций, которые спасают и защищают жертвы работорговли, обеспечивают им убежище, правовое консультирование,

медицинскую помощь, которые разоблачают преступников и заставляют политиков и правоохранительные органы выполнять свои обязанности. Если Вы подозреваете или знаете, что кто-нибудь находится в опасности или попал в рабство, обратитесь в одну из этих организаций.

Некоторый оптимизм внушает сегодня и рост общественной обеспокоенности, что стимулирует движение против рабства. Мы можем стать поколением, которое положит рабству конец. Нами уже одержана моральная победа: сегодня уже никто не верит (за исключением, преступников), что закабаление другого человека допустимо. Нами одержана и политическая победа: в большинстве стран приняты законы против рабства. Нами одержана и экономическая победа, так как сегодня все знают, что если рабство закончится завтра, ни одна страна, ни одна отрасль индустрии не рухнет, пострадают только преступники. Теперь нам остается добиться, чтобы правительства соблюдали свои собственные законы и принимали новые, если возникнет такая необходимость. Мы должны решить, что не намерены жить в мире, где существует рабство, а затем сделать все, что в наших силах, для его искоренения.

НОВОЕ РАБСТВО

Французская провинция летом достойна самых лестных слов. Мы сидим на пороге дома в маленькой деревне в ста километрах от Парижа, легкий ветерок доносит аромат яблок из окрестных садов. Я приехал, чтобы встретиться с Себой, недавно освобожденной рабыней. Это привлекательная и живая двадцатидвухлетняя женщина. Но по мере рассказа она все глубже уходит в себя, судорожно курит, дрожит, а затем начинает плакать.

Я росла в Мали, меня воспитывала бабушка. Я была совсем маленькая девочка, когда знакомая нашей семьи пришла и спросила, не может ли она забрать меня в Париж, чтобы я помогла ей с детьми. Она сказала бабушке, что я буду ходить в школу и учить французский. Но когда я приехала в Париж, ни в какую школу она меня не отправила – я должна была работать каждый день. Я делала всю работу в доме: убирала, готовила, ухаживала за детьми. Каждый день я начинала работу, когда еще не было 7 утра, а заканчивала ее не раньше 11 вечера. У меня никогда не было выходных. А моя хозяйка ничего не делала. Она вставала поздно, а потом смотрела телевизор или уходила по своим делам.

Однажды я сказала ей, что хочу ходить в школу. Она мне ответила, что привезла меня в Париж не для того, чтобы

я ходила в школу, а для того, чтобы я смотрела за ее детьми. Я уставала и очень плохо себя чувствовала. У меня болели зубы – иногда скула опухала, и боль была ужасной. Иногда желудок тоже болел, но даже когда я была больна, я все равно должна была работать. Временами, когда мне было очень больно, я плакала, но моя хозяйка кричала на меня.

Я спала на полу в одной из детских комнат, ела я то, что не съедали дети. В отличие от них мне не разрешали брать еду из холодильника. Если я брала еду, хозяйка меня била. Она часто меня била. Она все время меня шлепала. Она меня била то метлой, то кухонными инструментами, а еще хлестала электрическим шнуром. Часто до крови. У меня до сих пор отметины на теле.

А в 1992 году... Я опоздала в школу за детьми. Хозяйка и ее муж пришли в ярость. Они избили меня и выбросили на улицу. Мне некуда было идти, я ничего не понимала, просто бродила по улицам. Через какое-то время муж хозяйки нашел меня и привел обратно в дом. Они раздели меня, связали руки за спиной и начали хлестать меня проволокой, привязанной к ручке щетки. Они били меня вдвоем. У меня сильно текла кровь, я кричала, но это их не остановило. А потом они взяли перец и насыпали мне на раны и во влагалище. Я потеряла сознание.

Позже кто-то из детей пришел и развязал меня. Я пролежала на полу, где они меня оставили, несколько дней. Мне было очень больно, но никто и не думал меня лечить. Когда я смогла стоять, я снова должна была начать работать, но теперь меня всегда запирали в квартире. И они продолжали избивать меня.

Себу освободили, когда одному из соседей, регулярно слышавшему ругань и звуки побоев, удалось поговорить с ней. Увидев ее шрамы и раны, сосед позвонил в полицию и во Французский комитет против современного рабства (ССЕМ), который возбудил дело и взял Себу под свою защиту. Медицинское освидетельствование подтвердило факт пыток.

Сегодня о Себе заботятся, она живет в приемной семье. Она получает консультативную помощь, учиться читать и писать. Для того чтобы прийти в себя, ей потребуются годы, но она необыкновенно сильная молодая женщина. Я был потрясен тем, как много ей еще предстоит пройти. Пока мы разговаривали, я понял, что хотя она умна и ей 22 года, но ее представления об окружающем мире развиты меньше, чем у среднего ребенка пяти лет.

Например, до своего освобождения она не знала, что такое время — неделя, месяц, год. Для Себы существовала только бесконечная череда работы и коротких передышек на сон. Она знала, что есть жаркие дни и холодные дни, но никто не объяснял ей законов смены времен года. Если Себа когда-то и помнила свой день рождения, то давно его забыла, она не знает, сколько ей лет. Идея выбора ставит ее в тупик. Приемная семья старается помочь ей «делать выбор», но Себе все еще трудно ухватить это. Я попросил Себу постараться как можно лучше нарисовать человечка. Она ответила, что делает это первый раз в жизни. Вот, что у нее получилось:

Даже если бы случай Себы был единственным, то и это было бы ужасно, но Себа — лишь одна из примерно 3000 домашних рабов в Париже. И этим Париж не отличается от других городов. В Лондоне, Нью-Йорке, Цюрихе, Лос-Анджелесе — во всем мире тысячи детей превращены в домашних рабов. И это только один пример рабства в мире.

Рабство — это не канувший в Лету позор. Оно продолжает существовать во всем мире, даже в таких благополучных и высоко-развитых странах, как Франция или Соединенные Штаты. Рабы трудятся до изнеможения и страдают во всем мире, производя товары, которыми вы пользуетесь. Рабы Пакистана, возможно, создали туфли, которые вы носите, и ковер, на котором вы стоите. Рабы Карибских островов произвели сахар для вашей кухни и игрушки для ваших детей. Рабы Индии выткали для вас рубашку и отполировали ваши украшения. За свой труд они не получили ничего.

Рабы касаются вашей жизни и опосредованно. Рабским трудом созданы кирпичи для фабрики, производящей телевизоры, — в том числе тот, который вы смотрите. В Бразилии рабы добывают уголь для производства стали, из которой сделаны рессоры вашей машины и лезвия вашей газонокосилки. Рабы выращивают рис, который употребляла в пищу та женщина, что выткала красивые шторы для вашего дома. Ваш пенсионный фонд владеет акциями компании, которая использует рабский труд в развивающихся странах. Благодаря рабскому труду вы платите низкие цены и получаете проценты на инвестиции.

Рабство — процветающий бизнес, и число рабов растет. Люди богатеют, используя рабов. А когда рабы «приходят в негодность» — их просто выбрасывают. Это новая система рабства, нацеленная на большие прибыли и дешевые жизни. Она не похожа на традиционное владение людьми в духе старого рабства, это полный контроль над их жизнями. Люди превратились в дешевый, легко заменяемый материал, нужный чтобы делать деньги.

Не менее десятка раз я просыпалась рано утром и видела тело молодой девушки в воде рядом с баржей. Никто не заботился о том, чтобы похоронить их. Тела просто выбрасывали в воду, на корм рыбам¹.

Это судьба молодых девушек, превращенных в проституток на золотых приисках в Амазонии. Так говорит Антония Пинто, работавшая там поварихой и сводней. В то время как прогрессивный мир сокрушается по поводу исчезновения джунглей Амазонки, мало кто обращает внимание на то, что именно рабский труд используется для их уничтожения. Мужчин заманивают туда обещаниями быстро разбогатеть на добыче золота, а девушкам, среди которых бывают и одиннадцатилетние, предлагают работу в офисах и ресторанах, обслуживающих шахтеров. Когда они приезжают в эти отдаленные районы, мужчин запирают и заставляют работать в шахтах, а девушек избивают, насилюют и превращают в проституток. Посредники, поставляющие «рабочую силу», получают небольшой гонорар за каждого обманутого — примерно \$150. Те же, кто поддался на их уговоры, превращаются в рабов, не с помощью оформления легального владения, а через непрекращаемую власть насилия. И местная полиция используется для контроля над рабами. Одна молодая женщина рассказывала: «Чтобы бить нас, хозяева публичных домов зовут полицейских... Если мы пытаемся убежать, полицейские нас ловят. И если они нас

находят, то убивают или возвращают в публичный дом, избивая всю обратную дорогу»².

Публичные дома приносят огромную прибыль. Девушку, которая стоит \$150, можно продать до десяти раз за ночь, что приносит до \$10 000 в месяц. Единственные расходы – плата полиции за услуги и жалкие гроши на еду. Если девушка проявляет неповиновение, убегает или заболевает, от нее просто избавляются и заменяют другой. Антония Пинто рассказывает, что случилось с одиннадцатилетней девочкой, которая отказалась заниматься сексом с одним из шахтеров: «Он отрубил ей голову мачете, а потом стал ездить кругом на своей моторке и показывать ее голову другим шахтерам, которые хлопали в ладоши и одобрительно кричали»³.

Как показывает история этих девушек, рабство не исчезло, к каким бы выводам по этому поводу большинство из нас ни приходило. Разумеется, мы используем слово «рабство» для обозначения множества ситуаций⁴, но слишком часто мы используем его как изящную метафору. Недостаток денег, низкие заработки, которые позволяют с трудом сводить концы с концами, можно называть рабством, но в действительности это не так. Издолщники ведут тяжелую жизнь, но они не рабы. Детский труд ужасен, но это не обязательно рабство.

Можно считать, что рабство – это вопрос владения, но дело в том, что называть владением. В прошлом рабство подразумевало легальную возможность одному человеку владеть другим человеком, но современное рабство – другое. Сегодня рабство незаконно повсюду, больше нет легальной возможности владеть другими людьми. Когда рабов покупают сегодня, никто не просит расписку или справку о собственности, однако купившие их прибегают к насилию для сохранения этой власти. Рабовладельцы наслаждаются всеми преимуществами владения без каких-либо законных оснований. Для них отсутствие легальных оснований – только к лучшему, поскольку они получают полный контроль без какой-либо ответственности за свою собственность. Поэтому я стал бы использовать новый термин «рабодержатели» вместо старого «рабовладельцы».

Несмотря на эту разницу между старой и новой системой рабства, каждый согласится, что то, о чем я говорю, – рабство: полный контроль одного человека над жизнью и судьбой другого в целях экономической эксплуатации. Современное рабство скрывается под разными масками, используя квалифицированных

адвокатов и юридические прикрытия, но как только мы сдираем маски, мы находим человеческое существо, которого с помощью насилия лишили личной свободы для того, чтобы обогащаться. Когда я путешествовал по миру, изучая новое рабство, я заглядывал под официальные маски, и я видел людей в цепях. Многие думают, что рабства в мире больше нет. Я и сам так думал всего несколько лет назад.

Первым пришел — первым обслужили

Впервые я столкнулся с отголосками рабства, когда мне было 4 года. Это одно из самых ярких моих воспоминаний. Произошло это в пятидесятые годы на юге США. Я вместе с родителями обедал в маленьком ресторане самообслуживания. Мы стояли в очереди с подносами, когда я заметил другую семью, ожидавшую за перегородкой, в то время как все другие продвигались вперед к кассе. Они пришли раньше нас, и весь жизненный опыт четырехлетнего ребенка подсказывал мне, что они должны быть впереди нас в очереди. Чувство справедливости подтолкнуло меня вперед. Я подошел к ожидавшей в стороне семье и сказал: «Вы пришли раньше, вы должны стоять впереди нас». Глава этой афро-американской семьи растроганно посмотрел на меня, а мой отец подошел и положил руку мне на плечо. Казалось, атмосфера вокруг сгустилась от невысказанных эмоций. Напряжение смешивалось с горьким одобрением, взрослые столкнулись с наивным поведением ребенка, никогда не слышавшего о расовой сегрегации. Молчание затягивалось, пока наконец глава черного семейства не прервал его словами: «Все в порядке, мы просто ждем знакомого. Возвращайся в очередь».

Мои родители не были радикалами, но они учили меня ценить справедливость и равенство в отношениях с людьми. Они верили, что идея равенства — одна из важнейших американских ценностей, и никогда не одобряли расизм и сегрегацию. Но иногда необходима детская простота и наивность, чтобы пробиться через толщу привычки и обычая. Напряженность того момента осталась жить во мне, хотя прошли годы, пока я начал понимать, что же чувствовали тогда взрослые. Я рос, и я был счастлив видеть, что столь вопиющие проявления сегрегации исчезли. Мысль, что в мире все еще может существовать рабство — не похожее на сегрегацию, — не приходила мне в голову. Каждый американец знал, что рабство закончилось в 1865 году.

Разумеется, рост неравенства в американском обществе заставлял задуматься над рабством прошлого. Я понимал, что Соединенные Штаты, бывшие когда-то рабовладельческим обществом, все еще страдают от непродуманности программы эмансипации. Вскоре после эпохальной декларации об освобождении Линкольна был принят закон Джима Кроу, который закрывал путь недавним рабам к политической и экономической власти. Я стал понимать, что эмансипация – это не событие, а процесс, которому еще развиваться и развиваться. Будучи начинающим социологом, я стремился исследовать последствия этого незаконченного процесса: я изучал убогие жилищные условия, различия в медицинском обслуживании, проблемы совместного обучения, расовые проявления в законодательной системе. Но я рассматривал это как последствия ушедшего рабства, проблему серьезную, но разрешимую.

Только после того, как я переехал в Англию в начале восьмидесятых, я узнал о существовании реального рабства. На многочисленном митинге я наткнулся на маленький стенд, организованный Международным союзом против рабства (Anti-Slavery International). Я взял с собой несколько брошюр и был потрясен тем, что прочел. Это не было откровением, но во мне росло желание узнать больше. Я не понимал, как может нарушаться основное право – право на свободу. Оно оказалось ничем не гарантированным, и казалось, что никто этого не замечает и не волнуется по этому поводу. Миллионы людей боролись против ядерной угрозы, против системы апартеида в Южной Африке, против голода в Эфиопии, а рабства как бы и не существовало. Чем глубже я осознавал это, тем больше понимал, что должен что-то сделать. Рабство недопустимо. Это ведь не просто кража того, что произвели другие, это кража чужой жизни. Это ближе к ужасу концентрационных лагерей, чем к проблеме плохих условий труда. Здесь нечего обсуждать, рабство необходимо остановить. И я спросил себя: что я могу сделать, чтобы положить конец рабству? Я решил использовать свой опыт социального исследователя, и я начал проект, результатом которого стала эта книга.

Сколько в мире рабов?

На протяжении нескольких лет я собирал каждую крупницу информации, которую только мог найти, о рабстве в современном мире. Я работал в библиотеке ООН и в Британской библиотеке, я обращался в Международную организацию труда (МОТ), право-

защитные и благотворительные организации. Я разговаривал с социальными антропологами и экономистами. Я понял, что получить достоверную информацию о рабстве практически невозможно. Даже когда предъявляются фотографии и документы, официальные лица отрицают существование рабства. Правозащитные организации, напротив, стремятся доказать его существование. Они публикуют показания жертв и свидетелей, пытаются опровергнуть официальные заявления и показать широкую распространенность рабства в мире. Так кому же верить?

Я попытался собрать вместе все свидетельства, которые я только смог найти, страна за страной. Если кто-то говорил о людях, попавших в рабскую зависимость, я брал это на заметку. Когда два человека независимо друг от друга утверждали, что знают о случаях рабства, я начинал чувствовать себя более уверенно. Я встречал случаи, когда исследователи этой проблемы работали в различных частях одной и той же страны и даже не подозревали о существовании друг друга. Я читал все отчеты, которые только мог найти, и спрашивал себя: «Чему же можно верить? Какое число рабов в мире можно считать достоверным?» Позже я добавил к тому, что уже знал, результаты собственного исследования, стараясь сдерживать эмоции. Если у меня были хоть какие-то сомнения в данных, я не принимал их в расчет. Не будем забывать, что рабство – это теневой, незаконный бизнес, поэтому вряд ли можно найти какую-либо статистику. Мы можем только предполагать.

Моя оценка: на сегодняшний день в мире существует 27 миллионов рабов.

Эта оценка гораздо ниже тех цифр, которые предлагают некоторые правозащитники, полагающие, что в мире существует не менее 200 миллионов рабов. Но я верю в свои результаты и оценки, и они соответствуют тому строгому определению рабства, которое я дал. Большую часть из этих 27 миллионов, возможно, от 15 до 20 миллионов, составляют кабальные рабочие в Индии, Пакистане, Бангладеш и Непале. Кабальная зависимость или долговое рабство возникает, когда люди отдают себя в залог за долги, или они наследуют такой долг от родственников (мы подробно поговорим об этом далее). Кроме того, очаги рабства сконцентрированы в Юго-Восточной Азии, Западной Африке, некоторых частях Южной Америки (хотя рабы существуют практически в каждой стране мира, включая США, Японию, европейские страны).

В настоящее время рабов в мире больше, чем было вывезено из Африки во времена трансатлантической работорговли. Можно сформулировать и по-другому: в настоящее время жителей страны рабства больше, чем жителей Канады, а население Израиля они превосходят в шесть раз.

Рабов обычно используют на простых, нетехнологичных, традиционных работах. Самая большая группа занята в сельском хозяйстве. Но рабский труд используется и в других областях: в производстве кирпича, в работе на шахтах, в проституции, обработке драгоценных камней и изготовлении ювелирных украшений, производстве одежды и ковров, домашнем хозяйстве. Рабы рубят лес, добывают древесный уголь, работают в магазинах. Обычно подобная деятельность ориентирована на местное потребление, но мы можем найти товары, произведенные рабами, повсюду. Ковры, фейерверки, украшения, изделия из металла сделаны рабами. А еще крупы и сахар, которые производятся рабским трудом и импортируются в Северную Америку и Европу. Кроме того, большие международные корпорации, действуя через посредников в третьем мире, пользуются рабским трудом, чтобы улучшить свое положение и увеличить доходы акционеров.

Но ценность рабов заключена не столько в тех конкретных вещах, которые они производят своим тяжелым трудом, сколько в объеме работы, которую можно из них выжать. Рабы часто вынуждены спать рядом со своими ткацкими станками или печами по обжигу кирпичей, иногда они прикованы цепью к своему рабочему месту. Не спать означает для них — работать. В нашем мире глобальной экономики одним из стандартных объяснений, почему фабрики закрываются в развитых странах и открываются в странах третьего мира, является дешевизна рабочей силы, то есть — экономия. Рабский труд может составлять существенную часть такой экономии. Никакие оплачиваемые рабочие — даже самые высокоэффективные — не в состоянии экономически конкурировать с рабами, которым не платят вовсе.

Имеет ли значение раса?

В современной системе рабства раса мало что значит. В прошлом этнические или расовые различия использовались, чтобы объяснить и оправдать рабство. Эти различия давали основания рабовладельцам говорить о допустимости рабства или даже о его полезности для рабов. То, что рабы были другими, являлось

поводом для использования насилия и жестокости в целях обеспечения контроля над иным человеческим существом. Эта непохожесть могла быть самой разной – религиозной, племенной, это могли быть различия в цвете кожи, языка, обычаев или даже экономического положения. Любое из этих оснований могло быть использовано и использовалось для демаркации рабов и рабовладельцев. Поддержание легитимности этой системы идей требовало огромных идеологических усилий, причем, чем нелепее была идея, тем яростнее она защищалась. Американские отцы-основатели были вынуждены пойти на самые изощренные этические, лингвистические и политические трюки, чтобы объяснить, почему их «земля свободы» является таковой только для белых³. Многие из них понимали, что, допуская рабство, они предают самые важные свои идеалы. Они пошли на этот шаг потому, что рабство в то время приносило большие деньги большому числу людей в Северной Америке. Но они предпринимали серьезные усилия, чтобы сформулировать юридические и политические обоснования рабства, поскольку чувствовали необходимость морально оправдать свое экономическое решение.

Сегодня «мораль денег» отодвигает на второй план все остальные соображения. Большинство работодателей не чувствует никакой необходимости обосновывать или оправдывать используемый ими способ найма и содержания рабочей силы. Рабство – очень выгодный бизнес, именно это и является его достаточным основанием и оправданием. Не стесненные представлениями о рабах как о других, непохожих, современные работодатели изменили спектр оснований для порабощения. Это дает им огромное преимущество: возможность превращать в рабов своих же сограждан способствует поддержанию их низкой цены. Рабы в Южной Америке в XIX веке были очень дороги. В том числе и потому, что их надо было привезти за тысячи миль из Африки. Если же рабов можно получить в ближайшем городе или регионе, то транспортные расходы сокращаются. И вместо вопроса «А тот ли у них цвет кожи, чтобы стать рабами?» встает вопрос «Принесут ли они достаточно прибыли, чтобы превращать их в рабов?» Основания порабощения сегодня не связаны с цветом кожи или религией, они основаны на слабости, легковерии и нищете.

Это верно, что в некоторых странах существуют этнические и религиозные различия между рабами и рабовладельцами. В Пакистане, например, большинство попавших в рабскую зависимость производителей кирпича – христиане, тогда как работода-

тели – мусульмане. В Индии рабы и рабовладельцы могут принадлежать к разным кастам. В Таиланде они происходят из разных географических регионов страны, и среди рабов больше женщин. Но в то же время в Пакистане живут свободные христиане, а в Индии – люди одной и той же касты могут быть как рабами, так и свободными. Принадлежность к определенной касте или религии означает только большую уязвимость, но не является причиной порабощения. Только в одной стране – Мавритании – существует расовое рабство старого образца: рабы – черные, тогда как рабовладельцы – арабы, и именно раса является ключевым разграничением. Безусловно, в некоторых культурах расовые различия выражены ярче, чем в других. Так, японская культура акцентирует внимание на особом отличии японцев от других, поэтому проститутки-рабыни в Японии в основном – выходцы из Таиланда, Филиппин, Европы, хотя иногда можно встретить и японок. Но даже в этом случае основное различие не расовое, а экономическое: японские женщины отнюдь не так уязвимы и бесправны, как тайландские или филиппинские. Кроме того, закабаленных тайландок-проституток легко привезти в Японию, поскольку эта форма рабства очень распространена на Таиланде. Аналогичные ситуации встречаются в богатых нефтью районах Саудовской Аравии и Кувейта, где в рабстве у арабских мусульман можно встретить индуистов из Шри Ланки, христиан с Филиппин, мусульман из Нигерии. И здесь основной разграничительной чертой является бедность, а не цвет кожи. За этническими различиями скрываются реалии экономического неравенства. Если все левши в мире вдруг впадут в нужду, то очень скоро появятся те, кто станет их хозяевами. Современные рабодержатели – хищники, прекрасно осведомленные о слабости других, они быстро приспособливают старую практику к условиям новой глобальной экономики.

Расцвет нового рабства

Рабство существовало на протяжении тысяч лет. Оно прошло через все великие эпохи прошлого. И в Древнем Египте, и в Древней Греции, и в Римской империи рабство было неразрывной частью всей социальной системы⁶. Через американскую и бразильскую рабовладельческие системы XIX века официальное рабство вошло в ту часть света, которую мы называем развитым миром. Рабство никогда не исчезало, оно просто принимало разные

формы. Основа рабства, полный контроль одного человека над жизнью и судьбой другого, сохранилась, но в самом рабстве есть существенные изменения.

Два фактора оказались решающими в переходе от традиционного рабства к его новым формам. Первый – резкий рост населения в мире после второй мировой войны. С 1945 года, население мира увеличилось с 2 миллиардов до примерно 5–7 миллиардов. Самый значительный рост пришелся именно на те страны, в которых мы сейчас наблюдаем расцвет новой системы рабовладения. В Юго-Восточной Азии, Индии, Африке, арабских странах население более чем утроилось, эти страны переполнены детьми. Более половины населения в некоторых из этих стран моложе 15 лет. В странах, которые и без того уже были бедными, подобный рост населения практически исчерпал имеющиеся ресурсы. Не имея работы, подавленные страхом перед наступающей нищетой, люди впадали в отчаяние, а человеческая жизнь дешеvela. В тех районах, где рабство существовало как историко-культурный феномен, демографический взрыв привел к росту предложения кабальной рабочей силы и падению ее цены.

Второй фактор состоит в том, что одновременно с демографическим взрывом в странах третьего мира проходили модернизационные процессы, породившие резкие социальные и экономические перемены. В большинстве развивающихся стран модернизация привела к невиданному обогащению элит и растущему обнищанию большинства населения. Кроме того, в Азии и Африке последние 50 лет были отмечены гражданскими войнами и чередой доморощенных диктаторов, часто поддерживаемых одной из супердержав. Чтобы удержаться у власти, правящая клика платила огромные деньги за оружие, отдавая в залог собственные страны. Мало-помалу традиционный образ жизни и производства были принесены в жертву получению быстрых прибылей. Бедные семьи лишились прежних способов преодолевать кризисы. Традиционалистские сообщества, при всей их жесткой регламентации поведения людей, основывались на отношениях родства и ответственности, которые обычно помогали людям пройти через кризисные ситуации, такие, как смерть кормильца, болезнь или неурожай. Модернизация и глобализация мировой экономики разрушили и эти традиционалистские семьи, и те малые сельскохозяйственные производства, которые давали им средства к существованию. Вынужденный переход к рыночному сельскому хозяйству, потеря общей земли, а также политика правительств,

которые занижали доходы фермеров ради дешевого хлеба для горожан, привели к банкротству миллионов крестьян и вытеснению их с земли, подчас – в рабство.

Модернизация имела и позитивные последствия, значительно улучшив состояние здравоохранения и образования, однако сосредоточение земли в руках элит и ее использование в целях рыночного экспорта сделало бедных гораздо уязвимее. В силу того что правящая элита в развивающихся странах сосредоточена на экономическом росте, причем не только в целях удовлетворения групповых интересов, но и следуя требованиям международных финансовых институтов, она мало обращает внимания на поддержание уровня жизни населения. В то время как богатые в странах третьего мира богатеют, на долю бедных остается все меньше и меньше возможностей. И в рушащемся мире стремительных социальных перемен одна из таких возможностей – рабство.

Конец холодной войны только усугубил ситуацию. Вот как описывает это Уильям Грейдер.

Одна из наиболее впечатляющих особенностей глобализации в эпоху окончившейся холодной войны – это то, с какой легкостью деловые круги и правительства в капиталистических демократиях отказались от ценностей, демонстративно поддерживаемых ими в период войны с коммунизмом, таких, как индивидуальные свободы и политическая легитимность, основанная на свободных выборах. Забота о человеческих правах, включая свободу собрания рабочих, были отодвинуты в сторону коммерческими соображениями. Международное сообщество стремительно погружается в новые рыночные отношения, при которых правительства контролируют и дискриминируют собственных граждан⁷.

Мы можем добавить: некоторые из этих стран закабаляют собственных граждан, тогда как другие закрывают глаза на существование рабства, приносящего фантастические барыши.

Старое и новое рабство. Корруптированность правительств, демографический взрыв и продолжающееся обнищание – вот источники рабства в современном мире. Впервые в истории человечества возникла ситуация переизбытка потенциальных рабов. Это подлинно драматическая иллюстрация закона спроса-предложения: при таком предложении потенциального товара его цена

становится ничтожной. Рабы сейчас настолько дешевы, что их использование стало эффективным в ряде новых видов деятельности, полностью поменяв представления об эффективности применения рабского труда. Вспомните компьютеры. Сорок лет назад существовало ничтожно мало компьютеров, они стоили сотни тысяч долларов и использовались только в крупных компаниях или правительственных учреждениях. Сегодня существуют миллионы персональных компьютеров. Можно купить подержанный, но вполне работоспособный компьютер всего за \$100. Пользуйтесь этим стодолларовым компьютером год или два, а когда он сломается – просто выбросите, не заботясь о ремонте.

То же самое происходит с новыми рабами. Покупка раба более не является, как это было в условиях старой рабовладельческой системы, серьезным капиталовложением, подобно покупке дома или машины, сейчас она скорее напоминает покупку дешевого велосипеда или компьютера. Нынешние работодатели выжимают своих рабов до последней капли, а затем просто выбрасывают. Сама природа отношений между рабами и рабовладельцами поменялась. Новые условия резко подняли величину прибыли, которую можно выжать из раба, сократили время нахождения в рабской зависимости и сделали незначимым вопрос о легальном владении. Когда рабы стоили значительную сумму денег, нужно было обезопасить эти вложения, что и делалось посредством официальной регистрации права собственности. Рабы в прошлом стоили и того, чтобы их красть, и того, чтобы их разыскивать в случае побега. Сегодня рабы стоят так мало, что нет смысла возиться с оформлением постоянного, «легального» права собственности. Рабы стали одноразовыми.

Сегодня в мире продолжительность кабальной зависимости значительно разнится. Там, где практикуется рабство старого образца, рабство – вечно. Мавританская женщина, рожденная в рабстве, скорее всего, останется рабыней на всю свою жизнь. Если у нее будут дети, они также будут рабами. И так продолжается из поколения в поколение. Но сегодня большинство рабов попадет в кабальную зависимость на непродолжительное время, некоторые – всего на несколько месяцев. Содержание рабов, если они не приносят немедленной выгоды, просто нерентабельно. В подобных обстоятельствах нет никаких причин вкладывать деньги в содержание рабов и очень мало причин заботиться о том, чтобы они пережили свое рабство. Хотя рабы на американском Юге находились в ужасающих условиях, тем не менее были

серьезные резоны поддерживать их жизнь на протяжении многих лет. Рабы были как бы ценным поголовьем скота: владелец плантации должен был вернуть затраченные на них деньги. Имело также смысл «разводить» их – было гораздо дешевле вырастить рабов самому, чем покупать их взрослыми. В настоящее время ни один работодателю не станет тратить деньги на содержание младенцев, поэтому женщины, попадающие в рабскую зависимость, особенно те, кто становится проститутками, предохраняются от зачатия. Кроме того, нет никаких оснований защищать рабов от болезней или травм – медицина стоит денег, дешевле позволить рабам умереть.

Можно свести основные различия между старым и новым рабством в следующую таблицу.

Старое рабство	Новое рабство
Оформление официального права собственности	Уклонение от оформления права собственности
Высокая цена рабов	Очень низкая цена рабов
Невысокие прибыли	Очень высокий уровень прибыли
Недостаток потенциальных рабов	Перенасыщение потенциальных рабов
Долгосрочные отношения	Краткосрочные отношения
Рабы сохраняются	Рабы заменяются
Этнические различия важны	Этнические различия не имеют значения

Поясним приведенные различия на конкретном примере. Возможно, наиболее изученной системой рабовладения старого образца была система, существовавшая на американском Юге до 1860 года⁸. Рабы были дороги, и в них испытывался недостаток, поскольку новые эмигранты, прибывающие из Европы, могли найти другую работу или даже начать собственное фермерское хозяйство на активно осваиваемом Западе. Высокий спрос на рабов, естественно, отражался на их цене. К 1850 году сельскохозяйственный рабочий стоил в среднем от \$1000 до \$1800. Это составляло примерно от 3 до 6 годовых зарплат рабочего того времени, или, переводя на современный эквивалент, от \$50 000 до \$100 000. Несмотря на высокую цену, рабы приносили невысокий доход – в среднем около 5% в год. Если цены на рынке хлопка росли, то плантатор мог получить неплохую прибыль, но если це-

ны падали, то ему нередко приходилось продавать рабов, чтобы сохранить плантацию. Право собственности было четко зафиксировано счетами продаж с внесенным в них именем владельца, рабов можно было использовать как гарантию залога или как средство расчета по долгам. Часто обращение с рабами было жестоким в целях сохранения контроля над ними, но вместе с тем они рассматривались как ценное капиталовложение. И, наконец, существовала резкая расовая граница между рабовладельцем и рабами, настолько значимая, что даже 1/8 «черной» крови означала пожизненное рабство⁹.

Для сравнения рассмотрим сельскохозяйственного раба в Индии, попавшего в кабальную зависимость в наши дни. Сегодня ценится не столько рабочая сила, сколько земля. Индия переживает демографический взрыв, избыток рабочей силы означает, что свободный рабочий вынужденно конкурирует с рабом. Давление, оказываемое на заработки в сельском хозяйстве, подталкивает свободных рабочих к кабальной зависимости. Когда свободный крестьянин испытывает недостаток в деньгах, когда урожай плох или когда заболевает один из членов семьи и ему требуется медицинская помощь, выбор невелик. Столкнувшись с подобными проблемами, крестьянин обычно обращается к владельцу земли с просьбой о долге, но поскольку у него нет никаких накоплений, то гарантом долга выступает его собственная жизнь и жизнь его близких. Сумма долга может составлять от 500 до 1000 рупий (примерно от \$12 до \$23). Процент по долгу не оговорен – попавший в кабальную зависимость должен работать на хозяина до тех пор, пока тот не сочтет долг выплаченным. Это может тянуться на протяжении двух или трех поколений, как посчитает нужным хозяин, который может также продать детей должника за долги. Функционально – это модель рабства, но она отличается от старой рабовладельческой системы по пяти пунктам из семи, упомянутых в таблице.

Во-первых, никто не стремится юридически оформить рабовладение. Раб удерживается в кабальной зависимости силой, зачастую – взаперти, но никто не настаивает на оформлении того, что он – чья-то собственность. Во-вторых, закабаленный рабочий сам отвечает за свое содержание, тем самым снижая расходы работодателя. Рабы могут поддерживать свое существование по-разному: перебиваться крохами из того, что они произвели для своего хозяина, использовать «свободное время» для того, чтобы как-то добыть пропитание или получать кое-какую еду или денежное

содержание от рабодержателя. Хозяева не обеспечивают своим рабам регулярную поддержку, они могут перестать снабжать их едой или вообще прекратить всяческую помощь, если закабаленный работник теряет работоспособность или нужда в нем отпадает.

В-третьих, если закабаленный работник больше не может работать из-за болезни или увечья, или необходимости в его труде больше нет, хозяин, который не несет никакой ответственности за содержание раба, его просто выгоняет. Часто рабодержатель имеет официально безупречный, но по сути ложный документ, который кабальный работник подписывает под давлением. Подобные документы нарушают целый ряд существующих индийских законов и ссылаются на законодательные акты, никогда не существовавшие или отмененные десятилетия назад, но они регулярно используются, чтобы подтвердить право удерживать и использовать кабального работника. Эти документы также оправдывают изгнание заболевшего работника, поскольку они оговаривают ответственность только со стороны закабаленных, рабодержатели же не имеют никаких обязательств.

В-четвертых, этническая дифференциация не так резко выражена, как в старой рабовладельческой системе. Как уже отмечалось, кабальные рабочие чаще всего принадлежат к более низким кастам, чем рабодержатель, но отнюдь не всегда. Основные параметры дифференциации задаются богатством и властью, а не кастой.

И, наконец, основное различие между старым и новым рабством заключается в прибылях, которые приносят кабальные работники. Рабский труд в сельскохозяйственном секторе Индии приносит рабодержателям не 5%, как когда-то на американском Юге, а более 50% в год. Эти высокие прибыли определяются частично низкой ценой раба (то есть небольшими капиталовложениями), но вместе с тем этот процент прибыли отражает неэффективность старомодного мелкого сельского хозяйства – практически все другие формы современного рабства гораздо более прибыльны.

Закабаление сельскохозяйственных рабочих в Индии все еще несет в себе некоторые черты старой рабовладельческой системы, такие, как владение рабом, на протяжении длительного времени. Более наглядный пример нового рабства мы можем увидеть в случае молодой женщины, закабаленной обманным путем и вынужденной работать проституткой в Таиланде. Демографический взрыв в Таиланде, без сомнения, обеспечивает более чем достаточное количество потенциальных рабов, а быстрые экономические перемены ведут к новому уровню унижения и безысходности.

Девушек из сельских районов часто заманивают в город обещаниями работы в ресторанах или на фабриках. В этом случае нет никаких этнических различий между рабами и рабовладельцами: тайские девушки закабаляются тайскими же содержателями борделей. Единственное различие, которое иногда встречается, состоит в том, что девушки – жители сельских районов, тогда как содержатели борделей – горожане. Иногда девушек продают родители, иногда их обманывает агент, но в любом случае, оказавшись вне дома, девушки подвергаются насилию и продаются в публичный дом. И здесь девушка попадает в долговую зависимость – она должна выплатить содержателю публичного дома те деньги, которые он за нее заплатил, плюс проценты, которые приносит проституция. Иногда используется ложный контракт, в котором обозначается какая-нибудь не связанная с истинным положением дел работа, например, на фабрике, но это делается не всегда. Расчет долга и процентов, конечно, находится полностью в руках хозяина борделя и ведется так, как ему кажется нужным. Используя этот трюк, он может удерживать девушку столько, сколько захочет, не нуждаясь в официально оформленном праве собственности. Публичный дом вынужден кормить девушку и поддерживать ее привлекательность, но если она заболевает или «старее», ее выбрасывают на улицу. В современном Таиланде от девушки часто избавляются, когда результаты ее ВИЧ-теста оказываются положительными.

Подобная форма долговой кабалы оказывается невероятно выгодной. Девочку 12–15 лет можно купить за \$800–\$2000, расходы на ее содержание в публичном доме невысоки. А прибыльдоходит до 800 процентов в год. И этот уровень дохода можно выжимать из девушки на протяжении 5–10 лет. После этого, особенно если девушка ВИЧ-инфицирована, она оказывается на свалке.

Формы нового рабства. Описанное на бумаге в точных категориях, новое рабство кажется очень ясным и понятным. На самом деле оно такое же запутанное, динамичное, меняющееся и сложное, как любые другие формы отношений между людьми. Не существует одной-единственной формы рабства, так же, как и не существует одной-единственной формы брачных отношений. Люди изобретательны и адаптивны, а потому метаморфозы людской жестокости и форм эксплуатации – бесконечны. Лучшее, что можно сделать, изучая рабство, это установить основные параметры этого явления, а затем исследовать конкретные примеры.

Одна из важнейших характеристик – насилие, все типы рабства опираются на насилие, оно удерживает рабов в узде. Для кого-то из рабов насилие может остаться только угрозой, для другого же – превратиться в самое жестокое обращение. Другая важная характеристика – продолжительность рабства. Кратковременная рабская зависимость типична для нового рабства, однако «кратковременная» может означать как десять недель, так и десять лет. Еще один существенный аспект – потеря рабом контроля над собственной жизнью и продолжающиеся «обязательства» по отношению к работодателю. Реальное воплощение, которое приобретают эти обязательства, может меняться, однако, используя эту характеристику, мы можем выделить три основные формы рабства.

Рабский труд. Эта форма наиболее близка к старому рабству. Человеческое существо захватывается, либо рождается, либо продается в постоянное рабство, при этом часто оформляется право собственности. Дети раба обычно также являются собственностью рабовладельца и могут быть им проданы. Иногда эти рабы могут содержаться как элементы демонстративного потребления. Подобные формы рабства чаще можно встретить в Северной и Западной Африке, а также в некоторых арабских странах, но они составляют очень небольшую долю рабов в современном мире. Мы подробнее остановимся на этой форме рабства в главе 3, описывая рабский труд в Мавритании.

Долговая зависимость – самая распространенная форма рабства в современном мире. Человек становится залогом за деньги, полученные в долг, но продолжительность и характер зависимости не определены, и работа не уменьшает суммы первоначального долга. Долг может распространяться и на следующие поколения, закабалая потомков должника, более того, «неуплата» долга может наказываться захватом или продажей детей в дальнейшую долговую зависимость. Право владения обычно не оформляется, но существует полный физический контроль над поработенными работниками. Долговое рабство наиболее распространено в Индостане. Мы увидим это в главах 5 и 6, посвященных Пакистану и Индии.

Рабство по контракту показывает, как можно использовать современные трудовые отношения для того, чтобы замаскировать новые формы рабства. Обычно предлагаются контракты, гарантирующие занятость на каком-нибудь предприятии или фабрике, но когда рабочих привозят на место работы, они обнаруживают, что превращены в рабов. Контракт используется как приманка,

чтобы превратить свободного человека в раба, а также, чтобы придать рабству вид легитимных рабочих отношений. В случае возникновения правовых вопросов предъявляется контракт, но в действительности «работник по контракту» является просто рабом, которому угрожают насилием, лишают свободы передвижения и ничего не платят. Эта форма рабства является в настоящее время второй по величине и растет наиболее быстро. Чаще всего контрактное рабство можно найти в Юго-Восточной Азии, Бразилии, в некоторых арабских странах, в отдельных районах Индостана. Мы рассмотрим эту форму рабства в главах 2 и 4, посвященных Таиланду и Бразилии.

Эти формы рабства не исключают одна другую. Контракты могут быть заключены в рамках системы рабского труда, чтобы скрыть его природу. Девушки, вынужденные заниматься проституцией по условиям долгового рабства, иногда имеют контракты, где оговариваются их обязанности. Важно помнить, *что все эти люди превращены в рабов насильно и удерживаются в рабстве вопреки их воле в целях эксплуатации*. То, о чем мы сейчас говорим, просто способ, позволяющий нам проследить различные формы рабства и выяснить, как можно бороться с этим явлением.

Небольшая доля рабов попадает в другие легко идентифицируемые формы рабства. Они специфичны для конкретных географических регионов или политических ситуаций. Хороший пример рабства, связанного с политикой, это то, что называют военным рабством; сюда же относится рабство, поддерживаемое правительством. В сегодняшней Бирме широко распространены захват и удержание в рабстве гражданских лиц правительством и армией. Десятки тысяч мужчин, женщин, детей используются как носильщики в ходе военных кампаний против местных жителей или как рабочие в правительственных строительных проектах. Военная диктатура Бирмы не считает, что владеет людьми, которых поработила, — напротив, она отрицает порабощение кого бы то ни было, но Госдепартамент США и правозащитные организации подтверждают, что для удержания большого числа людей в рабской зависимости используется насилие. В данном случае вновь мотивом выступает экономическая выгода: не столько получение прибыли, сколько снижение транспортных или производственных расходов в ходе военной кампании или стоимости рабочей силы в строительных проектах. Один из основных проектов — строительство газопровода, которое Бирма осуществляет совместно с американской нефтяной компанией Unocal, французской нефтя-

ной компанией Total, тайландской компанией PTT Exploration and Production. Эти три компании часто принимают участие в международных совместных инвестиционных фондах. Тайландская компания, частью которой владеет тайландское правительство, рекомендуется одним из совместных фондов как «семейные» вложения. На строительстве газопровода тысячи закабаленных рабочих, включая стариков, беременных женщин, детей, вынуждены под ружейным прицелом расчищать землю для строительства железной дороги рядом с газопроводом¹⁰. Военное рабство уникально: оно осуществляется правительством, тогда как в основном рабство существует несмотря на него.

В некоторых частях Карибского бассейна и Западной Африки детей отдают или продают в домашнее рабство. Их иногда называют *restaves* – «остающийся». Право собственности не оформляется, но над ребенком устанавливается строгий контроль, опирающийся на насилие. Домашняя работа, выполняемая попавшими в рабство детьми, обеспечивает хороший возврат вложений на содержание домашнего хозяйства в порядке. Это культурно одобренная форма отношения к «лишним» детям; некоторые из них находят доброе к себе отношение, но для большинства из них – это рабство, которое продолжается, пока они не станут взрослыми¹¹.

Рабство может быть также связано с религией, как в случае индийских женщин девадаси, о которых мы будем говорить в главе 6, или детей в Гане, которые становятся ритуальными рабами¹². Несколько тысяч девушек и молодых женщин в юго-восточной Гане, Того, Бенине, юго-западной Нигерии переданы их собственными семьями местным шаманам в качестве рабынь. В силу обычая, весьма чуждого западным представлениям, девушки становятся рабынями во искупление грехов, совершенных членами их семей, один из которых – изнасилование. Девушки и сами могут быть «плодом» насилия, и их рабство рассматривается как способ умиротворения богов за этот или другие грехи, совершенные их родственниками-мужчинами. Девушка, которая обязательно должна быть девственницей, становится рабыней местного священника в возрасте примерно 10 лет. Она остается со священником, готовя для него еду, убирая жилище, выращивая овощи, удовлетворяя его сексуальные потребности, до тех пор, пока он не освободит ее, обычно после рождения нескольких детей. К этому моменту семья рабыни может предоставить другую девочку на замену. Конституция Ганы запрещает рабство, но подобная прак-

тика уходит корнями в религиозные убеждения сельских жителей и самих служителей культа.

Как показывают эти примеры, рабство приходит в мир в различных формах. Более того, рабство можно обнаружить фактически в любой стране. Недавнее расследование в Великобритании обнаружило молодых девушек, удерживаемых в рабстве и превращенных в проституток, в Бирмингеме и Манчестере¹³. Закабаленные домашние рабочие были найдены и освобождены в Лондоне и Париже. В Соединенных Штатах были обнаружены сельскохозяйственные рабочие, которых запирали в бараках и вынуждали работать под ружейным прицелом. Обращенные в рабство тайландские и филиппинские женщины были найдены и освобождены в публичных домах Нью-Йорка, Сиэтла, Лос-Анджелеса¹⁴. Этот список можно продолжать и продолжать. Практически во всех странах, в которых рабство «не может» существовать, можно найти рабов — хотя, следует отметить, в меньшем количестве, чем в Индостане или некоторых регионах Дальнего Востока. Важно то, что рабы образуют безбрежный океан рабочей силы, поддерживающей глобальную экономику, с которой мы все связаны.

Новое рабство и глобальная экономика

Какую же долю составляет рабский труд в глобальной экономике? Понятно, что определить точный вклад очень сложно, поскольку нет никакой достоверной информации о большинстве форм рабства. Тем не менее некоторые приблизительные оценки возможны.

Сельскохозяйственные рабочие, попавшие в кабалу после получения в долг суммы примерно в \$50 (ее можно рассматривать как стоимость покупки рабочей силы), приносят до 100% чистой прибыли работодателю. Если в мире существует примерно 18 миллионов таких рабочих, порождаемый ими годовой доход составит порядка \$860 миллионов, пусть и распределенных среди примерно 5 миллионов рабовладельцев. Если 200 000 женщин и детей — вполне достоверная оценка — вынуждены заниматься проституцией и если мы примем за образец схему организации этого бизнеса в Таиланде, тогда эти рабы приносят годовой доход в \$10,5 миллиардов.

Если усреднить эти суммы и учесть, что в мире существует 27 миллионов рабов, то годовой доход, приносимый рабами, составит около \$13 миллиардов. Это очень грубая оценка. Конечно,

в глобальной перспективе это сумма невелика, \$13 миллиардов – это примерно столько, сколько голландцы потратили в прошлом году на туризм, или существенно меньше стоимости компании Майкрософт, основанной Биллом Гейтсом.

Хотя непосредственное значение рабского труда в мировой экономике может казаться относительно небольшим, косвенное его влияние оказывается очень существенным. Например, добываемый рабами древесный уголь является определяющим в производстве стали в Бразилии. Большая часть этой стали далее идет на производство машин, деталей и других товаров, которые составляют до четверти бразильского экспорта. Только Великобритания импортирует товаров из Бразилии на сумму до \$1,6 миллиардов ежегодно, Соединенные Штаты – значительно больше¹⁵. Рабство сокращает производственные расходы; эта экономия может передаваться по всей экономической цепочке, в конце концов достигая магазинов в Европе или Северной Америке в виде более низких цен или более высокого уровня прибыли для торговцев. Товары, непосредственно произведенные рабами, экспортируются, повторяя тот же самый шаблон. Более вероятно, что товары, непосредственно произведенные рабами или собранные из произведенных ими частей, скорее увеличивают прибыль, чем снижают потребительские цены, поскольку они вливаются в общий поток продукции. Мне хочется верить, что большинство западных потребителей, если бы они могли отличить товары, произведенные рабами, постарались бы избежать такой покупки, несмотря на более низкие цены этих товаров. Но потребители, ориентируясь на выгодную сделку, обычно не интересуются, почему этот продукт такой дешевый. Давайте смотреть фактам в лицо: всегда ориентируясь на более выгодную сделку, мы, возможно, выбираем продукцию, произведенную рабами, не зная, что же мы покупаем. Так рабство вплетается в мировую экономику способами, которых еще сложнее избежать. Рабочим, делающим детали компьютеров или телевизоров в Индии, можно платить такую низкую зарплату частично потому, что еда, произведенная рабами, очень дешева. Это снижает стоимость производимых ими товаров, и заводы в Северной Америке или Европе, оказавшись не в состоянии конкурировать с задаваемым ими уровнем цен, закрываются. Рабство в любом из регионов угрожает реальной занятости повсюду.

То, что рабство – международная экономическая деятельность, говорит кое-что о том, как с ним можно и как нельзя бороться: практически нет никакого экономического контроля над

рабовладением и работоторговлей. Рассмотрим для сравнения деятельность колумбийских наркобаронов. Этих людей редко арестовывают за производство или распространение наркотиков. Раз за разом их ловят на финансовых махинациях: неуплате налогов, отмывании денег, подделке финансовых документов. В конце 1996 года один из кокаиновых картелей потерял \$36 миллионов, которые были конфискованы Департаментом юстиции США по обвинению в отмывании денег. Борьба с преступниками путем расследования их финансовой деятельности и применение к ним международных экономических санкций оказалась эффективной, тем не менее эти способы борьбы редко применяются по отношению к такому преступлению, как рабовладение. Силы таких мощных организаций, как Мировой банк, органы государственного регулирования, торговые организации, региональные таможи, общества потребителей, могут быть использованы, чтобы свести на нет выгоды от использования рабов. Мы подробнее поговорим об этом в последней главе. Но мы должны понимать, как действует система нового рабства, если мы хотим хоть что-нибудь сделать, чтобы остановить ее.

Зачем покупать корову? Контроль без владения. Одним из «недостатков» старой системы рабовладения были расходы на содержание слишком молодых или слишком старых рабов. Подробный анализ функционирования хлопковых плантаций США и кофейных плантаций Бразилии в XIX веке показывает, что производительность рабов связана с их возрастом¹⁶. Дети до 10–12 лет не окупают стоимости своего содержания, хотя их ставят на работу как можно раньше. Производительность раба и выгода, которую он может принести, достигают максимума к тридцати годам и резко падают, когда раб достигает пятидесяти. Рабство приносило выгоду, но выгода уменьшалась из-за необходимости содержать «малопродуктивных» детей и стариков. Новая система рабства смогла избежать этих дополнительных расходов и таким образом увеличить прибыль.

Новая рабовладельческая система подражает мировой экономике, избегая прав владения и оформленного управления собственностью, сосредоточиваясь вместо этого на контроле и использовании ресурсов или процессов. Иными словами, это то же самое, что переход от владения колониями в XIX веке к экономической эксплуатации тех же самых стран сегодня без расходов и без проблем, связанных с поддержкой этих колоний. Межнаци-

ональные компании сегодня делают то же самое, что делали европейские империи в XIX веке, — эксплуатируют национальные ресурсы и используют преимущества дешевой рабочей силы, но избегают необходимости управлять всей страной целиком. Так и новая рабовладельческая система присваивает экономическую ценность отдельных людей, принудительно удерживая их под контролем, но без оформления прав собственности и без какой-либо ответственности за их выживание. В результате мы имеем гораздо более высокую экономическую эффективность: бесполезные и экономически невыгодные дети, старики, больные или увечные выбраковываются. Сезонные работы породили сезонное закабаление, как, например, в случае уборки сахара на Гаити¹⁷. В новой системе рабства рабы — сменная деталь, добавляемая к процессу производства по мере необходимости, но утратившая свою высокую стоимость.

Переход от владения рабом к контролю над ним и присвоению результатов его труда происходит практически во всех современных формах рабства без учета территориальных и культурных границ, не важно срезает ли раб тростник на островах Карибского бассейна, делает ли кирпичи в Пенджабе, работает ли на шахтах в Бразилии или занимается проституцией в Таиланде. Следуя образцам, заданным мировой экономической практикой, рабство утратило культурную специфику и существует в стандартизованных, или глобализованных, формах. Мир стал меньше, благодаря возрастающей легкости коммуникации. Рабовладельцы в Пакистане или Бразилии смотрят телевизор так же, как и все остальные. Когда они видят, что предприятия многих стран переходят на систему минимального хранения и точных поставок по графику сырья или рабочей силы, они делают те же самые выводы о выгоде, что и эти предприятия. «Работа на всю жизнь» исчезает из мировой экономики — как и из системы рабовладения. Экономические преимущества кратковременного закабаления существенно перевешивают расходы на покупку новых рабов, если такая потребность возникает.

Узаконенный обман. Принятые сегодня системы трудовых отношений используются, чтобы придать рабству видимость законности и скрыть его. Значительная часть рабства прячется за ширмой фальшивых трудовых контрактов, что является повсеместно принятой практикой в районах, где рабство растет наиболее быстро. Для работодателей контракты служат двум целям — завлечь жертву в ловушку и спрятать концы. Использование фальшивых

контрактов – часть глобализации рабства; основные способы закабаления с помощью фальшивых договоров одинаковы от Бразилии до Таиланда. Это позволяет ввозить рабов как в страны, где закабаление относительно легко достижимо (например, филиппинцев в Саудовскую Аравию), так и в страны, где подобное обычно не допускается. Например, по различным оценкам, в Лондоне существует до 1000 домашних рабов¹⁸, все они работают по контрактам, зарегистрированным иммиграционной службой Великобритании на момент их прибытия в страну.

Фальшивые контракты используются для достижения различных целей. Будучи показаны людям, остро нуждающимся в нормальной работе, они обладают достаточной притягательностью, чтобы заставить последних спрятаться в кузове грузовика, который отвезет их прямо в рабство. Хорошо одетые и гладко говорящие вербовщики с официальными и правдоподобно выглядящими документами привлекают внимание сельских бедняков многих стран. Уверенные, что контракт гарантирует хорошее отношение, что он четко определяет права и заработки работника, потенциальные рабы с радостью ставят свою подпись и отдают себя в руки рабовладельца. Использованный, чтобы заманить работника в рабство, увезти его далеко от дома, где уже можно использовать насилие для достижения контроля, контракт можно выбросить. Но более вероятно, что его сохранят для дальнейшего использования в интересах работодателя.

Поскольку рабство запрещено во всех странах, его необходимо скрывать. Даже там, где полиция работает рука об руку с работодателями и имеет долю в прибыли, никто не заинтересован в том, чтобы афишировать свой статус рабовладельца. Возможно даже, что местные обычаи и культура поддерживают рабство и большая часть населения знает о его существовании, но признать существование рабства – совсем другое дело. Именно в этой ситуации фальшивые контракты используются, чтобы его замаскировать. Работодатели могут легко заставить своих рабов подписать что угодно: закладную, долговое обязательство, двухсторонний контракт или контракт о работе. Если кто-то заинтересуется, на свет появляется подписанный документ, и коррумпированные правоохранительные органы устремляют взор в другом направлении. Даже в странах, где полиция в основном честная и совестливая, рабство удастся спрятать с помощью контрактов. В Британии домашние работники, ввезенные в страну, зависят в получении и средств жизни, и статуса иммигранта от своих

работодателей, чье имя вписывается в их паспорт, когда они пересекают границу страны; иными словами, закон усиливает зависимость слуги от хозяина. Согласно положениям английских иммиграционных законов, иностранцы, въезжающие в страну или посещающие ее с визитом, а также граждане, возвращающиеся домой, могут привезти с собой домашних слуг. Чиновники иммиграционной службы должны убедиться, что прислуга по возрасту достигла 17 лет и проработала в качестве домашнего работника как минимум год. Но эти правила легко обойти. Большинство слуг не говорит по-английски, и их учат, как и что они должны отвечать, если их станут расспрашивать официальные лица. Фальшивый контракт может подтвердить, что найм на работу состоялся более года назад. Главное, что никакая существующая проверка не может обнаружить раба, ввозимого в страну в качестве семейной прислуги. Как не сможет и защитить домашнего работника, когда он окажется в стране. История Лакшми Свами, взятая из книги Бриджит Андерсон «Потаенные рабы Англии», типична.

Рожденная в Индии, Лакшми Свами приехала в Англию через Кувейт по договору в качестве прислуги двух сводных сестер кувейтского эмира. Принцессы регулярно проводили 6 месяцев в году в Бейсуотере (центральный Лондон) и привозили прислугу с собой. Они относились к этим женщинам с исключительной жестокостью и в физическом, и в моральном плане: избивание ручкой швабры, проводом или хлыстом было обычным делом; Лакшми повредили глаза, бросив ей в лицо связку ключей, выдернули у нее два золотых зуба. Ей сказали, что один из четырех ее детей погиб в автокатастрофе, и избили ее, когда она не выдержала и расплакалась. И только год спустя она узнала, что это была ложь.

Живя в Лондоне, принцессы часто выезжали в 8 вечера и возвращались под утро – в 2 или 3 часа. Пока они отсутствовали, Лакшми должна была стоять у дверей точно там, где они ее оставили. По их возвращении она должна была массировать им руки и ноги и, если они были в плохом настроении, сносить их пинки, пока она делала массаж. Она спала, редко когда больше двух часов за ночь, на полу рядом с запертой кухней, утоляя жажду водой из раковины, которую запрещено было пить. Она была все время голодна и часто не получала пищу на протяжении нескольких дней. Еды было много, но вся она была в мусорном ящике, специально испорчена,

так что Лакшми не могла ее есть, даже если ей удавалось просунуть руку между решетками окна и достать еду¹⁹.

Однажды, когда входная дверь случайно осталась незапертой, Лакшми удалось бежать. Но когда она добралась до Индийского представительства в Англии, ее послали обратно к принцессам, поскольку у Лакшми не было денег на авиабилет домой. Ко всем ее бедам добавилась и юридическая составляющая: как только Лакшми убежала от своих «нанимателей», она оказалась нарушителем иммиграционных законов, привязывающих ее к своим хозяевам, и могла быть подвергнута немедленной депортации. В расследовании, проведенном Международным союзом против рабства, говорится: «Характер иммиграционных законов в той части, в которой они касаются иностранной домашней прислуги, невыдача разрешений на работу этим людям и существующее отношение к ним скорее как к придатку нанимателя, чем как к самостоятельным личностям, обладающим правами, создают ту каторгу, на которой страдают домашние работники в Англии. Министрство внутренних дел Великобритании, пусть и неумышленно, поддерживает рабство»²⁰.

Если могут быть обмануты правительства даже в странах, отвергающих рабство, таких как Британия, то представьте, как легко убедить закрыть глаза на это явление тех, кто получает от рабства выгоду. В Таиланде правительство всегда относилось к коммерческому сексу закрыв глаза и не особо стремилось заставить тех, кто живет этим бизнесом, соблюдать законы, что существенно сократило бы доходы многих официальных представителей полиции. Чрезвычайно высокая доходность рабства означает, что рабовладелец может купить политическую власть и признание. В Таиланде, Пакистане, Индии и Бразилии местная полиция выступает гарантом контрактов, за которыми прячется рабство. Полиция становится наемной силой, которую можно использовать, чтобы поймать сбежавшего раба. Эта услужливость и доступность полиции рабовладельцу выводят на еще одну важную тему, связанную с новым рабством: оно появляется тогда, когда рушится социальный порядок.

Синдром Дикого Запада. Краеугольным камнем современного общества является монополия правительства на применение вооруженного насилия. Это не значит, что насилие не встречается в странах, где развита демократия, но когда это происходит, все силы государства направляются на то, чтобы изолировать

опасного индивидуума. В нашей системе оценок беззаконие означает страх насилия в любой момент, когда правят хаос и жестокость. Порядок и безопасность означают, что существуют и законы, которым следуют большинство граждан, и официальные силы, поддерживающие эти законы. Тем, кто живет в обществе, где полиция честна, преступники обычно сидят в тюрьме, где выражение несогласия приводит к размолвке, но не к смерти, трудно вообразить степень беззакония, царящего в большинстве стран развивающегося мира. Дикий Запад в прежние времена, когда бандиты терроризировали целые города, имел репутацию беззаконного, но даже в этом пыльном прошлом шериф или представитель федерального правительства были готовы принести светлое будущее в любой ковбойский городишко. Состояние дел в некоторых регионах развивающегося мира в настоящее время много хуже.

В Европе и Северной Америке полиция борется с организованной преступностью, в Таиланде полиция – сама является одной из преступных организаций. Это же верно и для многих стран Азии и Африки: государственная монополия на насилие, монополия, которая должна защищать граждан, оборачивается против них. Это нарушение гражданского порядка часто происходит во времена быстрых социальных и политических перемен. Общество, оказавшееся в напряженных обстоятельствах, из-за эпидемии, природных катаклизмов, экономической депрессии или войны, может сломаться и впасть в состояние ужаса перед грубой силой, попирающей право. Подобные обстоятельства как раз и можно встретить в регионах, характеризующихся стремительным развитием, таких как пограничные области Бразилии или районы сельскохозяйственной миграции в Таиланде. В этих регионах переходная экономика «выдавливает» семьи с земли, оставляя их в нужде и в то же время увеличивая потребность в неквалифицированной рабочей силе в городах. Под давлением нищеты традиционные системы семейной или общинной поддержки разрушаются, но на смену им не приходят никакие эффективные государственные социальные программы. Не имея ни защиты, ни возможностей, бедные становятся крайне уязвимыми, а насилие, не встречая противодействия со стороны государства, становится абсолютно всесильным.

Рабство процветает в подобных обстоятельствах. Чтобы сохранять власть над своими рабами, рабодержатели должны иметь возможность применять насилие в той мере, в какой они

хотят, и так часто, как они хотят. Без постоянной подпитки насилием они бессильны. Старая система рабства во многих случаях регламентировала ту степень насилия, которую хозяин мог допускать по отношению к своим рабам. Часто игнорировавшееся кабальное уложение американского Юга, запрещавшее обучение рабов письму и чтению и рекомендовавшее строгую дисциплину, тем не менее защищало рабов от убийства и увечья, а также устанавливало для них минимальный стандарт еды и одежды²¹. Тем не менее это уложение давало хозяину законное право на применение любого насилия, кроме убийства. Однако если хозяину это было необходимо, закон и власть штата поддерживали бы его, поскольку государство имело право убийства (казни) рабов. Сегодня монополия на применение насилия исчезла. Она оказалась в руках не федерального закона, а вооруженной местной полиции или солдат. Действительно, мы можем сказать, что переход монопольного права на применение насилия от центрального правительства к местным головорезам более чем значим для укоренения и процветания нового рабства. Его порождает именно прямое сочетание современных и традиционных образов жизни.

Переходные зоны, где мировая индустриальная экономика сталкивается с традиционными сельскохозяйственными культурами, можно найти в любой части развивающегося мира. В точках взаимодействия часто возникают кровопролитные конфликты за право контроля над национальными ресурсами. В Амазонии продолжается небольшая, но страшная война за право распоряжаться минеральными и лесными ресурсами. У амазонских индейцев нет средств ведения современной войны, и они постоянно оттесняются со своих территорий, иногда истребляясь целыми деревнями, иногда попадая в рабство. Новые шахты, пропарывающие лес, находятся в сотнях миль от возможного правительственного контроля. Здесь правят бал те, у кого больше огневой запас, а безоружные либо выполняют приказы, либо исчезают. У малочисленной местной полиции есть выбор: либо сотрудничать с головорезами, получая свою долю прибыли, либо попытаться защитить закон и — погибнуть. Результатом является беззаконие и ужас, описанные Антонией Пинто в начале этой главы. В шахтерских поселках, где вряд ли можно ждать быстрого вмешательства правительства, выбор ясен, и грубый социальный порядок устанавливается сам по себе. Ситуация в Бразилии драматична, но те же тенденции обнаруживаются повсюду, от сельских районов Ганы

до трущоб Бангкока, от высокогорий Пакистана до деревень на Филиппинах, — и этот синдром Дикого Запада в значительной мере определяет тот комплекс мер, благодаря которому можно покончить с рабством.

От знания — к свободе

Рассматривая природу нового рабства, мы видим несколько важных тем: рабы дешевы и легко заменяемы; контроль над рабами осуществляется без оформления прав собственности; рабство маскируется контрактами; рабство процветает в обществах, переживающих депрессию. Эти социальные предпосылки должны существовать бок о бок с экономикой, которая питает рабство. Социальный порядок иногда меняется и в европейских или американских сообществах, но рабство там не возникает. Это связано с тем, что очень и очень небольшое число людей в этих сообществах живет в такой нищете, которая сделала бы их подходящими кандидатами в рабство. В большинстве западных стран крайние различия во власти, необходимые для закабаления, не существуют, и сама идея рабства вызывает отвращение. Когда большая часть населения имеет приемлемый уровень жизни и определенные финансовые гарантии (либо собственные, либо обеспечиваемые правительством), рабство процветать не может.

Рабство лучше всего произрастает в крайней нищете, так что мы можем указать, наравне с социальными, его экономические предпосылки. Прежде всего должны быть люди, не обязательно местные уроженцы, доступные для закабаления, кроме того, должен существовать спрос на рабскую рабочую силу. Рабодержатели должны обладать достаточным ресурсом для того, чтобы приобрести, захватить силой или обманом рабов, и необходимой властью, чтобы сохранять над ними контроль после закабаления. Стоимость содержания рабов должна быть ниже или такой же, как стоимость наемной рабочей силы. Наконец, должен быть спрос на товары, произведенные рабами по цене, которая делает содержание рабов выгодным. Кроме того, у потенциального раба не должно быть возможностей избежать рабства. Будучи бедным, бездомным, беженцем или изгнанником, человек впадает в нищету, которая открывает двери рабству и позволяет охотнику на рабов с большей легкостью расставить привлекательные ловушки. И когда раб пойман, у него не должно быть эффективных средств защитить себя против грубого закабаления.

Может показаться, что я с излишней настойчивостью возвращаюсь к этим условиям и вопросам новой рабовладельческой системы. Но новое рабство подобно новой болезни, против которой нет вакцины. До тех пор пока мы действительно не поймем его, до тех пор пока не узнаем, что заставляет эту систему работать, у нас мало шансов остановить рабство. А эта болезнь распространяется. Новая система рабства разрастается, число закабаленных людей увеличивается с каждым днем. Мы стоим на пороге эпидемии рабства, которое через систему глобальных экономических связей задевает непосредственно наши жизни.

Перечисленные условия также поясняют, почему современные стратегии не всегда способны эффективно бороться с новым рабством. Официальные средства, которые усиливают запреты на владение, не эффективны, поскольку закабаление и контроль достигаются без оформления права собственности²². Когда владение не является необходимой составляющей рабства, оно может быть скрыто или легитимизировано в рамках системы обычных рабочих контрактов. Для того чтобы законы против рабства заработали, насилие должно быть явным, тогда оно может быть наказано. Несомненно, остальные законы должны трактовать это как нарушение основных прав человека, ограничение передвижения, работу без оплаты или работу по принуждению в опасных условиях. Рабство – бесспорно крайнее нарушение прав человека, кроме, пожалуй, убийства, но чтобы раскрыть такие нарушения необходимы две вещи: политическая воля и возможность защитить жертву. Если у правительства нет достаточных мотиваций, чтобы гарантировать права человека в границах собственной страны, эти права могут просто исчезнуть. Если те, чьи права нарушены, не могут найти защиту, они вряд ли смогут справиться с теми, кто вооружен и имеет власть. Такова ситуация во многих странах, где рабство сегодня процветает.

Именно отсутствие защиты – основная проблема при попытках остановить новое рабство. ООН призывает национальные правительства защитить своих граждан и усилить законодательную базу. Но если правительства предпочтут игнорировать ООН, то эта организация мало что сможет сделать. В 1986 году Организация Объединенных Наций получила отчет о семьях, захваченных в рабство в Судане. В 1996 году, через 10 лет после просьбы заняться проблемой, правительство Судана в конце концов объявило официальное расследование. Крайний срок объявления результатов расследования, назначенный на август 1996 года, про-

шел без каких-либо официальных заявлений; в то же время поступают новые доклады о том, что женщины и дети племени динка по-прежнему похищаются и обращаются в рабство военными, за спиной которых стоит правительство. Если рабство продолжается потому, что правительство предпочитает закрывать глаза, сотрудничать с работодателями или даже само закабалает людей, то вряд ли дипломатические усилия могут дать серьезный результат.

Вот почему необходимо задать два вопроса: «Что может заставить правительство (или помочь им) защищать собственных граждан?» и «Что мы знаем о новом рабстве, что позволило бы нам остановить его, если национальные правительства не желают этого делать?» Оба вопроса имеют экономические ответы. Если прекращение апартеида в Южной Африке чему-либо нас и научило, так это тому, что если сильно ударить правительство по карману, это может заставить его изменить образ действий. Если рабство перестанет быть выгодным, не станет мотиваций для закабаления людей. Но что мы знаем о реальной экономике в системе нового рабства? Ответ, я боюсь, будет — почти ничего. Именно по этой причине я начал свое путешествие. В Таиланде, Мавритании, Бразилии, Пакистане и Индии (все эти страны подписали соглашение ООН о рабстве и кабальном труде) я исследовал местные формы рабства. В каждом случае я пытался понять, как рабство превращается в бизнес, и как окружающее сообщество либо защищает рабство обычаями, либо из страха игнорирует его. Когда вы познакомитесь с рабами так, как познакомился с ними я, и поймете их жизнь, когда вы выслушаете оправдания рабовладельцев и официальных лиц, тогда, я надеюсь, вы поймете, что такое новое рабство и что мы можем сделать, чтобы остановить его.

ТАИЛАНД

Потому что она похожа на ребенка

Шири¹ просыпается около полудня. В самый момент пробуждения она точно знает, кто она и кем стала. По ее словам, саднящая боль во влагалище не позволяет забыть о пятнадцати мужчинах, которых она «обслужила» этой ночью. Шири пятнадцать лет. Проданная своими родителями год назад, она утратила желание сопротивляться и убежать из публичного дома, на смену им пришло принятие произошедшего и покорность.

В провинциальном городе Убон Ратчитани, расположенном в северо-восточном Таиланде, Шири живет и работает в публичном доме. С десятков борделей и баров, обветшалых и грязных зданий, выстроились вдоль улицы как раз за углом нового торгового центра в западном стиле. Между публичными домами рассеяны лавки торговцев едой. Женщина за прилавком, торгующая лапшой как раз напротив публичного дома, где Шири работает, выполняет также роль шпиона, тюремщика, сторожевого пса, сводни и экономки для Шири и еще двадцати четырех женщин, живущих в борделе.

Публичный дом окружен стенами с железной калиткой, выходящей на улицу. За стенами – пыльный двор, бетонный стол для пикников и обычный для этих мест молельный дом – маленькая

часовня, стоящая отдельно от остальных зданий в тайском стиле. Низкая дверь ведет в бетонную комнату без окон, где не продохнуть от запаха сигарет, несвежего пива, блевотины и пота. Это комната «выбора» (hong du). Вдоль одной из стен комнаты сгрудились заляпанные столы и кабинки, вдоль другой – узкая приподнятая платформа со скамьей, занимающая всю длину комнаты. Скамейка ярко освещена, и ночью женщины сидят здесь, выставленные на всеобщее обозрение, пока мужчины пьют пиво и выбирают одну из них.

Пройдя через дверь у дальнего конца скамьи, мужчина, следуя за выбранной девушкой, проходит мимо окошка, где кассир берет с него деньги и записывает, какую девушку он выбрал. Отсюда его ведут в комнату девушки. За стенами бетонной приемной публичный дом выглядит еще запущеннее, превращаясь в беспорядочные трущобы, кроличьи норы крошечных спален, где девушки живут и работают. Шаткая лестница ведет наверх – туда, где прежде был, наверное, амбар. Верхний этаж являет ряд дверей, отстоящих примерно на пять футов одна от другой и открывающихся в комнаты размером 5–7 футов, в которых помещается лишь кровать и практически ничего больше.

Обрезки дерева и картона отделяют одну комнату от другой, Шири украсила стены своей каморки портретами популярных среди тинэйджеров звезд эстрады, вырезанными из журналов. Над ее кроватью, как и в большинстве комнат, висит в рамке портрет короля Таиланда, с потолка свешивается единственная лампочка. Рядом с кроватью стоит большая жестяная банка с водой, рядом крючок для полотенца. В ногах кровати рядом с дверью на полке сложена кое-какая одежда. Стены очень тонкие, слышно все, что происходит в соседних комнатах, крики кассира эхом отдаются внутри, неважно, закрыты двери или нет.

Проснувшись в середине дня, Шири моется холодной водой из общей лохани, которой пользуются все 25 женщин в публичном доме. Затем, одевшись в футболку и юбку, она отправляется к прилавку с лапшой, где получает горячий суп – тайский завтрак. В течение дня, если нет клиентов, она болтает с другими женщинами, попивая пиво и играя в карты, или они все вместе занимаются рукоделием. Если сутенера нет рядом, девушки могут пошутить и посмеяться, но когда он рядом, следует сохранять почтительность, все время помня о его присутствии, потому что он может избить их или использовать, как ему хочется. Мужчины-клиенты редко приходят днем, но у тех, кто приходит, обычно больше

денег, и они могут купить девушку на несколько часов, если захотят. Некоторые даже назначают свидание заранее, за несколько дней.

Около пяти часов Шири и другим девушкам велят одеться, сделать макияж и подготовиться к ночной работе. К семи начинают собираться мужчины, покупая напитки и выбирая девушек, и Шири будет выбрана одним из тех 10–18 мужчин, что купят ее этой ночью. Многие мужчины выбирают Шири потому, что она выглядит гораздо моложе своих 15 лет. Со светлым круглым лицом, одетая так, чтобы подчеркнуть ее юность, она кажется одиннадцатилетней. Поскольку она так молодо выглядит, ее можно продавать по более высокой цене как новенькую, примерно за \$15, что в два раза больше стоимости других девушек.

Шири очень боится заразиться СПИД'ом. Задолго до того, как она узнала о проституции, она слышала о вирусе иммунодефицита, потому что многие девушки из ее деревни вернулись домой умирать от СПИД'а, после того как были проданы в публичные дома. Каждый день она молится Будде, пытаясь заслужить милость, которая защитила бы ее от болезни. Она также пытается требовать от клиентов, чтобы они пользовались презервативами, и в большинстве случаев она добивается этого, поскольку в этом ее поддерживает сутенер. Но если она обслуживает полицейского или самого сутенера, они поступают так, как хотят, если же она будет настаивать, ее просто изобьют и изнасилуют. Еще Шири боится беременности, и так же, как другим девушкам, ей делают уколы гормонального противозачаточного средства, которое нарушает менструальный цикл. Раз в месяц она проходит тест на ВИЧ-инфекцию, и до сих пор он был отрицательным. Она знает, что если тест окажется положительным, ее вышвырнут из борделя на улицу умирать от голода.

Хотя ей всего пятнадцать лет, Шири подчинилась своей участи проститутки. После того как ее продали и привезли в публичный дом, она поняла, что ее работа отличается от того, что она ожидала. Как у большинства жителей сельских районов Таиланда, детство Шири проходило в изолированном мире, и она не имела представления о том, что значит работать в публичном доме. Ее первый клиент причинил ей боль, и она убежала при первой же возможности. На улице, без денег, ее быстро поймали, вернули в бордель, избили и изнасиловали. В эту ночь ее заставили обслуживать целую цепь клиентов, одного за другим до самого утра. Избиения и подобная работа продолжались день за днем, пока она

не была сломлена. Теперь Шири уверена в том, что она гадкий человек, настолько плохой, что заслуживает все, что с ней произошло. Когда я заметил, что на фотографии она выглядит очень хорошенькой, как эстрадная звезда, Шири ответила: «Я не звезда, я просто шлюха, вот и все». Она справляется с обстоятельствами, насколько это возможно. Ей доставляет известную гордость то, что ее цена выше, чем у других, и что ее выбирает больше мужчин. Это адаптация к существованию в концентрационном лагере, попытка придать смысл кошмару.

В Таиланде проституция незаконна, хотя таких девочек, как Шири, продают в сексуальное рабство тысячами. Публичные дома, в которых содержат этих девочек, всего лишь малая часть обширной индустрии секса. Как может существовать эта оптовая торговля девочками? Что заставляет ее работать? Ответ сложнее, чем можно было бы подумать: свой вклад вносят и стремительное развитие тайландской экономики, и мачо-направленность культуры, и общественное приятие проституции. Деньги, культура и общество сплелись новым и могущественным образом, превращая таких девочек, как Шири, в рабынь.

Рис на полях, рыба в реке, дочери в публичном доме

Таиланд – благословенная страна, богатая природными ресурсами, которые обеспечивают достаточное количество еды. Климат умеренно-жаркий, выпадают надежные дожди, большая часть страны – равнина, хорошо увлажненная и плодородная. Надежное производство риса на протяжении столетий сделало Таиланд крупным экспортером зерна, которым он является и сегодня. Голод очень редок в истории страны, а социальная стабильность – норма. Старая и часто повторяемая тайская пословица гласит: «Всегда есть рис на полях и рыба в реке». И каждому, кто пробовал восхитительную тайскую кухню, знакомы замечательные блюда, которые можно приготовить из этих двух ингредиентов и местного перца чили.

Если и существует часть Таиланда, не так щедро одаренная необходимым для жизни, так это гористый север. На самом деле эта область не входила в Таиланд, первоначально известная как королевство Ланна, она была присоединена к Таиланду только в конце XIX века. Влияние Бирмы здесь очень сильно, как и культура семи основных горских племен, которая сильно отличается

от доминирующих образцов тайского общества. Только десятая часть земель на севере может использоваться для сельского хозяйства, хотя то, что можно использовать, составляет наиболее плодородные земли страны. В результате владельцы хорошей земли более чем обеспечены, те же, кто живет выше, в лесах, напротив — бедны. Их в Новом свете, возможно, назвали бы «деревенщиной», и они испытывают те же сложности жизни, что и обитатели высокогорий повсюду в мире.

Суровость этой жизни составляет яркий контраст с жизнью, существующей на равнинах, изобилующих рисом и рыбой. Обычай и культура также сильно отличаются, и одно из этих отличий является ключом сексуального рабства, существующего в Таиланде в наши дни. На протяжении веков многие люди на севере в борьбе за жизнь вынуждены были рассматривать собственных детей как средство выживания. Неурожай, смерть кормильца или долги семьи могли привести к продаже дочери (но никогда — сына) в рабство или услужение. В культуре севера это был порядок жизни, не вызывавший восхищения, но принятый — порядок, которому, как правило, следовали. В прошлом эта торговля питала небольшой, но устойчивый поток слуг, рабочих и проституток, вливающийся в тайское общество.

Два важных обоснования этой торговле дочерьми обеспечивала религия. Внутри того направления буддизма, который исповедуют в Таиланде, женщина рассматривается как существо низшее по отношению к мужчине. Женщина не может, например, достичь блаженства, которое является конечной целью верующего. На лестнице существования женщина расположена много ниже мужчины, и только за особые заслуги женщина может надеяться в следующей жизни быть рожденной мужчиной. Действительно, рождение в женском облике в этой жизни означает ужасающую и грешную предыдущую жизнь. В наставлении, записанном с его собственных слов, Будда предупреждает своих последователей об опасности, исходящей от женщин: они нечисты, плотски и полны соблазна. В своде буддистских писаний проституция санкционирована: вихаджа, или правила для монахов, перечисляют десять типов жен, первые три из которых характеризуются так: «их приводят за деньги, или они живут вместе добровольно, существующие для наслаждения или случайных встреч»². Внутри буддистской системы верований секс не является грехом, напротив, секс рассматривается как часть физического и природного мира, мира страданий и иллюзий. Вывод — если вы должны заниматься

сексом, делайте это настолько не включенно в партнера, насколько возможно.

Кроме того, тайский буддизм проповедует как важнейшее положение приятие и покорность перед лицом боли и страданий в этой жизни. Ужаснейшие вещи, которые происходят с человеком, в конце концов результат его собственных деяний, возмездие за грехи, совершенные в предыдущих жизнях. Что бы ни случилось – это назначенная судьба, карма. Чтобы достичь покоя, необходимого для блаженства, человек должен научиться принимать спокойно и полностью все страдания этой жизни. Для некоторых тайских детей боль этой жизни оборачивается насильственной проституцией. Они могут пытаться бороться с унижением, от которого они страдают, но большинство покоряется, принимая психологию рабства, которую мы рассмотрим далее в этой главе.

Религиозная вера в низшее положение девочек – не единственный культурный обычай, обрекающий их на рабство. Тайские дети, особенно девочки, неоплатные должники своих родителей и в космическом, и в физическом отношении. Сам факт рождения – великий подарок, воспитание и содержание – еще один, и оба требуют всей жизни для возмещения. От девочек в Таиланде всегда ожидали полной отдачи себя в бюджет семьи, беспрекословного исполнения обязанностей. В крайних проявлениях это означало продажу в рабство, принесение в жертву ради блага собственной семьи. В то же самое время некоторые родители быстро поняли, что можно получить неплохие деньги от продажи собственных детей.

Небольшое число детей, продаваемых в рабство в прошлом, превратилось в бурный поток в наши дни. Этот рост отражает огромные перемены, произошедшие в Таиланде за последние 50 лет, годы, когда страна проходила горнило индустриализации – процесс, терзавший Европу примерно столетие назад. Если мы хотим понять природу рабства в Таиланде, нам необходимо понять эти перемены, поскольку, подобно другим регионам мира, в Таиланде всегда были рабы, но никогда в таком количестве и никогда в такой системе отношений.

Одна девушка — один телевизор

Экономический бум последних двадцати лет (окончившийся кризисом 1997 года) оказал огромное влияние на северные деревни. В то время как центр страны – район вокруг Бангкока – стре-

мительно индустриализировался, север оставался без изменений. Цены на продукты, землю и инструменты выросли вместе с ростом экономики, тогда как доходы от производства риса и других сельскохозяйственных продуктов оставались неизменными, поскольку такова была политика правительства, обеспечивающая низкие цены на еду для заводских рабочих Бангкока. В то же время север был затоплен потоком потребительских товаров – холодильников, телевизоров, легковых автомобилей и грузовиков, рисоварок, кондиционеров – весьма привлекательных для потребителей. Потребность в этих товарах была высокой, особенно если семья стремилась обрести статус преуспевающей. Обстоятельства сложились так, что стоимость участия в этом празднике консюмеризма могла быть оплачена из прежнего источника, который теперь стал гораздо более выгодным: продажа детей.

В прошлом дочери продавались в случае серьезных семейных финансовых проблем. Под угрозой потери заложенных рисовых полей и грозящей нищеты семья могла продать дочь, чтобы выкупить свой долг, но в основном дочери в качестве домашних работников ценились так же высоко, как если бы они продавались. Модернизация и экономический рост изменили ситуацию. Теперь на родителей давит желание купить потребительские товары, которые были неизвестны всего двадцать лет назад: продажа дочери может принести достаточно средств, чтобы купить телевизор. Недавний опрос в северных провинциях показал, что семьи, продавшие дочерей, в 2/3 случаев могли бы избежать этого, но «предпочли покупку цветного телевизора или видеотехники»¹. И с точки зрения родителей, желающих продать собственных детей, ситуация на рынке никогда не была такой благоприятной.

Потребность публичных домов в проститутках стремительно растет. Тот же самый экономический бум, который питает потребительские запросы в северных деревнях, наполняет карманы рабочих в центральных районах страны. Бедные экономические мигранты с рисовых полей ныне работают на строительных площадках или новых фабриках, зарабатывая во много раз больше, чем они получали, работая на земле. Возможно, первый раз в жизни эти рабочие могут делать то, что более обеспеченные тайские мужчины делали всегда: посещать публичный дом. Покупательная способность этого растущего числа клиентов борделей усиливает потребность в девушках с севера и поддерживает растущий бизнес сводничества и поставки девушек в публичные дома.

История Шири типична. Посредник – женщина, сама родом с севера, обратилась к семьям той деревни, где жила Шири, с предложением хорошо оплачиваемой работы для девочек. Родители Шири, возможно, понимали, что эта работа – проституция, поскольку они знали, что другие девушки из их деревни были отправлены на юг в публичные дома. После переговоров они получили 50 000 батов (\$2000) за Шири, что составляет весьма значительную сумму для семьи рисоводов⁴. Этот обмен начинает цепочку долговых обязательств, которые обычно приводят к закабалению девушки. Согласно контракту между посредником и родителями, прежде чем девушка может оставить работу или начать посылать деньги домой, она должна погасить долг за счет своей работы. Иногда полученные суммы трактуются как деньги, взятые в долг родителями, и девушка выступает одновременно гарантом и средством возврата платежа. В этом случае чрезмерные проценты, начисляемые на долг, означают, что шансов возврата долга за счет сексуального рабства девушки практически нет.

Начальный долг Шири в 50 000 батов быстро растет. Привезенная на юг посредником, она была продана в публичный дом, где сейчас находится, за 100 000 батов. После насилия и избиений Шири сказали, что долг, который она должна вернуть публичному дому, составляет уже 200 000 батов. Кроме того, Шири узнала о других платежах, которые она должна делать, включая ренту за комнату в размере 30 000 батов в месяц, плату за еду и питье, медицинские взносы, штрафы, если она работает не в полную нагрузку или если клиент останется недоволен.

Общую сумму долга практически невозможно вернуть, даже учитывая высокую стоимость Шири – 400 батов. Примерно 100 батов, получаемые с каждого клиента, поступают Шири для выплаты долга, уплаты ренты и прочих расходов, 200 батов идут сутенеру и оставшиеся 100 – публичному дому. При таком раскладе Шири должна обслужить 300 мужчин в месяц только для того, чтобы заплатить за комнату, и того, что остается после вычета других расходов, хватает лишь на микроскопическое снижение первоначального долга. Для девушек, которые обслуживают клиентов за 100–200 батов, долг растет еще стремительнее. Долговые обязательства удерживают девушек под полным контролем до тех пор, пока владельцы публичного дома и сутенер считают это необходимым. Насилие усиливает контроль, и любое сопротивление заканчивается избиением и увеличением долга. С течением времени, если девушка становится хорошей и покладистой

проституткой, сутенер может сказать ей, что она вернула долг и позволить посылать небольшие суммы денег домой. Эта «выплата долга» в действительности не имеет ничего общего с реальными расчетами заработков и расходов, но объявляется сутенером как средство увеличить прибыль, делая девушку более покладистой. В сочетании с нечастыми визитами домой эти деньги, посылаемые семье, помогают удерживать девушку в бизнесе.

Большинство девушек в публичных домах куплены у родителей, но существуют и другие пути закабаления. По всем деревням Таиланда путешествуют агенты, предлагая работу на фабриках или в качестве домашней прислуги. Иногда они дают взятку местным властям с тем, чтобы добиться их поручительства, или оказывают помощь монахам в местном монастыре, чтобы получить их рекомендации. Соблазненные обещаниями хорошей работы и деньгами, которые дочери будут посылать домой, обманутые семьи отправляют своих дочерей вместе с агентом, часто доплачивая за эту возможность. Когда же девушки приезжают в город, их продают в публичный дом, где насилуют, избивают и запирают. Девушек просто похищают. Это особенно часто случается с женщинами и детьми, которые приезжают в Таиланд из Бирмы или Лаоса навестить родных. На автобусных и железнодорожных станциях бандиты следят за женщинами и детьми, которых можно украсть или обманом заманить в публичный дом.

Но подобный способ прямого закабаления путем обмана или похищения девушек не находится в русле экономических интересов владельцев публичных домов. Устойчиво растущий спрос на проституток, потеря девушек из-за ВИЧ-инфекций и, особенно, повышенная потребность во все более молодых девочках делают необходимым для посредников и владельцев борделей поддержание устойчивых отношений с сельскими семьями, что создает условия для покупки большего числа девочек, достигших нужного возраста. В случае Шири это означает, что ей позволяют поддерживать связи с семьей, а также уверения, что примерно через год она будет посылать ежемесячно 10 000 батов своим родителям. Ежемесячный платеж – это выгодное вложение средств, которое может убедить родителей Шири продать других дочерей публичному дому. Более того, молодые девушки сами начинают хотеть этого, когда старшая сестра или другие родственницы возвращаются на праздники домой, привозя истории о богатой жизни в городах на центральной равнине. Сельские девушки ведут уединенную жизнь, и появление женщины лишь немногим старше их

с деньгами, в красивой одежде является сильным соблазном. Они восхищаются результатами той деятельности, которую называют проституцией, имея весьма неясные представления о том, что же это такое на самом деле. Недавнее исследование показало, что молодые девушки знают о том, что их сестры или соседки стали проститутками, но когда их спрашивают, что значит быть проституткой, чаще всего они дают ответ: «Носить западную одежду и посещать рестораны»⁵. Привлеченные этой блестящей жизнью, они не слишком возражают против того, чтобы уехать с посредником и влиться в стремительно развивающуюся индустрию секса.

По моим собственным умеренным оценкам, в Таиланде существует примерно 35 000 девочек, попавших в рабство как и Шири. Примечательно, что это лишь небольшая часть всех проституток. Действительное число проституток не известно, но несомненно много выше. Правительство утверждает, что проституток в Таиланде – 81 384, но эта цифра подсчитана, исходя из числа зарегистрированных (но все равно незаконных) публичных домов, массажных кабинетов и заведений, предоставляющих сексуальные услуги. Однако все бордели, бары или массажные кабинеты, которые мы посещали в Таиланде, были не зарегистрированы, поэтому никто из занимающихся этой проблемой не верит правительственным данным. На другом конце шкалы находятся оценки, полученные такими организациями, как Центр защиты прав детей. Эти группы утверждают, что проституток больше 2 миллионов. Мне кажется, что эта цифра слишком высока для страны с населением 60 миллионов. По моим собственным расчетам, основанным на информации, собранной в разных городах социальными работниками, занимающимися проблемами СПИД'а, число проституток составляет от 500 000 до 1 000 000.

Из этого числа примерно только каждая двадцатая попала в рабство. Многие стали проститутками добровольно, хотя некоторые – по причине долговых обязательств. Сексуальные услуги в Таиланде продаются повсюду – в парикмахерских, массажных салонах, курительных салонах и кафе, барах и ресторанах, ночных клубах и клубах караоке, публичных домах, отелях, даже монастыри оказывают подобного рода услуги. Проститутки варьируются от высоко оплачиваемых «профессионалок», которые работают достаточно автономно, через женщин, работающих по вызову или в массажных кабинетах, до превращенных в рабынь сельских девочек, таких как Шири. Многие женщины работают частично независимо в барах, ресторанах, ночных клубах –

выплачивая взносы владельцу, они сами решают, когда работать, и могут выбирать клиентов. Большинство баров или клубов не могут использовать проституток-рабынь, таких как Шири, поскольку женщины часто выезжают по вызову и клиенты ожидают определенную степень дружелюбия и сотрудничества. Девочки-рабыни обслуживают самый «низкий» сегмент рынка: черно-рабочих, студентов, работников, которые могут осилить плату лишь в 100 батов за полчаса. Это дешевый секс, и потребность в нем существует всегда. Для тайского мужчины покупка женщины означает почти то же, что покупка выпивки. Однако причины, по которым тайские мужчины так часто пользуются услугами проституток, не так однозначны и вырастают из культуры, истории и стремительно меняющейся экономики.

«Мне не хотелось, чтобы деньги пропали зря, поэтому я воспользовался ею»

Тайцы обожают свою королевскую семью и подражают ей даже больше, чем англичане. Нынешний король Бхумебол, известный также как Рама IX, демонстрирует стабильность королевского дома, который правит с XVIII века. На протяжении большей части своей истории Таиланд был абсолютной монархией, где королевский дом имел полную власть над жизнью и смертью своих подданных. В XV веке Закон о гражданском порядке закрепил существование жесткой и всепроникающей социальной структуры. Закон приписал каждому лицу мужского пола различных рангов определенное количество условных рисовых полей, от 25 для обычного человека до 10 000 для государственного министра. Это определило понятную и измеримую стоимость каждого члена общества; даже крестьянам, крепостным и рабам, составлявшим основу общества, было отведено по 15 полей (шаг, отнюдь не означавший, что они когда-либо получили их во владение). Параллельно с официальным законом, который определял стоимость мужчины количеством рисовых полей, существовала другая мера статуса – число жен, любовниц и наложниц. До времени официального роспуска в 1910 году король содержал гарем из сотен наложниц, из которых кое-кто мог достичь ранга Королевской Матери или Младшей Жены. Эта форма полигамии была в точности воспроизведена добивавшимися высокого статуса аристократами и богатыми купцами, появившимися в XIX столетии. Практически все мужчины, имевшие хоть какое-то положение, содержали

любовницу или младшую жену. Для тех, у кого не было на это средств, подходящей возможностью оказывалось использование проституток, это служило как бы рентой, замещавшей постоянное владение.

Даже сегодня в Таиланде каждый знает свое место внутри очень сложной и точной системы статусов. Любовницы и младшие жены по-прежнему придают вес положению мужчины в обществе⁶, но потребление коммерческих сексуальных услуг выросло невероятно. Если экономический бум – это прилив, поднимающий все лодки, то огромное число тайских мужчин оказалось поднятым до такого уровня финансового благополучия, которое позволяет им регулярно покупать сексуальные услуги. Ничего подобного экономическому росту в Таиланде никогда не происходило на Западе; вот некоторые факты, показывающие масштаб события: в стране размером с Англию десятая часть рабочей силы переместилась с земли на фабрики в течение всего 3 лет – с 1993 по 1995 годы; число индустриальных рабочих удвоилось с менее чем 2 миллионов до более чем 4 миллионов в течение 8 лет с 1988 по 1995 годы; заработки горожан удвоились с 1986 по 1996 год. В наши дни Таиланд является самым большим в мире импортером мотоциклов и вторым по величине после Соединенных Штатов Америки импортером пикапов (эти два типа средств передвижения лучше всего соответствуют теплomu Таиландскому климату и его не лучшим дорогам). За период между 1985 и 1995 годами величина валового национального продукта удвоилась, а валового внутреннего продукта – утроилась. До кризиса 1997 года Таиланд буквально сочился деньгами, превращая бедных рисоводов в хорошо обеспеченных рабочих и стимулируя потребительский спрос.

В условиях обретенного благосостояния все большее число тайских мужчин становится посетителями публичных домов. Последние исследования показывают, что 80–87% тайских мужчин занимались сексом с проститутками. До 90% процентов сообщают, что первый сексуальный опыт они получили с проституткой. От 10 до 40% женатых мужчин покупали сексуальные услуги на протяжении последних 12 месяцев, так же поступали до 50% холостых мужчин. Хотя это сложно измерить, но упомянутые отчеты оценивают число регулярных потребителей сексуальных услуг от 3 до 5 миллионов. Но неверно представлять миллионы тайских мужчин, крадущихся одиноко вдоль темных улиц заполненных борделями: коммерческий секс – публичное событие, часть веселого вечера, проведенного с друзьями вне дома.

Около 95% мужчин посещают публичные дома вместе с друзьями, обычно после вечера, проведенного за выпивкой. Компании отправляются отдохнуть и развлечься, главным образом – вместе выпить. Это строго мужское удовольствие, женщины в Таиланде обычно избегают употребления алкоголя. Мужские группы, отправившиеся развлечься вне дома, воспринимаются как абсолютно нормальное явление повсюду в Таиланде, и вся округа стремится услужить им. Большинство тайцев, как мужчин, так и женщин, воспринимают коммерческий секс как абсолютно естественную часть развлечений одиноких мужчин, и примерно 2/3 мужчин и 1/3 женщин думают так же и в отношении женатых мужчин⁷.

Для большинства замужних женщин визит мужа к проститутке предпочтительнее других форм внебрачного секса. Большинство жен согласны с тем, что мужчине необходимо много партнерш, и проститутки рассматриваются как наименее опасные для стабильности семьи⁸. Проститутки не требуют долгосрочных соглашений или эмоциональной включенности. Когда муж пользуется проституткой, предполагается, что он просто следует своей мужской роли, но если он берет младшую жену или заводит любовницу, это значит, что его жена не справилась со своими обязанностями. Младшая жена – это обычно бигамная вторая жена, брак с которой оформляется по местным законам, отличным от федеральных (его проще заключить, поскольку общенациональная регистрация не ведется). В качестве жен они требуют расходов на содержание, жилища, регулярной поддержки, и их потомки имеют права на наследство; таким образом они несут серьезную угрозу благополучию основной жены и ее детей. Отношения могут быть не оформлены (полигамия незаконна), тем не менее они будут рассматриваться как обязывающие, и дети все равно будут иметь официальное право на поддержку. Для младшей жены из небогатой семьи связь с обеспеченным пожилым мужчиной является серьезной возможностью улучшить свое положение. Младшая жена, которая убеждает мужа оставить первую семью, что случается достаточно часто, является потенциальной катастрофой для основной жены, заставляя ее волноваться и быть настороже.

Принимая во внимание, что сексуальные услуги продаются повсюду и что некоммерческий секс гораздо опаснее для семьи, не удивительно, что тайские жены придерживаются принципа «не хочешь знать – не спрашивай» по отношению к проституции. Поскольку более высокая покупательная способность означает, что мужья могут покупать сексуальные услуги, если есть жела-

ние, большинство тайских женщин покоряются этому, надеясь, что интересы мужа не сместятся в сторону младшей жены⁹. В этом контексте жены просто не обращают внимания на случайные визиты мужа в бордель с приятелями. Поскольку это часть принятого времяпрепровождения, большинство мужчин не испытывают стыда, покупая сексуальные услуги. Те небольшие сомнения, которые они могут испытывать, тают под влиянием алкоголя и дружеского влияния. Конечно, не всякий вечер развлечений заканчивается в публичном доме, но продвижение по службе, повышение оклада или другое празднование делают визит в бордель более чем вероятным. Не все дружеские компании отправляются в публичный дом, желая развлечься. Некоторые группы женатых мужчин никогда этого не делают, зато другие делают часто, их вечеринки с выпивкой естественным образом перерастают в путешествие по публичным домам. Существует правило, по которому один из участников выпивки расплачивается за всех, становясь хозяином вечеринки; оплата за всех по счету также является формой демонстративного поведения, призванной впечатлить сослуживцев. Эта модель поведения переносится и на бордель, часто определяя будет ли мужчина пользоваться услугами проститутки. Один мужчина, проинтервьюированный в недавнем исследовании, сказал: «Когда мы пришли в публичный дом, мои друзья взяли проститутку и заплатили за другую для меня. Это стоило им денег, мне не хотелось, чтобы они пропали зря, поэтому я воспользовался ею»¹⁰. Услуги оплаченной проститутки предполагают неформальное обязательство оплатить доброту друзей в следующую встречу. Это те расходы, которых многие мужчины постарались бы избежать на трезвую голову, но в моменты пьяного веселья большинство из них отваживаются на авантюру.

Покупка проститутки для другого происходит по разным причинам. Бизнесменам, участвующим в переговорах, предложат секс как часть процесса торговли. Для многих тайцев это абсолютно неотъемлемая и необходимая часть деловой практики, если фирма собирается развиваться и процветать. Мужчины, путешествующие по делам, также весьма вероятно воспользуются услугами проституток, пользуясь преимуществами пребывания вне родного города. Правительственным чиновникам, путешествующим по сельским районам, предлагают местные «цветы» как знак гостеприимства, и существует поговорка, что мужчина до тех пор не побывал в данном месте, пока он не «попробовал» его. Даже студенты–первокурсники в первую неделю их пребывания в уни-

верситете все вместе получают приглашение от старшекурсников в публичный дом как часть инициации. Подобное поведение становится легче в предположении, что пьяный мужчина не несет ответственности за свои поступки, и группы друзей спаивают друг друга до беспамятства – открытая бутылка виски должна быть обязательно допита. В тайской мачо-культуре пьяные обвинения в том, что если мужчина не пользуется проституткой, то он боится своей жены, практически всегда подталкивают мужчину к тому, чтобы принять предложенную проститутку. В тайской культуре также весьма значима групповая солидарность и избегание конфликтов, так что вынужденное принятие коммерческого секса часто выглядит более приемлемым, чем несогласие или смущение. И что бы ни случилось, мужчины хранят свои секреты. Друзья никогда не признаются женам или кому-либо еще, что происходило, когда они выпивали.

Для большинства тайских мужчин платный секс – принятая форма развлечения и сексуального удовлетворения. И это не только удовольствие: это ясное выражение статуса и экономического благополучия. Женщины в Таиланде – предметы, знаки мужской игры в статус и престиж. Поэтому не удивительно, что с некоторыми женщинами обращаются, как с домашним скотом: похищают, унижают, содержат, как животных, покупают, продают и выбрасывают, когда потребность в них отпадает. Когда это потребительское отношение сочетается с жесткостью новой экономики, ориентированной на прибыль, последствия для женщин просто ужасны. Тысячи из них превращаются в средство удовлетворения статусных потребностей мужчин, тысячи обращаются в сексуальное рабство, чтобы приносить прибыль хозяевам. А что же полиция, правительство, местные власти предпринимают по этому поводу? Каждый случай сексуального рабства влечет за собой различные преступления – обман, похищение, нападение, изнасилование, иногда убийство. Эти преступления не редки и не случайны, они происходят систематически, повторяясь в публичных домах тысячи раз каждый месяц. Но те, у кого есть власть остановить этот ужас, вместо этого помогают ему процветать и развиваться в очень прибыльном мире современного рабства.

Тигры-миллионеры и гуси-миллиардеры

Кто они, современные рабовладельцы? Некоторые из нас и все мы: некоторые – это те, у кого есть небольшой капитал для инве-

стиций. Те люди, которые *кажутся* владельцами проституток — сутенеры, мадам, содержатели публичных домов, — на самом деле лишь обычные наемные работники. Будучи наемными «мышцами», сутенеры и их помощники обеспечивают необходимую жестокость, удерживая женщин под контролем и осуществляя их коммерческую эксплуатацию. Являясь лишь наемными работниками, сутенеры тем не менее существуют неплохо. Часто живя в борделях, они получают зарплату и добавляют к своим доходам кое-что из дополнительных источников: например, еда и питье продается клиентам по завышенным ценам, и разницу сутенеры кладут в свой карман. Гораздо более прибыльным является контроль над ценами на сексуальные услуги. Хотя каждая женщина имеет свою цену, сутенер оценивает каждого посетителя и назначает стоимость услуги. Таким образом, клиент может заплатить в два-три раза больше стандартной цены, и все излишки достаются сутенеру. В союзе с кассиром сутенер регулярно обманывает проститутку в тех небольших суммах, которые, как полагается, должны идти на выплату долга. Если сутенеры хорошо надзирают за сексуальными рабынями и используют все возможности, они легко получают денег в десять раз больше своей зарплаты. Это высокие доходы для бывшего крестьянина, основные навыки которого — насилие и запугивание, но ничто в сравнении с выгодой, которую получают посредники и действительные рабовладельцы.

Посредники и агенты, которые покупают девушек в деревнях и перепродают в публичные дома, лишь краткосрочные рабовладельцы. Их бизнес — отчасти рекрутинговое агентство, отчасти — компания по перевозке, частично — PR-компания, частично — банда, занимающаяся похищением людей. Их цель — купить подешевле, продать подороже, сохраняя значительный приток девушек из деревень. Посредник может быть как мужчиной, так и женщиной, и обычно он уроженец той же области, где занимается рекрутментом. Некоторые из них — местные жители, занимающиеся этим бизнесом в добавление к основной работе в должности офицера полиции, правительственного чиновника или школьного учителя. Положение в обществе, связанное с общественным доверием, — прекрасная стартовая позиция для приобретения молодых девушек. Несмотря на характер их занятий, обычно это весьма уважаемые люди. Их рассматривают как источник работы и значительных денежных выплат родителям, и они хорошо известны в своих общинах. Некоторые женщины-посредники в свое время были проданы сами, проработали некоторое время

проститутками и теперь, достигнув, средних лет, зарабатывают на жизнь поставляя девушек в публичные дома. Эти женщины — ходячая реклама сексуального рабства. Их стиль жизни и доходы, их западная одежда и изощренный шик намекают на блестящие экономические перспективы девушкам, которых они покупают. То, что они выжили, проведя годы в борделе, исключение — многие молодые женщины возвращаются в деревню умирать от СПИД'а, но родители стараются быть оптимистами. Вне зависимости от того, живут ли посредники в данной местности, или они приезжие, они сочетают вербовку с другими занятиями. Вернувшаяся проститутка может жить вместе со своей семьей, приглядывая за своими родителями, владея одним или двумя рисовыми полями и параллельно приторговывая девушками. Как и у сутенеров, их бизнес весьма прибыльный, они удваивают деньги на каждой девушке в течение двух-трех недель, но как и у сутенеров, их доходы ничто по сравнению с прибылями реальных рабовладельцев.

Реальные рабовладельцы на деле оказываются бизнесменами средних лет. Они прекрасно вписываются в общество и не испытывают никакой социальной дискриминации за свои деяния. Если угодно, ими даже восхищаются как успешными разносторонними дельцами. Содержание публичного дома обычно оказывается лишь одним из многих деловых интересов такого рабовладельца. Безусловно, владельцы публичных домов имеют связи с организованной преступностью, но в Таиланде в организованную преступность вовлечены и полиция, и большая часть правительства. В самом деле, работу современного рабовладельца лучше рассматривать не как чистое преступление, но как прекрасный пример опосредованного предпринимательства. Владение борделем, в котором содержатся закабаленные молодые девушки, превращается в чисто деловой вопрос. Инвесторы могут заявить, что они создают рабочие места и способствуют повышению благосостояния. В их поведении нет фальши, поскольку они следуют важной социальной норме: получение большого количества денег является достаточным оправданием чего угодно. Разумеется, рабовладелец, живущий по соседству с респектабельными представителями среднего класса, постарается не выставлять напоказ признаки своей работы. Его соседи будут только знать, что он преуспевающий бизнесмен, и уважать его за это. Интерес к чужим делам — серьезное нарушение норм тайской культуры, «не суй свой нос в чужой вопрос» (*yaa suek*) — один из самых резких

ответов в тайском языке. Так что рабовладелец получает все преимущества от эксплуатации и унижения молодых девушек без каких-либо социальных последствий.

На самом деле в роли рабовладельца могут выступать товарищество, компания, корпорация. Начиная с восьмидесятых годов, на Таиланд щедрым дождем пролились японские инвестиции, эту миграцию огромных капиталов называли «летающими гусями»¹¹. Уверенное положение йены позволило покупать и строить по всему Таиланду, и в то время как электронные корпорации занимались строительством фабрик, производящих телевизоры, другие инвесторы обнаружили, что гораздо больше денег можно получить в индустрии сексуальных услуг. Следом за японцами пришли инвестиции так называемых «азиатских тигров» – Южная Корея, Гонконг, Тайвань, Сингапур, которые также обнаружили огромные возможности индустрии секса. (Кроме того, доказано, что все эти пять стран стали крупными рынками поставки закабаленных тайских девушек, о чем мы будем говорить ниже.) У этих гусей и тигров оказалось достаточно ресурсов для покупки местных криминальных авторитетов, полиции, администрации и достаточно собственности для того, чтобы начать коммерческий бизнес сексуальных услуг. Урожденные тайцы также вкладывали деньги в индустрию секса, которая процветала; имея меньше капиталов, они чаще создавали более дешевые заведения для рабочего класса.

В то время как молодые проститутки постоянно соприкасаются с полицией, они, возможно, никогда не встретятся со своими реальными владельцами. Отношения между рабовладельцем и рабом в современном Таиланде – модель опосредованного предпринимательства. Владельцы публичных домов, как индивидуальные, так и компании, особо не нуждаются в контактах с проститутками. Возможно, что некоторые совладельцы даже и не знают, что они владеют рабами, пребывая в уверенности, что они просто нанимают работников для секс-услуг. Высокая вероятность получения хорошей прибыли – мощный стимул инвестирования в новое предприятие, которое начал друг, и большинство тайцев вкладывают деньги в дело, которое ведут родные или друзья, а не в государственные ценные бумаги или акции. Разнообразные формы капиталовложений – новое дело для Таиланда, но его освоили быстро. Методы работы западных рынков и экономик с жадностью копируются новыми бизнесменами Таиланда. Глядя на развитые страны, они видят инвесторов, вкладывающих деньги в совместные акционерные фонды с целью получения высокой

прибыли, а то, что принадлежащие фонду фирмы могут заниматься производством пехотных мин или орудий пыток, не волнует никого. Ну а дистанция, необходимая для сохранения неосведомленности, необязательно должна быть длинной; всего одного шага достаточно, чтобы отделить инвестора от его совести.

Неважно, отдельные ли это тайцы, товарищество или иностранные инвесторы, работодатели имеют много общих черт и служат хорошим примером сегодняшних работаровцев. Не существует никаких расовых или этнических различий между ними и их рабами (исключение – японские инвесторы). Рабовладельцы не чувствуют никакой потребности объяснять рабовладение расовыми причинами. Они не связаны наследственным правом со своими рабами или их детьми. Они вообще не заинтересованы в своих рабах, разве только как в фундаменте своих инвестиций. Если бы они не вложили свои деньги в рабовладение, они пустили бы их еще в какой-нибудь бизнес, но серьезных стимулов для этого нет, поскольку бордели – прекрасное вложение денег, гораздо более стабильное, чем рынок ценных бумаг. Вклад в экономику является сильным *моральным* аргументом в Таиланде, и рабовладельцы могут гордиться своим вкладом – они воспринимают себя как создателей рабочих мест и даже как благодетелей, позволяющих бедным сельским девочкам выбраться из нищеты. Ни один из этих вопросов морали не важен потому, что работодателям нет нужды думать о женщинах в публичных домах – ни о том, откуда они пришли, ни о том, что с ним станет в будущем.

Чтобы понять современную систему рабовладения, нам нужно знать кое-что об экономических условиях, в которых эта система существует. Несмотря на экономический бум, средние доходы в Таиланде очень низки с точки зрения западных стандартов. В модернизирующихся странах миллионы людей по-прежнему живут в нищих деревнях. Если у сельской семьи есть свой дом и рисовое поле, она может выжить при месячном доходе примерно 500 батов в месяц (около \$20). Эта абсолютная нищета подразумевает рисовую диету дополненную насекомыми (сверчки, черви, личинки широко используются как элементы меню), дикорастущими растениями и рыбой, которую можно самим поймать. Ниже этого уровня жизни, который может поддерживаться только в сельской местности, находятся только голод, а также потеря дома и земли. Для многих тайцев уровень дохода от 2500 до 4500 батов в месяц (от \$100 до \$800) является нормой. Правительственная статистика декабря 1996 года помещает 2/3 населения в эту

страту по доходам, все еще означающую нищету: в городах плата за квартиру съедает больше половины среднего заработка, кроме того, цены постоянно ползут вверх. При этом уровне доходов приходится во многом себе отказывать, но люди не голодают, поскольку политика правительства заключается в искусственном удержании низких цен на рис (что приводит к обнищанию крестьян). Рис продается по 20 батов за килограмм (примерно 75 центов), семья из 4 едоков съедает примерно килограмм риса каждый день. С голоду не умрешь, но тайцы, живущие на эти нищенские доходы, мало что еще могут себе позволить. В городах ли, в деревнях ли, для того чтобы заработать эти деньги, тайцам приходится работать 6–7 дней в неделю по 12–14 часов. Болезнь или травма могут быстро свести на нет даже этот уровень жизни. Системы социального обеспечения или здравоохранения не существует, а дырявый бюджет не оставляет возможность делать сбережения. Для семей с подобным уровнем жизни сумма в двадцать – пятьдесят тысяч батов (\$800–2000), вырученные за продажу дочери, составляет годовой доход. Такая огромная сумма является мощным искушением и заставляет родителей закрывать глаза на ужасы сексуального рабства.

Всегда процветающий «ресторан»

Публичные дома – лишь один тип многочисленных заведений коммерческого секса, но благодаря быстрому обороту именно они обслуживают большую часть мужчин, покупающих сексуальные услуги. В среднем в борделе работает от 10 до 30 проституток, чаще всего – двадцать. В сельской местности публичный дом может быть просто чьим-то домом, обычно в нем работают 3–4 женщины, но закрепощенные проститутки содержатся именно в городских борделях. Многие публичные дома выигрывают за счет агломерации, располагаясь рядом друг с другом в районе красных фонарей. Если они и используют какой-либо опознавательный знак над дверями заведения (но большинство – не используют), то загадочно нейтральный. Один из публичных домов для рабочих, в котором я был, имел над дверями небольшую светящуюся вывеску, гласящую «всегда процветающий». Ниже, более мелких шрифтом и другим цветом, было добавлено – «ресторан». Мне сказали, что эта добавка была сделана для полиции, хотя внутри не предлагали никакой еды. Сами здания, как правило, выглядят обветшалыми, грязными, в подтеках, слеplенными

на скорую руку из строительных отходов. Они переполнены крысами и тараканами, санитарные условия – минимальные. Женщины, которые вынуждены там работать, – молодые, мало кому из них за тридцать, чаще всего им меньше восемнадцати. Между ними и их клиентами нет социальной дистанции: и они, и их клиенты происходят из бедной среды, хотя девушки чаще всего уроженки северных регионов. На крайнем юге Таиланда мужчины-клиенты могут оказаться малайскими или сингапурскими мусульманами, но девушки и здесь – уроженки северных районов Таиланда, исповедующие буддизм. В последнее время из этого правила все больше исключений, благодаря поставкам из Бирмы и Лаоса женщин, которые становятся рабынями в публичных домах. Импорт женщин позволяет удовлетворить растущую потребность в новых проститутках.

Принудительная проституция – замечательный бизнес. Низкие предварительные затраты, быстрый оборот, огромная прибыль. В этом исследовании я попытался впервые в деталях описать деловую сторону этой формы рабства, продемонстрировать масштабы эксплуатации и те выгоды, что она приносит. Это очень, очень далеко от капиталоемкого рабства прошлого, требовавшего долговременных капиталовложений и приносящего постоянную, но небольшую выгоду. Заменяемость женщин, особая выгода, которую можно получить от детей, – все это гарантирует высокоприбыльное предпринимательство с низким уровнем риска. При всей своей разрушительности и безнравственности публичные дома – это высокоэффективная машина, которая уничтожая девушек, превращает их в золото.

Для организации публичного дома требуются относительно небольшие затраты. За примерно 80 000 батов (\$3200) можно купить всю необходимую мебель, оборудование и нужные для обустройства вещи. Само помещение можно арендовать по цене от 4000 до 15 000 батов (\$160–\$600) в месяц. Кроме проституток, борделю необходим сутенер (часто у него есть помощник) и кассир, иногда на работу нанимают и повара. Сутенеры получают зарплату от 5000 до 10 000 батов в месяц (\$200–\$400), кассир – примерно 7000 (\$280), повар – не больше 5 000 батов (\$200). Плата за электричество и другие коммунальные расходы составляют примерно 2000 (\$80) в месяц. Может закупаться также пиво и виски для последующей реализации посетителям. Остается еще только две статьи расходов – еда и взятки.

ТАБЛИЦА 1
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЕ РАСХОДЫ И ДОХОДЫ
«ВСЕГДА ПРОЦВЕТАЮЩЕГО РЕСТОРАНА»

Вид расходов	Стоимость (в батах)	Вид доходов	Стоимость (в батах)
Аренда помещения	5000	Плата за сексуальные услуги*	1 050 000
Коммунальные	2000	Рента, выплачиваемая проститутками	600 000
Еда и питье	45 000	Продажа презервативов	60 000
Зарплата сутенера	7000	Продажа напитков	672 000
кассира	7000	Доплата за девственность	50 000
повара	5000	«Проценты» по долговым обязательствам	15 000
Взятки	6000		
Плата за такси и т. д.	12 000		
Пиво и виски	168 000		
Всего	<u>257 000</u> (\$10 280)	Всего	<u>2 457 000</u>
		Ежемесячная прибыль	22 00 000 (\$88 000)

* Эта позиция рассчитана из следующих предположений: 20 проституток, 14 клиентов, в день по средней цене 125 батов с клиента в течение 30 дней.

Питание одной проститутки стоит от 5 до 80 батов в день, то есть 2–3 доллара. Работодатели не экономят на еде, потому что клиенты любят внешне здоровых девушек с полными фигурами. Здоровый вид очень важен в стране, страдающей от эпидемии иммунодефицита, и молодых, выглядящих здоровыми девушек принято считать самыми безопасными. Взятки не являются чрезмерными и непредсказуемыми, в большинство публичных домов полицейский заходит один раз в день, чтобы получить примерно 200–400 батов (\$8–\$16), что составляет около 6000 батов (\$240) в месяц; кроме того, полицейскому могут предложить девушку на часок, если он выскажет желание. Полиция уделяет самое пристальное внимание стабильности существования публичных домов: небольшая улочка борделей приносит от \$32 000 до \$64 000 ежегодных, не требующих особых усилий доходов. Более дорогие массажные салоны и ночные клубы платят значительно большие взятки и требуют больших вложений, чтобы начать дело. Доходы, которые приносят взятки, основная причина того, что старшие

офицеры полиции рады платить за получение своей должности и конкурируют за наиболее выгодные позиции.

Доходы публичного дома существенно превосходят расходы. Каждая из двадцати девушек приносит борделю доход примерно в 125 батов (\$5) с каждого клиента, каждый день она принимает от 10 до 18 клиентов, получая с них 1250–2250 батов (\$50–90). Каждый день приносит публичному дому доход от 25 000 до 45 000 батов (\$1000–1800) только за сексуальные услуги. И, как видно из таблицы 1, у борделя существуют другие способы зарабатывать копеечку.

Доходы от продажи выпивки, в основном пива и виски, трудно подсчитать. Приведенная в таблице сумма в 700 000 батов являются умеренной оценкой, основанной на том, что каждый клиент возьмет одну кружку пива, за которую публичный дом заплатил 20 батов, а получил – 80 батов. Рента, которую проститутка платит за комнату, составляет в среднем 30 000 батов в месяц, и если половина девушек вынуждена расплачиваться по долговым обязательствам, то это составит еще 15 000 батов в виде «процентов» в месяц. Продажа презервативов – чистая выгода, поскольку они поставляются Министерством здравоохранения в публичные дома бесплатно в надежде снизить распространение СПИД’а. Посетители платят за презерватив 10 батов, и большинству клиентов приходится его использовать. Шири рассказала, что она расходует 3–4 коробки презервативов в месяц, в каждой коробке – 100 презервативов.

Доход, обозначенный как «доплата за девственность», требует некоторых разъяснений. Некоторые посетители, особенно китайцы (и приезжие, и жители Таиланда), готовы платить очень большие деньги за секс с девственницей. За этим явно выраженным предпочтением стоят две причины. Первое – древнее китайское верование, что секс с девственницей возвращает сексуальную силу и продлевает жизнь. Предполагается, что женская девственность является мощным источником *ян* (прохлады), который успокаивает и замедляет *инь* (жар) процесса старения. Богатые китайцы, и местные, и приезжие (так же как и китайские секс-туристы из Тайваня, Сингапура, Малайзии и Гонконга), стремятся заниматься сексом с девственницами так часто, насколько это возможно, и хорошо платят за эту возможность. Когда новенькую привозят в публичный дом, ее не выставляют на выбор с другими проститутками, а помещают в специальную комнату – *hong bud boree sut* (комната, где познают девственниц). Здесь ее будут пока-

зывать, возможно, вместе с другими детьми, и по поводу ее цены будут торговаться с сутенером. За дефлорацию мужчины платят от 5000 до 50 000 батов (\$200—\$2000). Это часто происходит не в публичном доме, а в специально для этого арендованной комнате отеля. Сутенер или его помощник часто ассистируют, поскольку обычно приходится избивать девушку, чтобы добиться покорности.

Еще одна причина, по которой публичные дома могут получать дополнительные доходы от продажи девственниц, общая боязнь СПИД'а. Тайские мужчины или другие клиенты-некитайцы не верят в инь и ян, но они верят в ВИЧ-инфекцию. Считается, что девственница не может быть заражена этим вирусом, и даже после того как девушка потеряла девственность, она может быть продана за более высокую цену как «чистая» или «свежая». Одна бирманская девушка рассказала, что ее продавали как девственницу четырем клиентам. Чем моложе девушка, или чем моложе она выглядит, тем выше ее цена, как в случае Шири. Дополнительные выплаты могут быть сделаны публичному дому и другим, более дорогим заведениям сексуальных услуг. Специальные закрытые клубы или массажные салоны могут получить заказ от клиента на девственницу или ребенка. Если у публичного дома в данный момент нет подходящей кандидатуры под рукой, он может договориться с посредником о поставке или, если время поджимает, — о похищении. Большинство дорогих заведений обычно не хотят иметь дело со сводничеством и предпочитают платить публичным домам за подбор подходящей девушки. Используемая подобным образом девушка далее начинает работать с остальными проститутками в публичном доме, обеспечивая постоянный поток доходов.

Этот поток доходов делает сексуальное рабство необычайно прибыльным. «Всегда процветающий» бордель выручает что-то около 26 400 000 батов в год (\$1 056 000), что составляет возврат 856 процентов от расходов. Ключ к такому высокому уровню доходов лежит в низкой стоимости девушек. Покупка новой девушки за 100 000 батов требует вложения менее чем 5% месячной прибыли. Только продажей ее тела и рентой, которую она выплачивает, публичный дом покрывает расходы на ее покупку за 2–3 месяца. В индустрии секса именно рабодержатели получают самые высокие прибыли. Добровольные проститутки в ночных клубах и массажных кабинетах стоят дороже, но они обслуживают только 3–5 клиентов в сутки. Девушки по вызову могут иметь всего одного клиента за ночь. Добровольные поставщики сексу-

альных услуг, получающие гораздо большую часть заработанных ими денег, имеют также некоторую свободу выбора клиентов. В отличие от этой ситуации полный контроль над проституткой, осуществляемый работодателем как в том, что касается числа клиентов, которых она должна обслужить, так и денег, которые она получит, означает огромную выгоду. Нет достоверных оценок значимости индустрии секса для тайской экономики, а общее число работающих в этом бизнесе – повод для горячих дискуссий. Но если мы посмотрим на 35 000 таких девочек, как Шири, удерживаемых в долговом рабстве, то ежегодный доход, который они приносят, огромен. Если публичные дома, где они работают, следуют той же схеме, что и «Всегда процветающий», то ежегодная прибыль, которую эти девочки приносят, превосходит 46 миллиардов батов (\$1 850 000). Правда, следует учесть еще один вид расходов, противостоящий доходам, – цена, которую девушки платят своим телом, рассудком, здоровьем.

Одноразовые тела

Девушки настолько дешевы, что нет никакой необходимости заботиться о них в долгосрочной перспективе. Расходы на медицинское обслуживание или профилактику в публичных домах – редкость, поскольку рабочая карьера девушек, попавших в долговое рабство, на редкость коротка – от 2 до 5 лет. За это время все доходы, которые можно получить от девушки, уже высосаны, и ее выгоднее выбросить и заменить свежей. Ни один публичный дом не берет на себя ответственность за больную или умирающую девушку.

Закабаленные проститутки в публичных домах сталкиваются с двумя основными угрозами своему здоровью и жизни: насилием и болезнями. Насилие присутствует всегда, само порабощение происходит с помощью изнасилования, избиений или угроз. Это типичный переход девушек в их новый статус сексуальных рабынь. Практически каждая девушка, у которой мы брали интервью, повторяла одну и ту же историю: после того, как она попала в публичный дом или к своему первому клиенту как девственница, каждая попытка сопротивления или отказа заканчивалась избиением и изнасилованием. Некоторые девушки рассказывали, что им дали наркотик, а потом напали, другие говорили о насилии под дулом пистолета. Непосредственное и мощное применение террора – это первый шаг на пути закабаления. На протяжении

часов после продажи в публичный дом девушки испытывают боль и шок. Как и другие жертвы пыток, они часто впадают в оцепенение, пытка парализует их мозг, а иногда и тело. Для молоденьких девочек, плохо понимающих, что с ними происходит, травма оказывается сокрушительной. Разбитые и обманутые, они часто мало что помнят о произошедшем.

После первого нападения у девушек обычно не остается сил сопротивляться, но насилие не кончается никогда. В публичном доме насилие и террор – окончательные судьи в любом вопросе. Нет ни дискуссий, ни апелляций. Неудовлетворенный клиент означает избиение, посетитель-садист – еще больше боли; для того, чтобы было легче запугивать и обманывать проституток, сутенер терроризирует их, отбирая по собственному произволу. Девушки обязаны делать все, что потребует сутенер, если они не хотят быть избитыми. Избежать этого невозможно. Одна девушка рассказывала, что когда ее поймали на попытке освободиться, сутенер избил ее и приволок в комнату «выбора»; с помощью двух помощников он снова избил ее на глазах всех остальных проституток. После этого ее заперли в комнате на 3 суток без еды и питья. Когда ее освободили, ее немедленно заставили работать. Две другие девушки, которые пытались бежать, рассказывали, что сутенеры раздели их донага и избили стальным плечиками для одежды. Полиция выступает в роли преследователя, когда какой-либо девушке удастся бежать; если их ловят, девушек избивают и насилуют в полицейском участке еще до того, как отсылают в публичный дом. Большинству девушек скоро становится ясно, что они никогда не смогут освободиться, единственная надежда на облегчение их участи – ублажать сутенера и как-нибудь выплачивать долги.

Со временем замешательство и неверие уходят, уступая место страху, подчинению и разрыву здоровых связей между разумом и телом. Теперь девушка делает все, что требуется, лишь бы уменьшить боль, приспособиться к жизни, которая означает быть использованной пятнадцатью мужчинами ежедневно. Реакция на это существование приобретает разные формы: вялость, агрессия, отвращение к себе и попытки самоубийства, дезориентация, самоунижение, депрессия, развивающиеся психозы, галлюцинации. У девушек, которые были освобождены и помещены в убежища, обнаруживаются все эти симптомы. Работники, занимающиеся реабилитацией, говорят, что девушки страдают от эмоциональной неустойчивости, они не верят в нормальные человеческие отношения и не в состоянии их поддерживать, не могут вновь

приспособиться к миру вне публичного дома, познавать этот мир и адекватно развиваться. К сожалению, психологическое консультирование практически неизвестно в Таиланде, поскольку в культуре существует сильная установка на сокрытие любых ментальных проблем, и практически никакая терапия с девушками, освобожденными из публичных домов, не проводится. Мы не знаем пока, какими будут долгосрочные последствия этого.

По поводу физических болезней, которые приобретают девушки, можно нарисовать более ясную картину. Существует множество болезней, передающихся половым путем, и девушки приобретают большинство из них. Многочисленные инфекции снижают иммунитет и увеличивают вероятность болезней. Если заболевание снижает способность заниматься сексом, то его могут лечить, но серьезные хронические болезни часто остаются без лечения. Предохранение от беременности часто также наносит вред здоровью девушки. Некоторые работодатели дают контрацептивы девушкам сами, не делая никаких перерывов. Таким образом, у девушек прекращаются месячные, и они могут работать больше. Некоторые девушки получают по 3–4 таблетки контрацептивов ежедневно, другим сутенер или кассир делают гормональные уколы. Одна и та же игла используется для всех, передавая ВИЧ-инфекцию от одной девушки к другой. Большинство забеременевших девушек посылают на аборт. Аборты в Таиланде запрещены, проводится подпольная операция со всеми вытекающими из этого последствиями. Некоторые женщины продолжают работать во время беременности, поскольку некоторым клиентам нравится заниматься сексом с беременными. Когда рождается ребенок, публичный дом забирает его и может продать, а женщина возвращается к работе.

Не удивительно, что СПИД достигает размеров эпидемии среди закабаленных проституток. В настоящее время в Таиланде самый высокий уровень ВИЧ-инфекций в мире. Официально правительство признает 800 000 случаев, но работники здравоохранения утверждают, что больных как минимум в два раза больше. Мечай Веравайдыя, специалист по планированию семьи, который был настолько успешен, что слово «мечай» превратилось для тайцев в название презерватива, предсказывает, что к 2001 году число ВИЧ-инфицированных составит 4,3 миллиона человек¹². Эпидемия практически охватила группы высокого риска – поставщиков сексуальных услуг и наркоманов, в некоторых районах страны уровень инфицированных в этих группах достигает 90%.

В настоящее время группа с наиболее быстро растущим уровнем ВИЧ-инфицированности, это жены, заразившиеся из-за визитов их мужей к проституткам. В некоторых деревнях, являющихся регулярными поставщиками девушек, уровень заболеваемости превосходит 60%. Недавние исследования показывают, что чем моложе девушка, тем более она восприимчива к вирусу иммунодефицита из-за недостаточного развития защитной оболочки слизистой влагалища. Несмотря на то, что презервативы поставляются правительством бесплатно, некоторые публичные дома не настаивают на их использовании. Многие молодые девушки мало что знают о СПИД'е и о том, как им можно заразиться. Некоторые полагают, что использование презервативов доставляет слишком много боли, когда нужно обслужить 10–15 мужчин за ночь. Действительно, повреждения влагалища, причиненные повторяющимися половыми актами с использованием презервативов, могут увеличить шансы заражения СПИД'ом в ситуации, когда в следующий раз презерватив не будет использован. Даже в тех публичных домах, где презервативы продаются и применяются, девушки не всегда могут обязать мужчину использовать их. Огромное число северных деревень стало приютом для молодых женщин, вернувшихся домой умирать от СПИД'а. Иногда их сторонятся, иногда выживают из деревни. Существует несколько реабилитационных центров, организованных благотворительными организациями и правительством, которые работают с бывшими проститутками и женщинами, имеющими положительную ВИЧ-реакцию, но они могут принять только малую толику тех, кто нуждается в помощи. За стенами публичного дома для этих женщин нет места, и некоторые из них остаются в борделе, даже когда у них появляется возможность его покинуть.

Мы теперь ни для чего другого не годимся

Время от времени правительство организует рейды по публичным домам и берет всех девушек под опеку. Это делается напоказ, когда газетные публикации или интерес зарубежных стран становится особо настойчивым. Во время таких рейдов проститутки прячутся или стараются убежать от полиции. Поскольку полиция обычно работает в интересах работодателей, девушки предполагают самое плохое, а никак не освобождение. Видеосъемки, принятые во время таких рейдов, показывают девушек, парализо-

ванных страхом, замерших в оцепенении в комнате выбора или, позднее, в полицейском участке. Иногда их привозят в убежище, но реабилитационные работники уже поняли, что некоторых из них невозможно удержать от побега обратно в публичный дом. Один из работников убежища рассказывает: «Когда девушек впервые привозят сюда, мы им говорим: не надо разбивать окна, если вы хотите уйти; смотрите, мы все сейчас идем к доктору для проверки, дверь открыта; пожалуйста, уходите, если хотите, потому что бесполезно удерживать их здесь силой»¹³.

Сложные взаимоотношения между рабом и работодателем помогают объяснить, почему молодые проститутки бегут обратно в публичный дом, испытав там такое жестокое обращение. Со стороны все кажется просто – один человек управляет другими с помощью насилия, похитив их свободу. Но рабы должны продолжать жить, будучи рабами, они должны найти способ адаптироваться к своему закабалению. На деле всякая адаптация к ужасу может быть сама по себе ужасна. Подобная реакция воспроизводит слова психолога Р. Д. Лэйна, который утверждал, что некоторые душевные болезни являются способом «привнести порядок, позволяющий жить, в ситуацию, в которой жить невозможно»¹⁴. В публичном доме примерно половина сексуальных рабынь впадает в состояние депрессии и изоляции от внешнего мира, другая половина находит более активные способы адаптации, которые могут включать в себя идентификацию с сутенером и работодателем. Подчинение, покорность имеют важное преимущество, снижая уровень насилия, от которого страдает проститутка. Поскольку освобождение кажется невозможным, то любое действие или послушание, которое освобождает от боли, делает жизнь хоть немного приемлемей, становится руководством к действию, неважно, насколько это унижительно или нелогично. Способ адаптации, избранный девушкой, может зависеть от того, как много она знала о жизни в публичном доме до своего приезда. Некоторые родители подтверждают, что они понимали, куда и для чего продают дочь. Некоторые девушки догадывались, что они, возможно, станут проститутками, и знали кое-что о том, что это значит. Для этих девушек адаптация может проходить легче. Другие девушки, особенно очень молодые, ожидали, что будут работать на фабрике или в ресторане. Они слышали о проституции, но не представляли, что это такое на самом деле. Для этих девушек физическое насилие, изнасилование могут оказаться разрушительными, и они впадают в шок и оцепенение.

В мире, в котором они живут, как и в концентрационном лагере, есть только те, у кого абсолютная власть, и те, у кого нет никакой власти. И награда, и наказание исходят из одного источника — от сутенера. Девушки часто считают, что построить хорошие отношения с сутенером — правильная стратегия. Сутенеры чаще всего просто бандиты, но они используют разные средства контроля, не только насилие. Они — мастера манипуляции, поддержания чувства неуверенности и зависимости. Сутенеры могут быть иногда добрыми, они могут относиться к девушке с приязнью, чтобы усилить ее податливость и зависимость от них. Культурные нормы также способствуют управляемости и подчиненности сексуальных рабынь. Девушке постоянно говорят, что ее родители будут страдать, если она откажется сотрудничать и не будет работать как следует, что на ее плечах долг, который она обязана выплачивать. Призыв к необходимости подчиниться и принять семейную ответственность будет звучать снова и снова. Половые роли в Таиланде четко определены, и от женщины ожидается покорность, уступчивость и послушание, что повторяется девочкам неоднократно. Религиозные убеждения девушек также способствуют этому промыванию мозгов. Тайский буддизм предполагает, что каждый должен заплатить кармические долги, накопленные в прошлых жизнях, страданиями в этой. Эти убеждения побуждают девушек искать причину в себе, поскольку они понимают, что должны были совершить ужасные грехи в прошлой жизни, если заслужили рабство и унижение в этой. Религия подталкивает их испытать эти страдания, примириться с ними, принять свою судьбу.

В итоге девушки становятся готовыми рабами, верными и послушными. Когда я встретил Шири, она как раз пересекла эту невидимую линию между желанием сопротивляться и покорностью. Всего лишь пятнадцатилетняя, она смирилась с жизнью проститутки. Она объяснила, что это ее судьба, ее карма, и каждый день она молится Будде, чтобы он послал ей силы принять происходящее. В прошлом она пыталась освободиться, теперь она мечтает о том, чтобы заработать достаточно денег на постройку дома в своей деревне. Ее гнев и негодование ушли, и она добровольно идет навстречу желаниям сутенера, гордясь своей привлекательной внешностью и более высокой ценой. Ее сопротивление сломлено, теперь ее выпускают из публичного дома, чтобы она могла сходить в храм. В своем господстве над Шири ее сутенер имеет мощного союзника — ее мать. Мать Шири останавливалась во

«Всегда процветающем» публичном доме на несколько дней, когда мы были там. Она приехала из деревни по просьбе сутенера, потому что Шири нужно было делать операцию. (Шири не сказала нам, какую именно операцию она делала, но сообщила, что это стоило 10 000 батов.) Сутенер опасался, что когда Шири будет поправляться, она может начать думать об освобождении. Ее мать помогла осуществить контроль над подобными мыслями, обеспечивая уход, но в то же время напоминая Шири о ее обязанностях и важности выплаты долга публичному дому и своим родителям. Со временем сутенер может позволить Шири уезжать на праздники домой, как он позволяет некоторым другим девушкам. Угроза побега девушек мала, поскольку они знают, что сутенер всегда сможет найти их в их деревне; они убеждены, что куда бы они ни спрятались, их отыщут.

Эта вера во всеведущего сутенера поддерживается другими, более опосредованными связями, складывающимися у девушки с работодателем и правительством. Все официальные лица – полицейский, который каждый день приходит в публичный дом, шеф полиции в городе или районе, политики, перед которыми отчитывается шеф полиции, и далее вверх по ступенькам правительственной лестницы – весь государственный аппарат служит машиной порабощения. Это не значит, что полиция или правительство непосредственно превращают девушек в рабов в борделях, – они обеспечивают систему защиты и принуждения, которая делает рабство возможным. На всех уровнях власти официальные лица не желают видеть преступления рабства. Целый свод законов лежит невостребованным: закон запрещает поставку женщин в бордели, проституцию, насилие, сексуальное унижение меньшинств, организацию публичных домов, похищение людей, работу по принуждению, долговую кабалу и рабство. Некоторые чиновники получают дополнительный доход от взяток, другие сами регулярно посещают публичные дома. Результатом является неофициальная, но очень эффективная система государственной поддержки сексуального рабства. Власть сутенера безмерно усиливается властью государственной полиции. Премьер-министр Таиланда Чуан Ликпай признал в 1992 году, что «проблема сексуального рабства не была бы столь сложной, если бы те, кто имеет оружие и представляет закон, не были бы в это вовлечены», но он добавил, что «если проблема неразрешима, я не стал бы заставлять власти заниматься ею».¹⁵ С 1992 года вовлеченность полиции в секс-индустрию только возросла.¹⁶

В тот день, когда премьер Чуан сделал это заявление, было раскрыто трагическое убийство в Сонгхле, которое ясно показало связи между полицией и владельцами публичных домов.¹⁷ Молодая тайская проститутка Пассавара Самрит, родом из северной деревни Чиангмай, была найдена мертвой с перерезанным горлом. Столкнувшись с угрозами убийства со стороны сутенера и полиции, когда она пыталась убежать из публичного дома, Пассавара обратилась в местный госпиталь и попросила о помощи. Персонал госпиталя отправил ее в департамент социального обеспечения префектуры в Сонгхле, и чиновник отдела позвонил в полицию. В конце дня, все еще находясь в отделе социального обеспечения, Пассавара пошла в туалет и исчезла. Ее тело было найдено на следующее утро. Пристальное внимание прессы сделало невозможным для полиции покрывать убийц, и через месяц следствие предъявило обвинение шестерым: двум чиновникам префектуры, двум офицерам полиции, зятю владельца публичного дома и сутенеру. Парламентское расследование показало, что местный полицейский участок получал регулярные выплаты от владельца публичного дома. По результатам расследования 20 полицейских были переведены на другую работу как несправившиеся с обязанностями и «допустившие неприятный казус».¹⁸

Освободиться и быть арестованной

Тот же самый экономический бум, который увеличил потребность в проститутках, может со временем положить конец сексуальному рабству в Таиланде. Индустриальный рост подразумевает увеличение рабочих мест для женщин. Образование и профессиональное обучение стремительно распространяются в Таиланде, и женщины в очень большой степени вовлечены в этот процесс. Неосведомленность и социально-культурная депривация, на которых в значительной степени основывается закабаление девушек, сокращаются, а более образованные девушки в меньшей степени склонны поддаваться на посулы посредников. Традиционные обязанности по отношению к семье, включая обязательства перед родителями, тоже становятся менее значимыми. Продвигаясь на север Таиланда, индустриализация приносит фундаментальные перемены. Телевизионные программы, которые можно смотреть по телевизору, купленному на средства от продажи одной из дочерей, могут принести предупреждение ее младшим сестрам. Девушки с севера, узнавая больше о новых рабочих местах,

о СПИД'е, о судьбе тех, кто попал в публичные дома, отказываются следовать за своими сестрами на юг. Рабство лучше всего развивается и процветает, когда отсутствуют альтернативы, а образование и средства массовой информации открывают тайским девушкам мир выбора.

Для работодателей эти события представляют серьезную проблему. Они сталкиваются с растущим спросом на проституток и сокращающимся предложением – уже сейчас цены на молодых тайских девушек стремительно растут. Их единственная возможность – найти другие регионы, где нищета и неосведомленность все еще правят бал. На самом деле ничего не может быть проще, поскольку еще остаются большие угнетенные и изолированные группы населения, достаточно отчаявшиеся, чтобы поверить обещаниям посредников. Из Бирмы на западе и из Лаоса на востоке прибывают тысячи экономических и политических беженцев, ищущих работу, они беззащитны в стране, где являются нелегальными чужаками. Техника, которая так хорошо работала в случае с тайскими девушками, применяется снова, но уже за границами страны. Исследователи из организации Human Rights Watch, которые провели специальное исследование в 1993 году, отслеживая эти поставки, пишут:

Поставки бирманских женщин в Таиланд ужасают своей эффективностью и безжалостностью. Влекомые желанием максимизировать выгоду и страхом перед СПИД'ом, агенты, действующие по поручению владельцев публичных домов, проникают даже в самые отдаленные области Бирмы в поисках ничего не подозревающих жертв. Девственницы – предмет особой охоты, поскольку они стоят дороже и представляют меньше угрозы с точки зрения половых заболеваний. Агенты обещают женщинам и девушкам работу официанток или посудомоек с хорошей оплатой и новой одеждой. Члены семьи или друзья обычно сопровождают женщин до границы с Таиландом, где и получают плату в размере от 10 000 до 20 000 батов от представителя публичного дома. Эта выплата становится долгом, который обычно удваивается за счет процентов, которые девушки должны компенсировать своей работой, но не как официантки или посудомойки, а оказывая сексуальные услуги¹⁹.

Попав в публичный дом, бирманские девушки оказываются в той же ситуации, что и тайские, даже хуже: поскольку они не знают языка, их изоляция еще глубже, а так как они незаконные иммигранты, по отношению к ним возможно еще больше оскорблений. Сутенеры без конца повторяют им, что если они высунут нос за пределы публичного дома, их немедленно арестуют. А арестованные бирманские и лаосские женщины не имеют никаких гражданских прав. Очень часто они задерживаются полицией без суда и следствия на долгое время. Традиционная сильная антипатия между тайцами и бирманцами увеличивает вероятность для бирманских женщин столкнуться с дискриминацией и произволом. Бирманские женщины оказываются ниже даже той печальной позиции, которую занимают их тайские сестры. Объясняя, почему так много бирманских женщин содержится в борделях города Ранонга в южном Таиланде, глава полиции региона заявил: «С моей точки зрения, это позор – позволять бирманским мужчинам (работающим в местной рыбной промышленности) пользоваться тайскими проститутками. Поэтому я с пониманием отношусь к возможности бирманским проституткам работать здесь»²⁰.

Особая запуганность, которую испытывают бирманские и лаосские женщины, является хорошей возможностью вновь закабалить их, когда они оказываются за дверью публичного дома. Убежали ли они или были выгнаны владельцами борделя, они быстро оказываются в поле зрения полиции, поскольку у них нет денег, чтобы уехать домой, и они не знают языка. Будучи замеченными полицией, бирманки оказываются в тюрьме, где встречаются с женщинами, арестованными во время периодических рейдов по публичным домам, которые попадают в тюрьму в том, что на них было надето. В местных тюрьмах иностранных женщин могут содержать без суда до восьми месяцев, применяя к ним насилие и унижая их. Со временем их могут послать в Иммигрантский изоляционный центр в Бангкоке или в специальную тюрьму в Паккрете. В обоих учреждениях унижения и вымогательство со стороны персонала продолжаются, а некоторых девушек продают обратно в публичные дома. Для депортации приговор суда не нужен, но на многих женщин заводят дело и обвиняют их в проституции или незаконном въезде в страну. Суды проводятся на тайском, без участия переводчиков, те, кому предъявлены обвинения,

штрафуются. Если у них нет денег, чтобы заплатить штраф, а у большинства их нет, то их посылают на фабрику-тюрьму, чтобы заработать деньги для выплаты штрафа. Там они производят электрические лампочки или искусственные цветы, работая по 12 часов в день; а тюремное начальство решает, когда они заработали достаточно, чтобы оплатить штраф. После фабрики-тюрьмы женщин посылают обратно в камеры полицейских участков или в Иммигрантский изоляционный центр. Большинство содержится там, пока не сможет заплатить стоимость транспортировки (иностранцы, нелегально въехавшие в страну, по закону обязаны заплатить за собственную депортацию), остальных депортируют без промедления.

Граница между Бирмой и Таиландом очень не упорядочена и опасна. Только часть ее контролируется военной диктатурой Бирмы, другие же части находятся в руках племенных вооруженных формирований или полевых командиров. После прибытия на границу депортируемые содержатся иммиграционной полицией в камерах в течение 3–7 дней. Все это время полиция вымогает деньги и подвергает заключенных физическим и сексуальным издевательствам. Полиция также использует это время, чтобы договориться с владельцами публичных домов и посредниками и ставит их в известность о месте и времени депортации. В день депортации женщин везут в течение нескольких часов вдоль границы в сельскую местность, подальше от населенных пунктов, а затем вытаскивают из грузовиков для скота, которые используются для их перевозки. Брошенные в джунглях, в десятках километров от какой-либо крупной дороги, без воды и питья, они даже не представляют, где они находятся и куда идти, чтобы попасть в Бирму. Как только иммиграционная полиция уезжает, появляются агенты и посредники, которые следуют за грузовиками от самого города по договоренности с полицией. Посредники предлагают работу и перевозку обратно в Таиланд. Брошенные в джунглях женщины часто видят это предложение как свой единственный шанс на спасение. Тех же, кто воспринимает это иначе, просто уводят насильно. В любом случае замкнутый круг долгового рабства и проституции начинается снова.

Если женщинам все-таки удастся попасть в Бирму, то в лучшем случае они оказываются в заключении. Если их задерживают бирманские пограничники, им предъявляют обвинение в «незаконном отъезде» из Бирмы. Если женщины не могут заплатить штраф, а большинство не может, то они получают 6 месяцев при-

нудительных работ. Содержание в заключении применяется ко всем таким обвиняемым — мужчинам, женщинам, детям. Если женщину или девушку подозревают в том, что она была проституткой, она может получить дополнительный штраф или длительное наказание. Женщин, дающих положительную реакцию на СПИД, помещают в тюрьму и казнят по распоряжению военной диктатуры Бирмы. Согласно сообщениям организации Human Rights Watch «обычно депортированных арестовывают, содержат в заключении, подвергают унижениям, заставляют быть носильщиками для армии. пытки, изнасилования и казни задокументированы подразделениями ООН, международными гуманитарными организациями и правительствами»²¹.

Ситуация на восточной границе Таиланда с Лаосом поддается оценке в гораздо меньшей степени. Граница более открыта, и через нее происходит интенсивное движение в обоих направлениях. Полиция, государственные чиновники, лидеры общин в Лаосе участвуют в обеспечении поставок женщин, действуя как агенты и выплачивая деньги родителям, живущим в данной местности. Они действуют безнаказанно, поскольку лаосским девушкам очень трудно освободиться и вернуться обратно в деревню; те же, кому это удастся, считают опасным сталкиваться с полицией или властями. Один из моих собеседников сказал мне, что если вернувшаяся девушка заговорит о том, что с ней было, ей никто не поверит, ее будут считать проституткой и избегать. Нет никакого способа вывести посредника на чистую воду и ему не грозит никакое наказание — девушка просто должна примириться со своей судьбой. Невозможно узнать, сколько лаосских девушек и женщин были привезены в Таиланд. На северо-востоке многие жители Таиланда говорят на лаосском языке, что делает затруднительным определить, является ли проститутка местной тайкой, или она на самом деле приехала из Лаоса. Поскольку они являются незаконными иммигрантами, лаосские девушки всегда заявляют, что они местные уроженки, и часто имеют фальшивые документы, подтверждающие это. В публичных домах образ их жизни такой же, как и у тайских женщин.

«Они не думают, что это — люди»

Поток женщин и девушек течет через границы Таиланда в обоих направлениях.²² Экспорт кабальных проституток — верный бизнес, находящий спрос в публичных домах Японии, Европы

и Америки. По оценкам тайландского Министерства иностранных дел, в 1994 году до 50 000 тайских женщин жило незаконно в Японии, занимаясь проституцией. Их ситуация в других странах аналогична ситуации бирманок в Таиланде. Соблазн и обман тайских женщин осуществляется по уже знакомому образцу. Тайские девушки и женщины, которым обещают работу уборщиц, домашней прислуги, посудомоек или кухарок, платят большой взнос нанимающему их агенту, чтобы зарезервировать для себя рабочее место в богатых, развитых странах. Их долговые обязательства значительно выше, чем у женщин, ставших проститутками в Таиланде, поскольку сюда включаются авиабилеты, взятки чиновникам иммиграционной службы, стоимость фальшивых паспортов, а иногда и деньги, заплаченные иностранным мужчинам с целью фиктивной женитьбы и облегчения въезда в страну.

В различных странах существует своя специфика сексуального рабства. В Швейцарию девушки привозятся по «артистическим» визам в качестве экзотических танцовщиц. В дополнение к проституции они должны работать в качестве стриптизерш, чтобы соответствовать условиям найма на работу. В Германии — это обычно девушки в барах, и они продаются мужчинам барменом или вышибалой. Некоторые девушки просто помещаются в публичные дома или на квартиры, контролируемые сутенерами. После того как в 80-х годах начались секс-туры японцев в Таиланд, Япония быстро стала самым большим импортером тайландских женщин. В Японии растет боязнь СПИД'а, что увеличивает спрос на девственниц. Японские мужчины, поскольку у них есть свободные средства, в состоянии платить значительные суммы за молодых сельских девушек из Таиланда. Японская организованная преступность, якудза, вовлечена во все этапы процесса поставки, иногда переправляя женщин через Малайзию или Филиппины. В городах якудза содержит бары и публичные дома, где и продают тайских женщин. Женщины перекупаются из одного борделя в другой, для контроля над ними используется жесточайшее насилие. Попытка сопротивления может закончиться убийством. Поскольку тайские девушки являются незаконными иммигрантами и часто приезжают в страну по фальшивым паспортам, японские бандиты редко останавливаются перед убийством девушки, которая рассердила их или перестала приносить выгоду. Кроме того, тайские женщины, депортированные из Японии, говорят, что гангстеры сознательно приучают девушек к наркотикам, чтобы сделать их более управляемыми.

Гангстеры, обычно китайские или вьетнамские, также контролируют публичные дома в США, где используют тайских женщин-рабынь. В ходе полицейских рейдов в Нью-Йорке, Сिएтле, Сан-Диего, Лос-Анджелесе были освобождены более 100 женщин и девушек.²³ В Нью-Йорке более 30 тайских женщин были заперты на верхних этажах здания, использующегося как публичный дом. Железные решетки загораживали окна, а целый ряд автоматических укрепленных дверей блокировал выход на улицу. Во время полицейских рейдов женщин прятали в потайной комнате в подвале. Оказавшись в тюрьме, владелица публичного дома показала, что она купила женщин, заплатив от \$6000 до \$15 000 за каждую. Женщины платили по \$300 долларов в неделю за комнату и стол; они работали с 11 вечера до 4 часов ночи и продавались клиентам по часам. Китайские и вьетнамские гангстеры были «крышей» этого публичного дома, получая деньги за защиту и охотясь за сбежавшими проститутками. Гангстеры владеют рядом публичных домов и массажных салонов, в которых они меняют местами тайских женщин, чтобы сбить с толку закон. После освобождения из нью-йоркского борделя некоторые женщины исчезли, но только для того, чтобы через несколько недель объявиться за 3000 миль в борделях Сिएтла. Одна из спасенных тайских женщин, которой обещали работу в ресторане, а превратили в сексуальную рабыню, показала, что владельцы публичного дома «когда покупают что-нибудь, то хотят использовать это полностью, и они не думают, что это — люди»²⁴.

Тайские женщины импортируются в Северную Америку для работы на фабриках так же, как и для сексуального бизнеса.

В конце 1995 года шестьдесят восемь тайцев, в основном женщины, были освобождены от потогонной работы на фабрике одежды в Лос-Анджелесе. Большинство из этих женщин работало по этой же профессии в Таиланде и заплатило агентам за возможность хорошей работы в Соединенных Штатах. Когда они приехали, у них забрали паспорта, и они оказались связанными долговыми обязательствами. Вынужденные жить взаперти в фабричных зданиях, они работали по 16 часов в день под наблюдением вооруженной охраны. Им сказали, что они должны выплатить долг примерно \$5000, а получали они около \$10 в день, из которых вычитали стоимость еды.

Как и многие развивающиеся страны, Таиланд экспортирует своих граждан как дешевую рабочую силу. Таиландских мужчин часто можно встретить работающими в качестве строительных

и заводских рабочих на Среднем Востоке и других странах Азии. Разветвленная индустрия коммерческого секса в Таиланде превратила его в основного экспортера женщин. Статус женщины в Таиланде очень низок, кроме того, женщины с детьми часто оказываются брошенными, когда мужчины уходят к другим женам, — все это создает слой женщин, мечтающих найти способы поддержать свою семью. Будучи наслышанными о женщинах, получивших легальную работу за границей, они залезают в огромные долги, чтобы заплатить агентам и посредникам. А попадают в кабалу и жесточайшую эксплуатацию, за которой следует нужда, ждущая их после возвращения в Таиланд. Их нищета усугубляется долгами на покупку авиабилетов, которые они должны вернуть друзьям или родственникам.

Должностное равнодушие и растущая экономика

Во многих отношениях Таиланд напоминает другую страну, переживавшую стремительную индустриализацию и экономический бум примерно сто лет назад. В то время Соединенные Штаты, переполненные экономическими мигрантами, управлявшиеся коррумпированными политиками и криминализированной полицией, переживавшие отток рабочей силы с ферм и беспрецедентный экономический рост, столкнулись со многими проблемами, которые Таиланд переживает сегодня. В 1890-х годах политическая машина, которая свела вместе организованную преступность, полицию и политические круги, контролировала проституцию, защищала рэкет, продажу наркотиков и вымогательство в американских городах. Им противостояло очень слабое и неорганизованное реформаторское движение и антикоррупционная пресса. Я привел это сравнение, так как важно понять, почему правительство Таиланда так беспомощно, сталкиваясь с закабалением собственных граждан, а также, чтобы напомнить, что условия *могут* меняться со временем. Разговоры с тайцами об ужасающей природе сексуального рабства часто заканчивались оценками вроде: «этого ничто не изменит... проблема слишком серьезная... те, кто у власти, не допустят перемен никогда». И такие оценки даются, хотя социальные и экономические основания рабства в Таиланде все время меняются, иногда к худшему, иногда к лучшему. Никакое общество не может оставаться неподвижным, тем более Таиланд, переживающий такие революционные изменения.

Даже беглый анализ ситуации показывает, что большинство тайских политиков не принимает проблему рабства всерьез. Хотя и существуют законы, полностью запрещающие порабощение, поставку рабов и их эксплуатацию, на деле они не применяются. Точнее будет сказать: они применяются *очень редко*, когда публичный скандал вынуждает политиков демонстрировать свою активность. Когда вынужденные «решительные мероприятия» действительно происходят, они обретают форму комической оперы. После шокирующих материалов о детской проституции и сексуальном рабстве, появившихся в прессе в 1992 году, правительство быстро решило создать специальные подразделения для борьбы с проституцией.²⁵ Подразделению было велено провести рейды в каждом публичном доме страны, в котором использовали малолетних или закабаленных проституток. Вся эта блестящая кампания была реализована шестью мужчинами, имеющими в своем распоряжении одну машину. И когда это небольшое подразделение, всерьез отнесясь к своей работе, совершило несколько рейдов, невзирая на сопротивление местной полиции, его полномочия не подчиняться местной полиции были отозваны. После дальнейшей успешной работы по освобождению кабальных проституток и детей (при поддержке благотворительных организаций) подразделение было распущено, чтобы освободить место другой группе, которая бы сотрудничала с местной полицией более тесно. В 1994 году это специальное правительственное подразделение арестовало 64 владельца борделя, 472 тайских проституток, 9 иностранных проституток и спасло 35 детей и проституток-рабынь, и это в стране, где, по оценкам, существует миллион работающих в индустрии секса²⁶.

Когда арестовываются бирманские или лаосские девушки, тайская полиция обычно нарушает свои собственные законы. Закон против поставок людей от 1928 года запрещает заключение в тюрьму или обложение штрафом женщин, которые были обманом привезены в Таиланд. Тем не менее полиция регулярно штрафует их и, как мы уже говорили, регулярно помещает в тюрьму, так что владельцы публичных домов могут получить обратно своих женщин, заплатив их «штрафы», которые включают взятку полиции. Договоренность между гангстерами, полицией и иммиграционными службами делает возможной поставку женщин в широких и только возрастающих масштабах. Когда полиция или чиновники уличаются в подобных деяниях, они получают лишь незначительное наказание. Кара полицейскому обычно заключа-

ется в переводе на другую работу. Такое же нежелание применять наказание распространяется и на владельцев публичных домов. Читая газетные отчеты о полицейских рейдах, поражаешься увертливости содержателей борделей. В то время как все проститутки оказываются арестованными, хозяевам борделей, рейд за рейдом, удается скрыться. Даже оказавшись арестованными, очень немногие попадают в суд (большинство отпускается на поруки), и еще меньше получают приговоры. Полковник Сурасак Суттхаром, глава подразделения по борьбе с проституцией, объяснил, что, когда ему удастся начать слушания в суде, содержатели публичных домов имеют право просить о рассмотрении дела по более мягкой статье, после чего платят штраф или добиваются прекращения судебных слушаний²⁷. Препятствия в расследовании и очень долгие проволочки в судебных процедурах, иногда длящиеся до трех лет, делают уровень наказаний крайне низким. И даже сам полковник Сурасак относится к владельцам публичных домов с симпатией: «Эти грешные люди, – говорит он, – иногда делают добро, помогая вывести этих бедных девушек из нищеты их домов к лучшей жизни».

Хотя это лишь небольшая часть проблемы, но сотрудничество Таиланда с европейскими силовыми структурами упрочилось. В 1992 году Таиланд присоединился к Акту о международном сотрудничестве в области уголовного права. Этот закон позволяет генеральному прокурору собирать показания против иностранцев, совершивших преступления в Таиланде, и пересылать материал в страны, гражданами которых являются преступники. В рамках этого закона были взяты показания у тайландского ребенка, чтобы наказать шведского педофила. Швед был арестован в Таиланде, но выпущен на поруки и исчез. Вновь арестованный на основании представленных показаний, он предстал перед судом и был осужден в Швеции. Осуществление подобного судебного преследования в Европе потребовало экстерриториальной юрисдикции, которая некоторое время уже существует в скандинавских странах. Недавно, после кампаний, проведенных сетью организаций «Прекратим детскую проституцию в азиатском туризме» (ЕСРАТ), подобные законы были приняты в Австралии, Бельгии, Франции, Германии, Новой Зеландии и Соединенных Штатах. ЕСРАТ и другие организации также убедили генерального прокурора Таиланда в будущем не выпускать на поруки иностранцев, уличенных в сексуальных домогательствах по отношению к детям.

В начале 1997 года Таиланд пересмотрел закон о проституции. Новое положение значительно усилило систему штрафов и тюремного заключения для тех, кто занимается сексом с проститутками моложе 18 лет (до 60 000 батов и 3 года тюрьмы) или до 15 лет (до 400 000 батов и 20 лет тюрьмы). Это значительное улучшение Закона о преодолении проституции от 1960 года, который предусматривал наказание любого, вовлеченного в индустрию секса, кроме клиента. Проституция все еще незаконна, но теперь взрослая проститутка подвергается всего лишь штрафу в 1000 батов и одному месяцу тюрьмы. Проститутки моложе 18 не наказываются, но после ареста они поступают в реабилитационные центры на срок до 6 месяцев, а затем направляются на курсы обучения какой-либо профессии сроком на два года. Закон устанавливает также штрафы и наказания для родителей, которые продают своих детей, а также для сводников, посредников, агентов и владельцев публичных домов, которые этих детей покупают. Это хорошее начало, если мы говорим о сексуальном рабстве, но оно может иметь не слишком большой эффект. Помимо вопроса о том, будет ли этот закон действительно применяться, существует много других ловушек и проблем. Например, не существует достаточного количества реабилитационных центров, чтобы принять тех молодых проституток, которые попадают под действие этого закона. Ключевая проблема, тем не менее, состоит в том, что проституция остается криминализованной настолько, что позволяет сутенерам и полиции продолжать работать рука об руку, используя закон как угрозу в целях достижения контроля над работающими в секс-индустрии.

Для таких девочек, как Шири, закон не будет иметь, скорее всего, серьезного значения. В провинциальных городах вроде того, где она работает, индустрия секса прочно «схвачена» местной полицией, которая мало беспокоится по поводу общегосударственных политических решений, еще меньше их беспокоят международные проблемы. Существует достаточное количество простых рекомендаций, цель которых помочь тайландскому правительству снизить уровень сексуального рабства. В 1993 году организация Human Rights Watch опубликовала программу из 17 пунктов, которые правительство могло бы осуществить для борьбы с поставками женщин.²⁸ Но у закона не такие крепкие зубы, как у полиции, которая в первую очередь служит работодателям и лишь затем — обществу. И пока из публичных домов в карманы полиции поступают серьезные барыши, с какой стати полиция будет проводить

в жизнь закон, имеющий такую низкую общественную поддержку? Большинство тайцев, особенно мужчин, не видят ничего плохого в использовании проституток и не слишком много плохого в использовании малолетних девочек. То, что девушки выплачивают долг, прекрасно вписывается в культурный контекст. То, что инвестирование в публичные дома — великолепный бизнес, еще одна причина не задавать лишних вопросов о системе, обеспечивающей торговлю девушками и женщинами.

Несмотря на новый закон, все еще не ясно, на чьей стороне правительство. На протяжении 60-х годов Министерство внутренних дел публично приветствовало расширение индустрии секса для развития туризма. Вскоре после того как в 1960 проституция была объявлена незаконной, появился Закон о предприятиях обслуживания, который узаконивал «развлечения» как отрасль. Закон пояснял, что от женщин, работающих в сфере развлечений, ожидают оказания «специальных услуг», иными словами — секса. Закон давал владельцам публичных домов в качестве «поставщиков развлечений» (что разрешено законом) власть над проститутками (запрещенными законом). Это привело женщин, независимо работавших в индустрии секса, в публичные дома и установило официальную категорию для этих «предприятий обслуживания». В 60-х и начале 70-х годов эти «предприятия обслуживания» прекрасно справлялись с 40 000 американских солдат, размещавшихся в Таиланде, и большим количеством тех, кто приезжал в отпуск во время вьетнамской войны. Когда американские военные базы закрылись в конце 70-х годов, тайское правительство обратилось к туризму и сексу как серьезному источнику дохода, который может восполнить утраченные прибыли. В 1980 году вице-премьер призывал провинциальных губернаторов создавать больше учреждений по оказанию сексуальных услуг, чтобы привлечь туристов в провинцию: «В течение ближайших двух лет нам понадобятся деньги. Поэтому я прошу всех губернаторов обратить внимание на природные ландшафты в своих провинциях и на определенные формы развлечений, которые некоторые из вас могут считать неприятными и постыдными, но мы должны принимать во внимание рабочие места, которые будут созданы»²⁹.

Стремительный рост сексуального туризма, скрыто поддерживаемого правительством, является частью таиландского экономического бума. Число иностранных туристов, прибывших в страну, выросло с 2 миллионов в 1984 году до 4 миллионов в 1988 году, в 1996 году приехало более 7 миллионов³⁰. Две трети туристов —

мужчины без сопровождающих: иными словами, примерно 5 миллионов одиноких мужчин посетило Таиланд в 1996 году. Существенную их долю составляли те, кто приехал за сексом. Поскольку правительство опасается сокращения валютных поступлений, получаемых от секс-туристов, официальные лица постоянно опровергают слухи об ухудшении ситуации с ВИЧ-инфекцией на протяжении 80-х годов. Не далее чем в 1989 году, премьер-министр заявил, что СПИД не является проблемой в Таиланде³¹. Благодаря сексуальному туризму, СПИД в настоящее время принял в Таиланде форму эпидемии, но сексуальный туризм продолжает оставаться основным источником поступлений иностранной валюты, и правительство не собирается его ограничивать.

Но важно понимать, что прямые связи между сексуальным туризмом и рабством невелики. Исключая детей, проданных педофилам, большинство работающих в индустрии секса, обслуживающей туристов, не являются рабами. Не представляет сомнений, что женщины, работающие в этой сфере, подвергаются эксплуатации и унижениям в высшей степени, но большинство из них не закабалены посредством долговых обязательств, которые связывают девушек в основном в публичных домах, предназначенных для бедных или рабочих. Тем не менее косвенное влияние более чем значимо: сексуальный туризм создал особый деловой климат, благоприятный для сексуального рабства. Тайская культура, как уже говорилось, всегда относилась к женщине и сексу как к предметам потребления, которые можно использовать, покупать или продавать. Хотя наложницы и многоженство стали уже историческими образцами, эти старые культурные формы сексуальной эксплуатации были трансформированы в новые деловые возможности, когда Таиланд вступил в мир бизнеса и экономики XXI века. При поддержке правительства традиционные формы сексуального угнетения женщин были модернизированы и расширены необычайно. Брошюры европейских компаний, которые кинулись продавать секс-туры, не оставляют у читателя никаких сомнений в том, что они продают.

Стройные, смуглые, сладкие, они любят белого мужчину страстно и жертвенно. Они мастера искусства любви от природы, искусства, которого мы, европейцы, не знаем («Life Travel», Швейцария).

Многие девушки мира секса – выходцы из бедных северо-восточных регионов страны и из трущоб Бангкока. Уже стало обычаем, что одна из привлекательных дочерей занимается этим бизнесом, чтобы заработать деньги для бедной семьи... у вас может сложиться впечатление, что нанять здесь девушку так же просто, как и купить пачку сигарет... маленькие рабыни, которые подарят вам настоящий тайский огонь («Kanita Kamha Travel», Нидерланды)¹².

По мере того как страна принимает новую материалистическую этику западного образца, повсеместная продажа сексуальных услуг получает ясный смысл – женщину можно закабалить и эксплуатировать с целью получения прибыли. Сексуальный туризм помогает создать условия для распространения сексуального рабства.

Сексуальный туризм также приносит доходы, которые тайские мужчины используют для оплаты собственных визитов в публичные дома. Никто не знает точно, сколько именно денег секс-индустрия дает экономике Таиланда, но если мы предположим, что хотя бы четверть занятых оказанием сексуальных услуг обслужит по 6 туристов и каждый клиент заплатит столько, сколько обычно платят Шири, мы получим цифру в 656 миллиардов батов (\$26,2 миллиардов) в год. Это в тринадцать раз больше того, что Таиланд зарабатывает сборкой и экспортом компьютеров, одной из основных отраслей экономики страны, и это деньги, которые приходят в страну без какой-либо связанной с этим необходимости строить фабрики или улучшать инфраструктуру. Это часть экономического бума, улучшающего в целом уровень жизни в стране и позволяющая покупать услуги коммерческого секса еще большему числу мужчин из рабочей среды. Тысячи и тысячи мужчин покупают секс на постоянной основе, и те, кто именно сейчас начал чувствовать вкус нового благополучия, не хочет этого лишиться. Женщины выступают знаком успеха и достижения, к которому все больше мужчин стремится после вступления Таиланда в мировую экономику.

Присоединение Таиланда к мировой экономике чудесным образом изменило доходы в Таиланде и нанесло серьезный урон обществу. Прочитируем Пасука Фонгпайхита и Криса Бейкера, экономистов, которые анализировали экономический бум в Таиланде.

Правительство позволяет бизнесменам грабить человеческие и природные ресурсы страны для достижения роста экономики. Оно не следит за тем, чтобы эти долги возвращались. Во многих отношениях последняя волна экономического бума была просто катастрофой. Леса уничтожались. Экология в городах ухудшилась. Мало что делается для того, чтобы сократить промышленные выбросы и вредные отходы. Для многих людей, чей труд создал весь этот бум, условия работы, здоровья и безопасности ужасающи.

Ни закон, ни мораль не оказались в состоянии уменьшить социальную цену, заплаченную за экономический рост. Бизнес зарождался в атмосфере общей вседозволенности и произвола. Механизмы социальной защиты оказались очень хрупкими. Законодательная система страдает серьезными изъянами. Правосудие не вызывает доверия. Полиция ненадежна. Власти регулярно пытаются помешать массовым организациям защищать права человека³³.

Механизмы социальной защиты настолько не эффективны, что делают возможными продажу и покупку рабов. Куда это приводит нас и тех, кто оказался закабален? Множество правозащитных организаций обращается к правительству с просьбой начать проводить в жизнь существующие законы. Действительно, если бы они выполнялись буквально, то рабства бы не было. Но, как мы видели, закон мало что может сделать против совместных усилий сексистской мужской культуры, религиозной доктрины, аморальной эксплуатационной экономики и коррумпированного правительства.

Таиланд сидит на игле рабства. Прибыль, приносимая рабством, течет из деревень в города и обратно. Поскольку власти и деловые круги привыкли к этим дополнительным деньгам, поскольку любые этические возражения потоплены в них, очень легко придумать оправдания рабства, а тайская культура и религия предоставляет их. Ситуация напоминает Соединенные Штаты в 50-х годах девятнадцатого века, когда значительная часть экономики зависела от рабского труда, а религия и культура были рады объяснить, почему это всем во благо. Но есть также и важная разница: это новое рабство – и его временный характер, а также усилия правозащитных организаций вселяют некоторую надежду.

Во всем Таиланде и люди, и организации борются с рабством. Центр защиты прав детей вытаскивает детей из публичных домов, обеспечивая им медицинскую и психологическую помощь и предоставляя убежище для реабилитации. Женский фонд и родственники ей Всемирный альянс против поставок женщин непрерывно оказывают давление на правительство с целью добиться последовательного выполнения законов. ЕСРАТ и Специальная комиссия за прекращение детской сексуальной эксплуатации добились большого успеха, пробудив обеспокоенность в Европе и Северной Америке и, самое важное, инициировав появление законов, по которым можно подвергнуть наказанию «западных» людей, вступивших в сексуальные отношения с тайскими детьми. Но эти усилия — попытки сдвинуть гору общественного безразличия в Таиланде. Излишек потенциальных рабов, особенно в политически нестабильных соседних странах — Бирме, Лаосе, Камбодже, их низкая цена, приносящая огромные прибыли, блокируют работу реформаторов. В лучшем случае эти организации могут только помочь части рабов в Таиланде, но мало что могут сделать для атаки на сами истоки рабства, хотя, как мы увидим в следующей главе, где эта работа будет рассмотрена в контексте старого рабства в Мавритании, и это является большим успехом.

МАВРИТАНИЯ

Старые времена не забыты

Мавритания определенно обладает чертами «Алисы в стране чудес». В стране жесткая военная диктатура, но большинство людей дружелюбно и приветливо, даже присутствующие повсюду солдаты. В большинстве случаев от вас ждут взятку, но не слишком навязчиво, и иногда просто добрых слов оказывается достаточно. Мавритания – полицейское государство, где призыв к свободным выборам может закончиться исчезновением и смертью, но даже полицейские рассыпаются в извинениях, если они ненароком толкнули вас на улице. Среди всех стран мира Мавритания имеет самую высокую долю населения, находящегося в рабской кабале, но рабов там нет вовсе.

Расположенная в северо-западной Африке к югу от Марокко, Мавритания представляет собой как бы географический буфер: ее население и история вырастают из жестоких столкновений между черным югом и арабским севером. Мавританское общество (в настоящее время население страны составляет 2,2 миллионов человек) состоит из трех основных групп: мавры арабского происхождения, часто называемые «белыми маврами» (включая касту воинов-хасанов, касту священнослужителей-марабутов и вассалов-зенага), рабы и бывшие рабы, называемые харатинами,

а также афро-мавританцы, которые составляют примерно 40% населения и являются выходцами из южных районов страны, где заканчивается арабская Сахара и начинается черная Африка. О точном числе людей в каждой из этих групп можно только гадать. Результаты национальной переписи хранятся в секрете находящимися у власти маврами, которые прекрасно осведомлены о том, что находятся в численном меньшинстве. Максимально мавры могут составлять до 40% населения, но, скорее всего, цифра ближе к 30%, более того, уровень рождаемости в этой группе ниже, чем у харатинов или афро-мавританцев. Новый исламский закон, поддержанный мавританскими средствами массовой информации, побуждает мужчин иметь больше чем одну жену, в надежде, что полигамия поднимет уровень рождаемости среди мавров. Цифры вызывают настоящую панику среди воинов и священнослужителей из господствующих высших каст.

Рабство отменялось в Мавритании много раз, последний – в 1980 году. В этот раз правительство постановило, что рабство в Мавритании закончилось и больше не существует. Значительная часть населения, возможно, до одной трети, стали бывшими рабами. Эта новая стратификация стала шоком для уже существовавших «бывших рабов», харатинов. Их название буквально означает «тот, кто был освобожден», и они образуют средний класс мавританского общества. Это потомки рабов, когда-то принадлежавших белым маврам, освобождавшиеся на протяжении столетий. Многие семьи стали свободными более 200 лет назад, и теперь они занимаются бизнесом, владеют собственностью и пользуются уважением. То, что большое число безграмотных и оборванных рабов было неожиданно приравнено к ним, они расценили как оскорбление.

Для тысяч рабов, которые были официально освобождены в 1980 году, жизнь не изменилась ни на йоту. Действительно, правительство запретило рабство, но никто не озаботился сказать об этом рабам. Некоторые из них так и не узнали о своей официальной свободе, некоторые через несколько лет все-таки узнали, но для многих официальная свобода так никогда и не превратилась в настоящую свободу. Сегодня в Мавритании нет рабства, но куда бы вы ни посмотрели – на углу любой улицы, в любом магазине, на каждом поле или пастбище, – вы видите рабов. Рабы подметают и моют, готовят и ухаживают за детьми, работают в строительстве и слугами в доме, добывают воду и кирпичи – они делают всю тяжелую, неприятную и грязную работу. Мавритан-

ская экономика прочно покоится на их спинах, и приятная жизнь их хозяев, даже тех, кто не имеет рабов, поддерживается их бесконечным тяжелым трудом.

«Яви милость рабам своим...»

Проведение исследования, посвященного человеческим правам и рабству, в полицейском государстве требует особой изощренности. Въехать в Мавританию непросто, исследователям часто отказывают в визе. Я выдавал себя за зоолога, интересующегося поведением местных гиен и шакалов. С новой карточкой члена Королевского Зоологического общества, набором книг и статей, посвященных шакалам и гиенам, биноклем и потрепанной полевой одеждой зоолога я умудрился получить визу и, благодаря небольшой взятке, попасть из аэропорта в столицу без досмотра. Оказавшись в Мавритании, я встретил помощь очень смелых людей, которые не побоялись рискнуть своими жизнями и свободой, чтобы показать мне рабство изнутри. Я хотел бы рассказать больше об этих замечательных мавританцах и работе по освобождению рабов, которую они ведут, но для их собственной безопасности лучше, если они останутся неназванными.

В Мавритании впервые в своей жизни я работал скрытно. На улицах нельзя фотографировать, видеокamera означает немедленный арест, а полиция — повсюду. Полисмены стоят в столице буквально на каждом углу, любая поездка означает постоянные остановки у полицейских постов, где ваш паспорт и документы проверяют снова и снова. Кроме того, привилегией останавливать вас постоянно пользуются филеры. Я был готов к этому, но тяжелое чувство постоянной слежки, которым заразились мои сотрудники, оказалось неожиданным. Чтобы документировать рабство в Мавритании, я взял с собой маленькие фотоаппарат и видеокamera. Фотоаппарат умещался у меня в ладони, и я мог делать снимки, держа его практически около кармана брюк, что обеспечило мне много забавных снимков собственного колена. Видеокamera я носил в специально для этого предназначенной сумке на плече и снимал с бедра, не глядя в объектив, что порой давало мне не менее забавные кадры (на этот раз — моего живота).

Шаг из машины на тротуар может привлечь взгляды людей, которые прогуливаются или работают на улице. Но всегда находился один человек — иногда в униформе, иногда нет, который не спускал с нас глаз и следил за каждым нашим движением. Если

мы расстегивали сумку, доставали камеру или открывали блокнот, этот человек начинал подбираться к нам поближе. И если мы быстренько не исчезали в каком-нибудь доме или не ныряли обратно в машину, то следовал вопрос: «Кто вы? Что вы здесь делаете? Где ваши документы?» Мавритания – полицейское государство, тщательно прячущее грязные секреты рабства.

То, что я обнаружил, было разновидностью рабства, существовавшего сотни лет назад и ныне не практикующегося нигде в мире. Рабство, которое было значимой частью мавританской культуры на протяжении веков, сохранилось здесь в примитивной племенной форме. Африканских рабов, продаваемых в древнем Риме, мавры ловили здесь, в районах, которые ныне стали южной Мавританией, и вывозили на север. На протяжении столетий этот регион страдал отсутствием ресурсов, пригодных к эксплуатации, потому самым долговременным и выгодным ресурсом оказались рабы.

Как видно из обзора, сделанного в главе 1, современное рабство может иметь различные формы. Существует разновидность рабства, которую большинство людей опознают как «подлинное» рабство – поставки рабов через Атлантику в 1650–1850 годах и рабовладение на американском Юге. Сегодня мы думаем о рабстве XIX века как о примере, иллюстрирующем «старое» рабство. Но для того, чтобы понять рабство в Мавритании, нам надо переместиться существенно глубже во времени, в ветхозаветные времена. Мавританское рабство относится к рабам более гуманно и одновременно оставляет их в состоянии еще пущей беспомощности, это рабство в большей степени – перманентная составляющая культуры, чем элемент политической реальности. В нем тела и жизни рабов, особенно женщин, ценятся выше, чем в остальных формах рабства. Оно настолько глубоко укоренилось в головах и рабов, и хозяев, что практически никакого насилия не требуется для поддержания его существования. Это отсутствие насилия позволяет многим внешним наблюдателям, например французскому и американскому правительствам, отрицать сам факт существования этого рабства. Но о рабстве лучше спросить самих рабов.

Одна двадцатитрехлетняя женщина рассказала представителям правозащитной организации следующее: «Мое имя Темразгин минт М'Барек, я рождена рабыней господина Абдалахи Салема ульд Ведуда, так же как моя мать и бабушка»¹. Темразгин, жившая как член домохозяйства своего хозяина, «работала день и ночь, выполняя любую работу, которую велел хозяин». Другая

освободившаяся рабыня, Фатима минт Сулейман, история которой оживляет в памяти весь ужас рабства прежних времен, рассказывала, что когда она убежала от хозяина, то «оставила трех детей, а теперь я узнала, что один из них умер». Она рассказала, что в доме своего хозяина «не имела права владеть чем бы то ни было и свободно передвигаться, я все время выполняла работу, которую мне приказывали делать. Мой хозяин разделил меня и отца моих детей и не разрешил нам пожениться, он разрушил все мои контакты с миром за пределами дома». Через шесть лет после освобождения, все еще не избавившись от страха, она решилась заявить о себе, потому что хочет соединиться со своими детьми на свободе.

Жизни Темразгин и Фатимы типичны. Белые мавры, контролирующие Мавританию, известные также как арабы-хасаны, объединены в большие многопоколенные семьи, которые в свою очередь образуют несколько племен. Практически все семьи, принадлежащие к высшим кастам хасанов, владеют рабами на протяжении десятилетий. Каждый отдельный раб – особая собственность мужчины из данной семьи; как собственность раб наследуется и очень редко продается. Семьи рабов обычно живут в доме своего хозяина. Некоторые хозяева – добрые, они относятся к доставшимся им по наследству рабам почти как к собственным детям, другие – жестокие. Харатины, бывшие рабы, освобожденные поколения назад, обычно являются потомками рабынь и белых мавров (поэтому их иногда называют черными маврами). Рабыни готовят еду, стирают, убирают для всей огромной семьи. Рабы-мужчины выполняют всю работу, которую им велят: в деревнях это обычно уход за скотом и примитивное сельское хозяйство, в городах – практически любая работа, которую только можно вообразить. Рабам за работу не платят, у них нет свободы выбора или передвижения. Но тот факт, что их родители, деды и прадеды жили в том же самом доме и работали на ту же самую семью мавров, часто создает глубокие эмоциональные связи между хозяином и рабом.

В этом заключается парадокс рабства в Мавритании. Многие из рабов думают о себе как о членах семьи хозяина. Равным образом, как правоверные мусульмане, многие из рабов верят, что если Господь поместил их в дом хозяина, то покинуть его – грех. В одном небольшом городке, где я побывал, репортер Дэвид Хечт увидел черного человека и белого мавра, одинаково одетых и идущих рука об руку². Они сказали, что они – хозяин и раб, но в то же

время – лучшие друзья. Многие рабы хотели бы покинуть своих хозяев, но не могут, другие могут, но не хотят уходить. В отличие от многих других работодателей, большинство хозяев-мавров чувствуют определенную ответственность перед своими рабами и осознают свои обязательства по отношению к ним, рассматривая и себя, и их как членов одной большой семьи и добрых мусульман. Они говорят о своих рабах, как о детях, нуждающихся в заботе и руководстве, и они ждут от них послушания. Своевольных рабов наказывают, но о старых рабах заботятся, даже после того, как они перестают приносить какую-либо пользу. Отношения между хозяином и рабом – глубокие, сложные и долгосрочные. Принимая во внимание, что значительная доля населения либо рабы, либо хозяева, отношения между ними принимают все формы, которые только можно вообразить, от дружеской близости до грубой эксплуатации. Без сомнения хозяин, который уважает своих рабов и относится к ним, как к равным, случай очень редкий, но и крайняя жестокость, хотя встречается чаще, все-таки не распространена повсеместно. Жизненная ситуация большинства рабов находится между этими двумя полюсами. Их жизнь – тяжела, дух и возможности – подавлены, их свободу у них отняли. Они – рабы, но к ним относятся не так одноразово, как к закабаленным проституткам в Таиланде.

Религия помогает одновременно защищать рабов и удерживать их в кабальной зависимости. Коран провозглашает, что только взятые в плен в священной войне могут быть рабами, но после того как они приняли ислам, их следует освободить. Возможно, что предки сегодняшних рабов были взяты в плен именно в такой войне, но сегодня все мавританцы – мусульмане уже на протяжении сотен лет, однако никакого повсеместного освобождения рабов не наблюдается. В то время как Коран ясно высказывается на эту тему, исламские правоведы (называемые улемами) гораздо сдержаннее говорят об этом. На запрет рабства в 1980 году один из улемов отреагировал провозглашением «законности рабства, как фундаментальной особенности ислама». Мнение этих исламских судей имеет вес, поскольку в 1980 году, возможно, в качестве условия финансовой помощи со стороны Саудовской Аравии Мавритания ввела шариат – религиозный закон исламских стран. Многим сегодня известны драконовские меры наказания по шариату: побивание камнями за адюльтер, ампутация рук за воровство, отсечение головы осужденным за убийство. Меньше известны законы, касающиеся рабов. Например, одно из правил гласит, что

суровое наказание ожидает того мужчину, который не «ограничивает свои плотские желания», но добавляет «кроме тех, что возникают по отношению к его женам и рабыням, поскольку они подзаконны ему»³. Закон, касающийся освобождения рабов, предельно ясен: это целиком прерогатива самого хозяина («ты можешь предоставить рабу свободу, если видишь в нем перспективу»). Та власть, которую шариат дает мусульманам над своими женами и сестрами, распространяется и на рабынь с детьми. Хотя Коран предписывает мужчине «яви милость рабам своим», шариат с момента своего основания используется, чтобы запугивать рабов и напоминать им о своем месте. Так, несколько бывших рабов были наказаны, и один из них, чью руку отрубили за кражу, умер из-за этого. С другой стороны, мавры, обвиненные в убийстве рабов, не понесли никакого наказания. Чтобы каждый мог видеть происходящее, суд и наказание, согласно шариату, происходят публично, не оставляя никаких сомнений в тех различиях, которые делаются между рабом и хозяином.

Существует также важное различие между рабом и рабыней. В мавританском обществе богатство мужчины традиционно измеряется числом женщин-рабынь, ему принадлежащих. Хотя рабов продают редко, тем не менее цена мужчины может колебаться от \$500 до \$700, взрослой женщины от \$700 до \$10 000, а молодая здоровая девушка может стоить еще больше. Дети рабыни всегда были и до сих пор являются собственностью своего хозяина вопреки закону, запрещающему рабство. Взрослые мужчины-рабы *по закону* не могут силой удерживаться своим хозяином, но взрослые женщины, особенно с детьми, редко находят защиту в суде. Хозяева могут удерживать женщину в рабстве силой или они могут просто помешать ей уйти, взяв под полный контроль ее детей. Чтобы воспрепятствовать бегству рабыни, детей часто передают от матери к другим членам семьи хозяина, живущим в других частях страны. Недавно несколько бывших рабынь подали иск на установление опеки над собственными детьми, удерживаемыми их бывшими хозяевами. Рабовладельцы обычно заявляют, что дети рабов – их собственные дети, и мать по сути является их собственной женой. Можно быть уверенным, что судьи и улемы в исламских судах примут подобный аргумент – в конце концов они сами владеют рабами. В любом случае мужчине позволено иметь до четырех жен, поэтому кто может доказать, что женщина-рабыня не одна из них? Сама женщина может отрицать факт замужества, но правительственные органы регулярно присуждают опеку

хозяину, а не матери, что вряд ли является неожиданным результатом для работы правовой системы, в которой свидетельские показания одного мужчины приравниваются к свидетельским показаниям двух женщин и которая обязывает платить компенсацию за жизнь женщины вдвое ниже, чем за жизнь мужчины.

Всюду проникающее рабство означает также, что у раба нет никакого выбора. Раб, покинувший своего хозяина, вряд ли найдет другую работу. Семьи белых мавров не испытывают потребности в наемной рабочей силе, поскольку у них есть собственные рабы. Более бедные белые мавры, пастухи и земледельцы из касты зенага, связанные с семьями из касты хасанов вассальными обязательствами, также не станут (да и не смогут из-за своей нищеты) нанимать сбежавшего раба. Свободные не-мавры в Мавритании не имеют рабов, но обычно у них огромное число членов собственной семьи, которых они предпочтут нанять на работу, прежде чем обратятся к чужаку. Когда рабы уходят от хозяина, они уходят ни с чем. Не имея места для проживания, без каких-либо гарантий еды или одежды, они быстро впадают в полную нищету. Некоторые освободившиеся рабыни становятся проститутками, а мужчины влачат жалкое существование в городах, но для большинства освобождение означает голод. В обществе, организованном в огромные многопоколенные семьи, освобожденный раб — пария. Немедленно опознанный по цвету кожи, одежде, речи, бывший раб первым делом услышит вопрос от своего потенциального нанимателя: «Кому ты принадлежишь?» С точки зрения тех, кто распоряжается работой и ресурсами, бывший раб уже доказал свою ненадежность, повернувшись спиной к своей собственной «семье», и эта точка зрения разделяется многими рабами. На улицах толчется достаточное количество нищих, многие из них калеки, и это не позволяет рабам забыть, что с ними будет на свободе. Таким образом, рабы испытывают искушение освободиться, только если их хозяин очень жесток, но на деле физические избиения случаются редко. Все мои информанты, даже бывшие рабы, подтверждают это. Избиения, которые они описывали, воспринимались как «наказание ради дисциплины». В основном мои собеседники, похоже, чувствовали, что рабы, как и дети, чтобы хорошо себя вести, нуждаются в несильном битье попы. Когда же встречались случаи крайнего насилия, они осуждались всеми как нарушение законов ислама.

В такой ситуации хозяевам нет нужды удерживать рабов силой. Им очень легко сказать: «Уходи, если хочешь», поскольку они

знают, что рабам некуда идти и нечем заработать на жизнь. Раб может попросить своего хозяина о плате за работу, но хозяин может отказаться платить. Изменение в законодательстве 1980 года отменило официальные обязательства рабов служить своему хозяину, но не реальность их работы и эксплуатации. В то время как официальное владение рабами было отменено, не были узаконены никакие изменения в трудовых отношениях: хозяева не обязаны платить своим рабам или обеспечивать им какие-либо социальные гарантии. Это позволяет продолжаться официальному обману запрета рабства. Мавританское правительство, хотя и признает, что сотни тысяч «бывших рабов» выполняют неоплачиваемую работу в обмен на еду и одежду, но настаивает на том, что это не рабство. Насилие редко требуется, чтобы добиться покорности от раба, поскольку вся социальная система поддерживает культуру порядка и послушания. Конечно, находящиеся у власти белые мавры и их правительство сохраняют монополию на насилие, они могут использовать его (и на деле используют) против воображаемых угроз, таких, как политическая оппозиция или организованная поддержка бывших рабов.

Чтобы понять это рабство, которое не представляет собой рабства, нам надо помнить культурный контекст этой страны. Мавритания не является частью современного мира. Ее культура существует изолированно: источников информации мало, большинство из них контролируется правительством. Международные новости на телевидении и в прессе посвящены арабскому миру, фокусируются на международной борьбе за чистоту ислама и никогда не касаются прав человека. Если бы в основном неграмотное большинство рабов *могло* читать, оно практически ничего бы не узнало, что шло бы вразрез с существующим положением вещей⁴. Во всяком случае большинство рабов в большей степени смирилось и психологически более защищено в своем рабстве, чем их хозяева. Правящим маврам известна международная критика, звучащая в адрес существующего в стране рабства. Они чувствуют необходимость защищаться и от разоблачений, и от рабов, получающих информацию о международном давлении на правительство, которое предпринимает экстраординарные меры для того, чтобы спрятать рабство от иностранных визитеров. Один белый мавр, который работал на правительство до того, как покинул страну, рассказал следующую историю.

В январе 1984 года четверо экспертов прибыли в нашу страну, а следом за ними еще один из Лондона. Их визит откладывался несколько раз, поскольку мы не были готовы. Почему мы должны были быть готовы? Потому что мы, молодые люди, за несколько недель до визита были призваны помочь армии и полиции перевезти всех рабов в другие регионы и уничтожить все, что могло бы беспокоить или огорчить наших визитеров. Иногда некоторые из нас даже играли роль освобожденных рабов и разговаривали с гостями, рассказывая им, как мы счастливы освободиться и получить возможность самообразования, учиться писать, читать, считать и говорить на иностранных языках. Этот фарс продолжался примерно 10 дней. Мы точно знали маршрут, разработанный для наших гостей, и мы двигались впереди них¹.

Представители правительства защищаются очень энергично, поскольку рабство, которое они пытаются скрыть, все равно великолепно видно, и им приходится идти больше чем на лингвистические трюки опровержения и задуривания, чтобы спрятать его. Успех этой политики в значительной мере определяется странным гримом мавританского общества: изолированная на самом верху от всей массы населения, высшая каста белых мавров отчаянно борется, чтобы удержать свои привилегии и своих рабов.

Суд Линча по заказу правительства

Чувствуя давление и контроль, правительство впадает в паранойю и прибегает к насилию. Превосходимые по численности афро-мавританцами, не имеющими рабов и экономически независимыми, белые мавры идут на любые шаги, чтобы удержаться у власти. Начиная с 1989 года, они обрушились на афро-мавританцев, которые выступают за более высокий социальный статус и демократическое участие в жизни страны. В 1990 году правительство натравило толпы беснующихся харатинов на афро-мавританцев и сенегальцев. По крайней мере двести черных сенегальцев были убиты только в столице. В ходе силовых акций правительства более 70 000 афро-мавританцев были высланы или бежали из страны в соседние Сенегал и Мали. В документах ООН зафиксированы более 500 случаев пыток, увечий и убийств афро-мавританцев, многие из которых занимали видные позиции в военной или публичной сферах общества. Расправившись с афро-

мавританской оппозицией и уничтожив ее лидеров, правительство завершило все это мероприятие принятием в 1993 году амнистии, которая защищала участников резни от преследований и наказания.

Массовые убийства, пытки, исчезновения людей, аресты и задержания, внесудебные казни в период 1989–1991 гг. сделали абсолютно ясным, что случится с каждым, покусившимся на статус кво. Как это часто происходит с диктаторскими режимами, развязанное преследование было излишней мерой: и афро-мавританцы, и харатины – правоверные мусульмане, с почтением относящиеся к власти и бесконечно уважающие сохранение общественного порядка. В отношении групп, борющихся за освобождение рабов, подобные меры предприняты не были, может быть, потому, что небольшие по численности, они представляют значительно меньшую угрозу. Но и они не защищены от вмешательства. Когда я готовился к визиту в Мавританию в начале 1997 года, я договорился о тайной встрече с лидерами «Эль хор», организации освободившихся рабов, и «SOS рабов», другой организации, стремящейся помочь рабам. За десять дней до моего приезда руководство обеих организаций и ряд других участников правозащитного движения в Мавритании были арестованы и посажены в тюрьму. Некоторые вышли из тюрьмы еще во время моего пребывания в Мавритании, но они оставались под домашним арестом и наблюдением. Излишне говорить, что никакой возможности встретиться у нас не было.

Мавританские противоречия трудны для понимания. Существуют рабы, которые свободны, но не покидают своих хозяев; существуют хозяева, которые контролируют все, но всего боятся. Щедрое гостеприимство – лишь прикрытие вопиющей лжи: правительственные чиновники приглашали меня к себе домой, после чего продолжали отрицать, что в Мавритании существуют какие-либо формы рабства. Эта страна так жестко разделена на конкурирующие группы, что границу можно провести по линейке. Одно из руководств для туристов пишет: «строгое, почти средневековое общество под властью ислама, расколотое расовой ненавистью и истощенное засухой»⁶. Со временем я узнал, в какой огромной степени Мавритания является продуктом своего странного окружения. И если мы собираемся понять жизнь рабов, мы должны прежде всего взглянуть на суровую землю Мавритании и на ее еще более суровую историю.

Все наши дороги в прекрасном состоянии. Обе: две

Как можно предположить, взглянув на полярно различные группы, образующие мавританское общество, Мавритания — еще одна африканская страна, искусственно созданная европейскими колонистами. Страна обширна и пустынна. Она примерно того же размера, что Колумбия или Калифорния и Техас вместе взятые, но в ней проживает чуть больше двух миллионов человек, что делает Мавританию страной с самой низкой плотностью населения в мире. Практически всю Мавританию занимает пустыня: это западный край великой Сахары. Примерно треть страны, восточный регион, который граничит с Мали, известен как «пустое пространство». Здесь, на территории размером с Великобританию, нет ни городов, ни дорог и практически нет людей. Разные районы Мавритании — это вариации на тему пустыни. Когда я путешествовал по стране, я понял, что существует много разных пустынь. В центре и на севере расположены каменистые котловины и скалистые холмы, где может расти кое-какой кустарник, а значит, могут жить козы и верблюды. На востоке, протягивая сухие пальцы в остальные районы страны, находится великая пустыня живых дюн, где постоянно движущийся песок не дает расти ничему живому. Известно, что Сахара продолжает расширяться, каменистые пустыни засыпаются движущимися дюнами и становятся непригодными для пастбищ; на юге песок засыпает почву, делая ее непригодной для земледелия. К северу от столицы движущиеся пески превратили целые деревни в жалкие клочки земли. Пустыня отступает только на юго-западной границе. Здесь река Сенегал орошает поля и поддерживает плодородие земель, на которых живут афро-мавританские племена фула, сонинке, волоф, с длинной историей закабаления и борьбы за свободу.

Французские колонисты потеснили португальских торговцев из региона реки Сенегал в XVII веке и вскоре занялись очень выгодным бизнесом — работорговлей. Основав базу Сент-Луис в устье Сенегала, они отправляли европейские товары вверх по реке и в районы пустыни. Их влияние гарантировало постоянный приток рабов из враждующих и жестко стратифицированных племен внутренних районов Африки. Мавританские белые мавры обеспечивали существенную часть этих поставок, захватывая в плен и продавая неарабское население из южных районов ареала своего обитания в обмен на оружие, одежду и сахар. Проданные

в низовьях реки и отправленные на кораблях из Сент-Луиса, эти чернокожие становились рабами на плантациях Гаити и других французских колоний, а также продавались по всей Америке. К началу XIX века, по мере того как арабы-хасаны приобретали все большее влияние в регионе, Мавритания разделилась на отдельные эмираты – высокоструктурированные исламские сообщества, жестоко враждующие между собой. Французы раздували гражданскую войну внутри арабских эмиратов и внешнюю вражду между ними, чтобы ослабить их и обеспечить постоянный приток рабов, захваченных в плен во время военных действий.

К концу XIX века французы, оттесненные к северу со своей базы в Сенегале и к югу из своих владений в Марокко, включили большую часть Мавритании в так называемую программу защиты и поддержания мира. Случившееся в 1905 году убийство французского командующего создало предлог для полномасштабного вторжения и аннексии. К 1920 году Мавритания официально стала французской колонией, хотя сопротивление кочевых повстанцев не было «умиротворено» вплоть до 1933 года. Поскольку коммерческий экспорт рабов закончился в XIX веке, Мавритания мало что могла предложить с экономической точки зрения. Французы оказались практически с пустыми руками, используя Мавританию как место ссылки политических агитаторов из других колоний и предпочитая не замечать существующее в мавританском обществе рабство. К тому времени, когда в 1960 году была провозглашена независимая Исламская Республика Мавритания, страна все еще не могла похвастаться асфальтированными шоссе или железными дорогами.

Первым президентом страны стал молодой белый мавр, юрист, с значительной политической поддержкой и со стороны мавров, и со стороны французов (он был зятем Шарля де Голля). Нарушив новую демократическую конституцию, президент Мухтар ульд Дадда соединил все политические партии в одну, свою собственную, устранил всех политических соперников и узаконил однопартийное правление в течение всего трех лет. Для дальнейшего усиления позиций белых мавров была основана новая столица в Нуакшоте. Это была всего-навсего пыльная деревня с населением 300 человек, но расположенная в части страны, населенной маврами, что позволяло переместить центр тяжести прочь с афро-мавританского юга. В целях дальнейшего усиления контроля арабский язык стал обязательным языком обучения в школах. Когда афро-мавританцы, протестуя против их стремительного вытес-

нения, начали демонстрации в столице, были вызваны войска, и оппозиция была подавлена силой. Даже *обсуждение* расового конфликта было запрещено. Продолжая наступление на справедливость, правящая партия взяла под свой контроль профсоюзы. К началу 70-х годов репрессии правительства превратили сонную французскую колонию в однопартийное полицейское государство, покоящееся на расовой дискриминации. Диктатура ульд Дадда заставила умолкнуть критиков и ускорила программу арабизации страны, но она не смогла справиться с двумя внешними угрозами: погодой и остатками испанского колониализма в Западной Сахаре.

В 1971 году не выпало даже того небольшого количества осадков, которое обычно выпадает в Мавритании. На северные и центральные районы страны обрушилась жестокая засуха, радикально изменив жизнь многих рабов. По мере уменьшения запасов еды именно рабы первыми стали страдать от голода, а отсутствие дождей отнимало последнюю надежду вырастить больше еды. Белые мавры по традиции пастухи, а засуха убивала скот — овец, коз, верблюдов. Перед угрозой голода для своих семей и для своих рабов огромное количество белых мавров переселялось в города, особенно в столицу Нуакшот, население которой стремительно увеличивалось. Доля мавританцев, живущих в городах, выросла с 14 % в 1970 году до 50 % в 1990-м.

В то время как засуха изменила структуру мавританского общества, партизанская война положила конец правлению Мухтара ульд Дадда. У Мавритании были давние претензии на территорию, известную как Западная Сахара, испанскую колонию непосредственно к северу от страны. К несчастью, Алжир и Марокко также имели виды на эту территорию, и когда в 1975 году испанцы оставили свою колонию, все три государства начали войну друг с другом и местными жителями (создавшими фронт освобождения Полисарио в поисках независимого будущего). Право контроля над регионом — предмет спора и до сегодняшнего дня, но Мавритания, слабейший из всех претендентов во многих отношениях, была изгнана из схватки к 1978 году, несмотря на поддержку французских сухопутных и военно-воздушных сил. Правительство, воззавшее к миру, было уже новым, составленным из полковников, которые изгнали бывшего президента в ходе бескровного военного переворота. Когда новое правительство запретило рабство в 1980 году, пытаясь отвлечь внимание от продолжающейся расовой дискриминации, результат оказался противоположным — эта проблема привлекла к себе внимание мировой

общественности. К 1981 году один из полковников, Маауйя ульд Сиди Ахмад Тайя, проявил себя как решительный администратор и с тех пор управляет Мавританией.

Именно президент Маауйя ульд Сиди Ахмад Тайя направлял нападения на афро-мавританцев в 1989–1991 годах, это по его приказу в 1997 году были арестованы лидеры правоохранительных групп. Его администрация продолжает программу этнических чисток, известную как *арабизация*, распространяя ее в традиционные места проживания афро-мавританцев в районе реки Сенегал. С конца 1980-х годов президент начал «программу активизации», наводнившую плодородные южные долины скупающими землю белыми маврами, поддерживая схемы развития, основывающиеся на лишении афро-мавританских фермеров собственности. Разжигая ненависть против афро-мавританцев, правительство отвлекает внимание от бедственного положения рабов и в то же время побуждает бывших рабов из черных мавров дистанцироваться от «вероломных» афро-мавританцев. Эта стратегия «разделяй и властвуй» приводит к тому, что рабы идентифицируют себя скорее с интересами своих хозяев, чем со своими собственными. В настоящий момент из-за социальной изоляции и беспомощности рабов эта стратегия работает, но социальные и экономические перемены подтачивают власть мавров.

Медленный поезд в каменный век

Мавритания — пример экономической немощи. На стране лежит вызывающий шок иностранный долг — более \$2,5 миллиардов, что в пять раз превосходит годовые доходы страны от экспорта. Душевой доход постоянно падает и в настоящий момент составляет примерно \$480 в год, делая население страны одним из самых бедных в мире⁷. Хотя это сложно представить, но экономическая ситуация только ухудшается. В Мавритании есть только два источника природных ресурсов — железная руда и рыба. Единственная железная дорога Мавритании связывает порт Нуадибу с шахтами, расположенными в 350 милях от побережья. Поезда медленно тянут свой груз руды и бута к побережью. Запасы железной руды в Мавритании все еще велики, но мировой спрос на руду и цены на нее падают на протяжении многих лет. Сама железная дорога время от времени прекращает работу, когда поезда сходят с рельсов, повреждая вагоны. Иногда громадные движущиеся песчаные дюны накрывают рельсы, и их необходимо расчи-

щать. Сами поезда в большой степени напоминают мавританскую экономику: медленные, разбитые, тянущие малоценные продукты на рынок, где спрос на них исчезает.

В последние десять лет правительство разрешило лов рыбы вдоль побережья страны. Открыв территориальные воды иностранным компаниям, правительство умудрилось невероятно сократить запасы рыбы, не получив значимой выгоды. На севере русские, китайские и корейские плавучие фабрики разделявают огромные косяки рыбы, а ближе к столице мавританский флот деревянных лодчонок насыщает своим ежедневным уловом японский перерабатывающий завод. На Японию падает большая доля экспорта страны, тогда как импорт приходит в основном из Франции и Таиланда. Поскольку образованные мавританцы говорят по-французски, они смотрят на Францию как на источник культуры, моды и промышленных товаров. Большинство машин на улицах французского производства; еда, одежда, даже игрушки и игры приходят из Франции, так же, как лекарства, химикаты и другое сырье. Таиланд поставляет единственный продукт – рис. Политика правительства, без конца подвергающего нападкам афро-мавританских фермеров плодородного юга, совместно с продолжающимся наступлением пустыни, настолько сократили производство, что страна теперь может обеспечивать только 30 % основных потребностей в продовольствии. Оставшиеся 70 % в виде риса, основного зерна, приходят из Таиланда. Поскольку любые сбои в поставках риса грозят крупномасштабным голодом, то тень катастрофы всегда нависает над страной. Чтобы обеспечить бесперебойные поставки, Мавритания должна предоставить своим кредиторам относительную свободу действий в эксплуатации природных ресурсов страны и поставке товаров на рынок, а также принимать их условия в ведении дел.

Из-за сложной экономической ситуации Мавритания практически не развивает собственную инфраструктуру. В стране ровно две дороги. Эти двухполосные шоссе были построены не правительством страны, а иностранными государствами в качестве экономической помощи. Одна, дорога к югу от Сенегала, разбита и выщерблена так, что стала практически непроезжей. Волею случая второй по величине город страны, Нуадибу, центр экспорта железной руды, не связан дорогой ни с каким другим местом в стране. Единственный способ добраться туда из столицы – это ехать вдоль побережья Атлантического океана примерно 250 миль (особый смысл в этом путешествии обретает автомобиль с пол-

ным приводом), если позволят приливы, штормы и кочующие дюны. Отсутствие современных технологий означает, что Мавритания — одно из немногих мест на земле, где вы можете почувствовать, что значит жить в доиндустриальную эпоху. Только пятая часть домов имеет электричество, в основном в столице и крупных городах. В деревне ночь означает полную темень, чуть отступающую у дверей шатра, освещенного желтым пламенем масляной лампы. Только в 3 % домов есть телефон: телефонный указатель всей страны имеет размер маленькой брошюры, номера телефонов для всей страны состоят всего из пяти цифр. Медицинскую помощь население (а не богатые) может найти только в больницах, построенных на средства зарубежных благотворительных организаций.

На индивидуальном уровне нищета превосходит все воображаемые пределы. Многие владеют лишь скудными пожитками: два или три куска материи, несколько пластиковых кувшинов, горшков и корзин, несколько железных инструментов, чайник, какое-то количество чашек, одеяло или килт, который может служить ковром, кроватью или тентом, — и это все. Жаркий и сухой климат в действительности помогает беднякам выжить: большую часть года необходимо лишь минимальное укрытие, и большинство рабов спит обычно на земле рядом с домом своего хозяина или в жалкой пристройке, сделанной из хвороста или обрезков дерева. Для бедняков или рабов дневной рацион — рис или кускус (примерно фунт в день), смешанный с объедками трапезы их хозяина. Рабов легко узнать на улице по их грязным лохмотьям, хозяев — по их струящимся безупречно чистым халатам. Белые мавры почти повсеместно носят большой белый или небесно голубой складчатый халат, называемый *бубу*. Покрой этого халата встречается только в Мавритании, его длинные широкие рукава можно закрутить вокруг головы наподобие покрывала. Халаты мавров часто декорированы золотым шитьем, они вычищены и отглажены до совершенства. Чтобы подчеркнуть различия в статусе, рабам редко позволяют носить *бубу*. Обычно они одеты в обноски европейской одежды, привозимой большими тюками от тряпичников из Франции. На городских улицах рабы мужского пола живут и работают одетые в странную смесь из полиэстерных брюк, когда-то бывших частью костюма, оборванных возле колена, и заляпанной футболки, рекламирующей товары, которые никогда не были доступны в Мавритании. Несмотря на жару, раскаленный песок и камни мостовой, рабы практически никогда не бывают обутыми.

Не удивительно, что средняя продолжительность жизни мужчин в Мавритании только 41 год, среди рабов этот показатель еще ниже. Вы обнаруживаете, что высохшие старухи-рабыни на самом деле тридцатилетние женщины; а дети рабов худы и низкорослы, часто покрытые ранами и царапинами, которые медленно заживают на их истощенных телах. Дети повсюду: примерно половина населения моложе 14 лет. Это, однако, не снижает производительности, поскольку дети рабов не получают никакого образования и начинают работать с 5–6 лет. В городе Бутилими позади больших, окруженных садами домов, принадлежавших белым маврам, я обнаружил лачугу, которую вначале принял за примитивный загон для коз. Но оттуда выбрались очень грязные дети рабов в обносках. В тот же самый момент дети белых мавров в ярких *бубу* прошли мимо по улице, неся книги и ранцы, направляясь в школу. Дети рабов, которым запрещено посещать школу, продолжали играть на грязной улице, их игрушками были выбеленные солнцем кости животных и старые консервные банки. В Мавритании только один человек из пяти грамотен. В Нуакшоте я встретил старую рабыню, ткавшую великолепные килты, и при этом не умевшую считать до десяти. Именно этот уровень вынужденной «темноты» помогает сохранить людей закабаленными даже в атмосфере столицы, где контроль не такой жесткий.

Окраина места, которого нет на карте

Проще всего увидеть мавританское рабство и то, как оно меняет формы, в столице – Нуакшоте, городе, замечательном своей непривлекательностью. Только диктатор, ослепленный расовой ненавистью, мог сделать такой нелепый выбор. Исключая гавань, расположенную в нескольких милях, не было никаких разумных причин размещать здесь столицу, зато множество резонов – не размещать. На протяжении девяти месяцев в году песчаные бури атакуют столицу. Песчаные дюны заполняют улицы, превращаясь в горы около зданий. Уличное движение и ветер поднимают так много песка в воздух, что кажется нет никакой разницы между тем, что у тебя под ногами, и тем, что у тебя в легких. Небо приобретает однообразный рыже-коричневый цвет. Мелкий песок и камешки проникают везде – в одежду, еду, глаза. Через несколько дней мелкая песочная взвесь заполняет ваше горло и легкие, и вы присоединяетесь к местным жителям, которые сухо, лающе кашляют.

Нуакшот был маленькой деревней и французским форпостом на немощенной дороге, идущей вдоль океана, прежде чем был выбран в качестве столицы новой страны в 1960 году. Основная часть города была возведена в течение нескольких лет, ее образуют здания, построенные на зафиксированных дюнах, предположительно для 15 000 жителей. Когда в 1969 году началась первая великая засуха и города превратились в места, где можно было достать пищу, Нуакшот наводнили беженцы со всей страны. Сегодня в нем проживает от 500 000 до 600 000 жителей – более четверти всего населения страны. Куда ни бросишь взгляд в Нуакшоте, видишь строительство – не магазинов или офисов, но тысяч и тысяч рассыпанных на вездесущем песке маленьких домов из бетонных блоков с плоскими крышами, покрытых песочного цвета штукатуркой, обычно из одной-двух комнат. В основном строительство ведется рабами, замешивающими бетон и вручную делающими блоки грубой формы, затем они перетаскивают эти блоки после просушки и укладывают их.

Работа рабов делает возможным строительный бум за бесценок. Один из представителей американского правительства говорил мне, что посольство никак не может понять, откуда появляются деньги, чтобы оплатить все это строительство, и как подобная экономическая активность может поддерживать население. Если предполагать, что рабочим платят и существует некий минимальный уровень жизни, он прав – в обращении нет достаточного количества денег, чтобы дать пропитание кому бы то ни было. Система работает потому, что большая часть рабочих не получает денег вообще, а еду и крышу над головой – самые убогие. Превращение рабского труда в городскую экономику – вот то, что отличает Нуакшот от остальной части Мавритании.

Когда засуха и политические волнения заставили белых мавров-хозяев переместиться в столицу, они привезли своих рабов с собой. Совместно со своими родственниками из огромных семей и семейных кланов они стали искать пути заработать деньги в новых городских условиях. Поскольку Нуакшот превращался в город практически из ничего, возможностей было много. Те, чьи рабы имели профессию кузнецов, открывали лавки для производства работ по металлу. Других рабов можно было научить делать кирпичи и бетонные блоки для строительства новых домов. Некоторые белые мавры начали розничную торговлю, и район рынка состоит из похожих на гаражи зданий, заполненных мебелью, инструментами или частями автомобилей. Владельцам магазинов

нет нужды даже прикасаться к своим товарам, потому что рабы выполняют всю работу по подъему, переноске, доставке, складированию и уборке. Наиболее способных рабов обучают работе приказчиков в маленьких магазинах, так что получение, возможно, очень неплохой прибыли основано на крайне небольших предварительных затратах.

В Нуакшоте я встретил бизнесмена из белых мавров, который владел четырьмя лавками, продающими продукты и товары для дома, наподобие маленьких магазинчиков, торгующих бакалеей в Европе или Америке. Поскольку в городе нет супермаркетов или больших универсальных магазинов, еду можно купить либо на открытом рынке, либо в подобных лавках. Владелец приехал в столицу во время засухи и с помощью семьи открыл свой первый магазин. Из своей деревни он привез четырех рабов, которых обучил работе в магазине, а остальные рабы, оставшиеся в деревне, занимаются выращиванием продуктов, которые можно в этом магазине продавать. Кроме того, доверенные рабы были посланы к югу от Сенегала, чтобы купить оптом бобы и овощи. Выручка оказалась хорошей с самого начала, она позволила построить и открыть со временем еще три магазина. Сегодня в каждом магазине работает по четыре раба, что позволяет магазинам работать с раннего утра до полуночи, даже когда один или два раба отлучаются для доставки или получения товаров для розничной продажи. Мясо и овощи продолжают поступать в магазины из закабаленных семей, все еще живущих в деревне, всем «работникам» платят едой. Рабы, работающие в городе, спят на полу магазина. Когда я спросил бизнесмена о его реальных затратах и прибыли, он стал рассеянным и внезапно потерял интерес к беседе, но поскольку стоимость еды известна, мы можем сделать некоторые оценки. Шестнадцать человек потребляют примерно 5 килограмм риса в день, к которым, возможно, следует добавить 2 килограмма мясных обрезков. Эта еда стоит примерно от 5 до 8 долларов, то есть на содержание 16 рабочих уходит \$240 в месяц – не больше \$15 на человека, что является одним из самых низких расходов на «зарплату» в мире.

Урбанизация открыла очень выгодные сферы деятельности для белых мавров, которые теперь занимаются всем, от строительства до ремонта машин. Рабовладельцы используют преимущества применения рабского труда в современной экономике. Это правда, что импортные товары, которые они покупают, дороги в контексте мавританской экономики, но и прибыли, базирую-

щиеся на рабском труде, тоже высоки. Прибыли распределяются по всей экономической цепочке. Большинство потребительских товаров в Мавританию поставляют французские экспортеры. Беглого взгляда на содержимое полок магазинов достаточно, чтобы понять: Мавритания превратилась в свалку европейских товаров, у которых истек срок годности (что особенно беспокоит любого, кто покупает лекарства, поскольку мало что в аптеках годно к употреблению). Чтобы сохранить этот рынок экспорта, французское правительство активно поддерживает режим президента Маауя ульд Сиди Ахмад Тайя, называя его «самой демократической страной в Северной Африке» и финансируя проекты экономического развития. Некоторые из этих проектов выглядят абсолютно нелепыми: в стране, где очень немногие имеют водопровод, огромные суммы были потрачены на спутниковые средства связи, которые важны лишь трем процентам населения, имеющим телефоны. Конечно, такие странные приоритеты могут существовать, если большинство граждан лишены слова в решении вопросов распределения ресурсов. Для рабов новая Мавритания отличается тем, что от них ждут новой работы и обучения другим профессиям, но факт их рабства остается неизменным. Возможно, лучший способ для нас понять эту новую форму старого рабства, это посмотреть на городских рабов, работа которых обеспечивает поставку самого ценного для Мавритании – воды.

Меня зовут Билал

У большинства рабов только одно имя, и для большинства рабов-мужчин это имя Билал. Билал – так звали раба, которым владел пророк Магомет, позже освободивший его и сделавший первым муэздином (тем, кто скликает мусульман на молитву с минарета мечети). Ни один белый мавр никогда не звался Билалом: это имя дается только рабам. Тот Билал, которого я встретил, один из многих рабов, работающих в столице на доставке воды. Это задача одновременно простая и чрезвычайно важная. Простая – потому что требует только ослика, маленькую тележку и одну-две бочки; важная – потому что в иссушенном городе в пустыне только 40–45 % жителей имеют водопровод. Это значит, что примерно 300 000 людей полагаются на человеческие руки и спины, которые обеспечат их водой.

Будучи деталью этой системы водоснабжения, Билал встает на рассвете. Он спит где-нибудь вблизи дома своего хозяина в растя-

нувшемся на километры Нуакшоте, возможно на заднем крыльце или в укрытии из коробок внутри обнесенного стенами двора. Его завтрак – рис или остатки вчерашней еды, которые подают ему женщины-рабыни, поднявшиеся еще раньше, чтобы начать готовить для всех домохозяев. С рассветом он уже на улице, направляет тележку, запряженную ослом, к общему колодцу, где он вручную старательно наполняет две шестидесятилитровые бочки водой. Колодец представляет собой отверстие в земле, огороженное по краям несколькими кирпичами. Нет ни крана, ни насоса, ни журавля, ни блока, ни ручки, только большое металлическое ведро, привязанное к веревке. Работая быстро, вытаскивая ведро за ведром, Билал выливает воду в бочки через установленную воронку. Когда бочки наполнены, другой раб подходит к колодцу со своими бочками, а Билал начинает свое путешествие.

Рабы, развозящие воду, кружат по городу, останавливаясь почти у каждого дома. С помощью резинового шланга они разливают воду в бутылки, ведра, канистры, баки. Иногда их зовут на стройки, чтобы доставить воду для подготовки бетона или раствора, иногда для поливки сада. Билал привозит как минимум одну тележку воды в дом своего хозяина, еще одну-две в дома его родственников. Местная валюта называется угия (200 угий примерно равны \$1), и Билал получает примерно одну угию за литр воды с тех, кто за нее платит. Когда его бочки пустеют, он возвращается к одному из общественных колодцев, чтобы наполнить их снова, иногда у него выдается минутка, чтобы отдохнуть и поболтать, стоя в очереди за водой, с другими рабами, развозящими воду. Его день – постоянное кружение с бочками воды от дома к дому. Хозяин Билала назначил ему урок – продавать как минимум 800 литров воды в день, кроме той, что он доставляет в дом хозяина, поэтому Билал отправляется к колодцу раз семь, а то и десять в день. Весь день он в движении, работая в самый зной без отдыха, продолжая свое кружение до самого заката. К закату он должен вернуться в дом своего хозяина, отдать выручку и заняться другой работой (обычно уборкой или перетаскиванием тяжестей), пока около полуночи не наступит время сна. На завтра все повторяется сначала, и послезавтра тоже, так день за днем, семь дней в неделю. Если он возвращается в дом мастера с меньшей выручкой, чем от него ждали, его ругают или бьют и лишают еды. Если в его работе случается перерыв из-за сезона дождей, события нечастого и непродолжительного в Мавритании, тогда хозяин отправляет его в деревню помогать на поле.

Билалу около 20 лет, хозяин привез его в город примерно три года назад. В деревенском доме своего хозяина Билал занимался обычной для молодых рабов работой – мытьем, уборкой, выпасом коз и верблюдов, работой в саду, доставкой воды, переноской тяжестей. Для высших каст хасанов любая работа, связанная с сельским хозяйством, рассматривается как унижительная. Только разведение верблюдов и кочевой образ жизни достойны уважения, так что постоянная повседневная работа ложится на рабов. Отец и дед Билала также были рабами в семье того же хозяина. Больше он о своей собственной семье не знает ничего. Его мать продолжает работать в доме хозяина в деревне.

Когда я впервые разговаривал с Билалом, он признал, что не получает денег, но утверждал, что «я работаю не ради денег, а потому что хочу помочь своему хозяину». Это стандартный ответ рабов, когда они не уверены в том, с кем разговаривают, и боятся, что их слова станут известны хозяину. Со временем, когда мы объяснили Билалу свои взгляды, он рассказал, что его хозяин после переезда в город велел ему никогда не признаваться в том, что он раб. «Но, конечно, – сказал он, – я раб». С момента переезда в столицу Билал многому научился. У него есть некоторое представление о «Эль хор», организации убежавших и освободившихся рабов. Он не знает, как связаться с ее членами, но он знает, что она существует. Он также узнал, что в жизни есть другие возможности, кроме возможности быть рабом или хозяином. «Чего я действительно хочу, – сказал он – это зарплаты, фиксированную оплату за работу, которую я делаю». Теперь Билал знает, что некоторые люди получают зарплату, у них есть работа, и они вечером приходят к себе домой. «Но когда я спросил своего хозяина про зарплату, он сказал, что так как есть – лучше, что он дает мне еду, иногда карманные деньги, и что я должен оставаться в его доме – что же я могу сделать?» Билал действительно мало что может сделать: он в ловушке. У него нет денег и нет способа заработать деньги. Он умеет продавать воду, но ослик, тележка, бочки принадлежат хозяину. Кроме дома хозяина, у него нет жилья и нет денег, чтобы снять комнату. «Если я стану жаловаться, мой хозяин отошлет меня обратно в деревню, где у него еще больше власти надо мной», – сказал он мне. Кроме того, все знают, что может произойти с убежавшим рабом. Все слышали истории о рабах, выслеженных и убитых своими хозяевами, и все знают, что суды редко предпринимают какие-либо меры против убийц.

Куда деньги текут рекой

Не удивительно, что хозяин Билала не хочет платить ему зарплату: в качестве раба Билал обеспечивает ему прекрасный доход. Хотя он продает воду по смешной цене в одну угию за литр, работа Билала приносит большую прибыль. В самом деле, Билал лишь один из четырех рабов, которых хозяин послал развозить воду, — небольшой бизнес, приносящий устойчивый доход наличными. Расходы, чтобы его начать, невысоки, и маловероятно, что хозяин Билала начал его на пустом месте: в хозяйстве обычно есть несколько ослов и, возможно, повозка. Даже если он начал с нуля, ему требуется небольшой капитал. Самый существенный расход (если не принимать в расчет рабов) — повозка. Сваренная из стали, со старыми машинными осями и ободьями, она стоит от 30 000 до 55 000 угий (\$160–\$290). Хорошего осла можно купить за 6000 — 10 000 угий (от \$32 до \$56), а старые бочки стоят примерно 600 угий за штуку (\$3). Общие расходы составят в самом крайнем случае 66 000 угий (\$350), а доходы, поверьте, очень хороши.

В среднем Билал приносит домой 800 угий в день (\$4,25), так же как и другие 3 продавца воды. Это не очень много, но это постоянный и надежный доход. Билал собирает 24 000 угий в месяц (\$130) — все четыре раба 96 000 угий — при очень низких предварительных расходах. В доме хозяина женщины-рабыни готовят на всех домочадцев, делая большое количество риса или кускуса. Рабы вроде Билала получают по порции риса каждый день и остатки еды, приготовленной для хозяина. Трапезу рабов часто составляет рис с водой, в которой варилась хозяйская еда. Если хозяину готовили овощи или картофель, Билалу могут достаться очистки. Еда Билала обходится хозяину примерно в 100 угий в день (около 50 центов). Пропитание осла — еще дешевле. Трава, листья, испорченное зерно, очистки, которыми кормят осла, стоят примерно 50 угий в день (около 25 центов). Еще одна статья расходов — «карманные деньги» Билала. Поскольку он вынужден работать весь день, не возвращаясь в дом хозяина, ему дают небольшую сумму денег, чтобы он мог купить вареный рис или кускус у уличных торговцев. Хотя было бы дешевле кормить Билала и других торговцев водой дома, дополнительные рабочие часы с лихвой окупают эти расходы. На карманные расходы Билал получает от 1000 до 2000 угий в месяц (около \$8). Еще одна статья расхода — деньги, которые платятся работнику муниципалитета,

надзирающему за водоснабжением и колодцами в своем районе. Хозяин должен платить «налог» в 5 угий за каждые 1000 литров воды, которые он забирает в общественных колодцах, что составляет примерно 120 угий в месяц (65 центов) на одного раба. Таблица 2 показывает, как складывается бизнес хозяина Билала.

Признаемся, прибыль \$371 в месяц не кажется огромной, но процент прибыли – 265 процентов – впечатляет. Не будем также забывать, что хозяин Билала получает каждый месяц от своих четверых рабов, продающих воду, столько, сколько средний мавританец зарабатывает за год. В местных условиях этого достаточно, чтобы купить хорошую машину или приобрести по несколько рабов ежегодно. Конечно, если хозяин должен начинать такой бизнес с нуля, цифры прибыли уменьшаются, поскольку он должен возместить первоначальные вложения: он может ожидать только 220 процентов прибыли в течение первого года, причем, первоначальные расходы окупятся в течение первых двух месяцев.

Во многих отношениях мавританский «водяной» бизнес предельно прост. Он являет всю прелесть использования рабского труда: ни пенсий, ни пособий по нетрудоспособности, ни зарплаты, ни премий; все, что требуется – поддерживать жизнь раба и осла. А в результате, как говорят экономисты, по всему Нуакшоту суммы набегают немалые. Примерно 300 000 жителей столицы не имеют водопровода. Согласно официальным данным, они используют около 25 литров воды на человека в день, то есть 7,5 миллионов литров в день. Конечно, не все покупают воду. На бедняков, которые сами приносят воду из общественных колодцев, падает примерно 40% потребления. Это означает, что примерно 4 миллиона литров воды покупаются у Билала и его товарищей по несчастью каждый день, после того как они обеспечили водой дом своего хозяина и тех, кому он покровительствует. Чтобы обеспечить такое количество воды, 5000 рабов выходят каждый день на улицы со своими тележками, и каждый год они приносят примерно \$6 миллионов прибыли. Для хозяев это важный стабильный доход.

ТАБЛИЦА 2

<i>Расходы</i>		
Статья расходов	Билал	Четыре раба
Еда	3 000	12 000
«Карманные деньги»	2 000	8 000
Питание осла	1 500	6 000
Налог на воду	<u>120</u>	<u>480</u>
<i>Всего</i>	6 620 (35 \$)	26 480 (140 \$)
<i>Доходы</i>		
Статья доходов	Билал	Четыре раба
Продажа воды (800 литров в день)	<u>24 000</u>	<u>96 000</u>
<i>Всего</i>	24 000 (128 \$)	96 000 (512 \$)
<i>Прибыль за месяц</i>	17 380 (93 \$)	69 520 (371 \$)

Те, кто развозит воду, лишь небольшая часть рабов в столице, численность которых, возможно, достигает 100 000. Очень сложно оценить их вклад в экономику страны или в карманы своих хозяев так, как мы сделали это в случае с продавцами воды. Но если предположить, что вклад остальных рабов Нуакшота в экономику такой же, тогда они должны создавать около \$160 миллионов оборота, или примерно 12 % внутреннего валового продукта страны. Прибыль от этих огромных сумм поступает напрямую в карманы хозяев, поддерживая обеспеченный и комфортный образ жизни, который ведут составляющее меньшинство белые мавры.

Если экономические оценки делать сложно, то прогнозировать будущее Билала еще сложнее. В отличие от многих рабов в разных странах мира его работа не опасна. Он недоедает, и он должен работать в тяжелых условиях, но его работа не наносит непосредственного ущерба здоровью или существованию. Его жизнь была бы легче, если бы Билал оставлял себе часть денег, вырученных за воду, и тратил их на еду. Но Билал никогда этого не сдела-

ет, потому что он честный. Сложно вообразить, что рабы не оставляют себе деньги, когда у них есть такой шанс, но это так. Быть рабом не значит потерять представления о добре и зле, и для Билала воровство – это зло. Эта этика находит серьезную поддержку среди белых мавров. Из мечетей и от святых людей слышатся призывы к честности и послушанию. Рабов учат, что только если они подчиняются своим хозяевам, они попадут на небо. Для раба, чья жизнь так ужасающа, обещания рая в загробной жизни важно. Конечно, не все рабы чувствуют обязательство быть послушными, но культура рабства настолько сильна, что многие из них действуют скорее как доверенные наемные работники, чем как рабы в оковах.

Stadtluft macht frei?

Будущее Билала трудно прогнозировать еще и потому, что в истории не было подобных прецедентов. Перенос того, что изначально было сельскохозяйственной формой рабства, в город трансформирует и город, и рабство. Поколения предков Билала работали на белых мавров как пастухи и землепашцы; Билал – первый, кто занимается продажей воды. Это верно и для тех рабов, кто работает в Нуакшоте носильщиками, приказчиками, кузнецами или ремонтирует автомобили. В средневековой Германии люди говорили «*stadtluft macht frei*» (воздух города делает свободным), потому что, если сельский житель бежал от своего господина и оставался в независимом городе год и один день, он освобождался от своих феодальных обязательств. Понятно, что приезда раба в Нуакшот недостаточно, чтобы гарантировать освобождение, но в воздухе столицы можно по крайней мере уловить аромат свободы. В деревне каждый занимает определенное место – хозяин, раб, вассал, торговец. На городских улицах незнакомые люди перемешиваются. Они могут быть рабами и хозяевами, но это также могут быть и харатины, освободившиеся и бывшие рабы, афро-мавританцы, сенегальцы или другие иностранцы, а могут быть и совсем необычные звери – европейцы.

Воздействие такого разнообразия людей и обычаев открывает новые горизонты перед рабами. И дело не только в том, что многие люди на улице не относятся ни к рабам, ни к хозяевам; столица разрушает все культурные нормы. Можно увидеть женщин за рулем автомобиля, некоторые женщины – явные мавританки – не носят паранджу. Жизнь бывших рабов и афро-мавританцев, кото-

рую можно наблюдать в столице, возможно, не крушение всех основ, но для раба, привыкшего к жестким установлениям рабства, она, безусловно, откровение. Собственным примером освободившиеся рабы показывают, что возможна другая жизнь, жизнь на свободе. Хотя, может быть, для многих свобода вовсе не желанна: в стране огромное количество рабов, у каждого свое отношение к возможности стать свободным.

Для многих состарившихся рабов свобода – мрачная перспектива. Глубоко убежденные, что Господь ждет от них верности своему хозяину, они отвергают свободу как неверный шаг, даже предательство. Борьба за свободу, с их точки зрения, означает нарушение естественного порядка вещей, установленного Господом, и наносит урон душе. Они настойчиво внедряют эти идеи в головы более молодых рабов, призывая их как можно лучше служить хозяину. В этом их поддерживают сами хозяева, которые награждают верных и исполнительных рабов, позволяя им вступать в брак и проявляя к ним доброе отношение. Подобное отношение к свободе питает те сильные привязанности, что возникают между рабами и хозяевами. Женщины-рабыни кормят хозяйских детей, ухаживают за ними, выращивают их. Они прислуживают женщинам в господском доме, и уважение, даже приязнь, может возникнуть с обеих сторон. Рабы-мужчины видят собственных родителей, о которых заботится их господин. Эксплуатация на протяжении поколений не обязательно перерастает в обиду, передающуюся от поколения к поколению, поскольку рабы и хозяева борются с засухами и переживают трудности вместе.

Но для многих рабов совместной истории недостаточно. Освобожденные рабы в столице служат убедительным примером, и чем явственнее свобода, тем сильнее ее зов. Многие рабы знают, что хотят свободы, но они не уверены в том, что она значит. Многие рады остановиться на полпути между рабством и свободой. Они бы хотели оставаться частью домохозяина, работая внутри огромной «семьи», но получать деньги за работу и некоторую, пусть ограниченную, свободу действий. Их пугает та ответственность за себя и свою семью, которую придется нести свободному человеку. Свобода передвижения не гарантирует пропитание и работу. Если бы у них появился выбор, большинство городских рабов предпочло бы продолжать работать на своего хозяина, но быть более независимыми. Рабы в Нуакшоте вновь и вновь повторяли, что хотели бы жить своим домом, а не в доме хозяина. И какими бы скромными эти желания ни были, незави-

симость видится ими как ключ к лучшей жизни. Но многие рабы остаются равнодушными к возможности достижения независимости, что вовсе не удивительно, учитывая их уязвимость и бессилие. Вопреки отмене рабства в 1980 году, рабы продолжают жить в узаконенном заточении, и законность его лучше не подвергать сомнению.

Закон 1980 года о запрете рабства предусматривает выплату компенсаций рабовладельцам, чьи рабы будут освобождены. Но, как и другие необходимые законы, не был принят документ о компенсациях, и подобные компенсации никогда не выплачивались. В то время как правозащитные организации настаивают, что выплаты надлежит делать рабам, а не их хозяевам, большинство рабовладельцев заявляет, что у них нет обязательств освобождать рабов до тех пор, пока им не компенсируют их потерю. В этом вопросе официальные доводы вновь становятся парадоксальными. Рабовладельцы отказываются освобождать рабов до тех пор, пока не получат компенсацию, но в то же время они настаивают, что поскольку рабство отменено, то они больше не являются рабовладельцами. Они продолжают относиться к своим рабам как к рабам, в то же время утверждая, что они вовсе не рабы, а просто разновидность дополнительного обеспечения в залог тех компенсаций, которые им должно выплатить правительство. Они так поступают, не испытывая никакого страха, поскольку не были приняты никакие законы, предусматривающие наказание за удерживание рабов, и, следуя закону о запрете рабства, суды отказываются признавать его существование. Когда правозащитные организации, такие, как «SOS рабов», возбуждают дело против какого-нибудь рабовладельца, самое большее, на что они могут рассчитывать в суде, это постановление о насильственном удерживании — более мягкая формулировка похищения. Иногда суд может признать, что похищение имело место, но ни один из «похитителей» так и не был наказан.

Такой официальный фарс был разыгран в 1996 году, когда освободившаяся рабыня, Айчана минт Абеид Боилил, обратилась в «SOS рабов» с просьбой помочь найти ее пятерых детей*. Она убежала от своего хозяина, живущего в районе Трарза, из-за жестокого обращения, оставив своих детей. В письменных показаниях по этому делу Айчана назвала под присягой, кроме своих собственных детей, имена и возраст еще 24 рабов, которыми владеет ее хозяин. В сопровождении официальных представителей «SOS рабов» Айчана приходила в кабинет государственного про-

курора снова и снова. Когда правозащитники пригрозили передать дело в международные организации, министр юстиции обратился в суд с просьбой принять постановление по этому делу. Чтобы избежать международного скандала, суд под давлением правительства вынес постановление о возврате детей, и со временем хозяин, Мохамад ульд Мусса, передал четверых из них. Пятый ребенок (двенадцатилетняя девочка), согласно его объяснениям, был передан хозяйской дочери по имени Боика и не находится больше на его ответственности. Ульд Мусса заявил, что имеет право на всех детей, поскольку Айчана была его женой, и он усыновил некоторых (сколько он не сказал) детей. Айчана отрицала, что была его женой, настаивая, что у них никогда не было сексуальных отношений. Рабовладельца не подвергли никакому штрафу или наказанию, а Айчана до сих пор пытается установить судьбу своего пятого ребенка.

Частичная победа Айчаны – редкое исключение из правил. Большинство обращений рабов или бывших рабов никогда не слушаются в суде. Поскольку не существует никаких законов, защищающих права рабов или устанавливающих наказание за закабаление, хакемы (главы провинций) и вали (губернаторы регионов) просто отказываются слушать жалобы рабов или регистрировать их заявления. Они утверждают, что поскольку нет никаких законодательных актов, регулирующих эти нарушения, они не могут брать на себя такую ответственность. Суды также ссылаются на отсутствие юридических законов и либо прекращают переданные им дела, либо передают их в исламские суды, которые в своих решениях руководствуются шариатом. Как мы уже говорили, улемы постановили, что согласно их интерпретации Корана рабство является законным, так что вряд ли можно рассчитывать на получение помощи от них, на деле улемы часто являются инициаторами различных кампаний против рабов.

Например, в городе Алег в начале 1996 года исламский суд забрал двух детей у родителей и передал их бывшему хозяину⁹. Отец, С'Хаба, и мать, М'Барка, убежали вместе со своими детьми от своего хозяина, Ахмеда уд Насера, из племени аружа. Поскольку рабы укрылись в ближайшем городе, рабовладелец не смог вернуть их обратно силой, поэтому он обратился к улемам за решением вопроса. Полиция доставила семью рабов в исламский суд, после короткого разбирательства дочь Зеид эль Мар и сын Билал были переданы хозяину. Хотя их родители обратились в центральный суд в Нуакшоте, их дело все еще слушается, а дети остаются в рабстве.

Дело М'Барки и С'Хаба иллюстрирует особое бесправие женщин и детей. Их жизни контролируются настолько тотально, что рабство иногда сложно разглядеть. В доме хозяина женщины существуют либо как домашняя прислуга, либо как члены семьи. Как мы уже говорили, Коран допускает сексуальные отношения хозяина со своими рабынями. Сексуальные отношения являются ключевой частью владения рабынями, и хозяева меньше всего собираются поступаться этим своим правом. Для хозяина статус намного важнее удовольствия. Рабыни рожают рабов, а рабы имеют стоимость. Усыновлены они или нет, но дети рабыни принадлежат хозяину, и суды всячески поддерживают хозяев в этом вопросе. Хозяин решает, может ли рабыня выйти замуж и за кого, и имеет право аннулировать брак, который он не одобряет. Темразгин, освободившаяся рабыня, которую мы уже представляли в этой главе, остро чувствует несправедливость: «Самое главное, у меня нет права выйти замуж. Один человек хотел на мне жениться, но мой хозяин заявил, что тот должен согласиться на такие условия: я останусь рабыней, мои дети будут рабами хозяина, выйдя замуж, я останусь жить в доме хозяина»¹⁰. Независимо от того, женаты родители или нет, хозяин имеет право делать с детьми рабов что угодно. Передавая детей в другие дома, одалживая их или продавая друзьям и родственникам, рабовладельцы прочно привязывают рабынь, превращая детей в заложников.

Отцы-рабы не имеют власти над своими детьми и проживают совместно с женой столько, сколько разрешает хозяин. Они бесцельны защитить свою семью или удержать ее вместе. Результатом является подчинение судьбе и покорность. Лишенным прав по отношению к своим близким, часто разделенным с ними, рабам мужского пола психологически легче убежать. Рабовладельцы не слишком стремятся найти сбежавшего мужчину-раба, поскольку он не является производителем благосостояния, как женщины. Сбежавшие мужчины могут найти кое-какую работу, но, хотя и оказавшись на свободе, большинство из них оказываются в худших условиях.

Для рабынь свобода обычно оказывается еще более тяжелой ношей. У них немного возможностей: работа проститутки или служанки, продажа кускуса на улицах или тяжелая физическая работа. Их дети превращаются в гаврошей. Не имея свидетельств о рождении, они не могут обратиться даже за той небольшой государственной помощью, которая существует; не имея дома и приличной одежды, они не могут посещать школу. Как дети

освободившихся рабов, они немногого стоят, и их ждет самая опасная и грязная работа. Правительство относится к широко применяемому детскому труду как к норме, считая его важным для экономического роста. Если это все, что ждет свободных рабов в будущем, то на какие позитивные перемены можно надеяться в Мавритании?

Сорок акров и мул

Мавританская конституция гарантирует большинство прав человека. После очередного заговора победители провозглашают равные гражданские права всех мавританцев и обещают реформу и передачу земли бедным. Эти пустые обещания все еще существуют в виде бесконечной «работы» комиссий по данному вопросу. Рабство – особо щекотливая тема для правительства, и официальная реакция на нее неоднозначна. Подлинный запрет рабства представляет реальную угрозу правительству Мавритании как минимум по четырем причинам.

Во-первых, высшие касты белых мавров, сохраняющие контроль и над страной, и над правительством, являются рабовладельцами. Президент Маауйя ульд Сиди Ахмад Тайя и его клан правят с разрешения и при поддержке других семей и племен белых мавров. И любое предложение о запрете рабства воспринимается ими как прямо задевающее их материальное благополучие. Когда бы запрет рабства ни обсуждался, реакция следует незамедлительно: хозяева применяют более жестокие меры, перемещают рабов в изолированные провинции, разделяют родителей и детей, используя последних как заложников. Если правительство соберется издать и претворить в жизнь законы, которые бы положили конец рабству, то с очень большой вероятностью выживет рабство, а не правительство.

Во-вторых, даже успешный запрет рабства может посеять разрушительные для правительства семена. Рабы фактически не граждане, они лишены политических прав. Если рабы станут участниками политической жизни страны, властные позиции белых мавров окажутся под угрозой. Самый страшный ночной кошмар находящихся у власти белых мавров – коалиция между освобожденными рабами и афро-мавританцами. Основные оппозиционные политические партии руководятся афро-мавританцами из-за рубежа – с баз, расположенных во Франции, Марокко и Сенегале. Многие афро-мавританцы хорошо образованы и имеют опыт

работы в бизнесе и администрировании. Несмотря на их способности, они обычно не занимают руководящие позиции, хотя те, кто верен правящей клике, получают кое-какие номинальные посты. Участники афро-мавританской оппозиции прекрасно осведомлены о политическом потенциале рабов и сделали освобождение рабов ключевым пунктом своей программы. Кампания арабизации была затеяна, чтобы парировать эту угрозу. Рабов учат говорить только по-арабски и практически не разрешают обучать чтению. Афро-мавританцы говорят на своих родных языках и по-французски, поэтому они вынуждены учить арабский, если они хотят установить хоть какие-то связи с рабами. В то же время правительство и белые мавры выстраивают баррикады анти-африканской пропаганды. Черных мавританцев называют «иностранцами», и мавры распускают среди рабов ужасные слухи о том, что они собираются разрушить общество и нанести удар исламу. Хотя сами рабы чаще африканцы, чем арабы, – белые мавры разыгрывают расовую карту. Они уверяют рабов в том, что те – арабы, хотя между собой всегда отрицают это; белые мавры никогда не собирались предоставлять рабам или харатинам те же права, что и арабам.

В-третьих, если рабству будет положен конец и если освобожденные рабы объединятся в своих интересах с афро-мавританцами, перед белыми маврами встанет еще одна неразрешимая проблема – земля. Когда в конце Гражданской войны в Америке рабы южных штатов были освобождены, многие считали, что необходимо сделать некоторые выплаты, чтобы помочь освобожденным рабам встать на ноги. Общим ожиданием была передача каждой семье бывших рабов сорока акров земли и мула, обеспечивавших базовые потребности самостоятельного существования в этом сельскохозяйственном регионе. Скажите, как, – задавали вопрос аболиционисты и освобожденные рабы, – 4 миллиона человек могут стать свободными, не имея ни копейки денег на собственное пропитание? Если ожидается, что они станут гражданами, то разве они не имеют права на общественную поддержку, чтобы начать новую жизнь? Американское правительство предпочло проигнорировать эти призывы, равно как и выплату компенсаций, сумма которых достигала 4 миллиардов долларов, рабовладельцам за потерю ими рабов. И бывшие рабы, и бывшие хозяева были предоставлены сами себе, результатом чего явилось последовавшее столетие издолжности, предрассудков, сегрегации и человеческих драм. Мавританское правительство точно так же стремится избе-

жать вопроса о выплате компенсаций – как рабам, так и хозяевам. Если принять к расчету самые низкие оценки числа рабов и учесть существующую ситуацию на рынке, то правительство должно будет выплатить рабовладельцам компенсаций на сумму более чем \$176 миллионов, то есть 16 % валового национального продукта, сумму, значительно превосходящую средства, имеющиеся в распоряжении правительства. Но закон об освобождении специально отмечает необходимость такой компенсации. Более того, даже если деньги для рабовладельцев все-таки можно найти, то землю для рабов – нет. Мавритания, возможно, сможет напечатать деньги, но она не сможет напечатать землю: площади пахотных земель сокращаются из-за наступления пустыни с угрожающей быстротой. Единственная возможность – забрать землю у белых мавров, ту землю, которую рабы обрабатывают сейчас. Но белые мавры никогда не допустят этой экспроприации, любая попытка может привести к гражданской войне.

Вопросы собственности на землю уже сейчас порождают напряжение между рабами и хозяевами. Согласно традиционной форме рабства, принятого у арабов, белые мавры ведут кочевую жизнь, перемещаясь со своим скотом на обширных территориях. Некоторые рабы мигрируют с ними, а некоторые остаются на земле, которой семья владеет, чтобы ухаживать за урожаем. На сегодняшний день многие семьи рабов живут как оседлые фермеры на протяжении поколений, и некоторые полагают, что имеют права на землю, за которой они ухаживают, если не права владения, то определенные гарантии долгосрочной аренды. К сожалению, ни их хозяева, ни правительство с ними не согласны. Раз за разом в делах, поступающих в гражданские или исламские суды, рабы и бывшие рабы оказывались изгнанными с земли, которую они обрабатывали. Невозделанные земли, освоенные бежавшими рабами более 50 лет назад, были также недавно «возвращены» владельцам-маврам, которые приобрели акты владения на землю буквально накануне обращения в полицию и к местным властям.

Есть несколько причин, по которым мавры присваивают землю все чаще. Некоторые опасаются, что рабство может быть запрещено или взято под контроль, и рабы могут получить права на землю, которую они обрабатывают. Изгоняя их с земли сейчас, мавры обеспечивают себе контроль в будущем. Некоторые рабы узнали об освобождении, случившемся в 1980 году, и полагают, что они – свободные люди. Они считают, что теперь не обязаны передавать более половины урожая своим хозяевам. Столкнув-

шись с таким отпором, рабовладельцы просто выгоняют семьи фермеров с земли. А поскольку городская экономика растет, многие хозяева находят новое применение земле, которой они владеют. Когда им требуется земля для застройки, они отбирают ее у рабов, которые эту землю обрабатывали. Каковы бы ни были мотивы белых мавров, суд регулярно поддерживает требования рабовладельцев на землю. Если нынешнее правительство попытается передать земли мавров бывшим рабам, результатом, почти без сомнения, будет новый заговор.

По сравнению с вопросами о земле, контроле белых мавров над правительством и афро-мавританской оппозицией, последняя угроза, которую рабство представляет для правительства, меньшая из всех. Только в общественном мнении зарубежных стран существование рабства является большей проблемой, чем его отмена. Позиция международной общественности имеет вес для мавританского правительства, поскольку оно зависит от иностранной помощи. Чтобы обеспечить поступление помощи, правительство выбрало самый простой путь: вместо того, чтобы решать проблему рабства, оно проводит кампанию по дезинформации. Мы уже видели, как правительство отменило рабство, не поставив рабов в известность об этом, но дымовая завеса на самом деле скрывает гораздо больше. Поскольку некоторые правозащитные организации настойчиво продолжают демонстрировать существование рабства, правительство организовало две собственные «правозащитные» организации: Национальный комитет борьбы с остатками рабства в Мавритании и Инициатива в поддержку деятельности президента. В то время как название последней не оставляет сомнений в ее роли по обеспечению президентской линии сторонниками и согласными, первая организация устроена хитрее. Перед ООН и зарубежными правительствами она предстает в роли независимой организации, платформа которой состоит в том, что в Мавритании, возможно, еще есть некоторые пережитки рабства, но только *следы* – печальные, но незначительные случаи неправильной трудовой практики. Членов действительно независимых организаций, обеспокоенных проблемой рабства, «SOS рабов» и «Эль хор», держат в буквальном смысле этого слова под замком. Когда «SOS рабов» в конце концов удастся возбудить дело в суде или обеспечить свободу убежавшего раба, несмотря на препоны со стороны правительства, Национальный комитет восклицает: «Да-да, это замечательно, что еще один пережиток рабства искоренен». После чего этот комитет указывает

на очень низкую цифру судебных дел, возбужденных по поводу рабства, забывая упомянуть о том, что судьи отказываются возбуждать такие дела под предлогом отсутствия соответствующего законодательства.

Готовность ООН и зарубежных стран доверять заявлениям этих проправительственных организаций можно объяснить всего двумя словами: исламский фундаментализм. Соединенные Штаты и Франция, два основных сторонника мавританского режима, нуждаются в стране-буфере против исламского фундаментализма Алжира и Ливии. В ходе Войны в заливе президент Маауйя ульд Сиди Ахмад Тайя поддерживал Саддама Хуссейна, позволив ему укрыть часть иракских военно-воздушных сил в мавританской пустыне. Это не пошло на благо стране в ее отношениях с кредиторами или с США и Францией, но теперь зарубежные державы стремятся оправдать Мавританию и не допустить, чтобы она стала очередной костью домино, упавшей под напором фундаменталистов. Белые мавры, управляющие страной, боятся фундаменталистов, чьи воззвания к бедным и обездоленным представляют прямую угрозу и их власти, и их роскошному образу жизни на западный манер. Афро-мавританская оппозиция также опасается подъема фундаментализма, который отвергает либеральную оппозиционную политику. Поскольку оппозиция разобщена и растеряна, эта угроза может подтолкнуть ее к союзу с правительством Маауйя ульд Сиди Ахмад Тайя. Если это произойдет, то, как сказано в одном современном руководстве, «нынешний правительственный аппарат, безбожный, антидемократический, коррумпированный, может сохраниться на долгие годы»¹¹.

Чтобы поддержать действующий в Мавритании режим, Соединенные Штаты и Франция обеспечивают правительство и значительной материальной помощью, и политическими оправданиями. Французы, как мы уже отмечали, восхваляют правительство, как демократическое, и финансируют большие проекты по развитию, стыдливо игнорируя вопросы рабства. Американцы отрицают любые свидетельства широко распространенного в стране рабства. В их «Отчете о соблюдении прав человека в Мавритании» от 1996 года говорится: «Рабство в форме официально санкционированного насильственного закабаления встречается крайне редко, и системы рабства, при которой правительство и общество совместно принуждают людей служить своим хозяевам, больше не существует». Отчет маскирует ужасную действительность с помощью вежливых эвфемизмов: «Встречаются отдельные

случаи передачи людей – часто детей – от одного нанимателя или хозяина к другому, обычно в рамках одной семьи. Сообщения о продаже крайне редки, не подтверждаются документально и стали достоянием прошлого»¹².

Если бы это были американские дети, передаваемые от одного хозяина к другому, немедленно бы последовал взрыв возмущения, но это мавританцы. Для американцев поддержка лжи о существовании лишь *следов* рабства в Мавритании – политический прием. Правительство президента Маауя ульд Сиди Ахмад Тайя – тот режим, с которым американцы и французы могут вести дела, даже если при этом приходится закрывать глаза на некоторые местные обычаи. Такая позиция – позор. Рабство в Мавритании сильно отличается от форм нового рабства, которое мы видим в мире, и оно требует большего, а не меньшего внимания и вмешательства. Оно глубже коренится в истории и обычаях, чем новое рабство, и потому неподатливее. Оно не посторонится без экономического давления. Здесь мы видим не столько бизнесменов, которые решили вкладывать деньги в рабство, а могут и передумать, сколько правящий класс страны, объединившийся, чтобы защитить свой образ жизни.

Назад в будущее

Рабство в Мавритании – старый обычай, перенесенный в наши дни. Благодаря изоляции, Западная Сахара сохранила этот реликт прошлого в прекрасном состоянии, как какую-нибудь высушенную мумию. Поскольку это старое рабство, в нем существуют проблемы, которые не встречаются в новых формах рабства. Давайте взглянем еще раз на различия между старым и новым рабством, в этот раз имея в виду Мавританию.

Близость к старому рабству делает ситуацию в Мавритании плохо поддающейся переменам. Поскольку рабство присутствовало всегда и никогда не принимало новые формы, оно имеет глубокие культурные корни. Многие люди в Мавритании воспринимают рабство как естественную и нормальную часть жизни, а не как отклонение или проблему, напротив, это истинный и древний порядок вещей. И поскольку рабы имеют большую ценность, их хозяева могут потерять много больше по сравнению с новыми работодателями, если рабство будет запрещено. Кто больше имеет, тот больше боится потери, и мавританские рабовладельцы ясно дали понять, что не откажутся от системы, в которую столько вло-

жили и которая так хорошо им служит. Конечно, высокая стоимость рабов также означает, что к ним относятся и содержат их лучше, чем новых рабов. Это лучшее отношение помогает системе рабства в Мавритании оставаться незаметной или быть оправданной. Аргументация даже фокусируется на том, что рабство — благо для раба: «Если бы хозяева о них не заботились, они бы голодали», или: «В такой бедной стране это на самом деле лучший выход — у каждого есть еда и работа». Когда к рабству относятся как к части «традиционной» культуры, обеспечивающей примитивный уровень социальных гарантий, то даже такие страны, как США и Франция, могут закрывать на него глаза. Если бы их память меньше была занята собственными интересами, они возможно вспомнили бы, что те же самые аргументы выдвигались в защиту рабства на американском Юге.

ТАБЛИЦА 3

Старое рабство	Мавритания	Новое рабство
Оформляется специальное право собственности	Владение рабами незаконно, но поддерживается судами	Стремятся избежать оформления права собственности
Высокая цена рабов	Относительно высокая цена покупки	Очень низкая цена рабов
Невысокие прибыли	Относительно высокий уровень прибыли	Очень высокий уровень прибыли
Недостаток потенциальных рабов	Дефицит рабов и конкуренция на них	Переизбыток потенциальных рабов
Долгосрочные отношения	Долгосрочные отношения	Краткосрочные отношения
Рабы сохраняются	Рабы сохраняются	Рабы заменяются
Важны этнические различия	Этнические различия акцентируются	Этнические различия не имеют значения

Как и на американском Юге в XIX столетии, расовые проблемы в Мавритании усиливаются. Расизм – это мотор, который движет мавританское общество. Несмотря на многочисленные смешанные браки, белые мавры в основном презирают своих рабов и относятся к ним как к низшим существам. У них четкий иерархический взгляд на мир, в котором себя они ставят на высшие позиции. Это чувство превосходства также питает страх и неприязнь по отношению к афро-мавританцам, которые хотят справедливого участия в руководстве страной. Эту форму расизма немавританцу трудно увидеть, поскольку черные рабы живут в домах белых мавров, они посещают одни и те же мечети, ездят на одних и тех же автобусах. Но она настолько сильна, что никакая официальная сегрегация и не требуется: граница семьи и племени ясна и непроницаема. Белые мавры прочно держатся за свое.

Безусловно, будет труднее справиться с рабством в Мавритании, чем в странах, где существуют его новые формы. Культурные и экономические интересы находящихся у власти белых мавров, глубоко укорененные в рабстве, делают их столь же готовыми сражаться за свои привилегии, как и южные штаты Америки в свое время. Кроме того, в Мавритании нет ни Авраама Линкольна, ни юнионистской армии, только слабое и преследуемое движение за освобождение рабов. Более того, так же, как Конфедерация имела могущественного друга в лице Великобритании, нуждавшейся в южном хлопке, так и Мавритания находит поддержку в лице Франции и США, которым нужна помощь в борьбе с расплозавшимся исламским фундаментализмом. Судя по всему, предстоит долгая борьба. Те, кто стремится остановить рабство в Мавритании, сталкиваются с более пугающими перспективами, чем американские аболиционисты в 1850-х, когда они взглянули на Юг и увидели более четырех миллионов рабов, скованных двумя веками насилия, обычаями и законом.

Но есть надежда. Несмотря на глубокую укорененность в мавританской культуре, рабство в этой стране в конце концов прекратится. Одни обретут свободу раньше, чем другие. Если бы западные страны связали выплату Мавританией огромных иностранных долгов с правительственной программой по передаче земли рабам, еще тысячи могли бы достичь долгожданной свободы. Если бы продовольственная помощь и проекты развития были бы пересмотрены так, чтобы помочь освобожденным рабам встать на путь самостоятельного существования, то только самые

крупные рабовладельцы проиграли бы в процессе общего экономического роста.

Но какие бы ресурсы западные правительства ни вкладывали в проблему, они не станут источником свободы рабов. Каждый день члены мавританских организаций «SOS рабов» и «Эль хор» работают, чтобы помочь рабам обрести свободу. История, которую они рассказывают рабам, примеры, которые приводят, — показывают путь к освобождению. Хотя их лидеры арестованы и заключены в тюрьму, хотя их митинги разгоняются, а публикации подвергаются цензуре, они не сдаются. Многие из лидеров и членов этих организаций сами — бывшие рабы, и так же, как Фредерик Дуглас или Харриет Тубман, они собираются бороться до конца. Но самое важное и значимое — рабы в Мавритании все больше узнают о своих правах: в них крепнет неотвратимая потребность в свободе, а когда она окрепнет, ничто не сможет их остановить.

БРАЗИЛИЯ

Жизнь на краю

Новое рабство процветает там, где ломаются старые нормы, меняется прежний образ жизни. Часто упоминающаяся в прессе вырубка джунглей в Бразилии нарушает привычный образ жизни людей, живущих и работающих в этих регионах. Значительная часть бразильского рабства произрастает из этого социального хаоса. Представьте, как серьезное наводнение или землетрясение может нарушить санитарный баланс и вызвать распространение заболеваний. Даже в самых современных странах, когда природная или техногенная катастрофа разрушает водоснабжение и канализацию в городах, могут объявиться смертельные болезни, такие, как дизентерия или холера, и вызвать эпидемию среди населения. Точно так же разрушение окружающей среды и экономические катастрофы могут привести к крушению общества, и страшная болезнь рабства может расцвести на обломках.

Но разрушение всегда нестабильно, никакой регион или общество не могут соскользнуть в хаос и остаться там навсегда. Вызванное экономическими причинами разрушение прокатилось

по Бразилии как волна прилива. Перед ней – кустарники *cerrado*, или джунгли Амазонии, после нее – эвкалиптовые плантации и новые скотоводческие ранчо, засаженные не свойственной этому региону травой, где больше нет местных животных, и поставляющие мясо на городские рынки. В зоне самой волны – полная неразбериха. Пространство между старыми лесами и «цивилизацией» – зона битвы, где старые правила уже не действуют, а новые еще не вступили в силу. Поскольку естественная экосистема сломана и привычный образ жизни людей разрушен, лишённые своих мест работники, в том числе городские безработные, образуют группы риска, в большей степени доступные закабалению. Люди, пойманные и вынужденные продолжать вырубку джунглей, живут без электричества, водопровода, средств связи с окружающим миром. Они полностью под контролем своих хозяев. Волна разрушений несет с собой рабство. Земля впереди нее еще пригодна к эксплуатации, земля позади нее – обнажена, и когда вся земля будет расчищена, от рабов избавятся.

Мы воображаем разрушение окружающей среды в виде огромных бульдозеров, прокладывающих себе путь через нетронутые леса, сокрушая все живое своими стальными гусеницами, сдирая живую природу, чтобы залить все кругом бетоном. На самом деле процесс разрушения коварнее. В данном случае именно люди, живущие в лесу, который составляет основу их жизни, обычно вынуждены разрушать его. Дерево за деревом руки рабов выдавливают жизнь из собственной земли и готовят ее к дальнейшей эксплуатации. Рабство в Бразилии – явление временное, потому что разрушение природы не может быть вечным: лес можно уничтожить только один раз, и этот процесс не займет много времени.

Иногда лес вырубает, чтобы получить что-нибудь ценное, иногда уничтожение не приносит никакой выгоды. В штате Мату-Гросу-ду-Соль произошло и то, и другое. Двадцать пять лет назад, когда *cerrado* были вырублены, чтобы уступить место эвкалиптам, древесина была просто сложена в огромные штабеля и сожжена. Сегодня, когда последняя волна разрушения вновь прокатилась через Мату-Гросу, *cerrado* и теперь уже эвкалипты были сожжены вновь, но на этот раз ради денег. Дерево превратили в уголь – наподобие того, что используется для шашлыков. Это особая разновидность угля, поскольку она сделана вручную, рабами. Но, впрочем, не такая уж и особая, в конце концов рабство имеет долгую историю в Бразилии.

К сведению англичан

Когда европейцы, прежде всего португальцы, пришли в Бразилию, они принесли широкомасштабное рабство с собой. Через восемь лет после «открытия» Колумбом Америки португальский моряк по имени Педро Алвариш Кабрал «нашел» Бразилию, и вскоре первооткрыватели поняли, какие богатства они могут получить, выращивая здесь сахар для продажи на европейских рынках. Жившие здесь индейцы были быстро завоеваны и превращены в рабов новыми хозяевами, но они оказались малочисленными и недостаточно выносливыми, чтобы обеспечить потребности в рабочей силе на быстро растущих плантациях (европейцы занесли в Америку заболевания, которые уничтожили не одно индейское племя). Это не стало проблемой для новых поселенцев, потому что португальцы уже начали захватывать рабов на побережье Африки. Доставка их в Бразилию не вызывала сложностей, это путешествие было даже короче, чем на острова Карибского бассейна или в Северную Америку. Вскоре во всех заселенных частях Бразилии применяли рабский труд официально, и национальная экономика росла, подпираемая спинами рабов.

Начиная с первых шагов колонизации и до конца XIX века, рабы из Африки ввозились в Бразилию в огромных количествах. В Бразилию привезли африканцев в 10 раз больше, чем в Соединенные Штаты: порядка 10 миллионов человек. Но поскольку уровень смертности на сахарных плантациях был очень высок, число рабов в Бразилии никогда не превосходило половины их количества в Штатах. В XVIII веке открытие золота помогло рабству проникнуть глубоко во внутренние районы Амазонии. В XIX веке в Бразилии разгорелась битва по поводу рабства, но в отличие от Соединенных Штатов она не привела к гражданской войне. В Бразилии основной силой, борющейся с рабством, стала Британия, от поддержки которой португальцы зависели все сильнее. Начиная с 1832 года, британский флот патрулировал побережье Бразилии, захватывая суда, перевозящие рабов из Африки, и освобождая несчастных. В самой Бразилии рабовладельцы постоянно стремились поднять волну расизма и страха, необходимую для сохранения рабства; правительство издало закон, названный *para Ingles ver* (к сведению англичан), фраза, которая и сейчас используется, чтобы обозначить уловку. В 1854 году ввоз рабов в страну и международная работоторговля были запрещены, но не само рабство. Власть англичан имела свои пределы, и на по-

следних этапах борьбы именно бразильское движение за прекращение рабства, возглавляемое Хоакином Набуко, собравшее в единую коалицию националистов, антиколониалистов и либералов, одержало победу над земле- и рабовладельцами после двадцати лет политической борьбы. Окончательное освобождение пришло в мае 1888 года, когда Бразилия стала последней страной в Америке, запретившей рабство.

Нельзя сказать наверняка, действительно ли рабство полностью исчезло в Бразилии. Большие плантации в прибрежных регионах, наиболее доступные для правительственного контроля, освободились от рабства в течение нескольких лет, но в отдаленных районах Амазонии правительственные постановления особого значения не имели. Эти районы страны были практически недоступны вплоть до 1950-х годов, когда их освоение и эксплуатация начались всерьез. Большие перемены начались в Бразилии с экономического бума 1960-х и 1970-х годов, который изменил Бразилию так же сильно, как и Таиланд. Снижение детской смертности и иммиграция резко увеличили численность населения, города росли одновременно с числом горожан, производство развивалось, и язвы нищеты становились все глубже и глубже. Военное правительство прельщало иностранных инвесторов обещаниями дешевой рабочей силы, а также неясным законодательством в области охраны окружающей среды и налогообложения. Механизация вынуждала перебираться в города больше сельских жителей, чем было нужно новым производствам, и вокруг Рио и Сан-Паулу выросли невероятные трущобы (их называют *favelas*), где правили главы бандитских кланов. Кроме того, военное правительство залезло в долги, чтобы поддержать проекты производства ядерной энергии и разработки шахт. Возвращение выборного правительства не смогло предотвратить банкротство 1980-х и скачки развития последующих двадцати лет. Гиперинфляция поглотила накопления населения, а обслуживание внешнего долга, достигшего \$120 миллиардов, нанесло серьезный урон экономике.

В 1990-х экономика постепенно окрепла, но с основными проблемами неравенства так и не удалось справиться. Сегодня в Бразилии (как и в соседнем Парагвае) самый высокий уровень экономического неравенства среди всех стран мира. На одном конце шкалы находится 50 000 бразильцев (при 165 миллионах населения в стране), которые владеют практически всем, в первую очередь, землей. На другом конце – 4 миллиона крестьян, и на них всех приходится 3 % земли. У большинства крестьян земли нет

вообще. В городских трущобах проживают миллионы безработных. Суровые программы, позволившие взять под контроль гиперинфляцию, фактически разрушили системы здравоохранения и образования. Кроме того, во времена нестабильности коррумпированность государства, и прежде представлявшая серьезную проблему, только выросла.

«Грудь из железа...»

Мы уже видели, как коррумпированность правительства выступает рука об руку с рабством. В Бразилии она, кроме того, взлелеяла разрушение окружающей среды. Авантюра с эвкалиптовыми плантациями, упоминавшаяся в начале этой главы, была частью большой игры, затеянной в 1970-х военным правительством и многонациональными компаниями, чтобы избежать уплаты налогов. Точные источники схемы утеряны, но ее суть ясна: правительство разрешило большим компаниям и международным корпорациям покупать федеральную землю большими пакетами в сотни тысяч акров по очень низкой цене. Если компании затем вырубали дикий лес и засаживали участки эвкалиптами, правительство вычитало стоимость земли и посадок из налогов компаний. В конце концов эвкалипты должны были быть вырублены и послужить сырьем для производства бумаги на фабрике, которую правительство собиралось построить. Получив огромные куски земли, что называется, на блюде, крупные международные компании, включая Нестле и Фольксваген, кроме того, получили более \$175 миллионов в результате снижения налогов¹. К 1990-м годам бумажная фабрика оставалась не построенной, и многие владельцы земли подражать местным фирмам, чтобы вырубить лес и превратить древесину в уголь.

Один из геологов-исследователей, разведывавших районы к северу от Рио-де-Жанейро в XIX веке, сказал, что страна имеет «железную грудь и золотое сердце»². Этот район, богатый полезными ископаемыми, стал штатом Минас-Жерайс (что значит «главные рудники»). Сегодня этот штат – центр добычи полезных ископаемых и производства железа и стали. Для производства стали требуется уголь. И современная индустрия Бразилии, не важно производит она машины или мебель, использует сталь, произведенную с использованием рабского труда. Многие заводы и плавильни эффективны и современны, но уголь, который они используют, поступает из вырубленных лесов, и произведен он руками рабов.

После того как леса Минас-Жерайса и соседнего штата Байя были вырублены, понадобились новые источники угля, и мы вновь возвращаемся к западному штату Мату-Гросу, расположенному более чем в тысяче миль от сталеплавильных заводов Минас-Жерайса. По мере продвижения границ цивилизации на запад в *cerrado* появлялись дороги, обеспечивая возможность вывозить уголь. И, учитывая миллионы акров природных лесов и эвкалиптовых посадок, производство угля превратилось в быстрый способ одновременно получить деньги за счет земли и расчистить ее для скотоводческих ранчо. Единственное, чего не хватало в этих отдаленных районах, была рабочая сила.

Производство угля – это искусство, требуется опыт и практика, прежде чем можно будет стабильно получать качественный уголь. По мере вырубки лесов в их собственных штатах производители угля перебирались в города в надежде найти там работу. Они обнаружили, как и миллионы других изгнанных с мест рабочих, что работы нет. Целые семьи в восточных городах Бразилии балансировали на грани голода, некоторые жили на городских помойках, пытаясь продать обрезки металла, которые они там находили, другие побирались, кто-то стал торговать наркотиками. Находясь в ловушке, эти семьи были готовы на все, лишь бы заработать на еду детям. Когда вербовщики появились в городах Минас-Жерайса, обещая хорошую работу и хорошую оплату, бедняки увидели в этом свой шанс.

«Они говорят такие замечательные слова...»

С начала 1980-х годов, когда волна развития захлестнула Мату-Гросу, в трущобах Минас-Жерайса стали появляться вербовщики в поисках рабочих с опытом производства древесного угля. Этим вербовщикам присвоили кличку *gatos* (коты), и они стали ключевыми фигурами в процессе закабаления. Они приезжали в трущобы на грузовиках для перевозки скота и объявляли, что они нанимают на работу мужчин или даже целые семьи, что находило горячий отклик среди отчаявшихся жителей трущоб. *Gatos* ходили от дома к дому или использовали громкоговорители, чтобы привлечь внимание людей. Иногда местные политики или даже местный клир разрешали им использовать общественные здания и помогали вербовать рабочих. Вербовщики объясняли, что им нужны рабочие на ранчо и в лесах Мату-Гросу. Как и полагается хорошим торговцам, они говорили о преимуществах

постоянной работы и хороших условиях. Они предлагали транспортировку в Мату-Гросу, хорошее питание на месте, регулярную зарплату, инструменты, бесплатные поездки домой для свиданий с семьей. Для голодных семей подобное предложение казалось волшебным началом новой жизни. В лагере угольщиков в Мату-Гросу я разговаривал с человеком по имени Ринальдо, который так описывал процесс вербовки.

Мои родители жили в очень засушливом сельском районе, и когда я подросток, там не стало работы, совсем не было. Поэтому я решил перебраться в город. Я отправился в Сан-Паулу, но там было еще хуже, работы не было никакой, а цены были очень высокими, еще там было опасно – очень много преступлений! Поэтому я перебрался в Минас-Жерайс, где, как говорили, есть работа. Если она и была, то я ее не нашел, а в один прекрасный день появился gato, который стал вербовать людей на работу в Мату-Гросу. Он сказал, что у нас будет хорошая еда каждый день, и, кроме того, хорошая зарплата. Он обещал, что каждый месяц будет на своем грузовике привозить людей обратно в Минас-Жерайс, чтобы они могли навестить свои семьи и передать им заработанные деньги. Он даже дал денег некоторым мужчинам, чтобы они могли оставить их семьям перед отъездом и купить хорошей еды в дорогу. Он с легкостью заполнил свой грузовик людьми, и мы начали свое путешествие на запад. По дороге, когда мы остановились на заправке, gato сказал: «Идите в кафе и хорошенько поешьте, я заплачу за все». Мы уже давно были голодными, можете представить, как мы ели! Мы добрались до Мату-Гросу и продолжали ехать все дальше и дальше вглубь штата. От этого лагеря пятьдесят миль до ближайшего населенного пункта; пятьдесят миль дикого cerrado, прежде чем можно попасть хотя бы на ранчо, и есть только одна дорога. Когда мы добрались до лагеря, мы поняли весь ужас: даже животные не живут в таких условиях. Вокруг лагеря стояли мужчины с ружьями. И тогда gato сказал: «Вы мне должны кучу денег: за поездку, за еду, и семьям вашим я тоже дал денег. Так что и не думайте о том, чтобы сбежать».

Ринальдо оказался в ловушке. Как и другие рабочие, он не мог покинуть лагерь и не имел права голоса по поводу работы, которую ему велели делать. Через два месяца, когда рабочие спросили

про поездку домой к семьям, им сказали, что их долг еще слишком велик, чтобы отправляться в гости.

Мать трех сыновей, которой удалось освободиться из трудового лагеря, рассказывала: «Когда дела в трущобах плохи, кажется, что *gatos* узнают о нашем страшном положении, и тогда они приезжают и надувают бедняков... Они говорят такие замечательные слова и закладывают свою правую руку, а когда вы попадаете в лагерь, то не получаете даже кончика их ногтя»³.

Когда рабочие начинают свое путешествие, *gatos* просят передать им два документа: удостоверение личности и трудовую книжку. Эти документы абсолютно необходимы для жизни в Бразилии. Удостоверение личности нужно во взаимоотношениях с полицией или властями, а также для подтверждения гражданства, трудовая книжка необходима при официальном оформлении на работу. Подписывая вкладыш в трудовой книжке, наниматель заключает контракт, согласно которому данная работа попадает под государственное регулирование, частью которого является, например, минимальная оплата труда. Без трудовой книжки у работников возникают проблемы при защите своих прав. Вербовщики говорят, что документы им нужны для внесения новых записей, но может оказаться так, что рабочие больше никогда не увидят своих документов. Удерживая эти документы у себя, *gatos* получают дополнительную власть над нанятыми рабочими. Какой бы тяжелой ни была ситуация, рабочие не хотят уходить без документов. Кроме того, поскольку никаких записей в трудовых книжках нет, нет ни доказательств найма на работу, ни официальной защиты. Как сформулировал один бразильский исследователь: «Начиная с этого момента рабочий умирает как гражданин и рождается как раб»⁴.

Для вербовщиков их метод рекрутмента в отдаленных районах имеет массу преимуществ. Увезенные далеко от дома, рабочие плохо знают окружающую местность и отрезаны от семьи и друзей, которые могли бы помочь им. Даже если рабочим удастся сбежать, у них нет ни копейки, зато есть долги. Они не могут заплатить за обратное путешествие в свой родной штат. Они продолжают работать в самых страшных условиях в надежде, что смогут скопить какие-нибудь деньги на обратную дорогу. Если им удастся освободиться из лагеря угольщиков, местные жители часто опасаются их как чужаков. Без удостоверения личности они могут быть арестованы полицией как бродяги или подозреваемые

преступники. Без трудовой книжки они не смогут найти работу, более того, они остаются незарегистрированными на новом рабочем месте, правительственная трудовая инспекция и профсоюзы не подозревают о их существовании.

В лагерях по производству угля рабочие содержатся изолированно, так же как и молодые женщины в публичных домах Таиланда: в Бразилии мы увидим еще один пример закабаления методом «концентрационного лагеря». Лагерь угольщиков – отдельный мир. *Gato* со своими головорезами полностью распоряжается всем и применяет насилие, когда и как пожелает. Им нужно, чтобы рабочие полностью подчинялись и делали все, что от них потребуют. В то же время они хотят, чтобы их пленники вкалывали по-настоящему, поэтому они постоянно обещают плату, больше еды и хорошее отношение. Сохраняя баланс между надеждой и террором, они заставляют своих новых рабов включаться в работу. Как и молодых женщин, вынужденных заниматься проституцией, угольщиков закабаляют не на целую жизнь – их пребывание в лагерях обычно короче, чем женщин в публичных домах Таиланда. *Gato* и те, кто стоит за ними, не хотят владеть своими рабочими, они просто выжимают из них все, что возможно. Рабочие, с которыми я разговаривал, удерживались в долговом рабстве от трех месяцев до двух лет, но редко – дольше. Есть несколько причин их столь краткого найма. Угольный лагерь остается на одном месте не больше двух-трех лет, пока леса вокруг не окажутся вырубленными, и рабочих редко перевозят из одного лагеря в другой. Кроме того, сами рабочие истощаются и заболевают после нескольких месяцев работы у печей. Вместо того чтобы удерживать тех, кто больше не может работать в полную силу, выгоднее выбросить истощенных работников и набрать на их место свежих. Поскольку у выброшенных из лагеря рабочих обычно нет ни копейки, многие рабочие никогда не возвращаются домой в Минас-Жерайс. Чаще всего они просто слоняются по окрестным городам Мату-Гросу, и многие вновь оказываются в лагерях угольщиков.

Лагерь, где производят древесный уголь, называют *batterias* – батареи угольных печей (*fornos*). Лагерь может содержать от 20 до сотни и более печей, а число рабочих колеблется от 8 до 40. Жара, дым, запустение, царящие в лагерях, превращают их в небольшие кусочки ада, занесенные в лес. Угольные печи имеют круглую форму и сделаны из кирпича и глины, размером примерно семь футов в высоту и десять футов в ширину. Они выстроены в длин-

ную прямую линию, двадцать или тридцать печей, отстоящие друг от друга на расстояние 4 футов. Небольшое отверстие с козырьком размером примерно 4 фута – единственный вход в печь. Через эту дверцу рабочие заполняют печь древесиной. Дерево должно быть сложено штабелями от пола до круглой крыши печи очень тщательно и аккуратно, чтобы оно полностью прогорело и превратилось в древесный уголь. После того как древесина загружена, отверстие закладывается кирпичами и замазывается грязью, и в печи разжигается огонь. Древесный уголь получается за счет сгорания древесины при минимальном содержании кислорода. Если в печь попадает слишком много воздуха, древесина прогорает до золы. Если в печь попадает недостаточно воздуха, то получаются бесполезные полуобгоревшие деревянныешки. Чтобы контролировать поступление воздуха, в боковых стенках печи открывают и закрывают небольшие вентиляционные отверстия, то пробирая их, то снова замазывая грязью. Горение продолжается примерно два дня, и рабочие должны постоянно следить за печью, днем и ночью, чтобы обеспечить горение при нужной температуре. Когда горение закончено, печи дают остыть, затем из нее выгружают древесный уголь.

По всем направлениям вокруг лагеря на расстоянии не меньше мили деревья полностью уничтожены, и земля покрыта выбоинами. Она красного цвета и эродирована. Древесные пни, кучи горелой травы и древесины, канавы и ямы, а также вездесущий запах дыма превращают местность в подобие поля битвы. Остатки леса валяются повсюду. Покрытые черной копотью и серой золой, блестящие от пота рабочие, движутся как призраки, в дыму около печей. Все рабочие, которых я видел, состояли только из мышц, костей и кожи, покрытой шрамами, каждый грамм жира был вытоплен жарой и тяжелой работой. Проникающий повсюду удушливый дым придает всему свой цвет и запах. Эвкалиптовый дым, наполненный эфирными маслами этого дерева, едок и щиплет глаза, нос, горло. Все угольщики постоянно кашляют, отхаркивая и сплевывая, пытаясь прочистить легкие, всегда полные дыма, золы, жары и угольной пыли. Если бы их жизнь была длиннее, многие из них страдали бы от болезни «черных легких».

Над большинством печей вьется дым, и жара неимоверная. Когда вы приближаетесь к батарее, жара становится просто невыносимой. Эта часть Бразилии сама по себе жаркая и влажная, уберите защиту от солнца, которую могут предоставить деревья, добавьте жар тридцати печей, и вы получите пышущую преиспод-

нюю. Для рабочих, которые вынуждены забираться внутрь все еще горячей печи, чтобы выгрузить уголь, жара становится невообразимой. Когда я забрался внутрь одной из печей вместе с рабочим, выгребавшим уголь, от напора жары в считанные минуты закружилась голова, пот насквозь пропитал мою одежду, а пол раскаленной печи жег мои ноги даже через толстую подошву. Сужающаяся кверху крыша усиливала жару, и через несколько минут я был охвачен паникой и плохо соображал. Рабочие балансируют на грани теплового удара и обезвоживания.

Иногда во время разговора они вдруг сбиваются, как если бы у них расплавились мозги. Рабочие, которые выгружают уголь из печи, ходят практически голыми, но это делает их кожу уязвимой для ожогов. Иногда, стоя на куче древесного угля, они оступаются, или уголь начинает ползти, и тогда они падают на огненно-красные уголья. Все угольщики, которых я встретил, были покрыты шрамами от ожогов, многие из которых были еще вздутыми и гноящимися.

Перед печами лежат огромные штабеля древесины, порезанной на четырехфутовые поленья, готовые для загрузки. Позади печей – груды угля, ожидающие загрузки в огромные мешки для транспортировки на сталеплавильные заводы. Батарея печей – последний шаг в уничтожении леса, он отступает от печей все расширяющимся кругом. На дальнем конце уродливого пространства, окружающего печи, рабочие выжигают подлесок и рубят оставшиеся деревья, оттесняя лес все дальше и дальше. Подтащенные к печам с помощью тракторов, срубленные деревья скоро превратятся в уголь.

Двести лет за две тысячи миль...

Весной 1997 года я объехал несколько лагерей угольщиков в одной из частей штата Мату-Гросу. Я путешествовал вместе с Лучано Падрео, молодым бразильским специалистом по бедности и безработице из Рио-де-Жанейро. Наше путешествие выглядело так, как если бы происходило не только на огромном пространстве страны, но и во времени – из нашего века в прошлый. Бразилия одной ногой стоит среди стран первого мира, а другой увязла в третьем мире. Мы начали в Рио-де-Жанейро – городе, который вполне был бы уместен в Соединенных Штатах. Со своими макдональдсами, подземкой, домами, вытянувшимися вдоль пляжа, и наркodelьцами Рио вполне может конкурировать с лю-

бым городом Флориды. Хотя, если быть до конца честным, Рио гораздо живописнее любого города во Флориде: покрытые лесом вулканические горы, вздымающиеся вокруг города и обрывающиеся в океан, производят ошеломляющее впечатление. Чтобы добраться до лагерей угольщиков, мы летели из Рио в еще больший город – Сан-Паулу. В Бразилии все имеет невероятные размеры, и полет над городом с населением в 16 миллионов стал незабываемым впечатлением: дома-башни тянутся до самого горизонта. В Сан-Паулу мы пересели на другой самолет и пролетели еще 1000 миль на запад до города Кампу-Гранди, расположенного в штате Мату-Гросу.

Перелет из Сан-Паулу в Кампу-Гранди был первым сдвигом во времени и в культуре. Кампу-Гранди – типичный «коровий город», полный скотных дворов, магазинов с товарами для ковбоев, фермерских тракторов и грязных, облезлых улиц, по которым люди, похоже, движутся в полусне. Ближе к вечеру пивные открыты, и молодые мужчины в рабочей одежде сидят у дверей, пьют и потеют. Это так похоже на прожаренный на солнце, облезлый городишко в Оклахоме, где я рос, что меня не оставляло чувство, будто я здесь уже бывал.

На следующее утро мы отправились из Кампу-Гранди на полноприводном пикапе. Дороги были асфальтированы и такие ровные, что я никак не мог понять, почему Лучано настаивал, чтобы мы взяли вездеход с шофером. На протяжении примерно 200 миль мы ехали как бы по восточному Техасу. Пространство было открытым и холмистым. Группы деревьев нарушали единообразие пастбищ, где пасся скот, и все было изумрудно зеленым под пушистыми белыми облаками. Там, где травяной покров прерывался, была видна ярко-красная почва, склонная к эрозии. Ручьи свидетельствовали о сильных дождях и стремительных потоках. На расстоянии многих миль от населенных пунктов мы вдруг видели мужчину или, реже, мальчика в лохмотьях, бредущих вдоль шоссе с узелком за спиной. Время от времени заплаты *cerrado* напоминали о том, что здесь было раньше.

Через несколько часов мы добрались до города Рибас-ду-Рио-Парду и столкнулись с еще одним смещением культур. Мы оказались в недавнем прошлом, в вязкой патоке города, который просто обозначал место, где соединялись несколько ферм. Улицы были заполнены тракторами и скотом, и было ясно, что в этом мире и международные события, и национальная политика мало что значат. В нескольких милях от города мы свернули на грязную

грунтовую дорогу. Теперь я понял, зачем нам нужны были и вездеход, и шофер: мы пробирались через ущелья по руслам высохших потоков, скребя брюхом по глубокой колее и увязая в ямах с песком. Открытые пастбища становились все более и более неровными по мере того, как мы продвигались вглубь *cerrado*. Даже на полноприводном вездеходе нам потребовалось 4 часа, чтобы преодолеть 50 миль до ближайшего лагеря. За это время нам попались только два автомобиля: небольшая старая машина, которой управлял мужчина, возможно, *gato*, и такой же старый разболтанный грузовик, до краев нагруженный мешками с углем. Он пробирался по колее со скоростью меньшей, чем скорость пешехода.

Когда я спросил Аугусто, нашего шофера, какие животные водились в *cerrado* до того, как началась расчистка леса, он ответил: «Никто здесь никогда не водился». Но мере того, как мы продвигались вглубь леса, я наблюдал изумительную фауну, особенно поражало разнообразие птиц. В золотом полуденном свете мы проехали мимо небольшого дерева с темно зелеными листьями, на котором расселись ярко-зеленые попугаи. Вдоль дороги мы регулярно видели змей – больших змей, зарывающихся в пыль. Один раз, когда мы выбрались на берег потока, из грузовика мы увидели стаю примерно из 30 птиц. Я никогда не видел ничего подобного: примерно треть птиц была черной как смоль, еще треть также была черной, но с очень яркими желтыми полосками на туловище и крыльях. Остальные птицы стаи были сияющего светло-зеленого цвета с алыми пятнами. На следующем повороте мы спугнули большую хищную птицу с размахом крыльев 5 или 6 футов. А дальше, через милю или две по дороге, внимательно приглядевшись, я понял, что наблюдаю за эму ростом в пять футов, который тоже наблюдает за мной.

Когда мы прибыли в лагерь, мне показалось, что мы достигли края земли. Лагерь возникал из густого, непроходимого леса, встающего рядом с колеей. Теперь я стал понимать, какую власть *gatos* имеют над рабочими. Лагерь был полностью изолирован от внешнего мира; единственная связь – грузовик, который увозит уголь, и машина, которая привозит *gato*. Любой рабочий, который попытался бы уйти, должен был бы пройти пешком пятьдесят миль до ближайшего населенного пункта. Поскольку полиция сюда никогда не заглядывает и семьи рабочих не знают, где их родные, понятно, что непокорного рабочего легко просто убить и зарыть в лесу. Забавно, что именно изоляция, которая является ловушкой для рабочих, позволила нам увидеть их жизнь. *Gatos* не

дежурят все время в лагерях, столь отдаленных, как этот. Они знают, что рабочие не могут сбежать, а кроме того, зависят от еды, которую *gato* привозят в лагерь. Каждые два или три дня *gato* завозит необходимые для лагеря вещи и проверяет продукцию. Мы приехали в этот лагерь потому, что узнали из разговоров в Рибас-ду-Рио-Парду, что *gato* все еще в городе.

«Хвост увяз...»

Рабочие в лагере были удивлены и встревожены нашим приездом. Но Лучано, много лет проработавший с бедными и попавшими в кабалу, быстро сумел рассеять их подозрительность и разговаривать. Пока они водили нас по лагерю, мы поняли, что даже вообразить невозможно, как в этом месте могут жить люди. Сучья и ветки, срубленные в лесу, но не ободранные, были скреплены или сбиты гвоздями, образуя грубый остов. Обрезки дерева были кое-как закреплены на этой основе, образуя дырявые стены, через которые в сотне разных мест можно было увидеть все, что внутри; венчалось это сооружение куском черного пластика. Здесь рабочие спали. Сооружение было настолько хлипким, что его нельзя было назвать даже хижинкой. В качестве убежища оно больше всего походило на тент. Пол был просто земляным, так что цыплята, собаки, змеи могли попадать внутрь без всяких препятствий. Внутри сооружения был сбит еще один каркас из шестов, чтобы люди могли спать не на земле. На помосте лежали небольшие охапки одежды и пара одеял, составлявшие людские пожитки. В лагере была только одна женщина и совсем не было детей, они были вывезены из лагеря, о чем мы расскажем дальше.

Еда в лагере готовилась на костре, а туалетом служили днем – лес, а ночью – ведро. *Gato* оставил цистерну с водой и еще одну емкость, в которую собиралась дождевая вода. Для рабочих это было голодное, грязное место, где все время хотелось пить. Хотя все они работали с острыми инструментами, такими как топоры, и горячим древесным углем, в лагере не было никаких медикаментов. Несколько мужчин явно страдали от инфицированных порезов и ожогов, другие выглядели слабыми и нездоровыми. Мне сказали, что у многих глисты.

С помощью Лучано я начал говорить с рабочими. Вначале я просто спросил одного из мужчин, откуда он и есть ли у него семья. В ответ он спросил меня, почему я приехал в Бразилию и что

я думаю об этой стране. Через какое-то время я спросил его, слышал ли он о рабстве. Вот наш разговор:

– Да, слышал, я много об этом знаю.

– Если так, что такое рабство?

– Рабство – это то, что вот здесь с нами происходит. Мы рабы здесь, я это понимаю. Слушай, я вырубаю cerrado и подтаскиваю древесину к печам, чтобы делать уголь. Мне сказали, что я буду получать 2 реала (примерно 2 доллара) за вязанку. Но я не получаю ничего. Если верить gato, то вся работа, которую я делаю, лишь покрывает расходы на мою еду и мой долг. Они с нас дерут больше, чем стоит еда, которую сюда привозят. Мы должны платить за все, что получаем, но мы не получаем ничего. За все, что мы делаем, начисляется пеня, а все, что едим или чем пользуемся, стоит очень дорого.

– Вы здесь пробыли уже три месяца. Сколько Вам заплатили за это время?

– Я ничего не получил, просто ничего. Понимаешь, с этим gato мой долг всегда опережает мои заработки.

– Но если Вы провели здесь три месяца и не получили ни копейки, почему Вы здесь остаетесь? Почему Вы просто не уйдете?

– Я не могу просто прекратить работу и сбежать. Я должен поговорить с gato и понять, как мои дела, расплатился ли я с долгом. Уходить отсюда надо правильно, когда долги урегулированы. Необходимо выплатить долг, поэтому я должен работать. Если я этого не сделаю, то завтра или через какое-то время, когда мне понадобится работа и я обращусь куда-нибудь еще, gato шепнет кому следует: «Этот человек работал на меня и не выплатил свой долг». Тогда я никогда не получу работу. Сегодня я не могу уйти из-за моих долгов, я должен пахать. Если у меня не получится, как бы я ни старался, тогда мне надо поговорить с gato с глазу на глаз и сказать: «Слушай, ну что я могу сделать? Я работал и работал,

а мой долг все тот же. Как мы с тобой можем это урегулировать?» Иногда gato говорит: «Забудь об этом».

Вступает другой рабочий:

– Со мной произошло тоже что-то вроде этого. В последнем лагере, где я работал, я был лесорубом. У меня была своя собственная цепная пила, я пилил и подтаскивал древесину. Когда мы подводили итоги после трех месяцев работы, gato повернулся ко мне и сказал: «Ты мне должен почти 800 реалов». Поскольку я не хотел быть у него в долгу, я оставил ему свою пилу. Мой хвост оказался у него в западне, это был единственный для меня способ получить свободу.

Третий рабочий добавляет:

– Я пробыл здесь два месяца, но я не знаю, получу ли что-нибудь, мы еще не подводили итоги. Никто не говорит о деньгах, gato хочет говорить только о работе, о том, что мы должны больше работать и делать больше угля.

Я спросил рабочего, знает ли он, сколько должен получить, когда будет произведен расчет.

– Нет, понятия не имею, у меня нет никакой возможности это узнать. Мы даже не знаем, как называется этот лагерь, где мы находимся. Я знаю только, как зовут gato, это все.

Нам казалось абсолютно очевидным, что *gatos* обманом заставляют этих людей работать бесплатно и, кроме того, крадут их пожитки. Но эти рабочие, изолированные и неграмотные, были слишком честны, чтобы осознавать, как их надувают.

Бессовестность паразитирует на честности. Сами основы доверия к другим людям и честности, которыми руководствуется большинство бедных бразильцев в своих отношениях, выступают ключом к тому, как *gatos* закабаляют их. Все рабочие, которых я встретил, обладали очень сильной установкой на то, что долги *должны* быть выплачены, что хуже человека, который не платит своих долгов, быть не может. Игра на этих убеждениях позволяет *gatos* достичь своих целей более эффективно, чем используя насилие: помех меньше, а производительность выше. Действительно,

если *gato* прибегнет к насилию, рабочие поймут, что они никогда не выберутся из долгов, и исчезнет возможность использовать их чувство гордости против их интересов. Поэтому *gatos* стараются вызывать к чувству «честной игры» так долго, насколько это возможно. Рабочие оказались в ловушке, полагая что кредит *можно* выплатить, а убежать, не заплатив, недопустимо. Один из угольщиков объяснил мне ситуацию так:

Древесный уголь уходит на плавильные заводы, но деньги никогда не возвращаются. Поэтому мы должны подождать, чтобы увидеть, как дела будут складываться дальше. Может быть, мы решим подождать еще два месяца. Мы иногда спрашиваем gato о деньгах, он всегда отвечает, что он нам не платит, потому что мы ему должны, но на самом деле никто ему ничего не должен. Иногда нам приходится занимать деньги у наших друзей, каждому приходится. Мы все в похожих обстоятельствах и не знаем, что делать. Иногда я думаю, что сбегу, не дожидаясь расчета. Мы никогда не знаем, что делать – то ли уйти, то ли остаться, может быть, мы что-нибудь получим в конце концов, а может быть – ничего.

В действительности *gatos* иногда кое-что платят некоторым рабочим. В нескольких лагерях, которые я посетил, рабочим платили, хотя позже и меньше, чем было договорено. Тот факт, что им могут заплатить (или даже заплатили немного), заставляет их работать, особенно если альтернативой является отсутствие работы, денег и возвращение домой за тысячу миль. Альфио Прандел – священник, работающий с семьями из лагеря угольщиков. Он рассказал мне такую историю.

Совсем не всегда люди с ружьями охраняют лагерь. Часто используется то, что есть у многих бразильских бедняков: чувство, что долги надо платить. Я столкнулся со случаем, когда одной семье сказали, что она должна gato 800 реалов. Им предоставилась была возможность уехать с одним из грузовиков, перевозящих уголь, обратно в Минас-Жерайс на похороны. А потом они вернулись обратно! Я их спросил: «Почему вы вернулись?» Они ответили: «Потому что мы должны gato 800 реалов, мы должны были вернуться обратно и попытаться заплатить их». Я им сказал: «Вы же знаете, что

были ограблены больше, чем на 800 реалов». Но они ответили: «Долг есть долг, и мы должны его вернуть».

Конечно, *gatos* не могут всегда полагаться на честность и порядочность рабочих. В конце концов, последним становится ясно, что их обманывают, и когда это происходит, *gatos* готовы применить насилие. Многие рабочие рассказывали нам об угрозах или избиении, им известно о людях, которые просто исчезли. В одном лагере я встретил человека, который был охранником, и он рассказал следующее.

Самая первая работа, которую я получил, когда приехал сюда из Минас-Жерайс, была работа охранника. Я думал, что буду делать уголь, но *gato* решил, что я похож на бандита или что уж там еще. Он дал мне ружье. Это был большой лагерь, и в мои обязанности входило остановить любого рабочего, который захочет уйти из лагеря. Я ему сказал, что никогда этим не занимался и не хочу быть охранником, но он ответил, что я либо буду делать, что он говорит, либо пожалею. Я был вынужден стать охранником. Это было нетрудно, поэтому некоторое время я эту работу делал. После трех месяцев работы в лагере я все еще не получил ни копейки. Мне не нравилось быть охранником и помыкать людьми, поэтому через три месяца я сказал *gato*, что хочу уволиться и получить расчет. *Gato* сильно разозлился и заявил: «Ты приехал сюда работать. Я не обязан рассчитывать с тобой». Поэтому я сказал: «Хорошо, я продолжу работать, но я не хочу быть вооруженным охранником, мне это не нравится». *Gato* сказал: «Хорошо, у меня есть для тебя другая работа, залезай в грузовик». Дальше *gato* отвез меня на семьдесят миль вглубь страны, в эту маленькую лачугу, абсолютно удаленную от всего на свете; когда мы сюда добрались, он сказал: «Вылезай и оставайся здесь», — и уехал. А я там остался без еды, без воды, без ничего, а до ближайшего поселка — 70 миль. Ну, я решил, что должен сразу же убежать, поэтому я отправился через лес, но не по дороге, чтобы не наткнуться на *gato*, если он вдруг вернется. Через два дня я встретил человека из другого лагеря угольщиков, которого знал. Он мне сказал, что *gatos* меня ищут и говорят, что собираются убить меня, когда найдут. Мой *gato* оставил меня в хижине и отправился за помощью, чтобы избавиться

от меня — так что, это была удача, что я убежал тайком. Еще через несколько дней я подобрался поближе к дороге и стал ждать машину или грузовик, который не принадлежал бы gato. В конце концов я увидел такой, его вел священник, и я смог добраться до ближайшего города. Так я спасся.

Хотя этот человек и спасся, но у него не было ни копейки, а до дома было больше тысячи миль. Его единственная возможность была связаться с другим gato и надеяться, что этот его не закалит.

В этом же лагере другой рабочий рассказал мне такую историю, пока мы сидели вместе с его товарищами.

Шесть месяцев назад мы все работали в этом лагере, но у нас был другой gato. Тот человек был очень плохим. (Одобрительное ворчание остальных слушателей подтвердило его слова). Он сбегал вместе со всеми деньгами. Когда мы добрались сюда из Минас-Жерайса, он битьем учил нас, как надо работать. Мы боялись ему слово сказать, потому что было ясно, что он сделает с нами все, что захочет. Мы очень скоро поняли, что он не собирается нам платить. Когда мы заикнулись о деньгах, он нас избил. Некоторые мои друзья из Байи убежали, но gato выследил их с собаками и поймал. Он привел их обратно под ружейным прицелом и избил у нас на глазах. На ночь он спускал собак, которые сразу же залаяли бы, если кто-то попытался бы уйти. В конце концов мои друзья из Байи сумели ускользнуть ночью и сбежать. Вскоре после этого gato исчез, а через несколько дней приехал empreiteiro (человек, которому gato поставляют уголь, сделанный в лагере) и выяснилось, что gato еще и украл его деньги.

«Когда-то я был gato...»

Все сказанное до сих пор заставляет думать, что главные злодеи в этой истории — gato. Они эксплуатируют целые семьи, детей, обманом втягивают рабочих в долговое рабство, унижают их, иногда доходят до убийства. Их преступлениям нет оправдания. Тем не менее, не все gato являются рабодержателями. Некоторые платят своим рабочим и хорошо к ним относятся. По моим оценкам, в 10–15 % лагерей угольщиков работа организована относительно честно. К сожалению, не gato «крайние» в угольном биз-

несе, они просто подрядчики, ответственные перед большими компаниями, которые владеют землей и задают тон всему. Ситуация станет яснее, если мы совершим небольшой экскурс в экономику производства древесного угля.

Мы сможем понять, какие прибыли делаются на древесном угле, если рассмотрим работу одной небольшой батареи из 25 печей и всего 4 рабочих. В течение месяца такая батарея может выпустить 10 грузовиков угля, который будет продан на плавильные заводы в Минас-Жерайсе за 18 750 реалов (примерно \$17 000). Если мы вычтем стоимость доставки угля на плавильню, останется около 12 000 реалов. Если бы рабочим платили, а не закабалили их, то это не съело бы прибыль. Максимально угольщик получает 200–300 реалов в месяц. Так что всем рабочим на батарее пришлось бы платить 1200 реалов в месяц плюс расходы на еду, примерно 400–500 реалов. Даже учитывая траты на инструменты, бензин, накладные, месячная прибыль составила бы 100 %. Первоначальные расходы на организацию лагеря невелики: построить печь стоит примерно 100 реалов, а убежище рабочих, сделанное из отходов древесины, практически не стоит ничего. Чтобы запустить производство угля, надо примерно 3000–4000 реалов, и эти деньги можно вернуть в первый же месяц, да еще останется некоторая прибыль. Таким образом, эта небольшая батарея печей может потенциально приносить доход 100 000 реалов (\$90 000) в год. Конечно, лагерь угольщиков может работать на одном месте только 2–3 года, пока все окрестные леса не будут полностью вырублены, но перенести лагерь, когда понадобится, на другое место, не сложно.

Высокоприбыльная экономика производства древесного угля ставит очевидный вопрос: если стоимость рабочей силы такая низкая, зачем стараться закабалить рабочих? Заработок в 300 реалов в месяц – это немного, но огромное число бразильцев готово работать за такие деньги. Без всякого труда можно нанять рабочих за 10 реалов в день или за соответствующую плату за кубический метр произведенного угля, или за число загруженных и разгруженных печей. Выплата текущей зарплаты рабочим не отразится ни на чем, так зачем же использовать рабов? Ответ на этот вопрос состоит из двух частей. Первая и наиболее важная заключается в том, что люди, которые заправляют на батареях печей – *gato*, – не владеют ими. Всем распоряжаются владельцы или их представители, *empreiteiro*, и это они устанавливают правила. Рабочие так дешевы и их так легко обмануть потому, что в стране очень высо-

кий уровень безработицы, но это же справедливо и в отношении *gato*. Владельцы могут крепко зажать *gato*, предлагая низкий процент с прибыли и устанавливая минимальные расценки на произведенный уголь. Если *gato* это не нравится, всегда найдется кто-нибудь еще, готовый взять на себя управление батареей. Владельцы сами ведут переговоры с плавильными заводами, и плата за уголь поступает непосредственно к ним. Некоторые *gatos*, с которыми я смог поговорить, получают зарплату в зависимости от произведенной продукции. В одном маленьком лагере *gato* сказал мне, что он получает 420 реалов, если батарея производит 500 кубометров угля в месяц (похожую информацию я получил и из других источников). Если производство падало, *gato* получал 336 реалов, примерно столько же, сколько и угольщик. Один из работников в лагере сказал мне: «Я когда-то был *gato*, но не смог соответствовать требованиям, так что я лишился грузовика и цепной пилы и теперь работаю, как все остальные».

Небольшие лавки, которые продают еду возле некоторых лагерей по сильно завышенным ценам, принадлежат *empreiteiro*, они также не без прибыли для себя поставляют *gato* инструменты и бензин. Часто *gatos* должны вкладывать в батарею свои деньги или использовать собственные грузовик и цепную пилу в обеспечение будущих прибылей. Владельцы держат *gatos* на краю финансовой бездны, выжимая каждую копейку, что приносит их работа. А почему бы нет? Всегда найдется другой *gato*, который захочет воспользоваться шансом и будет чуть более безжалостным по отношению к своему единственному источнику доходов: рабочим. Единственный путь, который может принести *gato* успех, это снизить стоимость рабочей силы до минимума. Обычно *gatos* платят рабочим из своей доли доходов, и если невозможно обеспечивать лагерь едой или горючим бесплатно (еще одна необходимая статья расходов), то рабочих можно обмануть или заставить силой работать даром. Чтобы добиться успеха в деле, *gatos* вынуждены либо жульничать, либо закабалить рабочих.

Еще одна причина закабаления рабочих состоит в том, что их можно закабалить. Для *gato* практически не существует никаких препятствий на этом пути, и если моральные ограничения отсутствуют, то рабство представляется хорошей деловой стратегией, которую очень легко осуществить, — мы уже видели, как может быть использовано доверие для обмана рабочих. Владельцы земли не имеют никаких возражений: рабство позволяет им увеличивать свои доходы без всякого риска. У официальных инспекторов

отсутствуют средства, чтобы воспрепятствовать этому, а полиции нет дела до соблюдения закона. Их полное равнодушие к рабству со всей ясностью демонстрирует, кто же оплачивает счета. Далеко от лагерей угольщиков и рабов, в столичных офисах, в Рио-де-Жанейро или в Сан-Паулу бизнесмены, которые владеют лесом или имеют лицензию на его использование, выписывают кредиты полиции, рассматривая это как еще один накладной расход.

Хотя некоторые *gatos* и являются кратковременными владельцами – управляющими угольных лагерей, большая часть земли принадлежит крупным корпорациям. Иногда многонациональные компании, которые выкупили у правительства лес по описанной выше схеме, все еще являются владельцами земли, в других случаях они продали или обменяли ее после того, как использовали возврат по налогам. Некоторые большие бразильские компании подключились к этому лесному «менеджменту», покупая землю или получая на нее лицензию у международных владельцев. Эти компании, владеющие землей и производящие лесоматериалы, на самом деле контролируют большую часть производства древесного угля. Одна компания средних размеров, с деятельностью которой я более близко познакомился в городе Агуа Клара, владеет обширным участком леса. На нем расположено 50 угольных лагерей. Кроме того, компания владеет грузовиками для перевозки угля, трейлерами для перевозки лесоматериалов, разными видами тракторов, гаражом для ремонта и заправки техники, а также офисным зданием, чтобы осуществлять руководство всем этим хозяйством. *Gatos*, которых эта компания нанимает, должны использовать ее грузовики, обслуживать и ремонтировать их в гараже компании, а также покупать все необходимое в магазине компании (по ценам, предлагаемым компанией). Два владельца этой компании – богатые и уважаемые члены местного общества. У них чистые руки, потому что они позаботились о том, чтобы дистанцироваться от происходящего в лагерях угольщиков.

Хотя они владеют землей и получают основной доход от производства древесного угля, эти компании обезопасили себя от всяких упреков в рабстве, организовав свою работу с помощью цепи контрактов. Компания, например, заключает договор с посредником на вырубку определенного количества акров леса, достаточного для организации, скажем, двадцати или тридцати батарей, и пережог древесины в древесный уголь. Посредник получает определенный процент дохода, после того, как уголь будет продан на плавильные заводы. В свою очередь посредник заключает догово-

ры на управление батареями с несколькими *gatos*. *Gatos* несут ответственность за подбор рабочих и выполнение норм производства угля. Прекрасно осведомленные о том, что происходит на их земле, владельцы земли тем не менее имеют возможность отрицать, что им что-либо известно о рабстве или унижениях рабочих. Если инспекторы центрального правительства или активисты правозащитных организаций обнаруживают и передают гласности факты использования рабов, компании всегда могут изобразить ужас, уволить (временно) виновных *gatos*, усилить охрану, чтобы избежать дальнейших инспекций, и продолжать прежний образ жизни. Подобно японским и тайским бизнесменам, вкладывающим деньги в публичные дома, где используют рабынь-проститутки, эти бразильские бизнесмены могут сосредоточиться на практических результатах, без какой-либо необходимости знать, что же реально обеспечивает им такой замечательный доход. Это прекрасный пример нового рабства: безликого, временного, высокодоходного, скрываемого и абсолютно безжалостного.

К сведению американцев...

Власть этих компаний и их связи с правительством были ясно продемонстрированы событиями 1995–1996 годов, которые решительно изменили ситуацию с использованием детского труда в лагерях угольщиков.⁵ Начиная с середины 80-х годов ряд исследователей и активистов правозащитных организаций продемонстрировали ужасные условия жизни и использование рабского труда в угольных лагерях Мату-Гросу. В то время *gatos* рекрутировали и закабалляли целые семьи, и дети, загружающие и разгружающие угольные печи, были обычным явлением. Несколько детей погибло от ожогов и других несчастных случаев. В конце 80-х бразильская правозащитная организация Церковный земельный комитет (СТР), опубликовала ряд отчетов, подхваченных национальной прессой и телевидением и обличающих ситуацию в лагерях. Несмотря на общественную реакцию, правительство не предприняло никаких действий. В 1991 году непрекращающееся давление со стороны юристов-правозащитников и церкви вынудило правительство организовать комиссию для расследования. Время шло, но ничего не менялось, правительственная комиссия не представила никаких результатов работы. В 1993 году, пытаясь продолжить давление, СТР совместно с другими неправительственными организациями организовала независимую комиссию,

которая предоставила множество информации и документов средствам массовой информации. Но прошло еще два года, прежде чем какие-либо шаги были предприняты. К настоящему моменту минуло уже 10 лет с тех пор, как бесспорные и продолжающиеся нарушения бразильского закона о запрещении рабства были предъявлены, но и национальное правительство, и правительства штатов, и местные власти продолжают пребывать в параличе.

Неожиданно в августе 1995 года одновременно произошло несколько событий. Во-первых, губернатор штата Мату-Гросу прибыл в Нью-Йорк, чтобы выбить инвестиции. Пока он там находился, ВВС показало фильм о том, как производят уголь в его штате, кроме того, «Нью-Йорк Таймс» на первой полосе напечатала материал об использовании рабского труда в Мату-Гросу.⁶ Американские инвесторы были против столь явного использования рабского труда, и губернатору объяснили, что инвестиций не будет, пока проблема не будет решена.

Вернувшись в Бразилию, губернатор набросился на СТР и активистов, обвиняя их в позоре, который они навлекли на штат, угрожая им расследованием и запретом по суду. Но в то же время – и вне всякого сомнения как результат негласных встреч губернатора, владельцев земли и бизнесменов – все *gatos* в штате Мату-Гросу восстали против использования детского труда. Такое глобальное потепление в сердцах, безусловно, было следствием приказа *empreiteiro* и владельцев земли, но каковы бы ни были причины, результат оказался впечатляющим. Женщины и дети были удалены из более чем 200 лагерей, и к деревьям у входов в лагеря угольщиков были прибиты поспешно нарисованные плакаты: «Женщинам и детям запрещается здесь работать». Как только появилась угроза зарубежному финансированию больших компаний, федеральное правительство – в восхитительном единении с *empreiteiro* штата Мату-Гросу – ввело систему образовательных грантов в размере 50 реалов в месяц каждому ребенку угольщика, не работающему на батареях.

Для семей это имело и хорошие, и плохие последствия. С одной стороны, некоторые семьи смогли избавиться от лагерной кабалы и вернуться в Минас-Жерайс. С другой стороны, примерно 3 000 женщин и детей были вывезены в город Рибас-ду-Рио-Парду и брошены там. Без средств, не имея жилья, они живут в трущобах, выстроенных на окраинном пустыре Рибаса. Без помощи церкви и «грантов на образование» они бы умерли от голода. Тем не менее, более 1000 детей впервые пошли в школу.

Я встречал детей, все еще живущих в некоторых лагерях угольщиков, где я был (и потому не посещающих школу), но не было никаких доказательств, что эти дети работают. Один из сотрудников СТР сказал мне, что детский труд сейчас можно встретить только на самых удаленных батареях.

Но PR-кампания бразильского правительства не окончилась раздачей образовательных грантов. Всегда существовала группа правительственных чиновников, выступавших за реформы, и теперь небольшая группа получила специальное задание: организовать специальный, показательный лагерь для угольщиков (и иностранных инвесторов). Я видел этот проект, он действительно впечатляет. Расположенный между *cerrado* и эвкалиптовым лесом, лагерь имеет более 400 печей, это самая большая батарея из тех, что я видел. Рядом с печами – мельница, отжимающая масло из листьев, содранных с эвкалиптовых деревьев. Для рабочих это почти рай: электричество, водопровод, туалеты со смывом, школа с учителями, овощи на грядках, большая общая кухня и обеденный зал для рабочих, детские площадки и игрушки для детей. Семьи здесь живут в аккуратных кирпичных домиках с черепичными крышами. Это было единственное место из всех лагерей, которые я посетил, где рабочие были оживлены и шутили, единственное место, где я слышал поющих людей, единственное место, где у всех была обувь. Семьи, которые там живут, не могут поверить в свою удачу – и им действительно повезло, потому что они единственные из тысяч семей в штате живут в таких условиях.

Показательный проект – это парадная витрина. Используя деньги иностранных благотворительных организаций, правительство устроило островок хорошего отношения к рабочим в океане эксплуатации. Было нелегко поговорить с рабочими-угольщиками вдали от всевидящих представителей правительства, но когда нам это удалось, мы узнали много интересного. Хотя рабочие были очень довольны условиями своей жизни, они сказали, что их отношения с собственниками и *empreiteiro* не изменились. Пусть и незакабаленные, они продолжают работать за жалкие гроши, в тех же опасных условиях, без права голоса в работе, которую они делают. С их точки зрения, в выигрыше со всех сторон оказался землевладелец: рабочие производят для него уголь с такой же высокой прибылью, правительство платит ему ренту и построило дороги, дома, амбары на его земле, а иностранные благотворительные организации обеспечивают рабочих едой и медицинским обслуживанием. Все, что землевладельцу нужно делать,

это встречаться время от времени с группами иностранных посетителей и рассказывать им, насколько эта новая система лучше. Планов распространить этот показательный проект на другие батареи не существует, это просто еще один случай *для сведения англичан*, на этот раз предназначенный американским инвесторам. Единственный итог, действительно продемонстрированный этим проектом, заключается в том, что правительственная субсидия символической группе рабочих может существенно защитить интересы землевладельцев и крупных корпораций.

В разговоре об экономическом развитии этого сельского штата последнее слово должно оставаться за министром сельского хозяйства. Когда его спросили о создании рабочих мест в этом регионе, он ответил с резкой откровенностью: «Здесь больше ничего не осталось, только уголь и рабы»⁷.

Новое движение против рабства?

При всем очевидном лицемерии, явленном в стремительном прекращении использования детского труда на батареях и организации показательного проекта, из того, что случилось, можно извлечь несколько важных уроков. Внезапные повороты и перемены в политике правительства после долгих лет бездействия подсказывают стратегию и тактику, которые можно использовать в борьбе с рабством. Первый важный урок – реальная власть средств массовой информации. Сочетание документального фильма, показанного на ВВС, и передовой статьи в «Нью-Йорк Таймс» встревожили тех, кто имел возможность влиять на бразильское правительство. Второй урок еще важнее: именно *экономическое* давление принесло быстрые и заметные улучшения в лагерь угольщиков. Если мы ищем способы помочь людям освободиться от кабалы, мы должны понять, что деньги будут услышаны там, где воззвания к человеческим правам проходят неслышанными.

Но связь между публикациями в средствах массовой информации и экономическим давлением вне всякого сомнения сильная. Отклик, вызванный статьей сегодняшнего дня, быстро пройдет, когда ее сменят завтрашние события. Рассказ о рабстве и всей глубине человеческого унижения – сенсация; глубокий анализ долговременного социального и экономического развития, необходимый, чтобы с рабством покончить, – скука. Средства массовой информации, особенно западные, могущественны в противостоянии рабству, но их влияние – кратковременное. Так же,

как интересы бизнеса могут иметь глубокое влияние на использование рабского труда, но редко когда останавливают его надолго, — и мы не должны упрекать бизнес за это. Действия компаний по развитию, которые отказались инвестировать деньги в Мату-Гросу пока ситуация с использованием рабского труда не изменится, превосходны, но долговременный мониторинг за соблюдением прав человека не их дело. Они хотят видеть улучшения, которые сделают сотрудничество возможным, и вновь вернуться к работе. Необходимо закрепить связь между правительством и деловыми кругами. Чисто экономические или политические попытки покончить с рабством в развивающемся мире редко приводят к успеху. Когда соблюдение прав человека соперничает с прибылью, последняя всегда побеждает. Если правительства Северной Америки и Европы собираются нанести удар рабству, им необходимо действовать, устанавливая контроль над компаниями, вовлеченными, хотя бы косвенно, в использование рабской силы.

В Бразилии этот вопрос экономических и правительственных действий особенно сложен. Рабство в угольных лагерях в Мату-Гросу лишь один пример из многих, многих разновидностей рабства, процветающих в стране. Рабы вырубают джунгли Амазонки и собирают сахарный тростник. Они добывают золото и драгоценные камни и работают проститутками. Производство резины основано на рабском труде, так же как скотоводство и производство лесоматериалов. Индейцы попадают в кабалу особенно часто, но риск оказаться закабаленными существует и для всех бедных бразильцев. Хотя в отличие от Таиланда и Мавритании, Бразилия — относительно современная и демократическая страна. Там существует большой по численности и образованный средний класс, пресса свободна и голосиста, есть хорошо организованные группы, такие, как СТР, открыто выступающие против рабства. Признано, что активисты этих групп рискуют. Правозащитники, профсоюзные лидеры, юристы, священники, монахини не раз становились жертвами насилия, выступая против рабства и человеческих унижений. Имена восьми активистов, выступающих против рабства в маленьком городке Рио-Мариа в штате Пара, внесены в «список приговоренных к смерти», а шестеро уже убиты. Рио-Мариа называют «городом предсказанной смерти»⁸. Это звучит зловеще, но не останавливает реформаторов; все активисты, которых я встречал в Мату-Гросу, знают об этой опасности, но относятся к ней с достоинством.

Однако активисты могут действовать только в ответ на проблемы, с которыми они сталкиваются. Проведение в жизнь законодательства, защищающего права человека, и осуществление экономического контроля должно исходить от правительства. Теперь, когда в Бразилии восстановлена демократия, граждане должны спросить себя, как долго они собираются терпеть рабство в своей стране. Иностранные газеты и инвесторы могут оказать влияние, так же как английская полиция в XIX веке, но положить конец рабству – сейчас, так же как и в 1888 году, – это дело, которое могут совершить только сами бразильцы.

ПАКИСТАН

Когда раб — не раб

В мягком утреннем свете, когда воздух еще полон утренней свежести, дети смешивают глину с водой, придавая ей форму, более всего напоминающую буханки хлеба. Они болтают и смеются за работой. Пока работать легко: солнце еще низко, и пока прохладно. Сейчас около шести утра, и семья Масих работает уже два часа, изготавливая кирпичи. Работа детей, двух мальчиков одиннадцати и девяти лет, очень важна для того, чтобы семья могла выжить. Они смешивают и подготавливают глину, из которой их родители формуют кирпичи. Используя мотыгу, чтобы вырубить куски земли со склона ямы, где они работают, дети дальше разминают глину вручную. К счастью, эта пенджабская земля не слишком твердая, и в ней мало камней. Маленькая девочка подтаскивает двухгаллонную емкость с водой от колодца, и дети выливают воду в глину, растирая ее до получения однородной массы, из которой можно делать кирпичи. Когда смесь становится достаточно однородной, они бросают куски глины, размером с буханку хлеба, матери. Она сидит на корточках рядом с длинной чередой кирпичей, которые формирует ее муж. Женщина еще раз придает кускам глины более точную форму и присыпает их сухой пылью. Теперь кирпичи готовы для обработки с помощью опоки, и женщина под-

талкивает их своему мужу, который подбирает кирпичи и помещает их в деревянную форму. Вбитые в рамку куски глины образуют твердый блок, лишнее обрубается, и новый сырой кирпич вытряхивается на землю для просушки. Каждые 10 секунд кирпич перелетает от детей к матери, затем к отцу, потом в деревянную опоку. Линия кирпичей на земле становится все длиннее по мере того, как солнце поднимается над краем ямы. Время от времени работа замедляется, когда начинается новая линия кирпичей или дети вынуждены ждать новую порцию воды из колодца. К восьмисотому кирпичу мягкое утро превращается в угнетающе жаркий и влажный день. Температура приближается к 35 градусам, и воздух в яме накаляется. Дети перестают болтать и смеяться, их движения становятся вялыми. Они начинают задыхаться, покрываются потом и, одурманенные жарой, работают, как автоматы, копая и смешивая землю, копая и смешивая землю. Теперь они выпивают большую часть воды, которую им приносят из колодца, и замазывают голову и плечи тряпками, защищаясь от солнца. К тому моменту, когда в яме лежат 1200 кирпичей, жара и влажность совсем добивают их, и они почти теряют сознание от жары и голода. Но дети продолжают работать, копая и смешивая, перекидывая куски глины отцу, который продолжает делать кирпич за кирпичом. В конце концов, сделав примерно 1400 кирпичей, между часом и двумя пополудни, семья останавливается. Теперь, в самые жаркие часы дня, когда работать просто невозможно, они тащатся обратно в свой маленький дом с земляным полом, чтобы немного перекусить и заснуть. Сон — единственный способ справиться с жарой.

Через несколько часов жара понемногу спадает. Настает время для еще двух-трех часов работы возле земляной стены в яме: надо вырывать кучи земли и смочить их водой, подготавливая к завтрашнему дню. Конечно, есть и другая работа, которую надо сделать. Мать готовит еду к ужину, который служит основной трапезой, а дети и отец, если не копают землю в яме, переносят и складывают кирпичи возле большой печи для обжига. Семья Масих — одна из пятнадцати, которая пользуется этой печью, и иногда вечером у детей из разных семей может оказаться свободное время, чтобы вместе поиграть.

Дети — важная часть работающих у печей по обжигу кирпича в Пакистане. Работая вместе с родителями, они замешивают глину для сырых кирпичей. Дети могут работать и помогая носильщикам, которые переносят кирпичи из ямы к печи для обжига,

или помогая укладывать кирпичи в печь – работа, которая требует большей квалификации. Если кирпичи уложены неверно, печь может рухнуть, и последствия будут ужасны. После обжига горячие, обожженные кирпичи нужно достать из печи и сложить рядом с нею; когда их продадут, кирпичи нужно загрузить в тачки или вагонетки и перевезти. До обжига к печи надо подвезти уголь и загрузить его на верхушку печи, откуда он лопатой сбрасывается в отверстие топки. Температура здесь много выше 130 градусов по Цельсию, и рабочие, включая детей, носят сандалии на толстой подошве, предохраняющей их от жара печи. Несмотря на толстую подошву, рабочие ступают осторожно, и дети за счет своего меньшего веса имеют преимущество, потому что если пламя под ними в печи разбушует, то может выгореть верхний слой кирпичей, и тогда можно провалиться внутрь. Если рабочий проваливается в печь полностью, то у него нет никакой надежды на спасение: температура в печи превышает 1500 градусов, и человек моментально сгорает. Если же проваливается только нога или ступня, то есть надежда, в зависимости от того, как быстро удастся несчастного вытащить. Но в любом случае ожоги будут серьезными и не позволят работать.

Несмотря на существующий риск, дети работают – семьям необходима их помощь, чтобы прожить. И многие семьи даже с помощью детей все-таки не могут свести концы с концами. Важность детского труда на тех многочисленных печах, которые я посетил в Пенджабе, означает, что лишь горстка детей посещает школу. Чаще всего дети не ходят в школу совсем. На кое-каких печах три-четыре мальчика имели такую возможность (когда детей посылают в школу, девочки обычно не входят в их число). На некоторые печи раз в неделю приходит наставник учить детей Корану, но это только для мусульманских детей и не относится к детям христианского вероисповедания, которые также во множестве работают на печах. Дети на печах работают много и тяжело, но тяжелая работа и прилежание не гарантируют успех.

Если условия работы на печах не слишком тяжелые, то система работы по обжигу кирпичей таит в себе опасности и невзгоды. Практически все семьи, производящие кирпичи, работают, выплачивая долг владельцу печи. Этот долг представляет особую опасность для детей. Иногда, когда владелец печи подозревает, что какая-то семья хочет убежать, не заплатив долг, ребенок может быть взят в заложники, чтобы вынудить семью остаться. Таких детей обманом вывозят с печи и удерживают силой, под запором либо

в доме хозяина, либо в доме его родственников. Здесь ребенку придется выполнять любую работу, какую только велит хозяин, и получать столько еды, сколько хозяину не жалко.

Удерживание детей в качестве заложников само по себе плохо, но это не худшая сторона системы. Долг владельцу печи не заканчивается со смертью отца семейства. Он переходит на жену и сыновей. Мальчики 13–14 лет могут быть обременены долгом, который они будут выплачивать много лет, может быть, всю свою жизнь. Унаследованный долг привязывает их к печи, непрекращающемуся замешиванию глины и лепке кирпичей. Кроме того, стоимость похорон отца будет добавлена к долгу. Наследование долга – основной фактор в том типе рабства, который я назвал *долговым закабалением*, системе, удерживающей многие пакистанские семьи в ситуации выматывающего труда.

...С каждым новым днем все глубже в долгах

Для того чтобы запустить печь по обжигу кирпичей в Пакистане, большой капитал не требуется. Это дело, невозможное для многих мелких фермеров, доступно для людей с некоторыми накоплениями. Поэтому в стране и существует примерно 7000 печей, не считая маленьких печей во дворах. Отметим, что печи для обжига кирпича сделаны из того, что в них обжигают, – из кирпичей. Поскольку кирпичи изготавливаются из глины, то печь растет прямо посреди чистого поля, превращая землю и грязь в устрашающую структуру, увенчанную высокой кирпичной трубой. Строительство большой печи – великое искусство примитивной инженерии, поскольку в большинстве случаев все делается вручную.

Когда для печи выбрано место, туда сразу же привозят две группы рабочих: семьи мусульманских или христианских формовщиков и специалистов по строительству печи. Почти такой же важной, как семена зерновых, первой основной поставкой на место строительства являются кирпичи с других печей, которые нужны для строительства маленьких домов для рабочих. Пока строители печи с помощью плотников сооружают дома, формовщики начинают процесс замеса глины и формовки кирпичей. Они могут начать копать прямо на месте строительства самой печи, вырывая и выравнивая большую овальную площадку. В отличие от маленьких печей, используемых для производства древесного угля в Бразилии, печи для обжига кирпичей в Пенджабе

огромны, по размеру почти с футбольное поле. Печь возвышается над полем, как низкий холм с плоской вершиной, и ее трубы видны издалека. Вся структура складывается из сырых, необожженных кирпичей, и внешние стены обмазываются грязью, чтобы скрепить их. Когда разжигается огонь, кирпичи самой печи тоже будут обожжены, и после месяца или двух работы печь становится твердой и прочной.

Когда печь построена, привозятся еще рабочие. Некоторые работают с тележками, в которые запряжены ослы, чтобы перевозить сырые кирпичи с площадки формовки к печи, внутри которой специалисты по укладке начинают заполнять пространство, где кирпичи будут обожжены. Укладка кирпичей — искусная и квалифицированная работа. Сырые кирпичи надо разместить так, чтобы не помешать циркуляции тепла во время обжига. Кроме того, кирпичи должны подниматься до высоты крыши без применения какого-либо скрепляющего раствора. Результат напоминает гигантские соты, уложенные наподобие детских строительных кубиков. Ближе к вершине укладчики повторяют форму крыши, и все это засыпается песком и галькой.

Загрузив уголь и дерево через отверстия на вершине сложенных кирпичей, укладчики разводят огонь. Однажды разожженный, он будет гореть на протяжении 4–5 месяцев. Перемещаясь непрерывно внутри овальной печи, огонь постоянно требует новых сырых кирпичей. День за днем укладчики работают впереди огня, разгрузчики следом за ним, а кочегары — на крыше печи. В зависимости от размеров печи весь овал вмещает от 500 000 до 2 000 000 кирпичей. Для того чтобы обжечь такое количество кирпичей и провести пламя один раз по всему овалу печи, нужно от 4 до 6 недель.

Один круг пламени по всему овалу печи называется *кхер*, и в печи проходит 5–6 *кхер* в каждый из сезонов по производству кирпичей, которых в году два. Помня, что в Пакистане 7000 печей, это означает производство примерно 65 миллиардов кирпичей в год. Каждый из этих кирпичей сделан вручную семьями, выполняющими сдельную работу по формовке сырых кирпичей. На каждой печи работает от 15 до 35 семей, что составляет 150 000 – 200 000 семей, занятых на этой работе. Зная, что средний размер семьи 5,3 человека и дети часто работают вместе с родителями, мы можем предположить, что формовкой занимаются примерно 750 000 человек.

Рынок рабочей силы, доступной для работы на печах, растет одновременно с ростом потребностей на кирпич, возросших после второй мировой войны. До независимости Пакистана большинство из этих рабочих, занимаясь сельским хозяйством, были бы привязаны к земле или получали бы ежедневную плату. В условиях вынужденной иммиграции после раздела с Индией земельная собственность, оставленная хинди и сикхами, была поделена на маленькие наделы и распределена между мусульманскими беженцами. Эти новые фермеры были мелкими владельцами, которые сами возделывали землю и не были привычны к использованию наемных рабочих, или крестьянами старой феодальной земельной системы, прикрепленными к земле. В результате возникла массовая безработица среди сельского населения, причем в 1960-е годы ситуация ухудшилась. В это время правительство начало два больших проекта: модернизацию сельского хозяйства и земельную реформу. Угроза перераспределения земли напугала многих крупных землевладельцев, которые думали, что их собственность будет конфискована и передана живущим на земле крестьянам. Чтобы помешать такому развитию событий, многие землевладельцы просто выселяли крестьянские семьи, которые жили и работали на их земле на протяжении столетий. Чтобы возместить потерю рабочей силы, землевладельцы заказывали трактора и другую технику, таким образом реализуя другую задачу правительства – модернизацию. Когда началась земельная реформа, безземельные крестьяне в нее не включались, земля перераспределялась среди небольших землевладельцев. Имея много земли, эти землевладельцы оказались в более выгодных условиях для механизации, а безземельные крестьяне, находящиеся внизу экономической лестницы, опустились еще ниже. Недавние оценки показывают, что 1/3 всех возделываемых земель в Пакистане принадлежит 0,5 % землевладельцев. В то же время существует 15 миллионов безземельных крестьян.

Не имеющие никаких шансов, часто без дома, многие крестьянские семьи продали себя в долговое рабство владельцам печей, число которых увеличивалось. Кирпичи были нужны для формирования стремительно растущей инфраструктуры – дороги, здания, мосты требовали огромного количества кирпича, и число печей возрастало. Первое поколение рабочих, занятых в кирпичном производстве, было практически полностью рекрутировано из согнанных с земли крестьян. Сегодня их дети и внуки унаследовали

и работу, и, очень часто, долг, который удерживает их внутри такого способа существования.

Если не рассматривать степень закабаления, то жизнь при разных печах достаточно единообразна. Неподалеку от печи возведены длинные, низкие и узкие здания. Они разделены на отдельные комнаты, каждая из которых имеет дверь на улицу. Каждая семья занимает одну комнату размером примерно восемь на восемь футов. Пол — земляной или кирпичный, на противоположной от двери стене обычно расположено маленькое не застекленное окно. В углу — небольшая земляная печь, чтобы готовить еду и обогреваться зимой. Внутри этой комнаты размещается вся семья и небогатые пожитки: кровать с голой веревочной сеткой, иногда — две, несколько горшков, сковородок, кувшинов и одежда. На некоторых печах к домам подведено электричество, тогда в домах есть свет и, возможно, некоторые «роскошества», которые семья может себе позволить, например радио или вентилятор. Нет ни водопровода, ни холодильника, хотя на одной из печей, которые я посетил, семьи вскладчину купили маленький черно-белый телевизор. Туалет — общий, домик из кирпича на дворе, а воду для мытья, приготовления пищи, питья, мытья посуды нужно приносить или из колодца с ручной подачей воды, или из источника. На многих печах роют свои собственные колодцы, поскольку вода необходима для замеса кирпичной глины. Нет никакой гарантии, что колодец чистый и вода не содержит возбудителей инфекционных заболеваний; один из исследователей утверждает, что вода половины колодцев на печах непригодна для питья. Кассандра Балчин, журналист, живущая в Пакистане, которая занималась исследованием работы печей, обнаружила, что «будучи не в состоянии выплачивать даже небольшие взносы в государственные больницы, рабочие на печах, живущие в переполненных бараках, подвержены заболеваниям туберкулезом, тифом, малярией, холерой и диареей, некоторые дети умирают просто от холода зимой»¹.

Так же как и работа семьи Масих, описанная в начале этой главы, труд всех формовщиков кирпича тяжел и монотонен. Семьи вынуждены работать от зари до зари, потому что их заработков еле хватает для того, чтобы прожить, и потеря даже одного дня означает увеличение долга или голод. Как уже отмечалось, плата за работу настолько низкая, что семьи редко когда могут выплатить свой долг. В среднем семьи получают 100 рупий (\$2) за каждую произведенную тысячу кирпичей. Работая изо всех сил, семья может вылепить 1200 — 1500 кирпичей в день, но 10 % этой

продукции может не высохнуть как надо и превратиться в брак. Если не помешает дождь, семья может заработать 700–800 рупий (\$14–\$16) за полную неделю. Стоимость минимального набора расходов, необходимых для поддержания жизни семьи, составляет как раз эту сумму. При заработках 700 рупий в неделю семья из 4–5 человек может позволить себе весьма скудный рацион, состоящий из пшеничных лепешек, растительного масла, чечевицы, лука, иногда других овощей. Если у семьи по счастью есть коза или куры, они могут добавить в свой рацион молоко или яйца, но мясо едят очень редко. Одна женщина рассказала, что ее семья ест мясо только два раза в год, на мусульманские праздники Ид и Шаб-и-Барат. «Даже овощи мы едим очень редко, – сказала она, – нас спасают лепешки и чечевица, иногда зеленый чили и томатный чатни». Из-за того, что расходы всегда равны или даже превосходят заработки, семья все глубже соскальзывает в пучину долга. Если работа идет хорошо, то семья может продержаться, но если происходит какой-нибудь несчастный случай, болезнь или простой из-за дождя, то почва уходит из-под ног.

Болезнь может оказаться просто катастрофой. Если семья будет голодать, чтобы заплатить за медицинские услуги, она не сможет нормально работать, и ее доходы упадут. Другие события могут оказать такое же страшное влияние: свадьба, похороны, арест родственника (когда требуется взятка), несчастный случай, проливные дожди, засуха – все, что приводит к дополнительным расходам и увеличивает долг семьи. Семьи формовщиков находятся в безвыходной ситуации. Некоторым семьям удастся исхитриться и уменьшить долг. Это наиболее вероятно в те годы, когда дети уже подросли, скажем, лет до 11–12 и могут работать наравне со взрослыми; когда погода позволяет работать в полную силу, и не происходит никаких несчастий или болезней. Конечно, даже эти семьи не смогут уменьшить свой долг, если управляющий печи жульничает. Если все складывается хорошо, то некоторые семьи могут продвинуться в выплате долга, но они никогда не смогут справиться с махинациями управляющего.

На печах работает два типа управляющих. Один, осуществляющий общее управление, называется *мунши*, и он отчитывается непосредственно перед хозяином печи. Под его началом находятся бригады различных работ, которых называют *ямадар*. Некоторые большие семьи формовщиков имеют своего старейшего мужчину в качестве ямадара, и он ведет дела и расчеты с мунши по поводу сдельной оплаты и долгов. Но на многих печах яма-

дар – посторонний человек, нанятый на работу и получающий плату согласно объему произведенных кирпичей. Такие ямадары обычно работают на печах с самыми жесткими условиями работы, заманивая семьи обещаниями хорошей платы, а затем, вместе с мунши, оплетая их сетями долгового рабства. Все увеличивающийся долг и эксплуатация ведут к возрастающему напряжению на печи. Управляющий и бригадиры запугивают рабочих и мешают им уйти. На некоторых печах наняты вооруженные охранники, и «непослушные» рабочие жестоко наказываются, чтобы запугать и подчинить остальных. Правозащитная организация Human Rights Watch так описывает «случай Салмана».

Салман – мусульманин из Пенджаба, тридцати лет, не поладил с ямадаром на печи по обжигу кирпичей вблизи Касура, поскольку ямадар избивал его по любому поводу. От подобного обращения у него остались шрамы. Однажды в июне 1993 после размолвки с ямадаром он был избит до потери сознания и затем заперт на три дня в небольшом сарае без пищи. Через три дня его выволокли из сарая, подвесили вниз головой и на глазах всех рабочих избили длинной палкой. Ямадар, смеясь, говорил рабочим, что, если они не будут его слушаться, их накажут так же. Салман, которому ямадар сказал, что его долг превосходит 5000 рупий, попытался найти справедливость, пожаловавшись владельцу печи. Но владелец рассмеялся ему в лицо и сказал, что Салману следует больше работать³.

По мере возрастания долга семьи теряют все больше и больше свободы. Замечательную возможность взглянуть изнутри на жизнь рабочих дает нам рассказ бывшего владельца печи по имени Зафар Икбал. Икбал получил печь по наследству, но когда обнаружил, как там обращаются с рабочими, продал ее. «Идея состоит в том, – сказал он, – чтобы у рабочих никогда не было ни одной свободной рупии, чтобы они не могли убежать»⁴. По словам Икбала, на самых плохих печах «формовщики кирпичей полностью зависят от воли владельца. Жены и дочери постоянно насиловались владельцем печи и его подручными, ни один брак не может состояться без его разрешения». Власть террора может быть институционализирована: «Чтобы запугать рабочих, владелец приходил и разбивал все только что сделанные ими кирпичи, результат целого дня работы – без всякой причины». Нет кирпичей – нет

платы, и рабочие живут, опасаясь еще худшего обращения. Зафар Икбал подтвердил случаи пыток на некоторых печах: «Если молодой рабочий поднимает голову или причиняет какое-нибудь беспокойство, они опускают его ногу в печь, чтобы сжечь ее. Это обычное дело. Они заставляют остальных рабочих наблюдать за экзекуцией».

То, что брак требует специального разрешения владельца, приобретает особое значение, когда мужчина умирает или убегает, оставляя свою семью и свои долги. Жена наследует долг, но владелец знает, что она никогда не сможет его возместить, работая одна или с детьми. Когда это происходит, мунши надавливают на какого-нибудь одинокого мужчину, заставляя его жениться на вдове или брошенной женщине и таким образом принять на себя ее долг. Если мужчина соглашается, долг переписывается на его счет. Мусульмане-«шейхи»⁴ идут на это, поскольку в их обычаи входит плата выкупа семье невесты до свадьбы, поэтому принятие на себя долга рассматривается как некий эквивалент. В одном из случаев, который получил огласку, владелец печи пытался силой заставить формовщика кирпичей по имени Якуб Масих купить жену своего двоюродного брата, когда тот убежал с печи. Никто не женится на женщине, которая слишком стара или нездорова, и владелец будет делать буквально все возможное, чтобы избежать потери долга. Некоторые вдовы были вынуждены стать проститутками владельца печи или менеджера. Зафар Икбал говорит: «Для них это может оказаться единственным способом уменьшить свой долг»⁵.

Если владельцу печи кажется, что семья работает недостаточно старательно, он может продать ее, передав долг, другому владельцу печи. Это один из способов, которым владельцы печей в отдаленных районах получают новых рабочих. В Пенджабе печи, расположенные в районе Равалпинди, известны плохими условиями труда и плохим отношением к рабочим. Поэтому владельцы печей и мунши в других районах получают дополнительный контроль над работающими семьями, угрожая продать их долг на печи в Равалпинди. Когда долг продан, мунши с новой печи приезжает на грузовике вместе с вооруженным охранником и увозит семью. Этот способ продажи семей – одна из сторон их рабства. Когда люди утрачивают контроль над тем, где им жить и где работать, когда они не в состоянии защитить себя и свои семьи, они лишаются основных прав человека. Важной частью старой рабовладельческой системы на американском Юге явля-

лось то, что рабы даже на «хороших» плантациях жили под угрозой возможности продажи их «вниз по реке», в руки жестоких хозяев. В конце 1980-х годов большая многопоколенная семья из 44 человек, в основном женщин и детей, была продана с печи, расположенной в Равалпинди, в отдаленный район Азад Кашмир. На новой печи в Кашмире их содержали под замком, а работали они от рассвета до заката. Дважды в день они получали пищу, но им не платили. Через год их просто выбросили на улицу – яркий пример нового рабства: дешевые и легко заменяемые рабы удерживаются ровно столько, сколько нужно для получения максимальной прибыли.

Долговое рабство ужасно само по себе, но есть еще одно обстоятельство, делающее картину еще ужаснее. Эта проблема касается и всей страны в целом, и отдельных печей: сексизм и уничижительное отношение к женщинам. Кажется странным на первый взгляд, что сексизм может иметь разрушительное влияние на производство кирпича, но это так. Я обнаружил это во время продолжительных бесед с рабочими в июне 1997 года. Конфликты возникали постоянно, когда какая-нибудь семья покидала печь, бросая долг и свои нехитрые пожитки. Если семья убегает, владельцы печей преследуют их, берут заложников, подкупают полицию. Когда я спрашивал рабочих, почему им приходится убегать, они ссылались на жульничество в расчетах, из-за которого им не платят. Когда мы попытались поговорить на эту тему подробнее, нам рассказали другую историю. Раз за разом рабочие говорили, что управляющий или владелец печи начал приставать к женщинам их семьи, особенно молодым. Управляющий и владелец печи злоупотребляют властью, которую они имеют над рабочими, используя замкнутое пространство печи и постоянное присутствие там женщин для того, чтобы сблизиться и даже оскорбить их. На печах с самыми плохими условиями жизни женщин даже похищают и насилуют. Практически полная сегрегация мужчин и женщин – печальная особенность пакистанского общества, в результате которой женщина попадает в одну из двух категорий. Существуют женщины, которых мужчины уважают и защищают, обычно это члены их семьи; и существуют все остальные женщины, по отношению к которым многие мужчины не прочь применить силу, если такой шанс представится. По отношению к женщинам из этнических или религиозных меньшинств, к которым принадлежит большинство семей формовщиков, оскорбительное поведение более чем вероятно.

В подобном обществе мужчины чувствует особую обязанность защитить «своих» женщин. Они готовы пойти на многое, чтобы их женщины не появлялись на людях, они стремятся помешать любому мужчине – не родственнику говорить с женщинами из их семьи, касаться их или сидеть с ними рядом. Между семьями достаточно богатыми для того, чтобы их женщины оставались дома в укомном месте, и семьями, женщины в которых вынуждены работать вне дома, лежит глубокая социальная пропасть. Семьи, занятые в производстве кирпичей, со всей очевидностью относятся ко второй группе, и потому они постоянно должны быть начеку. Их опасения часто оправдываются. В Пакистане экономическая или социальная депривация означает также уязвимость и в случае сексуальных домогательств. И такие домогательства могут иметь серьезные последствия: в этом мире мужчин, с их кодексом мужской чести, оскорбление, нанесенное сексуальными действиями, может привести к кровной мести, уничтожающей целые семьи. Достойный мужчина – это тот, кто может защитить женщину. Если к женщине из семьи пристают, позор падает на всех, особенно на мужчин. В этом свете побег бедных семей с печей приобретают другой смысл. Эти семьи разрываются между необходимостью работать и необходимостью защитить свое достоинство. Но в Пакистане стыд горше гнева, и формовщики, не колеблясь, покидают печь, если управляющий пристает к их женщинам. Они чувствуют, что унижение их женщин делает бессмысленным все их рабочие соглашения. Но они не хотят признать причину, по которой они убежали, потому что это означает признать позор.

Наша политика либеральная!

Когда я путешествовал по Пенджабу и Равалпинди, я встречался с рядом владельцев печей по обжигу кирпича. Я уверен, что среди моих собеседников были «приличные» владельцы, те, кто был (в разумных пределах) честен. Возле печей, где чаще применяют насилие и где, как кажется, рабочие боятся даже разговаривать, владельцы или управляющие были более склонны скрыться, отказаться от разговора или указать мне и моему пакистанскому коллеге дорогу прочь с их собственности. Нам никогда не угрожали и не грубили на печах, но мы никогда не говорили, что интересуемся долговым рабством. Рассказывая владельцам печей, что мы экономисты, которые интересуются нормами накладных

расходов, ценами на топливо, расходами на транспортировку и налогообложением, мы много узнали об основах этого бизнеса. Рано или поздно поднимался вопрос о рабочих и системе предварительной оплаты (называемой *peshgi*), а также о долговом рабстве, поскольку стоимость рабочей силы является частью бюджета печи.

Некоторые владельцы печей были на удивление откровенны, говоря о похищении детей в залог долга их родителей, это действие они считают вынужденным, но необходимым, чтобы избежать жульничества. С их точки зрения, многие рабочие не заслуживают доверия. Один из владельцев рассказал мне следующую историю, которую он назвал «типичной».

У меня здесь работала семья, двое молодых мужчин и их мать. Они были мне должны 3200 рупий (\$64) и попросили еще. Я не был склонен давать им еще денег, поэтому они нашли другого владельца печи, который принял на себя их долг и дал им еще 20 000 рупий (\$400), которые, по их словам, им нужны были для свадьбы. Никакой свадьбы не было, а один из сыновей потратил деньги на азартные игры и наркотики (вы должны понимать, что все формовщики употребляют гашиш). После того как он все потратил, его мать пришла ко мне и стала умолять меня взять их обратно. Она хорошая женщина, поэтому я согласился и заплатил их долг владельцу другой печи. Они пробыли здесь недолго, как вдруг мать заболела и через какое-то время умерла. На медицинское обслуживание и ее похороны они взяли в долг еще 20 000 рупий. На прошлой неделе эти два молодых человека сбежали. Я выследил их до деревни, где они жили, нашел их отца, который согласился с тем, что его сыновья обманули меня. Он отвел меня на другую печь, где его сыновья теперь работали. Когда они меня увидели, то стали просить взять их обратно, потому что на новой печи отношение к рабочим было очень грубым, их стерегли вооруженные охранники. Я поговорил с владельцем этой печи и решил оставить парней там на некоторое время, чтобы преподать им урок.

Когда он закончил рассказывать эту историю на урду, сопровождая ее многочисленными жестами, то повернулся ко мне и сказал по-английски: «Наша политика либеральная!» А минуту спустя тот же самый владелец печи рассказал про ненадежных рабочих другую историю, которая разрешилась, когда он удержал

в качестве заложников двух человек (и три коровы!) за их долг. Возможно, по сравнению с другими его политика действительно либеральная, его рабочие не выглядят запуганными и свободно говорят о своей жизни. Но трудно пылать энтузиазмом по этому поводу, когда среди 10–15 ребятишек, окруживших нас, многие были с болезнями кожи или сухим кашлем, и только один посещал школу.

Владельцы часто обвиняют рабочих в проблемах, которые возникают на печах, особенно представителей меньшинств – мусульман-«шейхов» и христиан. Президент региональной ассоциации владельцев печей сказал мне, что мусульмане-«шейхи» ловко манипулируют системой предварительной оплаты труда.

Они поддерживают долг таким большим, как только можно, они и не собираются его возвращать. Если у них в кармане заводятся деньги, они просто отправляются куда-нибудь, чтобы весело провести время. Если они знают, что вы получили большой заказ и печи необходимо произвести как можно больше кирпича, они начинают работать медленнее, а потом просят еще больший аванс. А то они просто перестают работать на несколько дней и говорят, что им нужно отлучиться на свадьбу или что-нибудь вроде того, что угодно, лишь бы воспользоваться вашей беспомощностью и вытянуть побольше денег.

Председатель Всепакистанской ассоциации владельцев печей по обжигу кирпича также считает, что аутсайдеры не понимают сути системы предварительной оплаты.

Видите ли, если вы не выплатите аванс, то рабочие к вам не пойдут. Когда сезон заканчивается, рабочие покидают печь в поисках случайной работы. Они просят заем, чтобы прожить этот период, и если вы им его не дадите, то они уйдут на другую печь. Но владельцы печей хотели бы уменьшить сумму, которую они выплачивают в долг. Приходится платить много денег, прежде чем рабочие хоть что-нибудь начнут делать. Эти деньги было бы лучше потратить на покупку насыпного угля. На самом деле, мы бы хотели отказаться от системы предварительной оплаты. Нам было бы гораздо экономичнее платить рабочим так, как им платят на фабриках.

Сколько правды во всех этих историях? Сколько владельцев печей действительно думает так? Сколько из них честно выстраивает отношения с рабочими? Сколько использует систему предварительной выплаты для долгового закабаления? Дать ответ на эти вопросы должны специалисты. Президент федеральной ассоциации владельцев печей подтвердил, что некоторые владельцы жестоко обращаются с рабочими и порой встречаются серьезные проблемы, бросающие тень на всю отрасль. Он предположил, что 2–3 % владельцев эксплуатируют и обманывают своих рабочих. Даже лидер профсоюза рабочих на печах по обжигу кирпича подтвердил, что только часть владельцев нечестна, но он считает, что жульничают и закабаляют рабочих 30–40 % владельцев. Я обнаружил печи, работа которых казалась полностью прозрачной, где нам позволяли копировать всю финансовую документацию и показывать ее рабочим для подтверждения. Анализируя заработки и долги на одной из печей, где я получил самую полную документацию, я обнаружил, что некоторые семьи увеличили свой долг, тогда как другие уменьшили или даже полностью выплатили его в течение сезона. В то время как некоторые владельцы признавали, что сдельная плата за кирпичи находится лишь на уровне прожиточного минимума, они утверждали, что если платить больше, то они утратят конкурентоспособность и погубят дело.

Результаты моего собственного исследования позволяют мне сделать вывод, что до 30 % печей жульничают в своих расчетах с рабочими, но не слишком серьезно. Исходя из других отчетов и свидетельств рабочих, я полагаю, что до 10 % печей практикуют регулярное жестокое обращение с рабочими. Это не так широко распространено, как утверждают некоторые правозащитные организации, тем не менее примерно 75 000 человек насильно удерживаются в долговом рабстве. Конечно, мы не сможем узнать полную правду до тех пор, пока не будет проведена перепись на всех печах, лучше всего силами международной организации. Как говорит Зафар Икбал, получивший печь в наследство: «Инспектора пакистанского правительства по трудовому надзору приезжают на печь раз в год, получают свою взятку и уезжают»⁶.

Есть и еще одна причина для осторожных оценок долговой кабалы и грубого обращения: номенклатура печей постоянно меняется. Документация одной из региональных ассоциаций владельцев печей показывает, что половина печей, начавших работу за последние два года, принадлежит людям, которые никогда прежде не владели печами и установки которых существенно

отличаются от установок долговременных владельцев. Не следует удивляться этим колебаниям, поскольку печи используются еще и для того, чтобы осушить и выровнять сельскохозяйственные угодья. Года через два-три, когда земля готова для ирригации, печь закрывают. Владелец мог бы начать подвозку земли к печи, но дополнительные транспортные расходы сделают цену кирпичей неконкурентоспособной. Для семьи, у которой есть земля и некоторый капитал (чтобы начать работу печи, нужно примерно \$24 000), производство кирпичей может выглядеть достаточно привлекательным делом. Недостаток опыта не воспринимается как серьезное препятствие, поскольку можно нанять опытного мунши, чтобы организовать дело и управлять работой печи. Некоторые молодые и образованные владельцы печей, с которыми я говорил, ясно давали понять, что с их точки зрения, долговое рабство приносит больше проблем, чем выгод. Они хотят придерживаться минимальных предварительных выплат, чтобы удержаться в рамках своих финансовых возможностей, и сосредоточиться на продаже кирпича.

Ситуация на печах определенно меняется, но трудно сказать насколько и в каком направлении. Еще один новый фактор — иммиграция из Афганистана. Эти семьи отказываются от каких бы то ни было авансов, а также отказываются подражаться на работу на целый сезон. Владельцы печей единогласны в своем описании афганских рабочих, которые, по их словам, работают много и очень быстро, иногда производя кирпича в день вдвое больше, чем мусульмане-«шейхи» или христиане. В то же время все владельцы и управляющие признают, что работа афганских иммигрантов небрежная и неряшливая, и жалуются, что им нельзя доверить производство высококачественного кирпича, который требуют многие покупатели. Не запрашивая никакого аванса, афганцы экономят деньги владельцев, но управляющие никогда не знают, будут ли эти рабочие трудиться на следующей неделе. «По крайней мере, если семья получила аванс, ты знаешь, что она будет здесь, когда тебе это нужно», — так сказал один управляющий.

Связанные вечным долгом

Система предварительных выплат и долгового закабаления насчитывает в Пакистане сотни, если не тысячи лет. Уходя корнями в феодальные отношения между землевладельцами и крестьянами, со временем она развилась в систему, внутри которой

выданные работнику авансом деньги могут превратиться в средство его закабаления. Но эта система, если использовать ее честно и без принуждения, не обязательно несет зло рабочим. Правильная схема ее функционирования выглядит так. Семья обращается к владельцу печи по обжигу кирпича в поисках работы. Возможно, они утратили право пользования землей в регионе, где традиционно были крестьянами, или были изгнаны с земли ее владельцем в ходе механизации, заменившей крестьянские мотыги тракторами. Они могут быть даже беженцами, которые из-за военных действий в Афганистане или Кашмире были вынуждены покинуть свои дома. Каковы бы ни были причины, семья оказывается в отчаянном положении и готова взяться даже за тяжелую и жаркую работу на печи по обжигу кирпича.

Если владелец печи согласен взять их на работу, он выплачивает им некоторую сумму денег в качестве аванса. Этого хватает, чтобы устроиться в одном из домов, построенных возле печи, получить необходимые инструменты и купить кое-какую еду. Возможность проживать в доме, построенном рядом с печью, будет особенно привлекательной для бездомных беженцев. Пусть это грубое и простое жилище, но это крыша над головой, где есть вода и топливо. Получив аванс, семья приступает к работе на владельца печи до тех пор, пока долг не будет выплачен. Фиксированного заработка нет, работа оплачивается сдельно. Чем больше кирпичей семья сделает, тем больше денег она получит. Чем больше дней члены семьи могут работать, тем лучше, но если идет проливной дождь, работа прекращается и семья не получает ничего. Владелец печи или управляющий записывает, какой аванс получила семья и сколько кирпичей она сделала. Некоторые семьи ведут свои собственные записи, пересчитывая сделанные кирпичи в конце каждого дня. Но многие семьи не умеют ни писать, ни считать и должны целиком полагаться на записи управляющего.

Сделанные кирпичи поступают в уплату долга, но поскольку долг обычно велик и требует для выплаты несколько недель работы, семья вскоре вынуждена вновь просить деньги у управляющего, чтобы купить еду и другие необходимые вещи. В зависимости от того, сколько кирпичей они делают и сколько они уже заняли, долг может либо медленно уменьшаться в течение нескольких месяцев, либо медленно возрастать. Если семья работает старательно и не причиняет никаких хлопот, управляющий и хозяин не волнуются по поводу невыплаченного долга, поскольку долг удерживает рабочих у печи. Владелеццу нужно как-то привязать рабо-

чих, потому что печь требует постоянных поставок сырого кирпича. Процесс разжигания печи – дорогой, если рабочие уйдут в середине сезона, печь придется останавливать, что приведет к серьезным финансовым потерям.

Год насчитывает два сезона по производству кирпича: один заканчивается в конце декабря, другой – в конце июня. В конце каждого сезона рабочие могут выбрать, перенесут ли они свой долг на следующий сезон, который начинается примерно через шесть недель после окончания предыдущего, или попытаются найти другого владельца печи, который «выкупит» их долг у теперешнего менеджера и перевезет семью на другую печь. Работа останавливается в июле и августе из-за дождей, которые делают ее невозможной, а также в январе и феврале, потому что становится слишком холодно и темно, чтобы сушить сырые кирпичи перед обжигом.

При такой простой системе рабочие получают достаточно денег, чтобы поддерживать жизнь на уровне прожиточного минимума, и определенные гарантии занятости. Владельцы также уверены, что у них будут нужные им рабочие тогда, когда это нужно. Работа тяжелая, но она постоянная, и жилище, которое она дает, может стать первым шагом вверх для семьи, которая была выселена или вынуждена была бежать. При сопутствующей удаче и упорной работе семья может выплатить долг и, возможно, продвинуться к большему благополучию. Если же в семье произошло несчастье, такое, как болезнь или смерть, долг может возрасти из-за платы за медицинские услуги или расходов на похороны, и процесс выплаты долга начнется сначала. Предварительный платеж в обмен на обещание будущей работы может быть выгоден и рабочим, и владельцу печи. Безусловно, для рабочих семей он выгоден только в условиях нищеты. Если бы в Пакистане были гарантии занятости или какое-то обеспечение прожиточного минимума, ни одна семья не стала бы работать в подобной системе предварительных выплат. Хотя эта система позволяет заработать немного больше, чем случайные заработки, она все равно означает жизнь в совершенной нищете. Привязывание семьи к печи с помощью долга – знак лишений, а не свободного выбора свободного рабочего. Даже когда она применяется честно, система предварительных выплат – тяжелый и гнетущий образ жизни.

Если система предварительных выплат применяется так, как я ее описал, она не является средством долгового закабаления. Это ужасный способ заработать на жизнь, тяжелый и для детей,

и для взрослых, но он плох настолько, насколько и многие другие виды работ в развивающемся мире, — и это лучше, чем не иметь вообще никакой работы и ходить голодным. К сожалению, эта система не всегда используется честно. Она легко трансформируется из системы авансирования и сдельной оплаты в систему закабаления, превращающую формовщика в раба. Ключевыми являются два способа. Во-первых, управляющий может манипулировать долгом и сдельной оплатой, чтобы постоянно держать семью в долгах. Есть несколько способов это делать, все они возможны в основном благодаря необразованности рабочих. Наиболее часто управляющий просто записывает большой долг, чем семья в действительности имеет. Если семья просит немного денег на покупку еды, управляющий дает эти деньги, но записывает сумму долга, дважды превосходящую выданные деньги. Другие издержки также могут быть включены в сумму долга: за испорченный товар, поломку, расходы на топливо, транспортировку, налоги. На некоторых печах рабочие должны покупать всю еду у управляющего. Стоимость этой еды очень высока и добавляется, иногда еще и увеличившись, прямо к сумме долга. Когда наступает время подсчитывать кирпичи, управляющий считает не все и вычитает определенный процент как «брак». Позднее он еще раз может изменить записи, уменьшая сумму денег, которую нужно выплатить семье за произведенные ею кирпичи. Результатом является долг, который никогда невозможно выплатить, как бы упорно семья ни работала. Именно на этом делает акцент ООН, давая определение долговому закабалению в Дополнительной конвенции по запрету рабства (1956). Согласно этому документу, долговое закабаление происходит, когда кто-нибудь работает, предоставляя свои услуги в уплату долга, но «стоимость этих услуг, разумно оцененная, не используется для погашения долга или продолжительность и характер этих услуг соответственно не ограничены и не определены». Иными словами, семья попадает в ловушку из-за бесчестной бухгалтерии.

Таким образом, семьи обманывают и удерживают до тех пор, пока они не начинают осознавать, что никакое количество работы не уменьшает их долг. Семьи, которые понимают, что управляющий их обманывает, часто начинают думать о побеге. В этот момент в игру вступает второй фактор — насилие, закрепляющее зависимость. Как мы говорили, дети могут стать заложниками в качестве гарантии выплата «долга». На некоторых печах ворота вокруг домов запирают на ночь и выставляют вооруженных

охранников. Содержание вооруженных стражей повышает стоимость функционирования печи, но дешевле нанять трех громил, чем платить зарплату пятнадцати семьям. Если семье или даже одному человеку удастся бежать, управляющий и охранники организуют погоню. В Пакистане полицию можно нанять и послать на поиски убежавших рабочих. Записи управляющего о семейных долгах дают основание для ареста членов семьи, и полиция возвращает их на печь. Оказавшись там, рабочие могут быть избиты, чтобы «преподать им урок», и деньги, заплаченные полиции, будут добавлены к сумме долга.

Когда основные правила системы предварительных выплат нарушены, семьи работают только за еду, которую они получают, и за жилище. Они потеряли свою свободу и живут под угрозой насилия. Как и в большинстве примеров нового рабства, факт закабаления скрывается с помощью юридических уловок. В случае запроса, владельцы печей показывают записи долгов и низкой производительности, которые оправдывают их контроль над работающими семьями. И так же, как и другие жертвы нового рабства во всем мире, все члены рабочих семей заменяемы. Реальный долг, который семья, возможно, имеет, ничтожен по сравнению с теми выгодами, который владелец печи получает от их работы. Поэтому, если владелец печи решает закрыть свою печь или если основной работник семьи заболевает или получает травму, то самое простое, что можно сделать, просто выгнать семью за ворота, сделав их бездомными вновь. Конечно, если удастся «продать» семью с их долгом на другую печь, это гораздо лучше. Долг наследуется, а умный управляющий может держать семью в кабале на протяжении поколений, выплачивая столько, сколько надо для поддержания относительного здоровья работающих, и сохраняя сумму долга достаточно большой, чтобы навечно привязать семью к печи. Когда это происходит, рабочие начинают психологически адаптироваться к ситуации. Долг становится постоянной принадлежностью их жизни, такой же неизменной, как солнце летом и дождь зимой. Изолированные на печи, они обладают смутными представлениями о других возможностях. А их дети мало что знают о другом образе жизни.

Есть и еще одна причина, связывающая рабочих, – честность. Так же, как и бразильские производители древесного угля, рабочие на печи чувствуют обязательства заплатить свой долг, даже когда их обманывают. Может быть, они не уверены в том, что их обманывают, но они знают, что деньги на еду им нужно получать у управля-

ющего. Если в семье случается болезнь или смерть одного из ее членов, то это значительно увеличивает сумму их долга. Самые бедные рабочие практически не имеют никакой собственности или перспектив, но у них есть гордость и репутация – и они держатся за них. Важно помнить, что доброе имя многое значит для этих людей. Случайные рабочие, пользующиеся репутацией неумелых и бесчестных, никогда не будут приняты на работу: рабочий печи, имеющий безнадежный долг, никогда не сможет получить аванс для семьи в случае необходимости. Рабочие зажаты между Сциллой гордости и Харибдой экономической необходимости.

Для тех, кто изучает новое рабство, было бы очень удобно, если бы владельцы печей аккуратно поделились на две группы: тех, кто честно работает в рамках системы предварительных выплат, и тех, кто использует ее для долгового закабаления. К сожалению, являясь человеческими существами, они не могут этого сделать, располагаясь вместо этого вдоль непрерывной оси, на одном полюсе которой абсолютно честные предприниматели, а на другом – жестокие рабовладельцы. Это делает долговое закабаление еще более трудным для наблюдения и увеличивает сложности даже в оценке диапазона проблем. На некоторых печах небольшое жульничество и обсчет растягивает срок выплаты долга и увеличивает доходы владельца, но не угрожает жизни или элементарной свободе рабочих.

Существует еще две проблемы системы предварительных выплат и связанного с ней закабаления за долги, которые мы должны принять в расчет.

Первая связана с тем, что обычно на долг семьи не начисляются никакие проценты. Во многих странах, где с помощью долговых обязательств закабаляют людей, именно обложение долга высокими процентами является провоцирующим механизмом. Действительно, ссудный процент в сумме 50 % в месяц делает ненужным любое жульничество с бухгалтерией, поскольку долг будет расти неумолимо вне всякого контроля со стороны должника. Но Пакистан, как и Мавритания, – мусульманская республика, и, хотя исламские законы мало помогают в деле предотвращения долгового закабаления, они запрещают ростовщичество, дачу денег в долг под непомерный процент. Сбивающая с толку изощренность состоит в том, что владельцы печи могут нарушать основные права человека, но они не начисляют процент на долги своих рабочих.

Другая проблема касается перемещения рабочих в конце каждого сезона. В конце июня и в конце декабря, когда печам дают ос-

гты и производство останавливается, открывается рынок перемещений рабочих. В это время главы большинства семей могут получить от управляющего листок бумаги, на котором записаны имена членов семьи, работа, которую они могут выполнять (производитель сырых кирпичей, присматривающий за огнем, разгрузчик печи и т. д.), а также общую сумму их долга. После этого представители семей посещают другие печи и ведут переговоры с управляющими по поводу их долга и переезда на другую печь. Разрешается уезжать только главе семьи, остальные члены семьи остаются как гарантия его возвращения. На тех печах, где система предварительных выплат превращена в систему долгового закабаления, никому из рабочих могут не позволить покинуть печь. Но в этом случае владелец печи должен кормить их до тех пор, пока не начнется следующий сезон. Для рабочих переход – рискованное предприятие. Управляющий печи, который стремится к закабалению рабочих, будет активно набирать рабочих, обещая им высокую оплату и хорошие условия. Семья может поменять небольшое жульничество, практикующееся на одной печи, на грубое притеснение в условиях долгового рабства, имеющее место на другой. Некоторые рабочие могут улучшить свою сдельную оплату или условия труда благодаря правильному выбору. Нечестный владелец печи в любом случае не проиграет: он либо удержит своих рабочих на следующий сезон, используя долг, либо получит деньги за искусственно раздутый долг. Перемещения рабочих в конце каждого сезона также позволяет владельцам печей скрывать свою реальную власть: когда семьи вместе со своими долгам переходят с одной печи на другую, хозяева всегда могут указать на «свободное перемещение» рабочей силы.

Клиент, слуга, вассал, раб

Свобода – растяжимое понятие в сегодняшнем Пакистане. В недавнем прошлом оно было совсем незначимым. В XVII и XVIII веках свободное перемещение рабочей силы было частью перехода Европы от феодализма к раннему капитализму. Еще одним важным изменением был слом старой системы жесткой иерархии, которая структурировала и направляла жизнь общества. Землевладелец и крестьянин, аристократ и ремесленник – в феодальном мире все они были связаны жесткими персональными обязанностями, пронизывающими строгую систему социальных классов. В Пакистане эта иерархия так и не исчезла. Это по-преж-

нему феодальная страна, слегка прикрытая мишурой капитализма XX века. Многие историки полагают, что современное общество возникает, когда формальные, но якобы рациональные бюрократические организации замещают личную власть сильных людей или кланов. Легко забывается, если живешь в Европе или Северной Америке, что не так давно, в феодальном мире, правосудие отправлялось местным феодалом, а не законом, и это «правосудие» могло быть сколь угодно произвольным, несправедливым, жестоким, служащим интересам людей у власти, а не абстрактному чувству справедливости. Этот исторический экскурс важен для понимания контекста долгового закабаления: в Пакистане феодализм здравствует и процветает.

Представьте, что какое-то фундаментальное изменение потрясло город, в котором вы живете, и власть полиции, местной администрации, органов здравоохранения и даже федерального правительства исчезла в одну ночь. Кто окажется у власти? Если у вас магазин, как вы остановите людей, желающих забрать ваши товары и уйти, не заплатив? Как вы можете помешать людям отнять у вас ваш дом? Кто даст гарантии, что основные правила торговли будут соблюдаться? Вы обнаружите, что вся ваша надежда — на власть и на ваши отношения с теми, у кого она есть. В Пакистане, если вы владелец магазина, то, скорее всего, у вас будет вооруженный охранник у дверей, и даже уличные торговцы вскладчину нанимают людей с автоматами, патрулирующих улицы, где они устанавливают свои ларьки. Но вооруженный охранник дает немного защиты. Реальная власть принадлежит тому, кто контролирует много вооруженных людей, кто может их мобилизовать, когда это необходимо. А когда вся власть в обществе поделена между такими людьми, единственный способ обрести безопасность заключается в установлении системы взаимных обязательств с одним из них.

Персональные отношения становятся решающими в таком мире. Они — ваша защита и средство существования, обеспечивающие ваше будущее и вашу безопасность. В Пакистане, особенно в сельской местности, такие отношения имеют особую значимость. Если вас обманули или обидели, обычно нет смысла обращаться в полицию. Они просто-напросто еще одна вооруженная банда, действующая в своих интересах и предлагающая свои услуги по самым высоким ценам. Если с вами обошлись неправильно, вы должны обратиться к своему патрону, человеку, который сможет использовать свою репутацию и власть, чтобы исправить

несправедливость, от которой вы пострадали. Но как к нему попасть? Как стать клиентом или вассалом обладающего властью человека, который вас защитит?

Большинство уже рождается, имея патрона, присматривающего за ними. Когда власть носит персональный характер, семья приобретает особое значение. Кровные связи становятся непосредственной первой границей, разделяющей *нас* и *их*. В Пакистане вы *знаете* свою семью вплоть до троюродных братьев и двоюродных прадедушек. Вы знаете, кто в семье обладает властью, а кто — нет, и вы смотрите на тех, у кого она есть, в надежде получить привилегированное обращение, работу и защиту. Кастовые и религиозные отличия только усиливают эти властные семейные отношения. Позиция касты задает авторитет в обществе вне зависимости от финансового положения, и каждый пакистанец прекрасно знает положение своей касты. Саидиты, прямые наследники пророка Магомета, находятся на вершине социальной лестницы, часто имея добавку *шах* к своему имени. Кастовый порядок затрагивает все слои общества, включая арендаторов и земледельцев, бизнесменов и ремесленников, вплоть до самых низких каст, к которым относятся люди, выполняющие грязные работы, такие, как обряжание мертвых или уборка улиц. Эти работы часто поручаются социальным группам, недавно принявшим ислам или вообще не являющимся мусульманами.

Не удивительно, что люди внизу кастовой лестницы — самые бедные и наименее образованные. На печах по обжигу кирпича трудятся рабочие, почти полностью принадлежащие к двум самым низким кастам в Пакистане: мусульмане-«шейхи» и христиане. Мусульман-«шейхов» часто называют грязным словом *musselis*, имея в виду их позднее обращение в ислам. Много раз в Пакистане я спрашивал, почему к мусульманам-«шейхам» относятся с таким презрением и пренебрежением. Много раз мне говорили, что это связано с тем, что они «обращенцы». Но разве, спрашивал я, не были все мусульмане когда-то «обращенцами»? Да, отвечали мне, но эти мусульмане-«шейхи» грубы и необучены, поскольку обратились всего две-три *сотни* лет назад. Кастовые предрассудки, так же как и расизм, никогда не следуют логике. Но если мусульмане-«шейхи» — хотя бы бедные родственники, то христиане — просто посторонние за забором. Некоторые семьи христиане исторически, другие — принадлежат к низшим кастам, принявшим христианство во времена Британской империи.

Их всех считают не заслуживающими доверия и примитивными. Описывая своих рабочих-христиан, владельцы печей в Пакистане использовали в точности те же слова, которые я слышал от расистов в Алабаме двадцать лет назад. «Вы должны понимать, — говорил мне один из них, — они не способны ни планировать, ни копить деньги, они живут сегодняшним днем — если получают немного денег, то тут же их пропьют или выбросят на ветер». Единственное, что не упоминалось, это врожденное чувство ритма (которое обычно упоминают расисты в разговорах о неграх). Меня уверяли, что система предварительных выплат работает на пользу этих примитивных христиан, избавляя их от ответственности распорядиться собственными финансами и удерживая их дикие порывы под контролем.

Мусульмане-«шейхи» и христиане часто не имеют самого важного — связей с патроном. Поскольку у них никогда не было родственников, обладающих властью, единственный путь, позволяющий им получить защиту, это стать *клиентом* властной персоны. Слово *клиент* имеет приятное современное звучание, напоминающее об отношениях между адвокатом и его клиентами, но я имею в виду совсем другое. В феодальном обществе феодальный клиент назывался *вассалом*, и это гораздо ближе к реальности Пакистана. Мой словарь определяет *вассала*, как «скромного слугу или подчиненного, раба». Вассалов, находящихся в самом низу властной лестницы, проще всего забыть или выбросить вон. Некоторые рабочие приходят на печь, когда их землевладелец, ближайшая к ним фигура, которую они могут рассматривать как патрона, выгоняет их прочь, как помеху, мешающую модернизации его землевладения. Многие, никогда не связанные с властными семьями, заботятся о себе сами как могут и страдают от постоянной эксплуатации. Быть вассалом означает иметь обязательства по отношению к своему господину и ждать в ответ, как минимум, физической защиты. На печи по обжигу кирпичей система предварительных выплат — средство создания отношений вассал — господин в наиболее выраженной, хотя и временной, форме. Обязательства владельца печи непосредственны и имеют денежное выражение в виде аванса. Кроме того, он предлагает защиту от голода и элементарные удобства. В ответ семья отдает свою свободу и всю свою производительную способность по крайней мере на сезон. Система предварительных выплат — феодализм, переведенный в термины кратковременного капиталистического производства.

Во всем Пакистане смешение феодальных и капиталистических отношений порождает серьезное напряжение. Иностранные средства массовой информации наводнили страну, особенно в форме телевизионных программ, передающихся со спутника, порождая раздражение и фрустрацию среди консервативного мусульманского населения. В то время как некоторые политики и интеллектуалы пытаются втянуть Пакистан в современный мир, фундаменталисты возлагают вину за все проблемы страны на коррумпированное влияние материалистов, безбожные западные власти. Согласно традиционалистам, танцор на MTV несет дух мятежа и консьюмеризма, отравляющий умы пакистанской молодежи. Конфликты, порожденные этим напряжением, в истории не уникальны. Выход Европы из феодализма был отмечен сотнями лет войн, насилия, нетерпимости и террора. Вполне понятно, что напряжение между феодализмом и модернизацией в Пакистане проявляется в конфликтах и насилии. Действительно, трудно найти в Пакистане предмет спора, который бы не был залит кровью. Чем дальше общество втягивается в насилие на религиозной или политической почве, в котором проявляется этот базовый конфликт, тем дальше в тень отходят такие проблемы, как рабство и долговое закабаление. Проблемы рабочих, производящих кирпич, не заметны в пылу священной войны.

Кровная месть в условиях феодализма

Конфликты в Пакистане бывают межличностные или безличностно политические. Для большинства людей насилие чаще всего связано с семейной кровной мстью. Чтение пакистанских газет — процесс печальный и вызывающий недоумение. Каждый день можно прочесть репортажи об убийствах, о вооруженных бандах, взрывающих целые семьи, о похищении людей и изнасилованиях, и во всех случаях приводится один и тот же мотив — «старая вражда». Обратная сторона персонализированной защиты, которую патрон должен обеспечить, заключается в том, что у него нет ни минуты покоя. Любое неуважение, любая обида должны быть отомщены, или общественное влияние патрона, а следовательно всего его клана, пострадает. Каждый акт мщения вызывает ответный взрыв насилия, и замкнутый круг смерти и разрушения повторяется снова и снова. Кровная месть между семьями и кланами, сопровождающаяся насилием, может тянуться на протяжении поколений. Один человек сказал мне абсолютно

серьезно: «Мужчина должен иметь много сыновей, потому что они всегда погибают в ходе кровной мести». Если бы враждующие стороны рубились мечами и ножами, как в старые времена, возможно уровень смертности был бы ниже. Но война в Афганистане наводнила страну оружием, автомат Калашникова стоит около \$100 в любом магазине оружия. Автоматическое оружие и пикапы Тойота способствуют быстрым схваткам со смертельным исходом. Когда я уезжал из Пакистана, парламент обсуждал закон, предписывающий всем пассажирам мотоциклов ездить боком, как в дамском седле, чтобы снизить число наемных убийств, осуществляемых мчащимися мотоциклистами. Одним из наиболее ужасных последствий этой вендетты является высокий уровень изнасилований и пыток, совершаемых над женщинами. Гарантированный способ отплатить за обиду и унижить своего обидчика – похитить и изнасиловать женщину из его семьи. Рядом с репортажами об убийствах в ежедневных газетах помещаются репортажи о девушках и женщинах, похищенных и изнасилованных группами мужчин. Хотя пресса обычно не связывает это со «старой враждой», меня уверяли, что эти нападения – следствие кровной мести.

Где же социальные институты, работающие, чтобы разорвать этот круг насилия? К сожалению, они тоже ведут свою маленькую войну. В этой исламской республике, где государственная религия обладает огромным влиянием, религиозные лидеры не проявляют особого интереса к совместной работе с целью достижения согласия. Существовая параллельно с кровной местью и тесно сплетаясь с ней, в стране постоянно происходят войны между направлениями и сектами внутри ислама. В некоторых районах мечети с различной интерпретацией Корана соревнуются при помощи громкоговорителей, укрепленных на минаретах. День и ночь работающие на полную мощность звуковые системы оглушают молящихся и проповедников, черня своих оппонентов и призывая «верных» избегать их или даже нападать на них. В 1996 году в отчете о правах человека в Пакистане сообщалось о значительном прорыве: «В 1996 году не сообщалось ни об одном случае сожжения или забивания камнями до смерти еретиков фанатичной толпой»⁷. Но подтверждалось, что, судя по другим показателям, религиозная нетерпимость и насилие остаются высокими. В схватках между суннитами и шиитами ежегодно погибают примерно 400 человек. В одной сельской местности в 1996 году ряд оскорблений, написанных на стене, привел к десятидневной битве.

Связь с остальными районами страны была прервана, поскольку враждующие стороны использовали друг против друга минометы и ракетные комплексы. По сообщениям правительства, потери составили 97 убитыми и 89 ранеными, правозащитные организации полагают, что погибло более 200 человек⁸.

Такие крупные схватки – лишь вершина сектантского айсберга. Постоянный поток заказных убийств не прекращается, поскольку каждая группировка «целится» в лидера враждебной группировки. В 1996 году только шииты потеряли убитыми 22 лидера и официальных лица. В ответ на эти убийства вооруженная банда провела атаки, направляя огонь автоматов на молящихся или на религиозные шествия, не особо разбираясь, кто оказался под огнем. В 1997 году три подобных инцидента за два месяца оставили 53 человека убитыми и 312 ранеными. В шесть-семь мечетей каждый год закладываются бомбы. Одна суннитская группа, арестованная в Лахоре, призналась в совершении 21 убийства в течение двух лет. При таком высоком уровне потерь различным исламским сектам необходимо найти способы увеличить число новых сторонников. Поскольку в Пакистане нет эффективной государственной системы образования, воинствующие группы сектантов организовали свои собственные школы. Только в одном штате Пенджаб существует более 2500 школ-медресе или религиозных семинарий. По правительственным оценкам, в этих школах обучается 219 000 детей, преимущественно мальчиков. В стране, где половина населения не достигла восемнадцатилетнего возраста, нет недостатка в молодых мальчиках, которых можно наполнить самоубийственным религиозным пылом.

Ниже уровня той полномасштабной войны, которую ведут сунниты и шииты, – акты насилия, осуществляющиеся этими основными сектами ислама по отношению к более мелким, неконформистским религиозным группам, таким, как ахмадийцы, которые воспринимаются как еретики. Вместе с христианами и индусами они терпят и насилие, и постоянную дискриминацию. Законы против богохульства и нетрадиционных религиозных практик, хотя и противоречат пакистанской Конституции, являются эффективным оружием в руках фанатиков. В 1996 году 2467 ахмадийцев и христиан были арестованы согласно этим законам и обвинены в таких преступлениях, как «проповедование» или «выдавание себя за мусульман». По всей стране ахмадийцы и христиане подвергаются постоянной дискриминации, им отказывают в работе, займе денег, проживании и даже в доставке почты.

Толпы «правовверных» мусульман атакуют христианские церкви и ахмадийские мечети, избивая молящихся, разрушая здания и оскверняя кладбища. Одна из мусульманских семей отказалась принять переход их сына в Ахмадие и пошла напролом, обручив его с кузиной, мусульманской девушкой. Когда через два месяца он не изменил свои взгляды, родители невесты обвинили его в хитрости и обмане, а кроме того, в адюльтере⁹ – преступлении, которое в Пакистане карается смертной казнью.

Смерть находит также правительственных чиновников и политических лидеров, часть которых противостоит религиозным сектам. Практически все политические партии имеют вооруженные подразделения и часто атакуют друг друга, так же, как и правительство. Каждый год около 300 человек погибают в нападениях на политических деятелей. В самом большом городе, Карачи, летом 1997 года волна насилия вышла из-под контроля, когда вооруженные нападения и расправы в стиле гангстеров происходили каждый день. За день до того, как я уехал из Пакистана, бомба в Карачи разрушила штаб-квартиру одной из политических партий, убив более 20 человек. Уровень насилия вынуждает правительство очень осторожно касаться спорных вопросов. Конституционные гарантии свободы веры или прав рабочих просто игнорируются чиновниками, которые боятся возмездия со стороны фундаменталистов. Убийства юристов и судей парализовали систему правосудия: когда решение по разбираемому в суде случаю может вызвать гнев фундаменталистов, судьи просто «принимают дело к рассмотрению», которое тянется на протяжении долгих лет. Юрист, специалист по правам человека, которая вела дела рабочих на печах по обжигу кирпичей, обвинена в «призыве молодых людей к бунту против веры». Религиозные деятели постановили, что она «заслуживает побивания камнями», давая фанатикам право напасть на нее. Возможно, лишь благодаря вооруженной охране в ее офисе этого пока не произошло.

Произвол внутри и вокруг системы законодательства помогает разрушать любое решение по поводу всепроникающего насилия. Как и в Мавритании, в Пакистане – шизофреническая правовая система, разделенная между государственным законодательством (трактующим гражданские и уголовные правонарушения) и исламским законом шариатских судов. Эта двойная система правосудия ведет к постоянным баталиям по поводу юрисдикции и прецедентов. Поскольку обе системы законов считаются официально имеющими силу, хотя они иногда противоречат друг другу,

давление фундаменталистов или политических групп часто определяет результаты правосудия. Возьмем для примера два случая, имевших место в 1996 году и касавшихся права женщины выбирать себе мужа. Две взрослые мусульманки, которые сами выбрали себе мужей, вышли за них и заявляли о своих правах действовать как независимые личности согласно пакистанской Конституции, обвинялись в адюльтере их собственными родителями. Суд, следуя законам Корана и под сильнейшим давлением фундаменталистских групп постановил, что браки, заключенные хотя и взрослыми женщинами, но без родительского согласия, являются недействительными. Более того, они постановили, что «полиция должна расследовать эти случаи и довести их до логического конца», что означает обвинение мужей в адюльтере, который влечет за собой смертную казнь¹⁰.

Правовая путаница и нарушение закона – важный пункт в нашем исследовании, поскольку они создают контекст, в котором рабство может процветать. Если выполняются только те законы, которые проталкиваются группами влияния, если закон работает только для тех, у кого есть власть, тогда для людей, не находящихся у власти, права не существует. Рабочие на печках или другие кабальные работники не имеют влияния, политической власти или экономической силы. В разделении, задаваемом религией и кастами, они находятся не на той стороне. Законы, регулирующие долговое закабаление, не выполняются, более того, искажаются в целях поддержания рабства. Когда вооруженные банды могут отодвинуть правовую систему в сторону, закон теряет всякий смысл. Пакистан балансирует на краю падения в бездну, где правит сила. Специальный представитель ООН Нигель Родли утверждает, что «пытки людей в застенках полиции и вооруженных формирований свойственны Пакистану, широко распространены и систематичны. Пытки применяются, чтобы получить информацию, для наказания, унижения, запугивания, в качестве мести или с целью получения денег от задержанных или их семей»¹¹. Далее Родли приводит жуткий ряд специальных пыток, включающий изнасилование, электрошок гениталий, использование электродрели. Когда полиция превращается в преступников, рабство имеет шанс укорениться.

Насильственная поддержка долгового закабаления со стороны полиции – ключевой момент нового рабства. В старой рабовладельческой системе официальные законы поддерживали факт владения одного человека другим, но в новом рабстве, когда рабство

существует вопреки писанному праву, силовые структуры превращаются в преступников и обеспечивают не официальное владение, а контроль. Предполагается, что правительство сохраняет монополию на использование силы и насилия в рамках правовой системы и только в качестве крайнего средства. Когда использование силы децентрализовано и принадлежит тем группам, у которых под контролем максимальная огневая мощь (обычно это полиция), то рабство процветает. Эта важнейшая тема возникает вновь и вновь с распространением нового рабства. В Таиланде, Бразилии, а теперь в Пакистане мы видим правительство, которое запрещает рабство, в то время как полиция поощряет его и наживается на нем. История, рассказанная мне рабочим по имени Атолла на печи по обжигу кирпичей, проясняет, как полиция участвует в контроле над закабаленными рабочими.

Примерно 5 лет назад часть моей семьи ушла на работу на кирпичную печь в Равалпинди [это примерно в 200 милях от их дома в Пенджабе]. Они туда нанялись, потому что мы все думали, что там платят 100 рупий [\$2] за тысячу кирпичей. В Пенджабе мы получали только 80 рупий [\$1,6] за тысячу, поэтому они думали, что смогут там жить лучше. Всего ушло примерно 20 человек, в том числе и дети: мой отец и мать, мой брат и его семья, моя сестра, ее муж и четверо их детей. В Пенджабе их долг владельцу печи составлял 70 000 рупий [\$1400] на десять или одиннадцать работающих. Я с моей семьей остался в Пенджабе.

Они были рады, что владелец печи в Равалпинди согласился взять на себя их долг, они туда уехали и начали работу. Они сразу же стали понимать, что попали в ловушку. Действительно, сделанная оплата была выше, но глина была другая, из нее было тяжелее формовать кирпичи, и были настоящие проблемы с водой, которая им была нужна, чтобы делать кирпичи. Они в результате получали даже меньше, чем в Пенджабе! Что еще хуже, печь была, как тюрьма. Вооруженные охранники смотрели, чтоб никто не ушел, а управляющий был очень груб с ними. В моей семье некоторые умели читать и писать, скоро они стали подозревать, а потом уверились, что их обжуживают.

Ситуация достигла предела, когда двое детей моей сестры заболели. Мой зять попросил у управляющего немного денег [которые были бы добавлены к их долгу], чтобы купить лекарства. Управляющий отказал и велел ему возвращаться к работе. Мой зять был очень расстроен этим и очень волновался о детях, поэтому он стал думать, как бы им убежать.

Через несколько дней, закончив утреннюю работу, он сказал охраннику, что идет за лекарствами, взял двух детей и направился в ближайшую деревню. Немного погодя моя сестра взяла двух оставшихся детей и узел с одеждой и направилась к источнику, сказав, что хочет постирать одежду. Когда она уходила, она попросила охранника последить за их домом и оставила его открытым со всеми пожитками, а сама с детьми пошла, чтобы встретиться с мужем возле деревни. После этого все они быстро пошли к шоссе, где могли бы сесть в автобус, идущий в Пенджаб.

Когда они вернулись в Пенджаб, они пришли ко мне и жили вместе с моей семьей возле печи, надеясь, что им удастся вернуться к работе на прежнего хозяина. Примерно через неделю владелец печи в Равалпинди явился в сопровождении 5 или 6 человек и приказал моему зятю возвращаться вместе с ним. Мой зять отказался, а когда владелец печи в Равалпинди попытался заставить его силой, все рабочие, живущие поблизости, за него заступились и не позволили хозяину увести моего зятя силой.

Через 10 дней, в одиннадцать часов вечера, когда мы все спали, полицейский отряд ворвался в наш дом. Они арестовали меня, моего брата и зятя, сказав, что мы воры и нелегально прячем оружие (конечно, у нас не было никакого оружия, у нас никогда не хватило бы денег, чтобы его купить, да оно нам было и не нужно). На всех нас надели наручники и избили, а затем бросили в кузов грузовика и четыре часа везли обратно в Равалпинди. Эта полиция была с участка, расположенного примерно в двадцати милях от печи в Равалпинди, и не имела права действовать в Пенджабе, но они были на жаловании у владельца печи, и он заплатил полиции в Пенджабе, чтобы те поехали с ними, когда они устроили облаву на мой дом.

Мой зять был арестован, но ни я, ни мой брат не были арестованы официально, просто на нас надели наручники, избили и бросили в камеру. Через несколько дней, проведенных в тюрьме, полиция доставила моего зятя в магистрат и получила разрешение содержать его 15 дней в заключении, пока ведется «расследование». Мой брат и я все еще были под замком, и нам не разрешали ни с кем разговаривать. В тюрьме нас морили голодом и обращались жестоко. Через пятнадцать дней нас всех доставили в магистрат, и мой зять был освобожден, после того как наш родственник приехал из Пенджаба и поговорил с судьей. Меня и брата отправили обратно в тюрьму, пока полиция продолжала «расследование». Еще через 8 дней нас привезли обратно в магистрат, где нас освободили, потому что полиция не завела дело. Мы просидели в тюрьме месяц.

Из суда нас выбросили на улицу без копейки денег, в той одежде, которая на нас была. Один из полицейских в суде спросил, есть ли у нас деньги, чтобы добраться домой, когда мы сказали, что нет, он предложил довезти нас до станции и одолжить нам денег на билеты. Мы не могли поверить нашей удаче, и не надо бы нам верить, потому что, когда мы сели в его машину, он показал нам пистолет и отвез прямо в другой полицейский участок. Здесь нас ждал владелец печи из Равалпинди, попивая чай с начальником полиции. Они нас заперли опять и через несколько часов, после того как владелец печи закончил свои дела с начальником полиции, они отвезли нас на печь в Равалпинди.

Это был просто сумасшедший дом! Я никогда в жизни не был на этой печи, я никогда там не работал, я не одолживал у этого человека никаких денег, я не имею ко всему этому никакого отношения. Владелец печи сказал, что удерживает моего брата и меня в залог за долг моего зятя. Они заставили меня работать на печи и сказали, что если я попытаюсь сбежать, они меня изобьют и застрелят. На ночь меня и брата запирали в комнате без окон, где жара была просто ужасная. В конце концов мы упросили их разрешить нам спать снаружи, но они приковывали нас цепями к кроватям, на которых мы спали. Остальные рабочие жили за оградой, ворота

которой запирались на ночь, а днем вооруженные охранники наблюдали за всеми и угрожали любому, кто нарушал правила.

Через три недели из Пенджаба кто-то приехал. Моя семья убедила тамошнего землевладельца заплатить долг моего зятя, и он начал работать на этого землевладельца. Мой брат и я были освобождены и смогли добраться до печи в Пенджабе. Нас держали как заключенных почти месяц, морили голодом, заковывали, избивали. Моя семья не была в таких долгах с того момента, как я стал зарабатывать деньги, они вынуждены были тратить деньги, всячески пытаясь нас освободить. Полиция и владелец печи в Равалпинди причинили нам все это зло, но мы знали, что искать справедливость бесполезно. Владелец печи в Равалпинди заставил нас работать на себя и не заплатил нам ни копейки, а после этого получил еще и весь свой аванс. Я думаю, ему действительно нужно было хорошо заплатить полиции.

История Атоллы — длинная и сложная, но типичная. Связи, соединяющие семейные группы и сделавшие людей марионетками в манипуляциях владельца печи, соответствуют тем сплетениям обстоятельств, которые приводят к кровной мести и конфликтам. Если бы семья Атоллы не была безземельной и слабой, принадлежащей к мусульманам-«шейхам», давно оставившей всякую надежду на возмездие, то они бы обдумывали, как отомстить за себя владельцу печи. Они не пытаются отомстить еще и потому, что ответный удар нанесла бы полиция, которая рада выполнить любую грязную работу для владельца печи. Поскольку существуют другие вооруженные группировки, у полиции нет монополии на насилие, но она — единственная группа, которая может использовать насилие абсолютно безнаказанно.

Вероятно, было бы легче понять притеснение, которое испытывают рабочие, производящие кирпичи, там, где окружающая среда сурова и борьба направляется отчаянием. Но в Пенджабе, где я изучал жизнь рабочих-формовщиков, богатые природные условия, которых вполне достаточно, чтобы обеспечить всех.

Земля Пенджаба

Во многих отношениях Пенджаб не похож на место, где можно встретить такое принуждение и закабаление. Это земля

удивительного плодородия и цветущей сочной красоты. Жаркое лето и муссонные дожди обеспечивают два урожая в год, и на протяжении долгого времени регион является житницей всего субконтинента. Основной урожай составляют рис, пшеница, соя, чечевица, кукуруза, сахарный тростник, хлопок, горчица. На полях также растут лимоны, лаймы и апельсины. На крестьянских огородах растут любые овощи, которые только можно вообразить: дыни, кабачки, гомбо, помидоры, картофель, лук, чеснок, табак. Имея люцерну для корма и пространство для выпаса скота, Пенджаб в состоянии обеспечить безбедную жизнь своим фермерам.

Именно потому, что он так плодороден и легко достижим, Пенджаб был ареной войн на протяжении тысячелетий. Сегодня большая часть земли находится в частном владении, но продолжающееся деление земли между сыновьями в каждом поколении и последствия земельной реформы уменьшили размеры индивидуальных наделов. До недавнего прошлого большинство людей в Пенджабе было привязано, как феодальные вилланы, к земле. Британия в период своего долгого правления не видела никаких резонов менять этот порядок. Когда страна стала независимой в 1947 году, Пенджаб был поделен между Индией и Пакистаном, и это разделение принесло много страданий людям. Огромное число сикхов спаслось бегством на восток, в Индию, тогда как мусульмане перемещались на запад, в Пакистан. Этот двухсторонний исход был отмечен резней, насилием и экспроприацией земли и собственности.

Время, прошедшее после раздела, принесло много перемен в Пенджаб. Пятьдесят лет назад кастовая сегрегация была очень сильна. Крестьяне, принадлежавшие к мусульманам—«шейхам», жили в жестокой, непрекращающейся нужде, никогда не владея землей, на которой они работали, и часто обслуживая одних и тех же помещиков на протяжении многих поколений. Низшие касты терпели крайнюю дискриминацию. Людям, принадлежащим к этим кастам, включая крестьян, не разрешалось касаться еды и даже сидеть на тех же скамейках, что людям из высших каст (отсюда название этих каст — «неприкасаемые»). Сегодня им доступна практически любая работа. Уменьшилось также дискриминация в сфере социальных взаимодействий: мусульмане-«шейхи» теперь сидят на любых скамейках, пьют чай вместе с людьми из высших каст и обмениваются с ними рукопожатиями. Частично эти перемены связаны с крушением прежнего рын-

ка труда. Феодальная система изменилась с механизацией сельского хозяйства, в фермерство стали вкладываться сторонние деньги. В то же время низшие касты больше узнали о своих правах. Некоторые политические группы работали над образованием низших каст и включением их в политическую систему. На кирпичных печах большинство рабочих, с которыми я разговаривал, начали голосовать в 70-е или 80-е годы, хотя многие теперь этого не делают, потому что не верят, что политики чем-нибудь им помогут.

Быстрый рост населения также имел серьезные последствия. Улучшения в системе здравоохранения и увеличение количества продукции современного земледелия привело к резкому росту населения в сельских районах. Результаты впечатляют: в Пакистане более высокий уровень рождаемости и семьи больше, чем в Индии; наиболее красноречив тот факт, что в Пакистане половина населения не достигла 17-ти лет. Как можно ожидать, дети – повсюду, и Пенджаб не исключение. Дети работают или играют везде, куда ни помотришь, но они редко ходят в школу, система образования в Пакистане в значительной мере перестала работать в сельских районах. Это постыдный факт – в то время как население Пакистана молодеет, образование становится все менее и менее доступным. Огромное число детей в Пакистане означает, что душевой доход очень низок, примерно \$400 в год. Это даже ниже, чем в Мавритании, но условия жизни бедняков в этих двух странах разительно различаются. Расползающаяся пустыня в Мавритании означает, что за каждую крошку продовольствия надо бороться, уровень рождаемости снижается из-за плохого питания и истощения. В Пенджабе, если не случаются засухи или серьезные наводнения, еда присутствует в достаточном количестве, если не сказать в изобилии. Рацион питания можно разнообразить, и даже есть какое-то время для отдыха.

Несмотря на беспорядки, связанные с разделом между Индией и Пакистаном, и потрясения социальных перемен, Пенджаб остается плодородным и плодоносящим. Постройка больших каналов в конце XIX – начале XX века только увеличили плодородие земли. Это регион, который может удовлетворить практически каждую потребность человека, включая приют. Богатые почвы Пенджаба имеют еще одно свойство – большая их часть годится для производства кирпича, который получается тяжелым, плотным и долговечным. Практически каждый дом, овин или сарай в Пенджабе сделаны из кирпича, так же как и стены загонов для

скота, мостовые тротуаров, полы многих домов, ограды вокруг улиц и садов. Кирпич повсюду, он используется для духовок, желобов для стока воды, платформ, выступов, скамеек и лестниц. Дерево используется очень мало: для дверей и окон, потолочных балок и перекрытий. Специальный тонкий и плоский кирпич используется для кровель на большинстве зданий. Это очень соответствует климату: толстые кирпичные стены остаются прохладными в угнетающую жару, и я слышал, как пакистанцы жалуются на жару, от которой можно поджариться, в новых бетонных зданиях с металлическими крышами. Как универсальный материал для строительства, кирпич является серьезным бизнесом, хотя он и производится традиционным способом, основанным на использовании рабочих рук тысяч мусульман – «шейхов» и христианских семей.

В конце 80-х эти семьи оказались в центре ряда событий, которые ввергли целую отрасль в беспорядки и вынудили владельцев некоторых печей полностью прекратить свое дело. Не только в Пенджабе, но и во всем Пакистане система предварительных выплат пришла в полную непригодность, и казалось, что жизнь рабочих, производящих кирпич, должна измениться к лучшему. Конец этой истории, как и многих других в Пакистане, не однозначен и полон персонажей, которые, выглядят то «хорошими парнями», то «плохими», в зависимости от того, кто эту историю рассказывает. Мы можем назвать ее историей революции производства кирпича 1988 года.

Революция 1988 года

В конце 1988 года Ремат Масих столкнулся с серьезной проблемой. Ремат, рабочий по производству кирпичей, принадлежал к нуждающейся семье христианского вероисповедания, которая была освобождена от работы на печи, где они терпели грубые унижения. Трое членов этой семьи были вновь схвачены владельцем печи, и вся семья чувствовала себя в опасности, понимая, что за ними ведется охота. Они перебрались в город Лахор, но у них не было ни еды, ни крыши над головой. В конце концов найдя убежище у местных активистов и работников профсоюза, Ремат обратился к юристу правозащитной организации Асме Джанхангир и предпринял смелый шаг, послав телеграмму следующего содержания:

*Председателю Верховного суда
Пакистана*

Мы умоляем Вас о защите и куске хлеба для нашей семьи. Мы – попавшие в кабалу рабочие одной из печей. Мы получили свободу по решению суда. А теперь трое из нас снова похищены нашим бывшим владельцем. Наши дети и женщины находятся в опасности. Мы подали жалобу. Никаких действий не последовало. Мы скрываемся, как животные, не имея ни защиты, ни еды. Мы боимся и голодаем. Пожалуйста, помогите нам. С нами можно связаться через советника Асму Джанхангир. Вы можете проверить правдивость наших слов. Мы хотим жить как люди. Закон не дает нам никакой защиты.

*Даришан Масих и еще 20 подписей,
в том числе женщины и детей.*

Председатель Верховного суда Мухаммад Афзал Зулах был тронут обращением рабочих и послал курьера к начальнику полиции в Пенджабе, приказывая ему лично расследовать случай и немедленно доложить. То, что начальник полиции проигнорировал приказ, многое говорит об отношениях между судом и полицией в Пакистане. Начальник полиции передал приказ своему заместителю, который передал его руководителю районной полиции, который спустил приказ в местный полицейский участок, где его в конце концов вручили полицейскому. Полицейский, вооруженный приказом председателя Верховного суда Пакистана, отправился прямо к владельцу печи и вручил этот приказ ему. Предупрежденные, полиция и владелец печи немедленно возбудили дело против освободившихся рабочих, обвиняя их в том, что они получили в качестве аванса 400 000 рупий (\$8000), а затем сбежали с деньгами. Полиция нашла и арестовала 14 из обвиняемых рабочих.

Когда председатель Верховного суда спустя две недели начал расследование, ситуация усложнилась еще больше. Трое рабочих, которых удерживали как заложников в обеспечение долга, просто исчезли. Некоторые рабочие, которые пришли в суд, казались запуганными полицией и едва отвечали на вопросы, которые им задавал судья. Многие очень беспокоились о родственниках, которые все еще содержались полицией в заключении. Двое рабочих,

которые казались наиболее испуганными, были осмотрены председателем Верховного суда, на их телах были обнаружены шрамы и кровоподтеки, полученные во время пребывания в заключении. Несмотря на это, они отказались подавать жалобу. Один из них, согласно записи судебных заседаний, был «запуган и практически ничего не сказал, когда его спрашивали об обстоятельствах, в которых он был, как утверждают, лишен свободы и получил физический ущерб»¹².

В ходе дачи показаний председателю Верховного суда полицейский, который передал приказ суда владельцу печи, сознался и подтвердил, что рабочие были заперты и избиты полицией, которая получила за это деньги от владельца печи. На следующей день в суде появилось больше заложников, которые под присягой показали, что были запуганы и прятались. В конце дня все заложники, чье насильственное задержание первоначально породило расследование, дали показания. Председатель Верховного суда, тем не менее, продолжил слушания, чтобы дать возможность рабочим, владельцам печей, местным религиозным лидерам, чиновникам, отвечающим за социальное благосостояние, вместе выработать долговременные меры, которые предотвращали бы долговое рабство на кирпичных печах. Некоторые из социальных работников и рабочих подтвердили в своих показаниях, что полиция работает на владельцев печей и практикует «противоправное задержание, пытки и возбуждение ложных расследований». После этого группы ринулись в атаку друг на друга. Рабочие жаловались на принудительный труд и унижения, в то время как владельцы упрекали их и профсоюз «в жульничестве, должностных преступлениях и угрозах».

Через неделю после всего этого председатель Верховного суда прекратил слушания и издал судебное постановление. Кроме прочего, в нем декларировалось, что:

- система предварительных выплат должна быть прекращена, кроме случаев, когда аванс ограничивается размером недельных заработков;
- все невозвращенные долги остаются в силе, но их выплата приостанавливается на 6 месяцев, в течение которых суд рассматривает, как функционирует производство;
- запрещалось насильственное использование труда женщин и детей на печах;
- сдельная плата должна выплачиваться в полном объеме.

Все стороны согласились с этим постановлением, и суд приступил к рассмотрению того, какие новые законы следует принять на эту тему. Но то, что казалось победой в зале суда, разбилось вдребезги через неделю о реалии жизни.

Через несколько дней после постановления Верховного суда рабочие по всему Пакистану стали массами покидать печи. К замешательству управляющих и владельцев печей рабочие предъявляли официальный мандат, освобождающий их от долгов по постановлению Верховного суда. Некоторые из владельцев печей реагировали яростно, пытаясь силой вернуть рабочих на печи, но пользы от этого было мало: ушли практически все рабочие, их оставалось слишком мало для того, чтобы поддерживать работу печи. Неожиданно рухнула вся отрасль по производству кирпичей. Запасы быстро исчерпались, некоторые печи обанкротились и вынуждены были закрыться. Все владельцы печей, подвергали они своих рабочих жестокому обращению или нет, потеряли деньги, которые они выплатили рабочим в качестве аванса. Нынешний руководитель профсоюза рабочих-кирпичников Инайат Масих объяснил мне, что после того как постановление Верховного суда было опубликовано в газетах, многие рабочие поверили, что правительство аннулировало их долги. Рабочие собирались вместе и окружали владельцев печей, размахивая газетами с опубликованным постановлением. Поскольку рабочие многократно превосходили по численности владельцев печей и действовали сообща, то мало что можно было сделать, чтобы остановить их. Предполагается, что примерно 500 000 семей покинуло печи в то время.

Опираясь на общественный резонанс этого дела, профсоюз рабочих-кирпичников извлек все, что мог, из постановления суда, превратив его в прямые действия. Через 4 недели после постановления председатель Верховного суда снова вызвал всех для расследования. Смущенный массовым исходом рабочих, председатель Верховного суда начал понимать происходящее, когда, как зафиксировано в записях суда, произошло следующее.

Новый поворот делу был случайно дан жалобой, поданной рабочими кирпичной печи, которые заявили, что вопреки тому, что суд освободил их от всех обязательств в отношении их части контракта, а также обязательство возврата денег было приостановлено Верховным судом, рабочие имеют право воздерживаться от работы, тогда как владелец печи настаивает на своем праве по контракту. Были представле-

ны копии сообщения, довольно искаженного, которое было ими получено. (Всепакистанские судебные постановления, 1990, XLII. С. 534–535).

В это время, весной 1989 года, начинался новый сезон производства кирпича, и рабочие стали возвращаться на печи. Поскольку никто из них ничего не зарабатывал в течение трех зимних месяцев, то и рабочие, и владельцы печей стремились начать работу. Председатель Верховного суда издал новое постановление, поясняющее ранее сформулированные требования и добавлявшее два важных пункта:

- прошлые займы, выплаченные владельцами печей на такие расходы, как свадьба или медицинское лечение, аннулировались, и их следовало рассматривать как «денежное пожертвование»;
- все владельцы печей должны были предоставить возвращающимся рабочим письменное обязательство не применять насилие или нелегально использовать против них полицию.

«Денежные пожертвования» плюс долги, которые рабочие по-прежнему отказывались выплачивать, означали переход сумм в миллионы рупий от владельцев печей к рабочим, причем в большем выигрыше оказались семьи с большими долгами.

Массовый уход с печей и эффективное списывание долгов стало невероятным прорывом для рабочих. Председатель Верховного суда назвал его «революцией», заявив, что, хотя это было несправедливо по отношению к владельцам печей, не было никакого другого внятного пути разрешить проблему, не требуя невозможного: выплаты долгов сотнями тысяч бедняков-рабочих, у которых не было ни средств, ни желания это сделать. С начала сезона по производству кирпича в 1989 году отношения между владельцами и рабочими строились временно на новой основе. Владельцы, привыкшие прибегать к насилию, вынуждены были себя сдерживать, другие стали вести более точную и открытую бухгалтерию, и по всей стране сдельная оплата формовщиков почти удвоилась, потому что владельцы печей вели настоящее сражение за рабочих (многие семьи воспользовались своим неожиданным освобождением от долгов, чтобы прекратить заниматься производством кирпича). Если бы профсоюз рабочих-кирпичников сосредоточился на том, чтобы постановление суда исполнялось, с дол-

говым закабалением могло бы быть покончено. К сожалению, этого не произошло. Нынешний руководитель союза вспоминает:

После того как кирпичники избавились от своих долгов, в профсоюз стали обращаться люди из тех отраслей, где тоже использовалась система предварительных выплат, таких, как сельское хозяйство или производство ковров. Они тоже хотели освободиться от своих долгов.

Неожиданный рост запросов из других секторов экономики породил серьезное напряжение в профсоюзе кирпичников. Так как они пытались организовать другие программы для рабочих, такие, как школы для детей, они оказались в центре международной кампании. Именно тогда, когда рабочие-кирпичники больше всего нуждались в руководстве, чтобы закрепить достигнутую победу, их руководство оказалось подавлено, с одной стороны, выполняемым объемом работы, а с другой стороны, враждебностью со стороны правительства. Одним из истинных сторонников профсоюза кирпичников был президент Ассоциации здравоохранения Пакистана профессор М. Асламхан, специалист по генетике. Во время нашего разговора профессор рассказал, как он в качестве добровольца проверял печи и лечил травмированных и больных рабочих и их семьи. По его словам, после «революции 1988 года» многие бывшие соратники поссорились друг с другом. Стороны обменивались возмущенными заявлениями, обвиняя друг друга в обмане ожиданий рабочих или использовании их для удовлетворения политических амбиций. Чем больше я разговаривал с различными участниками «революции», тем больше и больше я тревожился, боясь оказаться средством отмщения за личные обиды, особенно когда записи и расчеты, которые я получал, не соответствовали друг другу.

Быстрый рост профсоюза кирпичников вызвал резкую реакцию правительства. Вражда, возникшая между некоторыми организациями, означала, что общественное внимание переместилось с проблем кабального труда и сосредоточилось на междоусобной войне. Появились другие организации, помогающие рабочим, эксплуатируемым в рамках системы предварительных выплат, а влияние профсоюза кирпичников уменьшилось. В настоящее время союз насчитывает 5000 членов, и его председатель объяснил, что после событий 1988 года они не хотят сотрудничать с «интеллектуалами» или иностранными правозащитными организациями.

«Гораздо лучше, – сказал он мне, – если мы будем работать сами по себе».

Отголоски революции 1988 года, тем не менее, не затихли, и в 1992 году был издан новый закон, запрещающий кабальный труд. *Закабаленная рабочая сила* была определена как уступка любым работником своей свободы найма на работу, свободы передвижения, права на минимальную заработную плату в обмен на денежный аванс. Закон специально оговаривал запрет на использование насилия и на принуждение к труду. Закон также аннулировал все долги закабаленных рабочих и запрещал конфискацию любого имущества за долги. Кроме того, каждый, уличенный в использовании закабаленных рабочих спустя 90 дней после вступления закона в силу, мог быть наказан тюремным заключением сроком до 5 лет. Этот выдающийся закон стал возможен благодаря совпадению национальных и международных интересов. С середины 80-х годов правозащитные организации привлекали внимание общественности к положению закабаленных рабочих в Пакистане, особенно в сфере производства кирпичей и ковров. Пакистанское правительство чувствовало все возрастающее международное давление, подталкивающее его хоть к каким-то действиям. Хотя со стороны правительства вряд ли последовала бы какая-нибудь реакция, если бы не драматические события в стране. В 1989 году военный диктатор генерал Зия Ульхак погиб в авиационной катастрофе, и были назначены выборы. Новый премьер-министр Наваз Шариф, который вновь созвал парламент и гарантировал свободу прессы, оставался в кресле до апреля 1992 года. Как раз перед тем, как его правительство было заменено «временной администрацией», был принят Закон о запрете кабального труда. Через несколько месяцев Беназир Бхутто, юрист, получившая образование в Великобритании, стала премьер-министром. Появилась надежда, что ее правительство, более чувствительное к международному мнению, будет уделять больше внимания правам человека и претворит в жизнь принятый закон. Но до сегодняшнего дня ни один человек не был привлечен к ответственности в соответствии с этим законом.

В общем, закон был великолепен, и он должен был бы иметь прямые последствия. Но поскольку на полицию нельзя полагаться в вопросе беспристрастного выполнения законов, группам, не обладающим большими социальными ресурсами, необходимы защитники. Владельцы печей, желающие предотвратить любую потерю предварительных выплат, обрушились на рабочих, усили-

вая охрану печей. В 1994 году Комиссия по правам человека в Пакистане обнаружила, что «принудительный труд продолжает использоваться в широких масштабах... охватывая примерно 20 миллионов человек»¹³. Сегодня, как я уже писал, многие семьи опять попали в огромные долги и силой удерживаются в качестве их обеспечения. В 1989 году рост сдельной оплаты был съеден инфляцией. Права рабочих на свободу передвижения и честную оплату труда постоянно нарушаются. Система предварительных выплат живет и процветает, несмотря на закон о ее запрете. Снова и снова, на разных печах и владельцы, и рабочие говорили мне, что после волнений 1988 года и вопреки принятию закона все вернулось назад к старым порядкам.

Грязь, деньги и производство кирпича

Что будет дальше с семьями, занятыми производством кирпича в Пакистане? По многим причинам еще рано об этом говорить. Учитывая сползание страны в гражданские конфликты и вызывающий тревогу уровень коррупции, мало надежды на то, что правительство сможет изменить ситуацию. Хотя в одном отношении производство кирпича в Пакистане фундаментально отличается от других типов нового рабства: оно не приносит высоких прибылей. Материал для производства кирпича стоит столько, сколько грязь, потому что это и *есть* грязь. Но есть другие дорогостоящие затраты. В среднем кирпич в Пакистане сегодня продается по цене 1000 рупий (\$20) за 1000 кирпичей. Как мы видели, семья рабочего получает примерно 100 рупий (\$2) за превращение глины в 1000 сырых кирпичей. Кроме того, откатчикам, загрузчикам, рабочим на обжиге, разгрузчикам и транспортным рабочим также нужно заплатить. Это добавляет еще 200 рупий (\$4) к стоимости производства 1000 кирпичей. Но самые большие затраты в производстве кирпича связаны не с рабочей силой, а с топливом. Чтобы круглосуточно поддерживать температуру печи в 1500 градусов по Цельсию нужно много угля – сотни тонн ежемесячно. Стоимость угля, древесины и нефти добавляет еще 500 рупий (\$10) к стоимости 1000 кирпичей. Добавьте сюда зарплату менеджеров, расходы на ремонт, воду, налоги, обслуживание транспорта и так далее, и получится, что владелец печи затрачивает 900 рупий (\$18), чтобы произвести кирпичи, которые он продаст за 1000 рупий (\$20).

Таким образом, максимальная прибыль на печи составляет 10–15 % в год. Даже если рабочие закабалены и не получают ни копейки, прибыль вырастает до 25% в лучшем случае. Некоторые владельцы печей улучшают свое положение, начиная заниматься строительными работами, используя собственную печь, чтобы избежать услуг посредников по продаже кирпича. Но для большинства владельцев такая скромная прибыль это все, на что они могут рассчитывать. Существующие по всей стране 7000 печей создают достаточную конкуренцию, чтобы цены оставались низкими, кроме того, спрос на кирпич сейчас невелик. Этот низкий уровень прибыли в сочетании с нестабильным и временным характером производства помещает пакистанских рабочих-кирпичников в особую категорию новой системы рабства. Хотя система предварительных выплат возникает из экономической реальности, в значительной степени несправедливой и неравной, это практически единственный вид кредита, доступный беднякам. Эта система сочетает в отношениях между рабочими и владельцами некоторые аспекты феодализма и переходной экономики современного капитализма, создавая тип закабаления, наполовину старый и наполовину новый. Учитывая это, трудно сказать, что будет с отраслью.

На первый взгляд, производство кирпича кажется очень уязвимым по отношению к механизации. Мы ведь говорим о кирпиче, сделанном *вручную*. Современные машины производят кирпич в 10 раз быстрее, чем самые старательные и быстро работающие семьи, и даже самая маленькая автоматическая печь может произвести 40 000 кирпичей в день, вдвое больше, чем ручное производство. Но современная механизация не угрожает мелким производителям. Цена нового оборудования высока, и лишь много времени спустя инвестор окажется в состоянии снизить цены до уровня цены кирпича, произведенного вручную. Следовательно, производство кирпича выстоит: произведенный вручную кирпич так дешев, что даже машина не может тут соревноваться, хотя прибыль стабильно остается низкой. Значит, семьи рабочих даже на самых лучших печах вынуждены будут продолжать вести нищенский образ жизни. И в условиях нынешнего экономического спада в Пакистане кирпичники, потерявшие свою работу, могут быстро скатиться от жизни на уровне прожиточного минимума к нищете. Здесь мы сталкиваемся с одной из фундаментальных этических проблем рабства: что предпочтительнее, свобода, сопровождающаяся голодом, или рабство, дающее еду?

Сексуальные домогательства на рабочем месте, зарплаты на уровне прожиточного минимума, растущие долги, низкая доходность печей, религиозная и этническая дискриминация, коррумпированность полиции, не работающие законы — все это вместе выстраивает западню нищеты, или еще хуже, долгового рабства. Поскольку все перечисленные негативные факторы усиливаются, прогнозы для рабочих-кирпичников не могут быть хорошими. Если бы фундаменталисты, которые так влиятельны в Пакистане, уделяли больше внимания воспитанию уважения к женщине, честности в бизнесе, защите бедных — как и требует Коран — ситуация могла бы стать другой. Если бы правительство претворяло в жизнь собственные законы, искореняло коррупцию, поставило полицию под контроль закона, существовала бы надежда. Если бы рабочие смогли черпать силы в своей численности, эффективно организоваться и оправиться от событий 88–89 годов, серьезные перемены были бы возможны. Но поскольку конфликты нарастают, не видно даже намека на перемены. Унылые перспективы становятся еще более мрачными, когда мы видим, что совсем рядом, в Индии, ситуация совсем другая. В стране, обремененной большинством тех же самых проблем, что и Пакистан, семьи сумели выбраться из долгового рабства. Ключом к решению проблемы стали, похоже, наш старый друг мул и 40 акров земли.

ИНДИЯ

Обед пахаря

Что это значит — быть индийским сельскохозяйственным рабочим, попавшим в долговую кабалу? Вы можете получить представление об их повседневной жизни, проведя дома следующий эксперимент.

Найдите дома пакет риса, а еще лучше обычной нешлифованной пшеницы. Возьмите четыре кружки риса или пшеницы. Теперь попытайтесь прокормить семью из пяти человек в течение дня отмеренным зерном. Трапеза одного человека будет состоять всего из трети кружки зерна, и так в течение дня. Если у вас пшеница, размелите ее в муку, смешайте с водой и сделайте мягкий пресный хлеб. Если это рис, вы можете сварить его как обычно. Следуйте этому рецепту каждый день всю свою оставшуюся жизнь.

Правда, возможны варианты. Один раз в две недели заменяйте половину нормы зерна бобами или чечевицей. Наберите на заднем дворе одуванчиков или клевера и добавьте зелень к рису, когда варите его (поверьте мне, через неделю даже сорняки покажутся вам очень вкусными). А если у вас хватит сил, вы можете выращивать перец или лук, или те же бобы. Поработайте еще усерднее, и у вас

будет лук на продажу, чтобы была возможность купить растительное масло и соль. Так вам придется работать на протяжении 20 или 30 лет.

Если вы хотите приобрести подлинный опыт, вам нужно добавить к эксперименту подходящие условия: вы должны жить в глинобитной хижине с земляным полом и носить воду из источника по меньшей мере в полумиле от дома. Кроме того, готовить еду и обогревать жилище вам придется, сжигая коровьи лепешки в углу комнаты. Если кто-нибудь из детей заболевает из-за постоянного дыма, продайте зерно, вместо того, чтобы его есть, и купите лекарства. В это время у вас не будет никакой еды.

Это медленное умирание от голода, жестко сбалансированный способ получить максимум работы от закабаленных рабочих за минимум вкладываемых средств. На протяжении веков в Индии возникли разные системы неволи, эта, возможно, самая древняя и долговечная из всех систем закабаления в мире. Индия может нам помочь увидеть, как рабство начиналось в истории человечества. Но что еще важнее, она дает нам примеры того, как оно заканчивается. Индия, которая по числу рабов, возможно, превосходит все остальные страны вместе взятые, продвинулась дальше других по пути прекращения кабалы.

Борьба за окончание рабства — огромная задача. Вдобавок к древним формам закабаления, существующим в сельской местности, есть много примеров нового рабства, процветающего в городах. В Индии рабство чрезвычайно многообразно. Учитывая нищету, царящую в стране, и распространенность этой системы, можно только удивляться прогрессу, сделанному на пути борьбы с ней. Что же удалось сделать в Индии из того, что не сделано в Таиланде, Бразилии или Пакистане? Различие заключается отнюдь не в ресурсах: Индия беднее, чем любая из этих трех стран. И так же, как перечисленные страны, она пронизана коррупцией и противоречиями. Чтобы прояснить этот вопрос, нам надо оставить в стороне глобальные показатели экономического роста или увеличения внутреннего производства и поговорить с крестьянами, которые освободились из неволи. Но чтобы найти дорогу на их рисовые поля, надо сначала взглянуть на всю страну и ее многочисленных рабов.

Их ежедневный (пресный) хлеб

Мы смогли так подробно описать условия предложенного выше эксперимента потому, что одна из форм долгового рабства в Индии имеет очень точные законы. Работнику, попавшему в долговое рабство, платят не деньги за работу, а килограмм пшеницы (обычно), риса или бобов (редко). В обмен на это ежедневное обеспечение работник трудится на своего хозяина целый день, день за днем. Если он сможет найти время и силы, то может попробовать вырастить немного еды на том акре земли, которым хозяин разрешил ему пользоваться. Долговая кабала в Индии сильно отличается от системы предварительных выплат в Пакистане. Оглядываясь на печи по обжигу кирпича, мы видим, что там существует сдельная оплата труда и в принципе возможно, хотя и маловероятно, что семья сможет выкарабкаться из долгов за счет своих заработков. В ситуации долгового закабаления сельскохозяйственных рабочих в Индии семья теряет всякую свободу и не получает никакой платы за труд. Взяв деньги в долг или просто поместив себя «под защиту» землевладельца, семья получает от него две вещи: ежедневный пакет зерна и доступ к маленькому клочку земли, на котором семья может выращивать для себя еду.

Эта долговая кабала – остаток старейшей системы рабства на планете. Рабство, насколько нам известно, возникло, когда на смену кочевникам-охотникам и собирателям пришел оседлый образ жизни и земледелие. То, что мы часто называем началом истории человечества, оказалось и началом рабства. Примерно 11 000 лет назад оседлый образ жизни возник в трех регионах: в Месопотамии, Египте и на равнинах Индии. Возникновение земледелия привело к появлению новых типов общества. Социальные группы, формировавшие эти общества, легко узнаваемы: крестьяне и горожане, правители и подданные, солдаты и гражданские люди, хозяева и рабы. Чиновники, необходимые для управления всей этой массой людей, сильно напоминали теперешних. Некоторые люди сидели за столами и перекладывали бумажки (в то время, скажем, глиняные дощечки), тогда как большинство должно было вкалывать. Еда для правителей, солдат, чиновников и хозяев должна была появляться в результате работы людей на полях, и было гораздо проще присваивать эту еду, когда над крестьянами осуществлялся строгий контроль. Именно тут и были нужны солдаты, «покорявшие» (порабощавшие) людей и удерживавшие их в подчинении, – такой порядок существовал на протяжении тыся-

челетий. В течение последних 300 лет ситуация в Египте и Месопотамии изменилась самым серьезным образом, но индийские крестьяне, несмотря на набеги и изменения климата, продолжали работать на своих землевладельцев. Страшно подумать, но кто-нибудь из закабаленных крестьян, с которыми мы встретимся позднее в этой главе, может оказаться прямым потомком земледельца, попавшего в кабалу еще в то время, потомком столь далеким, что для обозначения его родства потребуется три сотни приставок «пра» перед словом «внук».

Подневольная работа в Индии насчитывает не только многовековую историю, но она широко распространена. Землепашец со своей семьей – лишь один из миллионов сельскохозяйственных рабочих, живущих в неволе, и люди, занимающиеся сотней других видов деятельности, существуют в аналогичных условиях. Чай, который вы пьете, может быть собран подневольными рабочими в Ассаме. Ювелирные изделия, драгоценные камни, кирпич, лесоматериалы, камень, сахар, фейерверки, одежда, ковры – практически любой товар ручной работы может быть сделан рабом. Приготовление и продажа еды, переноска тяжестей, уход за животными, проституция, даже нищенство и воровство могут исполняться теми, кто находится в долговом рабстве. Никто не знает, сколько в Индии рабов: оценка предполагает миллионы, но сколько миллионов, 2, 10 или 20, неизвестно. Правительственные оценки невероятно низкие: многие штаты утверждают, что на их территории долговое рабство не существует, невзирая на многочисленные свидетельства об обратном.

Конечно, попытаться описать что-либо в Индии в целом очень сложно из-за размеров страны. Население страны составляет 950 миллионов человек (50 лет назад было 350 миллионов), то есть 1/6 часть населения мира. Эти люди говорят более чем на тысяче разных языков и диалектов. Существует примерно 600 признанных местных племен и несколько сотен более мелких подразделений. Эти племена говорят на более чем трех сотнях различных языков. Некоторые из 22 штатов, входящих в состав Индии, настолько же отличаются друг от друга, как удаленные страны, и путешествие на сотню миль может означать встречу с новыми обычаями, другим языком, другой социальной и семейной организацией, другим образом жизни. Существует очень мало вещей, единых для всей Индии, и закабаление, возможно, одна из них.

Когда в стране существует так много культур, не удивительно, что существует так много различных схем неволи. Некоторые долговые обязательства переходят от родителей к детям. В других случаях семьи передают ребенка в залог долга землевладельцу или торговцу, обычно для выполнения домашней работы или ухода за скотом. Некоторые формы кабальной зависимости чисто феодалы: работники трудятся на своего хозяина, получая за это ежедневную еду. Они должны быть готовы к работе в любое время и не имеют права работать на кого-либо еще или уйти без разрешения хозяина. Часто вдовы попадают в кабальную зависимость: в обмен за свою независимую жизнь они получают еду дважды в день, обычно они переезжают в дом своего хозяина, где часто живут в загоне для скота или других сельскохозяйственных постройках. Тип долговой зависимости, с которой я начал эту главу, называется *колия* (земельный). В данном случае работники отказываются от свободы передвижения в обмен на право пользоваться маленьким клочком земли и пищу. Мы подробнее познакомимся с жизнью нескольких таких семей, живущих в штате Уттар-Прадеш.

Различные формы закабаления имеют общие характеристики. Все закабаленные рабочие живут под угрозой насилия. Они все утратили право свободного передвижения и продажи своих рабочих рук по своему выбору. У них у всех очень длинный рабочий день, и они либо совсем не получают денег за работу, либо их заработок ниже прожиточного минимума. Не стоит говорить о том, что часто с ними обращаются, как с людьми низшего сорта, они утратили достоинство. Поскольку часто это традиционные формы закабаления, то использование кабального труда может как приносить, так и не приносить высокую прибыль. Существующая численность закабаленных рабочих в Индии означает, что много форм как старого, так и нового рабства существуют бок о бок. Некоторые формы рабства опираются на обычаи и суеверия, обеспечивающие контроль над поработоченными людьми.

Рассмотрим случай *девадаси*, молодых женщин, которые становятся супругами бога, что совсем не так приятно, как может показаться. Бедные семьи, чтобы умиловить местных богов и обеспечить счастливое будущее, жертвуют дочерью, «выдавая ее замуж» за одного из богов. После бракосочетания девушка объявляется святой и должна переселиться в местный храм, о котором она с этого момента заботится. Девушка должна выполнять любую работу, она не может уехать из деревни, не может «развес-

тись» и выйти замуж за кого-нибудь еще и полностью находится в подчинении у людей, которые руководят храмом. На протяжении столетий они превращали девушек в проституток, так что храм параллельно становился публичным домом. Каждая девочка, рожденная «святыми», также становилась *девадаси*, женщины проживали свои жизни, как проститутки-невольницы, тогда как мужчины, управлявшие храмом, присваивали прибыли.

Дети также составляют значительную часть подневольной рабочей силы в Индии. Особенно хорошо известна группа детей, производящих фейерверки и спички в районе города Шивакази в штате Тамил-Наду. Примерно 45 000 детей работают на этих фабриках, что является, возможно, самым массовым случаем использования детского труда в мире. Между 3 и 5 часами каждое утро автобусы с фабрик объезжают окрестные деревни. Местные агенты вербуют на работу детей в возрасте от трех с половиной до пятнадцати, выплачивая аванс их родителям и создавая кабальный долг. Агенты проверяют, проснулись ли дети и все ли они в автобусе, чтобы ехать на фабрику, где они будут работать на протяжении следующих 12 часов. Исследование, проведенное ЮНИСЕФ, в ходе которого было обследовано 33 автобуса, обнаруживало в каждом из них по 150–200 детей, втискиваемых туда ежедневно. Они не возвращаются домой до 7 часов вечера. Накануне большого фестиваля огней — Дивали — фабрики увеличивают продолжительность рабочего дня и работают 7 дней в неделю.

Дети сворачивают и упаковывают фейерверки в темных и грязных сараях. Пороховая смесь едкая, и со временем она разъедает кожу на детских пальцах. Когда это происходит, образуются волдыри, и дети не могут работать, потому что химикаты быстро обжигают плоть, лишённую кожи. Чтобы волдыри прошли, нужно 5–6 дней, но такой простой означает увольнение. Поэтому к волдырю прижимают горячий уголь или сигарету, чтобы он лопнул и рана прижглась. Со временем детские пальцы превращаются в сплошное месиво шрамов. Кроме того, порошкообразный хлористый калий, фосфор и окись цинка попадают в легкие, вызывая проблемы с дыханием и заражение крови.

Девадаси и дети, производящие фейерверки, лишь два примера многочисленных типов рабства, существующих в Индии. Описание сотен различных форм неволи в разных частях страны заняло бы много томов, а жизни закабаленных воплотились бы в миллионы трагедий. Чтобы исследовать подъем нового рабства, нам необходимо понять ситуацию в Индии, но страна так велика и в ней

так много разных форм рабства, – на чем же нам остановиться? Я выбрал Уттар-Прадеш.

Куда смерть переправляет душу

Если о каком-то штате можно сказать, что он лучше других представляет Индию, то это Уттар-Прадеш. Это один из наиболее населенных и разнообразных регионов страны, в большой степени определяющий культуру и политику Индии. Это центр земель, говорящих на хинди, основном местном языке и официальном языке правительства. Северные окраины штата граничат с Китаем через Гималаи, где берет начало священная река Ганг. На другом конце штата находится священная переправа через Ганг у города Варанаси (Бенарес), куда, как верят индуисты, смерть переносит душу для окончательного освобождения. Регион представляет собой одну из колыбелей древнего земледелия. Здесь находятся места, священные для индуистов, буддистов и мусульман. И это же – часть Индии, наиболее посещаемая иностранцами. В Агре, столице Индии во времена моголов, находится знаменитый Тадж Махал. Дальше к востоку расположен город Аллахабад – родина семьи Неру, подарившей Индии трех премьер-министров за последние 50 лет. Для туристов, направляющихся в Тадж Махал, пейзажи Уттар-Прадеш – разворачивающаяся за окном автобуса ровная земля, возделываемая идущим за сохой земледельцем, или орошаемые рисовые поля – представляются типичной картиной сельской местности в Индии. Что туристы редко осознают, так это то, что живописные земледельцы, которых они фотографируют, скорее всего находятся в долговом рабстве.

Долговое закабаление эндемично для Уттар-Прадеша. У него много имен, и оно может принимать любую форму из тех, о которых мы говорили выше. Мужчины, женщины, дети выполняют кабальную работу в сельском хозяйстве, каменоломнях, на кирпичных печах, шахтах, спичечных фабриках и фабриках по производству фейерверков, они производят сигареты, изделия из меди, стеклянные браслеты, керамику, ковры. На севере штата, где сельские землевладельцы имеют особенно большую власть, семьи могут быть разделены, когда женщин или детей продают на аукционе в уплату долгов мужчины. Никто не знает, сколько закабаленных работников в штате. В одном исследовании было обследовано 235 деревень, и число кабальных работников оценивалось в 500 000 человек. Сколько бы их ни было, большинство занято

в сельском хозяйстве и принадлежит к низшим кастам (в Индии они официально называются «зарегистрированные» (scheduled) или «отсталые» (backward) касты). Обычно их долги проистекают по одной из двух причин: неожиданный кризис – болезнь, увечье, голод или необходимость заплатить за похороны или свадьбу. Конечно, долг мог возникнуть несколько поколений назад. Может оказаться, что семьи закабаленных работников и землевладельцы связаны этими отношениями на протяжении веков.

Почти все землевладельцы происходят из высших каст и владеют значительными наделами земли. Почти все кабалные работники неграмотны и совсем не имеют земли, а те, у кого она есть, вынуждены закладывать ее (и в конце концов потерять) в обеспечение своих долгов. Наличие такой большой доли закабаленных работников в сельском хозяйстве имеет много последствий. Так же, как и на американском Юге были «плохие» и «хорошие» плантаторы, существуют «плохие» и «хорошие» землевладельцы в штате Уттар-Прадеш. Большинство землевладельцев не разрешает своим работникам покидать землю или работать на кого-нибудь еще в свободное время. Некоторые землевладельцы заботятся о поддержке семей работников, находящихся в долговременной зависимости. Другие подвергают своих работников жестокому обращению, сексуальные домогательства по отношению к женщинам не редкость.

В изолированной северной части штата, вблизи гор, землевладельцы имеют практически неограниченную власть над работниками, не имеющими земли. Высшие касты браминов и раджпутов занимают все официальные посты, владеют землей, ссужают деньги. Сельскохозяйственные рабочие, имеющие перед ними долг, терпят ситуацию, описанную выше: отдают весь свой труд, за что получают две кормежки в день и право пользоваться клочком земли. Поскольку землевладелец обычно представляет местные власти, то он часто использует закон для установления власти над работающими. Против свободных работников могут быть выдвинуты ложные обвинения, и, чтобы выплатить наложенные на них штрафы, им приходится брать в долг и идти в кабалу. Закабаленные работники также подвергаются штрафам, которые могут быть наложены за «уход с фермы», «кражу картофеля», и их уплата сохраняет долг работника высоким. В довершение проблемы в этом регионе принято выплачивать выкуп за невесту. Мужчинам приходится идти к ростовщикам за деньгами, необходимыми для женитьбы. Таким образом, молодые люди, чьи родители

находятся в кабале, а они сами – нет, также становятся участниками этой игры. Этот горный регион также обеспечивает большое число проституток для равнинных городов. По ужасной иронии мужчины иногда продают собственных жен в проститутки, чтобы расплатиться с долгами, в которые они влезли для женитьбы на них. Эта практика расцвела за последние пятьдесят лет, поскольку жертвы старой системы рабства пытаются улучшить свое положение, продавая женщин и девушек в новое рабство в городские публичные дома.¹

По всему штату Уттар-Прадеш, если мужчина убегает, его имущество, иногда даже его дети, описываются и продаются с аукциона. После чего долговые обязательства переходят к старшему сыну, чей труд засчитывается в уплату процентов по долгу. В отличие от Пакистана, где религиозная этика запрещает взымать проценты с долга, в Индии долговые проценты могут достигать 60 %, но, как правило, действует договоренность, что *весь* труд работника идет на уплату процентов, а сам долг должен быть выплачен наличными. По мере роста долга все больше и больше членов семьи оказывается в кабале у землевладельца, женщины и дети выполняют работы по дому или в саду, ухаживают за животными. От работников требуют приложить большой палец к «контракту» (в Индии это стандартный способ для неграмотного «подписать» документ) и бухгалтерским книгам, которые землевладелец хранит на случай какой-нибудь независимой инспекции. Будучи неграмотным, работник понятия не имеет, что он «подписывает».

Время от времени большие проекты в Уттар-Прадеше требуют особых усилий со стороны землевладельцев и официальных властей. Строительство требует больше рабочих рук, чем может быть привлечено с окрестных полей, и местные власти привозят семьи из других штатов, что очень напоминает то, как бразильцы вербуются на работу по производству древесного угля. Некоторое время назад примерно сотня кабальных рабочих была обнаружена запертой на замок в жестяном сарае размером 60 на 15 футов². Они получали недостаточно пищи и воды, многие были больны, но им не оказывали никакой медицинской помощи. Главам семей, которым выплатили аванс в 600 рупий, когда они уезжали из штата Орисса, был затем предъявлен счет за транспортировку на место строительства. С ежедневной платой, равной 16 рупиям, даже думать было нечего об уменьшении долга, который только рос, потому что власти выставляли семьям счет за еду. Рабочие нахо-

дились под вооруженной охраной днем и были заперты на замок ночью. Даже индийское правительство, владеющее Строительной корпорацией национальных проектов в Уттар-Прадеше, было обвинено в подобном закабалении рабочих.

На берегу волшебной реки

На южной окраине Уттар-Прадеша, в долине реки Ганг, находится город Аллахабад. Город расположен в месте, священном для всех индуистов, там, где сходятся три великие реки. Здесь Ганг и Ямуна сливаются с волшебной, хотя и невидимой, «рекой блаженства» – Сараваси, которая бьет ключом из тайных сфер. Их слияние – святое место, одно из величайших мест паломничества в Индии. Религиозный праздник, который здесь проводится, самый большой в мире и привлекает более трех миллионов паломников, которые образуют огромный палаточный город на заливных лугах и берегах реки.

Примерно в 30 милях от города и в миле от шоссе федерального значения находится поселок Банди. Тридцать миль от Аллахабада с его университетом, офисными зданиями, фабриками – все равно что три тысячи, такова разница между этими двумя местами. В Банди успехи модернизации сводятся к трем ручным колодцам, рытье которых было недавно организовано правительством. На самом деле, *поселок* – слишком большое слово для того, чтобы описать Банди, *деревня*, возможно, будет ближе к действительности. Тридцать пять в беспорядке рассыпанных домиков служат жилищем для 225 человек. Есть один маленький магазин, примыкающий к небольшой мельнице, которая мелет пшеницу, шлифует рис и выжимает масло из горчичных семян. «Цивилизацию» можно обнаружить неподалеку: вдоль шоссе расположен ряд магазинов, и есть шанс поймать автобус до города, если у вас есть деньги. Центром поселка служит небольшой пруд, вырытый на средства правительства, где люди моются, стирают одежду, ловят рыбу, поят и моют животных, а также берут воду. Кроме того, в пруду обычно можно увидеть несколько буйволов, лежащих в воде. На краю пруда жители деревни построили маленькое индуистское святилище из кирпича.

Банди – счастливая деревня. Она расположена недалеко от реки и для полива окрестной земли есть оросительные каналы. Озеро также орошает поля, которые и образуют большую часть деревни. Земля поделена на маленькие участки, размером

в несколько сотен квадратных ярдов; эти участки разделены насыпными валами, ширина которых как раз позволяет ходить по ним гуськом. Более 70 % земли принадлежит двум владельцам, один из которых владеет также магазином и мельницей. Сельское хозяйство — единственное занятие в поселке, и почти каждый работает на владельцев земли.

В Банди я встретил нескольких кабальных работников, и на протяжении нескольких недель летом 1997 года я знакомился с их жизнью. Молодой индийский исследователь Прамод Сингх пробыл некоторое время в деревне и подготовил рабочих к моему визиту. Поскольку они ждали меня и успели поверить Прамоду, многие рабочие открыто говорили об обстоятельствах своей жизни. Некоторые дети так и не перестали бояться меня: я был первым белым (высоким и сгоревшим до красноты), которого они увидели. Другие дети просто смеялись над таким нескладехой в смешной одежде, в лютую жару поминутно пившим воду из бутылки. Большинство жителей деревни были приветливы и доброжелательны в манере, присущей очень бедным людям, стесняющимся убогости своего существования. Рацион, который я описал в начале этой главы, это вся еда, что у них есть, хотя они постоянно предлагают разделить с ними трапезу. Многие рабочие, с которыми я разговаривал, были в кабале, получая свой ежедневный килограмм зерна и пользуясь участком земли в обмен на свой труд до тех пор, пока долг не будет выплачен. Некоторые из них родились с долгом и уверены, что с ним и умрут. Другим удалось освободиться, и их истории особенно важны, поскольку они обозначают дорогу к свободе.

Деревенские истории

Балдев. Когда я впервые встретил Балдева, он пахал. Он шагал взад и вперед по своему маленькому участку земли вслед за простейшей сохой, запряженной одним маленьким быком. Ее деревянный лемех вспахивал неглубокую борозду, переворачивая почву. Приходилось перепахивать почву по несколько раз, чтобы подготовить ее к посадке. Большую часть своей жизни Балдев проводит за этим занятием, потому что он *халваха* — кабальный пахарь. Его хозяин зовет его «мой халваха». В то утро, когда я его встретил, Балдев тяжело и упорно работал, но это был хороший день. Чтобы подтвердить это, Балдев сказал мне, что утром он съел завтрак. Балдев завтракает нечасто, но поскольку ему нужны

были силы для пахоты, он съел размоченный турецкий горох, сваренный с солью и зеленым перцем. Когда мы говорили, было примерно 11 утра, а он пахал с семи. Еще через два часа он прекратил работу и прилег переждать самую жаркую часть суток. С трех до семи он снова работал.

Когда мы достали воду и присели на валу на краю поля, Балдев присел на корточки перед нами. Как представитель касты «кохл» (Kohl) он является неприкасаемым для людей из более высоких каст, из вежливости он не стал садиться рядом со мной — он полагал, что я принадлежу к более высокой касте, несмотря на мои уверения в обратном. Я спросил его, как долго его семья живет в Банди, и вот что он ответил:

— Мы здесь всегда жили. Я знаю только до дедушки, но он говорил, что мы здесь жили всегда. Мой дедушка был у хозяина халвахой, а потом мой отец тоже был халвахой. Они оба были в кабале за долги — мой отец за долг своего отца, я не знаю, как было с долгом моего деда. Это обычная вещь. Кохлы, как мы, всегда были в кабале у браминов, как мой хозяин. Здесь всегда так было.

— Все знают, что вы подневольный работник?

— Ну, конечно, все это здесь знают. Как я говорил, моя семья работает на одного и того же хозяина много лет. В конце концов это маленькая деревня, все все про всех знают. Я не знаю, знает ли кто-нибудь в городе или правительственные инспекторы. Я думал сначала, что вы двое — инспекторы, когда я увидел, как вы одеты. Но я сомневаюсь, что этих инспекторов сильно заботит, что здесь происходит. В общем, я унаследовал долг отца, так что я всегда знал, что буду халвахой. Я думаю, каждый знал.

— Как велик ваш долг?

Ну, когда я впервые стал халвахой у своего хозяина, это было около 15 лет назад, я не помню точно, какой у меня тогда был долг. Сейчас он около 900 рупий (\$25). Один раз мы отправились на свадьбу к моему родственнику, и чтобы добраться туда и купить новую одежду, я занял 500 рупий, это было несколько лет тому назад. Пару раз мне пришлось

занимать деньги, чтобы купить лекарства, когда у нас болел кто-нибудь из детей. Но в основном долг растет из-за того, что я прошу небольшие суммы, чтобы купить кое-что, например, удобрение. Мой хозяин дал мне 2 бигха (около 3 акров) земли, которой я могу пользоваться, здесь я выращиваю бобы и чечевицу. Чтобы получить хороший урожай, я должен использовать удобрение. Я мог бы занять у хозяина удобрение вместо денег, но тогда я должен вернуть в полтора раза больше, когда соберу урожай. Все такие вещи, семена или пестициды, нужно возвращать в полуторном размере после сбора урожая. Я также должен платить за орошение поля, это налог местному правительству, которое следит за каналом. Если у меня не будет денег, когда придет время платить, мне придется занять у хозяина, потому что если вы не заплатите за орошение, они не дадут вам больше воды на полив урожая, и вы его потеряете.

— Что вы получаете с урожая?

— Ну, он нам позволяет не голодать. Я каждую свободную минуту отдаю, чтобы ухаживать за будущим урожаем, потому что я продаю часть, чтобы купить вещи, которые нам нужны. Видите ли, я могу вырастить примерно 400 килограммов бобов и чечевицы на моем поле. Их можно продать по 10 рупий за килограмм. Если бы я мог продать все, я бы получил 4000 рупий (\$110), но даже думать нечего получить такие деньги. Примерно 60 килограммов надо оставить на семена, они стоят по 15 рупий за килограмм. Все, что я занимал у хозяина, я должен вернуть в полтора раза больше. Если я занимал 60 килограммов семян, я должен вернуть 90. То же самое с удобрениями и остальным. Часть урожая мы оставляем для еды на весь год, а остальное я продаю.

— Что вы делаете с деньгами?

— Плачу за все. Есть четыре вещи, которые мы должны покупать: растительное масло для еды, это примерно 10 рупий на неделю. Потом соль, она довольно дешевая, на это мы тратим 4 рупии в месяц, овощи стоят дороже, примерно 20–30 рупий в неделю. Мы пользуемся керосинами для освещения, но это всего 6 рупий в месяц, потому что когда темно,

мы ложимся спать и пользуемся светильником не часто. Когда у нас заканчиваются деньги, мы не покупаем овощи, а едим зерно, которое дает хозяин, и чечевицу, которая у нас осталась.

– После сбора урожая, когда я продал свое зерно, есть один большой расход на год. Мы покупаем новую одежду. У нас всего одна-две смены одежды, и за год старая одежда совсем изнашивается, кроме того, дети вырастают из своих вещей. Нас пятеро, на одежду нам надо много денег, больше 1000 рупий (\$28). У меня такие деньги есть только раз в году, когда я продаю урожай. В основном деньги заканчиваются задолго до нового урожая, иногда мы можем перебиться, не занимая больше, но иногда приходится одалживать.

Позже вечером мы заглянули в дом Балдева, где он живет вместе с женой Мархи и тремя сыновьями. Их дом – это одна комната размером примерно 7 на 15 футов. Стены сделаны из глины, намазанной на основу из веток. Крыша – тростниковая, опирающаяся на шести. На шести, подпирающих крышу, там, где животные не могут достать, подвешены сумки с бобами и чечевицей, а также травы, которые семья смогла найти, принести домой и высушить. Вход низкий, но закрывающейся двери нет, два небольших отверстия высоко в стене служат окнами. В одном углу на земляном полу маленькая печка, также сделанная из глины, трубы нет, и дым валит в комнату, поднимаясь к почерневшему тростнику на крыше. Мархи готовит всю еду на этом маленьком огне, используя коровьи лепешки и хворост. Все их имущество, пожалуй, может разместиться на их единственной кровати, которая представляет собой основу длиной в 5 футов с веревочным днищем без матраса. У них есть несколько горшков, кое-какие ручные инструменты, пара рубах, кувшин, лампа, пара сандалий. Перед домом они вырастили забор из колючего кустарника, огораживающий пространство примерно в 100 квадратных футов, и тенистое дерево. Большая часть их домашней жизни проходит под этим деревом, свою кровать они используют как скамейку. В жаркую погоду они часто спят под деревом, где хоть ощущается легкое дуновение прохлады. Примерно в 50 ярдах находится открытый колодец, где Мархи набирает воду с помощью ведра с веревкой. Я спросил Мархи, выросла ли она в этой деревне.

– Нет, я из Чандпура, это в Мадья-Праदेशе (соседний штат, примерно в 60 милях от Банди). Мой отец умер, когда я была маленькой. Он был в неволе у тамошнего хозяина. Мы там жили так же, как и здесь. Примерно десять лет назад я приехала сюда и вышла замуж за Балдева. Это устроили родственники. С тех пор я здесь.

– Какую работу вы в основном делаете?

– Кроме стирки и готовки, я работаю в поле, как и Балдев. Я занимаюсь прополкой, дергаю сорняки на хозяйском поле. Когда приходит время, я сажаю, сею и убираю урожай. Да я почти все делаю, кроме пахоты, пашет только Балдев. Мне нужно также занять работой мальчиков. Есть листья и полевые травы, которые можно собирать, и их можно готовить. Они собирают эти травы.

– Они ходят в школу?

– Нет, больше нет. Мы посылали двух старших в школу пару лет назад, но пользы никакой это не принесло. Не похоже, что они чему-нибудь научились. Иногда они просто уходили и отправлялись играть в поле. Покупать бумагу и другие вещи для школы очень дорого, поэтому они теперь дома. Они мне здесь помогают.

– Балдев показывает на разные места вокруг дома и добавляет:

– Здесь полно работы. Посмотрите на эти стены – я должен обмазывать их дважды в год. Примерно через две недели нужно начинать. Стены нужно отремонтировать до сезона дождей, а то, когда начнутся дожди, стены просто размокнут и глина отвалится от основы. К дождям нужно подготовиться: поле должно быть вспахано и стены отремонтированы. А потом каждые 2–3 года нужно класть новый тростник на крышу. Он дольше не выдерживает. Это проблема, потому что единственный здесь человек, выращивающий тростник, это мой хозяин, и нужно просить тростник у него или одалживать у него деньги, чтобы купить тростник где-нибудь еще. А если крыша не в порядке, то ждать

нельзя — дожди все разрушат. Так вот и получается, что даже если у меня хороший урожай, расходов всегда больше, чем доходов, и приходится занимать.

— Я спросил Балдева, выплатил ли он хоть часть долга.

— Нет. Он понемногу рос все эти годы. С детьми всегда что-нибудь нужно, а если кто-то заболевает, надо покупать лекарства. Иногда у меня нет весной денег, чтобы купить удобрение, которое необходимо, так что с долгом я лезу и лезу в гору. Может, когда мальчики подрастут, они будут работать, и мы сможем двинуться вперед. Так будет продолжаться, пока долг не будет выплачен, а когда я стану слишком старым для работы, мои сыновья обо мне позаботятся.

— А как ваш хозяин? Как он к вам относится?

— Ну, я его знаю всю жизнь, мой отец тоже на него работал. Он сейчас уже сильно старый человек. Он всегда дает нам зерно, которое должен давать, и относится к нам хорошо, но в последние несколько лет он стал очень строгим. Если в деревню кто-нибудь приезжает, может быть от правительства или кто еще, он не разрешает мне с ними встречаться. Когда он узнает, что кто-то приезжает, он отсылает меня делать какую-нибудь работу. Он старается нас здесь удерживать, и он стал гораздо больше мне приказывать — «делай это да делай то». Конечно, мне приходится делать все, что он говорит.

В этот же день позже у меня состоялся странный разговор с хозяином Балдева. Он держит маленькую мастерскую по ремонту велосипедов около шоссе, ведущего в Аллахабад, где мы остановились, чтобы поговорить с ним. Хозяин Балдева, пожилой человек, становился все более и более взволнованным и возбужденным по мере нашего разговора. Вначале он сказал нам, что сам обрабатывает 60 акров земли за исключением тех двух, что отдал в пользование Балдеву. Потом он сказал, что отец Балдева работал на кого-то другого, а сам Балдев проживает в деревне всего три года. Когда мы спросили, сколько зерна вырастает на его земле, а сколько на участке Балдева, он ответил, что никогда не позволял

Балдеву пользоваться никакой землей, а потом заявил, что Балдев на него вовсе не работает. Чуть позже он сказал, что платит Балдеву 100 килограммов зерна каждый сезон. Он нервничал все больше, и противоречия становились все заметнее, так что в конце концов мы прекратили разговор и ушли. До этого мы говорили с другими землевладельцами, и они показали себя ловкими защитниками *колии*, полными официального двоемыслия и всячески демонстрирующими свои теплые чувства по отношению к «соединенным» с ними работникам. Хозяин Балдева, похоже, оказался одним из последних последователей старой школы, человеком, не способным понять, что древняя система должна измениться хотя бы внешне.

Может показаться, что Балдев и Мархи просто очень бедные издольщики, как многие другие крестьяне в развивающемся мире. Но нас не должно обманывать отсутствие открытого насилия: они рабы. Хозяин Балдева рассматривает его как свою собственность, покорное выучное животное. *Колия* обладает даже большей стабильностью, чем рабовладельческая система на американском Юге. Конечно, это не жестокая и грубая кратковременная кабала нового рабства, но то, чего последняя достигает насилием, *колии* добивается чувством безнадежности. Балдев и Мархи полностью смирились со своей судьбой. Для того чтобы удерживать их в кабале, не нужно никакого насилия. Те, кто страдает от нового рабства, как женщины в публичных домах Таиланда, иногда теряют всякую надежды на свободу, но Балдев был уже рожден без всякой надежды. Постоянно живя на грани голода, он и его соседи преждевременно загоняют себя работой в могилу. Они редко жалуются. Они рассказывали мне свои истории абсолютно спокойно. Когда несколько поколений твоих предков были *халваха*, то для тебя существует мало других возможностей. Балдев полагает, что пока он может пахать, у его семьи будет по крайней мере еда. Но ситуация вокруг меняется, и у его хозяина есть серьезные резоны прятать Балдева в стороне от происходящего. Другие семьи в деревне с помощью правительства выбрались из кабалы. Балдев – последний пахарь, оставшийся у землевладельца, и без него хозяину придется платить сельскохозяйственным рабочим, чтобы его поля были вспаханы и убраны¹. История Мунши, соседа Балдева, тем не менее показывает, что хозяин может получить прибыль, «восстановив раба в правах».

Шиврадж и Муниш. Жена Шивраджа убежала в дом, как только мы вошли в их двор. Она прикрыла лицо тонкой хлопковой тканью и поглядывала на нас из-за входной двери. Все время, пока мы были во дворе, она пряталась внутри, если мы взглядывали в сторону дома, а ее подруги стояли по другую сторону колючей изгороди и молча следили за нами, закрыв лица. Во время нашего разговора маленькая девочка лет трех-четырёх, внучка Шивраджа, ползала, хихикая, вокруг нас. Она делала все, что маленькие дети делают к стыду взрослых, когда собирается компания: пускала слюни нам на ботинки, тыкалась носом в нашу одежду, затем встала посередине и пописала на землю. Одна из коров Шивраджа, белая годовалая телка местной породы, бродила поблизости, пока мы разговаривали, принюхиваясь к запаху поджаренных соевых зерен, предложенных нам в качестве угощения. Шиврадж, такой же кабальный работник, как и Балдев, но его обстоятельства немного лучше. Он старше, ему сорок пять, и он сумел накопить кое-какое имущество. Но на нем все еще долг, от которого он не может освободиться.

— Я жил здесь всегда, так же, как мой дед и прадед. Мы всегда здесь жили и всегда работали на одного и того же хозяина. Когда мой отец умер, я должен был взять на себя его долг, это было почти 30 лет назад. Когда он умер, он был должен хозяину 1200 рупий — большие деньги!

— Вам когда-нибудь удавалось избавиться от долга?

— Нет, никогда, и ни отцу моему, ни деду. Но долг иногда увеличивается, а иногда уменьшается. Я начал с 1200 рупий, которые был должен мой отец, но, чтобы начать хозяйство, мне пришлось занимать. Около 20 лет назад у меня был такой долг, какого никогда больше не было, набралось 2500 рупий. Я тогда был молодым и не таким бережливым. Нам также пришлось одалживать для семейных надобностей, например когда мой сын женился. Два или три года назад мне удалось сократить долг до 200 рупий (\$6). Мне почти удалось его выплатить, но я не смог этого сделать до следующего урожая. Мне пришлось занимать деньги на удобрения и семена для посадки, так что теперь я должен 1400 рупий (\$39). Примерно 500 рупий из этих денег я должен в качестве водяного налога правительству за орошение моего участка.

Их мне нужно заплатить со следующего урожая. Мне действительно нужно придумать, как их заплатить, потому что иначе мне не дадут воды для полива моего урожая. Но дела складываются так, что если я заплачу эти деньги, мне потом придется занимать у хозяина для покупки удобрений на этот год. Мой хозяин начисляет проценты на деньги, которые я беру для покупки удобрений и на то, что я должен ему за использование его трактора, который я беру, чтобы вспахать свое поле. Я плачу ему по 5 рупий каждый месяц на каждые 100 из тех, что я одолжил. При таких процентах мне может понадобиться 2–3 сезона, чтобы выплатить долг за один сев, но к тому времени я возьму еще деньги для следующего сезона, и общий долг будет по-прежнему расти. Мы действительно не можем удержаться на плаву после того, как мой сын ушел 3 года назад.

– Что случилось? Почему ваш сын ушел?

– Он просто исчез, я не знаю почему. Он оставил жену и дочь, вот эту маленькую девочку, и ушел. Мы волновались ужасно, мы везде искали, но так и не нашли его. Ему тогда было около двадцати, и когда мы с ним работали вместе, мы могли сделать достаточно, чтобы выплачивать долг, но после того как он ушел, мне нужно еще кормить его жену и ребенка.

В этот момент Шиврадж замолчал и посмотрел на нас задумчиво, как бы решая что-то. Через несколько мгновений он окликнул жену в доме и попросил ее что-то принести. Она подошла, неся письмо, измятое и запачканное; продолжая отворачиваться от нас, она передала письмо Шивраджу. Два дня назад, после трех лет неизвестности, они получили это письмо от сына. Шиврадж и его жена оба неграмотные, один из соседей попытался прочитать им письмо, но он не смог разобрать все слова. Шиврадж стыдится дезертирства своего сына, но очень хочет знать, где он сейчас, поэтому он спросил моего индийского коллегу, Прамода Сингха, не может ли тот прочитать ему письмо. Его сын обратился к «писаке», человеку, пишущему письма, поскольку он сам тоже неграмотен. Прамод прочел письмо. Сын писал, что он здоров и работает с бродячими комедиантами, что он надеется когда-нибудь прислать домой денег и что он просит прощения.

Это было все, никакого обратного адреса, хотя Прамод смог разобрать, что письмо послано из города в соседнем штате. Шиврадж был расстроен.

Я бы хотел, чтобы мы могли как-то с ним связаться. Мы хотим, чтобы он вернулся домой, мы переживаем за него. Может быть, он убежал из-за долга. Иногда мне казалось, что он не хочет оставаться и работать на хозяина, как это делаю я. Но что у него теперь за жизнь? Такие бродяги – плохие люди. И как же его жена и дочь?

Мы еще немного поговорили о его сыне и месте, откуда пришло письмо. Мы не видели никакой возможности найти его без обратного адреса, и Шиврадж примирился с тем, что даже мой образованный коллега не в силах разрешить проблему.

Шиврадж, похоже, имеет очень четкое представление о сложностях своего положения, о том, сколько он должен, и как проценты умножают его долг. Он довольно успешен в земледелии и уму-дряется собрать два урожая в год со своего участка с помощью орошения. Поэтому они питаются разнообразнее, чем большинство семей. Он показался мне именно тем человеком, которому правительственная программа могла бы помочь. Поэтому я спросил его, обращался ли он когда-нибудь за правительственной помощью, чтобы выбраться из долгов.

Нет, нет! Это большая ошибка, она может только все ухудшить. Я думаю, вы не знаете, что случилось с моим братом Мунши. Он тоже живет здесь, в Банди, на другой стороне озера. Видите ли, есть несколько способов помочь выбраться из долгов таким крестьянам, как мы. Но сейчас землевладельцы заключили сделку с местными властями и забрали все деньги. Хозяин Мунши пришел к нему, такой благодетельный, и говорит: «У меня неприятности, если ты мне не поможешь, то я не смогу давать тебе зерно каждый день, пожалуйста, помоги мне. Если ты мне поможешь сейчас, то и я когда-нибудь помогу тебе». Ну, Мунши и согласился помочь. Хозяин получил какие-то бумаги от правительства для осуществления схемы, по которой работник получает деньги в долг, чтобы он встал на ноги. Хозяин заполнил бумаги и дал Мунши, чтобы тот приложил большой палец, и поскольку он хозяин, он может доказать, что Мунши был

кабальным рабочим и имеет право на получение денег. Ну, хозяин получил 35 000 рупий (почти \$1000) как заем на имя Муниши, и мы слышали, что он положил их на процентный счет в городском банке на имя своего сына. А Муниши просто оказался в ловушке. Все деньги у хозяина, и тот сказал, что когда-нибудь он отдаст часть Муниши. А пока Муниши должен деньги правительству. Каждый раз, когда правительственные чиновники приходят в деревню, Муниши начинает плакать и убегает из деревни, чтобы спрятаться в поле! Он боится, что его посадят в тюрьму, а где он может взять 35 000 рупий? Теперь он должен делать все, что велит его хозяин, или у него будут неприятности с правительством. Нет никакого толка жаловаться властям, потому что они в сговоре с хозяином Муниши и получили свою долю денег. В общем, сейчас они докладывают, что еще одного работника освободили. Нет, у меня хватает проблем и без этой помощи!

Коррупция часто искажает программы, направленные на помощь закабаленным работникам. Местными властями, которые работают рука об руку с землевладельцами, проводятся в жизнь программы, опирающиеся в основном на выплату денег. Как мы увидим позже, ряд исследований показывает, что программы реабилитации могут оказаться как благословением, так и проклятием. Иногда они оказываются успешными. Похоже, что существует два главных ключа к успеху: честность правительственных сотрудников и приспособленность схемы к реальным обстоятельствам жизни закабаленного работника. Чтобы выбраться из кабалы, работники должны работать очень много, но они знают, как это делать. Получив шанс, они могут круто переменить свою жизнь. Я это ясно понял, когда встретился с замечательной женщиной по имени Лейла.

Лейла. Лейле примерно 30 лет, и во время нашей встречи она удивила меня. В отличие от остальных женщин деревни она не стала закрывать лицо или убегать в дом, когда мы пришли. Напротив, предложила нам присесть на скамейку рядом с входной дверью и говорила очень прямо, глядя нам в глаза. В ней была уверенность, которую мы не видели больше ни у кого в деревне, ни у мужчин, ни у женщин, за исключением разве что землевладельца. На стене ее дома была надпись на хинди, и я спросил, что она значит.

– Это название нашей организации – «Женская организация самопомощи». Несколько лет назад правительство прислало нескольких женщин, и они показали нам, как начать. Я обошла соседок и уговорила их к нам присоединиться, сейчас в нашей организации примерно 22 женщины.

– Что вы делаете в своей организации?

– Когда мы начинали, женщины, посланные правительством, рассказывали нам о здоровье, как уберечься от болезней, как детей растить здоровыми. Одна женщина учила нас читать и писать. Я уже умела немного читать и писать на хинди, так что я снова стала практиковаться в чтении и письме, и у меня это получалось все лучше. Потом у нас были выборы, и меня выбрали «председателем» (Лейла употребила слово, означающее что-то вроде «ведущего представителя»). Потом у нас начались практикумы. Например, мы учились, как выращивать разные пряности, как их собирать в нужное время, сушить и готовить для продажи. Теперь мы можем иметь собственные пряности, и мы можем их продавать, чтобы получить немного денег. Через год была еще одна программа. Она нам очень помогла. По этой программе каждая женщина в организации получила молочную козу. Козы не были бесплатными, они стоили примерно 800 рупий (\$22) каждая, но нам не надо было сразу платить. У коз обычно бывает по два козленка, так что когда пришло время и у коз появились козлята, мы их вырастили и одного из них продали, чтобы вернуть деньги за козу, что они нам дали по программе. Теперь у нас у каждой по две козы, и у нас есть свое молоко.

Потом правительство прислало сюда доктора. Он нам очень помог, а меня правительство стало учить на акушерку. Потом я стала помогать доктору, когда он принимал роды. У нас раньше никогда не было врача, для нас это большой шаг вперед. Это требовало много работы, но я практиковалась в работе акушерки. Через какое-то время доктор попытался найти для меня такого рода работу от правительства. Мы долго ждали, но в конце концов они сказали, что нет, они платить мне не станут. У них нет достаточно денег, чтобы платить местной акушерке. Но я все равно помогала

доктору, так что смогла еще кое-чему научиться. Через какое-то время он дал мне двух быков за работу, которую я для него делала. Они стоили по 1000 рупий каждый (\$28). Это действительно изменило нашу жизнь.

– Каким образом быки изменили вашу жизнь?

– Видите ли, с быками мы – мой муж и я – можем сами заниматься земледелием. У нас нет земли, но с быками мы можем изодльничать. Сейчас у нас 10 акров, которые мы арендуем у нашего землевладельца. У нас есть быки, и мы можем сами пахать. Сейчас мы засеяли все 10 акров соевыми бобами. Это тяжелая работа, нам пришлось перепахать поле трижды, чтобы подготовить его к посеву. Потом сам сев, прополка все время, пока бобы росли. У нас договор с землевладельцем пятьдесят-на-пятьдесят. Мы делим стоимость семян, удобрений и орошения. Землевладелец получает 50 % урожая. Мы можем получить до 150 килограммов сои с акра, так что у нас останутся кое-какие деньги даже после вычета всех расходов. Конечно, быков надо содержать, у нас на них уходит больше 1000 рупий в год, но мы можем их иногда отдавать внаем. Кроме того, мы продолжаем работать на хозяина. И муж, и я работаем на его поле, и мы получаем ежедневно зерно за эту работу, а еще он позволяет нам пользоваться участком земли, чтобы выращивать кое-какую еду. Изодльничина и работа на хозяина занимают все наше время, но дополнительные деньги позволяют нам иметь больше еды, а дети могут ходить в школу. У нас пятеро детей, два мальчика и три девочки, сейчас в школу ходят мальчики и средняя девочка. Мы теперь в состоянии купить им учебники и все остальное. Конечно, когда детей пятеро, тяжело сводить концы с концами. У нас семеро, и еды, которую мы выращиваем на участке, что нам отвел хозяин, не хватает на весь год. Она подходит к концу в конце зимы, в это время мало работы, и поэтому хозяин дает нам меньше зерна. Поздняя зима и начало весны могут оказаться очень тяжелым временем; иногда я могу найти какую-то дополнительную работу, но в это время работу ищет каждый. Позже, когда наступит время, я могу готовить для свадеб, но только в страду, такую, как сбор урожая, мы можем быть уверены, что работы будет достаточно.

По терминологии индийского правительства, Лейла и ее муж «полу-присоединенные». Это нелепый бюрократический термин, но трудности, с которыми сталкивается правительство, пытаясь провести в жизнь закон против долгового рабства, приводят к терминологическим трюкам, с которыми мы уже встречались, анализируя рабство в других странах. После первой кампании в конце 70-х годов, направленной на освобождение кабальных работников, которую в Индии называют программой реабилитации, процесс замедлился. По мере того как все больше ответственности за реабилитацию передавалось местным властям, верх брали коррупция и бюрократическое равнодушие. Первоначально местные власти получали финансирование и поддержку на реабилитацию, но теперь их наказывают, если «обнаруживается» большое число закабаленных работников. Если открываются случаи закабаления, в дело вступает правосудие. Естественно встает вопрос, почему местные власти допустили, что эта кабала тянется так долго, и что случилось с фондами, выделенными для реабилитации. Судебное дело часто заканчивается расследованием, которое проводят государственные инспекторы. Чтобы избежать наказания из-за неудач по реализации закона против закабаления, местные власти просто-напросто игнорируют существование подневольных рабочих. Многие штаты рапортуют о том, что долговое рабство полностью искоренено в их границах, но посещение этих штатов говорит ровно об обратном. Согласно недавним официальным отчетам кабальная зависимость прекратила существование в Банди, но никто не озаботился сказать об этом Балдеву и другим жителям деревни. Чтобы поддержать эти прятки, кабальная рабочая сила официально переименована в «присоединенных» рабочих, более приемлемый термин, поскольку «присоединенность» не противоречит закону. Балдев и Шиврадж «присоединены», потому что они могут работать только на своего хозяина. Лейла и ее муж «полу-присоединены»: хотя они все еще работают на хозяина за ежедневное обеспечение едой, они также издольничают и таким образом имеют некоторый доход и работают вне *колии*. Только Господь знает, как следует именовать Мунши. Официально он числится реабилитированным, но в действительности его закабаление достигло нового уровня при прямом соучастии государства. Мунши оказался дважды закабален способом, который требует и воображения, и бесстыдства. Это те качества, которые мы встретим у многих местных землевладельцев.

Землевладельцы. Я надеялся поглубже познакомиться с жизнью какого-нибудь землевладельца, попытаться узнать его историю и образ мыслей, суть его отношений с кабальными работниками, его прогнозы на будущее, но этого не произошло. Это правда, что землевладельцы разговаривали с нами, но они контролировали ход беседы и тщательно продумывали свои объяснения и оправдания. Некоторые были необычайно откровенны. Например, землевладелец, который также занимает пост заместителя инспектора по труду своего района, сказал следующее:

Конечно, у меня есть кабальные рабочие, я ведь землевладелец. Я поддерживаю их и их семьи, а они работают на меня. Если они не заняты в поле, они выполняют работы по дому, стирают одежду, готовят, убирают, делают ремонт, в общем, разные работы. В конце концов, они из касты кохл, их удел работать на таких вайшья, как я. Я даю им еду и немного земли, чтобы они могли работать. Кроме того, они должны мне деньги (он не сказал сколько), так что я должен быть уверен, что они останутся на моей земле, пока не выплатят долг. Они будут работать в моем хозяйстве, пока они все не вернут, меня не волнует, сколько лет это займет – вы не можете просто взять и выкинуть деньги!

В любом случае с ними все в порядке. Послушайте, с тем зерном, что я им даю, и с землей, которой они пользуются, у них получается гораздо больше, чем официальный уровень заработка сельскохозяйственных рабочих, равный 67 рупий в день. Я не против того, что они так много от меня получают, ведь я представитель Департамента труда, мне не нужно никому платить взятки. В противном случае я был бы вынужден платить полиции просто за то, чтобы сохранить моих собственных рабочих. В конце концов, нет ничего плохого в существовании подневольной рабочей силы. И они выигрывают от этого, и я, даже если сельское хозяйство будет полностью механизировано, я все равно сохраняю своих кабальных работников. Видите ли, в наших взаимоотношениях я для них как отец. Это отношения отца и сыновей: я защищаю и направляю их. Иногда мне приходится призывать их к порядку, так же, как это делает отец. Мне нелегко сохранять рабочих после того, как вышел закон, но поскольку я отвечаю за реабилитацию в моей деревне, меня особо не беспокоят. Сейчас официально наша деревня полностью реабилитирова-

на, и я трачу много времени, пытаюсь убедить людей в том, что старая система лучше, и нам нужно изменить закон. Долговая система была своего рода гарантом для подневольных рабочих, было бы лучше сохранить ее и просто добиться, чтобы выплаты зерна и ценность земельного участка соответствовали минимальному уровню зарплаты, что на самом деле и есть.

Когда Прамод надавил на него, указывая, что его положение обязывает его бороться с рабством, а не поддерживать его, он нас выгнал.

Мне показалось, что я снова оказался в Алабаме: «рабство — это хорошо», «оно дает гарантии этим людям», «вы знаете, они же не могут сами о себе позаботиться», «ну, я же им как отец». Не удивительно, что приведенные этим землевладельцем суммы не сходятся. Хотя официальная минимальная зарплата сельскохозяйственного рабочего действительно составляет 67 рупий (\$1,85) в день, в Банди ни один свободный рабочий не получает больше 30 рупий (83 цента). Но и это более чем в два раза больше того, что получает кабальный работник. Стоимость зерна, которое получает семья такого работника, колеблется от 5 до 10 рупий в день. Стоимость урожая, собранного и для еды, и на продажу, может добавить к этому еще 8 рупий в день. Иными словами, целая семья получает примерно три с половиной доллара за шестидесятичасовую рабочую неделю, то есть меньше 6 центов за час. С такой уровнем зарплаты, даже имея немного земли и при низком уровне отпускных цен, землевладелец может получать неплохую прибыль. Содержание семьи обходится ему не намного дороже, чем содержание пары быков, а ведь людям можно поручить больше самых разных работ. Кабальные рабочие составляют лишь незначительную часть расходов владельца хозяйства.

Многие землевладельцы рады поговорить об экономической стороне ведения хозяйства. Пока мы подробно расспрашивали их о стоимости семян, преимуществах фосфатных удобрений по сравнению с мочевиной для рисовых посадок, они даже показывали нам бухгалтерские книги, помогая записать информацию. Казалось, они стремились рассказать всю историю своего хозяйства, чтобы показать, что кабальные рабочие лишь маленькая часть большой картины. Они хотели казаться современными хозяйственниками, которые просто помогают некоторым семьям неграмотных рабочих сохранять свои рабочие места. Но кабальный

труд на самом деле является ключом их высоких прибылей. Многие цены, с которыми сталкиваются землевладельцы, действительно фиксированы: расходы на семена, удобрения, орошение, земельный налог, аренда трактора, стоимость горючего мало меняются от года к году, но если меняются, то только к большему. Только сохраняя стоимость рабочей силы на самой низкой возможной отметке, закабалая ее, землевладельцы могут получать надежную прибыль. Землевладелец, располагающий двумя подневольными семьями и обрабатывающий примерно 50 акров, может в среднем получать 56 % прибыли в год. Если бы он платил своим рабочим по 30 рупий в день, то прибыль бы упала до 36 %. Если бы он выплачивал официальную минимальную зарплату 67 рупий, то доход от хозяйства составлял бы менее 1 % в год.

Эта прибыль, хотя она и не так велика, как существующая в системе нового рабства, делает возможным образ жизни, сильно отличающийся от того, что ведут Балдев и Мархи. Землевладелец, живущий в центре Банди, имеет кирпичный дом в 8–9 комнат, с большой верандой, идущей вокруг дома. В доме есть водопровод, электричество, газ в баллонах для приготовления еды. За домом тянется большой огороженный сад, вокруг которого расположены амбары и загоны, в них содержится скот и хранится оборудование. Землевладелец имеет либо велосипед, либо мотоцикл, возможно машину или трактор. Семья землевладельца ест здоровую разнообразную пищу, включая безалкогольные напитки и сладости. Если кто-то из членов семьи заболевает, есть возможность заплатить доктору и купить лекарства. Прибыль, которую землевладелец получает только от сельского хозяйства, в десять раз превосходит доход закабаленного работника, а большинство землевладельцев имеют еще какое-нибудь дело. Обычно землевладельцам принадлежит местный магазин или мельница, и, конечно, они дают деньги в долг. Сыновья землевладельца обычно получают высшее образование и работают либо на местное правительство, либо имеют свое дело в городе. Хотя общий доход землевладельцев не велик по западным меркам, но он обеспечивает разницу между жизнью в современном мире и жизнью в темном средневековье, которую ведут Балдев и Мархи. Однако землевладельцы понимают, что их благополучие, выстроенное на спинах подневольных рабочих, ненадежно.

На тракторе в будущее

На обороте индийской банкноты в пять рупий изображено тучное поле на закате, когда солнце опускается за далекие, покрытые деревьями холмы. В центре картинка человек ведет трактор по направлению к закату, трактор тащит за собой однолемеховый плуг, перепахивающий темную землю. Это изображение механизированного будущего сельского хозяйства, и это повсеместная мечта крестьян. Для землевладельцев, принадлежащих к высшим кастам, эта картинка означает конец их привычного образа жизни. Только крупнейшие землевладельцы имеют достаточно земли, чтобы оправдать расходы на механизацию, для остальных выживание зависит от использования кабального труда. Но и более мелкие землевладельцы должны конкурировать с механизацией, которая вводит в оборот больше земли и обеспечивает более высокую отдачу. Поскольку размер урожая возрастает, цены на зерно падают. Чем больше механизмуется сельское хозяйство Индии, тем меньше прибыли могут получить землевладельцы, использующие старую кабальную систему. Невозможно снизить стоимость кабального труда: любое уменьшение приведет к тому, что рабочие будут голодать и не смогут работать. Полное исчезновение прибыли, если работникам будет выплачиваться минимальная заработная плата, показывает, что вековой обычай подневольного труда должен либо исчезнуть, либо трансформироваться в другие формы эксплуатации. Не удивительно, что землевладельцы поддерживают кампанию против перемен и реабилитации.

Снова и снова землевладельцы, которых мы интервьюировали, объясняли нам, что долговое рабство на самом деле просто подобие отношений между отцом и сыном. Начинало казаться, что все они как будто получили пресс-материалы из центрального офиса рабовладельцев. У землевладельцев были аргументы: они представляли себя как форму социальных гарантий для бедных и неквалифицированных, они указывали на поколения традиционного «сотрудничества» между их кастой и работниками, они с горечью говорили о печальной судьбе, которая ожидает сельских жителей в городах. Все они говорили: «Это делают все — все землевладельцы в округе используют подневольный труд». Да, возможно, существуют некоторые проблемы, а также плохое обращение, но землевладельцам известно, в чем причина этого: это вина нуворишей из средних каст, которые пробираются в древнее занятие земледелием. Список отговорок был тот же

самый, что и у плантаторов американского Юга накануне Гражданской войны⁴.

Нувориши из средних каст представляют собой особую, двойную угрозу землевладельцам. Успешно занимаясь бизнесом, некоторые семьи, принадлежащие к средним кастам, скопили большие средства. В Индии земля всегда была самой главной мерой богатства, поэтому эти семьи прикупают землю, когда представляется такая возможность. Принадлежащие к высшим кастам землевладельцы особенно неохотно выпускают землю из своих рук, и они чувствуют огромное культурное давление, заставляющее их держаться за эту традиционную основу власти и благополучия, но деньги делают свое дело. Нувориши могут принести огромные перемены в сельские районы, в первую очередь потому, что они разрывают единый фронт, который землевладельцы всегда сохраняли по отношению к работникам из низших каст. Эти новые землевладельцы из средних каст относятся с подозрением к своим соседям из более высоких каст, рассматривая их как соперников, даже врагов, а не как людей, имеющих те же интересы. Если бы они могли, они бы вытеснили старых хозяев с земли, и они стремятся использовать закабаленных рабочих как оружие. Более склонные использовать современную сельскохозяйственную технику, они принимают сторону кабальных рабочих в любом споре в качестве средства ослабить старых землевладельцев из высших каст. Представители средних каст могут также использовать кабальных рабочих как угрозу политической власти старых землевладельцев.

Землевладельцы чувствуют опасность еще и потому, что их контроль над закабаленными работниками сталкивается еще с одним испытанием, в этот раз на политической сцене. После убийства Раджива Ганди в 1991 году произошел ряд перемен в политике, хотя они связаны не только с этой смертью. Во-первых, была начата кампания против коррупции, которая продолжается и сейчас. Коррупция все еще распространена повсеместно, но в некоторых сферах ее потеснили, и это оказало влияние на контроль, который высшие касты имели над правительством на всех уровнях. Еще более важным оказалось влияние горстки честных чиновников в администрации избирательной регистрационной комиссии. Несмотря на невероятное сопротивление высших каст, они провели общенациональную кампанию по регистрации всех потенциальных избирателей. Это привело к невероятному подъему активности людей из низших каст и племенных групп. Уровень

голосования для этих групп достиг 75 % во время последних выборов, тогда как в прошлом голосовали единицы. Партия Национальный Конгресс, которая весьма часто приходила к власти в Индии со времен независимости и которая в основном представляет высшие касты, неожиданно оказалась без поддержки. Штат Уттар-Прадеш теперь находится под контролем партий, представляющих средние касты, которые составляют основную массу населения. Правительство штата не склонно теперь закрывать глаза на притеснение рабочих со стороны земельной аристократии из высших каст. Во время празднования пятидесятилетия независимости Индии в августе 1997 года ее премьер-министр Индер Куджмал Гуджрал сделал антикоррупционную кампанию центром всех праздничных мероприятий. В ситуации перемещения власти и назревших реформ программа реабилитации пробуксовывает.

С мертвым быком никакой реабилитации

Индийская программа реабилитации кабальных рабочих оказалась менее неудачной, чем другие подобные программы в мире. Можно говорить, что она – искаженная, оклеветанная, растрченная, ограниченная, недостаточно финансируемая, зарегулированная, парализованная чиновниками, нелепо проводимая в жизнь, трагически окончившаяся, – но в отличие от большинства попыток борьбы с рабством в мире она иногда действительно работает. Вот пример из местного официального отчета.

Как сообщает помощник сборщика налогов района Гунтар, в районе журналистом было обнаружено большое количество кабальных рабочих. Администрация достаточно быстро прибыла на место, расположенное в 150 километрах от центра района, и обнаружила закабаленных рабочих в количестве 321, которые были зарегистрированы и освобождены. Все эти люди работали в сланцевых каменоломнях. Большинство из них были родом из района Салим в штате Тамил-Наду. Когда их доставили сюда, им был выплачен аванс в размере от 1000 до 2000 рупий. Это составляло основу их долговой кабалы, и они удерживались в каменоломнях угрозами. Все кабальные рабочие были освобождены и отосланы домой. Они были обеспечены разовым грантом в 500 рупий⁵.

Основные черты плана очень просты: когда правительственные чиновники или социальные работники обнаруживают подневольных работников, осуществляется установленная процедура регистрации. После того как рабочие зарегистрированы, их долги аннулируются, и они имеют право покинуть своих хозяев. Чтобы обеспечить эту возможность, каждая семья получает грант в 6500 рупий, часто в форме земельного участка или скота, но 500 рупий выдаются немедленно, чтобы семья могла обеспечить себя питанием, пока она получает имущество и готовится к свободной жизни. (Отметим, что в описанном выше случае местные власти выдавали только 500 рупий, давая возможность рабочим-мигрантам немедленно вернуться в места проживания.) Закон, определяющий эту программу, также предписывает создание наблюдательных комитетов для поиска закабаленных работников, их регистрации, организации им выплат и дальнейшей их реабилитации, а также их защиты от мести или преследований со стороны землевладельцев. Половина финансирования программы поступает от федерального правительства, а половина – от правительства штатов.

Таков план, и когда он работает, он работает действительно хорошо. Это предложенный Индией современный эквивалент 40 акров и мула, о которых мечтали (но никогда не получили) американские негры в конце Гражданской войны в Америке. С небольшой помощью от наблюдательного комитета денежной суммы должно хватить на оплату буйволицы или быка, расходы по освоению земельного участка, и некоторая сумма еще остается. Или, по выбору, эти деньги могут быть использованы для того, чтобы семья могла начать свое дело в городе, на закупку оборудования, необходимого для домашнего производства. Типичным примером является история Лакхерама, кабального рабочего из штата Уттар-Прадеш, взятая из официальных источников.

Лакхерам стал кабальным работником землевладельца брамина после того, как взял в долг 2000 рупий на собственную свадьбу. Он обрабатывал поля брамина на протяжении примерно 10 лет, пока не был освобожден в рамках программы реабилитации. В качестве правительственной помощи он получил буйвола стоимостью 4000 рупий. Он также получил участок земли и теперь обрабатывает два акра, выращивая рис и бобы для своей семьи. В настоящее время он живет в доме своего брата; этот дом представляет собой однокомнатную

хижину, в настоящий момент служащую приютом для 12 человек. Лакхерам счастлив освободиться от кабалы. Он смог купить кое-какие инструменты и одежду. Его цель — построить свой собственный дом⁶.

Некоторые штаты внесли улучшения в правительственную программу. В Андра-Прадеш другие фонды штата используются для покупки и подготовки земельных участков за счет строительства колодцев до того, как они будут переданы освобожденным крестьянам. Это позволяет гораздо эффективнее использовать реабилитационные гранты. В штате Бихар выдаваемая сумма удваивается за счет выплат из фондов, созданных в штате. Бихар также начал отдельную программу по освобождению детей, занятых в производстве ковров. Она включает создание школ, обеспечивающих бесплатное образование, в том числе бесплатные учебники, школьную форму и питание, а кроме того, обучение ремеслам. В штате Карнатака земельное постановление позволяет правительству передавать кабальным рабочим в собственность участки земли, которые они прежде использовали с разрешения хозяина. В штате Уттар-Прадеш активисты, работающие вместе с наблюдательными комитетами, обнаружили и освободили из публичного дома женщин и помогли им вернуться в родные деревни. А в штате Орисса часть рабочих мест была зарезервирована специально для освобожденных рабочих.

Но почему землевладельцы не пытаются получить новых кабальных рабочих взамен тех, что они потеряли? Время от времени они и пытаются, но эта форма сельскохозяйственной кабалы базируется на местных особенностях. Вековой обычай отдал рабочих из низших каст целиком во власть земельной аристократии. Когда эти отношения сломаны, землевладельцам нелегко найти людей из другой местности, с другими обычаями и историей — людей, которые будут рады продолжить игру в рабов и хозяев. Более того, для них нет места в большинстве сельских общин. Освобожденные работники обычно остаются в своих домах, часто получая в собственность и участки обрабатываемой ими земли. Если только землевладелец не захочет пожертвовать обрабатываемой землей для строительства домов для новых кабальных работников, он стеснен новыми освобожденными крестьянами. А если он начнет строительство домов для завезенных рабочих, с которыми у него нет долговременных отношений, где у него гарантии, что они будут привязаны к своим долгам и не обратятся в про-

грамму по реабилитации, как только получают дома и участки земли? Есть возможность вытащить феодального вассала из кабалы, но почти невозможно заставить кого-нибудь влезть в нее обратно.

Аналогичная ситуация возникла в Соединенных Штатах после Гражданской войны. Некоторые плантаторы в низовьях Миссисипи выгнали освобожденных рабов со своих земель и заменили их привезенными китайскими рабочими. Китайцы попадали в долговую кабалу из-за стоимости переезда в Америку, и плантаторы думали таким образом их удержать. Они с уверенностью ожидали, что эти спокойные и послушные китайцы станут долговременной заменой их африканским рабам. Но ничего похожего не случилось. Первое поколение китайцев работало на плантациях, заняв место рабов, но их опыт концентрации всех усилий семьи на единственной цели привел к тому, что уже большинство их детей избавилось от долгов. Второе поколение открыло магазинчики и семейный бизнес и никогда не оглядывалось назад. Китайцы из низовьев, как их называют сегодня, приносят процветание современной Миссисипи. Старые плантаторы оказались обмануты своим чувством превосходства и группой людей, которые вовсе не собирались навсегда мириться со своим рабством.

Это также объясняет, почему люди, единожды вырвавшиеся из кабалы, будут оставаться вне ее. Конечно, некоторые соскальзывают обратно в долговое рабство, иногда их обманывают или принуждают силой. Но чем дольше они остаются на свободе, тем вероятнее, что они никогда больше не попадут опять в кабалу. Здесь очень может помочь программа реабилитации. Некоторые активисты организуют собрания, на которых освобожденным рабочим рассказывают об их правах и о том, что они могут ждать от программы реабилитации. Это знание, однажды приобретенное, действует вроде вакцины от рабства. И получив эффективные и достаточные средства для независимого существования, большинство рабочих в состоянии поддерживать себя сами. Они привычны к тяжелой работе и умудряются жить на гроши.

Большие перемены происходят в семьях, которые могут добиться свободы и экономической независимости, но часто семья не в состоянии продвинуться так далеко. Все, что может идти неверно в программе реабилитации, идет неверно. Всевозможный обман и жульничество, которое только можно вообразить, а также за пределами воображения, высасывают фонды программы, как пиявки. В одном из районов Уттар-Прадеша земельные участки предназначались освобожденным работникам, но неполные

земельные записи позволили землевладельцам затребовать и получить часть из них. Оставшаяся земля, согласно официальным отчетам, «находилась в таких местах, куда не могли бы добраться даже обезьяны»⁷. Те же самые работники должны были получить дойную корову или быка, но эта работа была поручена бесчестному инспектору, который привез несколько издохших коров, а остальные были так слабы, что рабочие, получившие их, должны были уносить их на плечах. Высокогорные овцы, переданные работникам в низинной части страны, издохли от жары, а животные равнин, отправленные на высокогорье, — от холода. Многим работникам были переданы животные, хотя они не имели опыта ухода за ними, что привело к печальным результатам, например в одном районе каждому освобожденному работнику передали дюжину цыплят, не объяснив, как за ними нужно ухаживать. Некоторые работники получают оборудование для «малого бизнеса», например швейную машинку или инструменты для ремонта велосипедов, что иногда оказывается вполне уместно и приводит к успешным результатам. Но некоторое оборудование — просто насмешка, как, например, барабан и горн, которые получили два сельскохозяйственных рабочих; им сказали, что они должны стать музыкантами.

Каким бы уязвимым оно ни было, но обеспечение земель и скотом не так часто сопровождается злоупотреблениями, как передача денежных грантов. По всей Индии появились десятки тысяч кабальных рабочих — «призраков», порожденных местными властями совместно с землевладельцами, присвоившими миллионы рупий за их «реабилитацию». В некоторых местах власти в сговоре с землевладельцами, и денежные суммы непосредственно передаются в уплату за существующие долги (вместо того, чтобы просто списать эти долги). В результате освобожденный работник получает только 400 или 500 рупий из 6250, которые должен был бы получить, и вскоре вновь сталкивается с долгом и закабалением. Каменистая бросовая земля продается землевладельцами местным властям по завышенным ценам, они передают ее работникам, которые потом вынуждены бросать свои участки, не обеспечивающие им никакой еды. Банки, лавочники, местные власти — все добавляют свои «налоги на обработку» или «вступительные взносы», присваивая миллионы рупий. Для неразборчивых в средствах людей программа реабилитации — просто золотое дно.

Большая часть программы реабилитации потерпела неудачу, хотя она остается единственной программой в мире, которая

действительно освобождает работников от кабальной зависимости. Только в Уттар-Прадеше 26 000 подневольных рабочих были освобождены в промежутке между 1979 и 1989 годами. Большинство трудностей, с которыми сталкивается программа, проистекают из двух ошибок в ее реализации. Во-первых, было организовано только несколько наблюдательных комитетов, которые должны были следить за выполнением программы и направлять ее. Без надзора – возможностей для жульничества и подкупа больше чем достаточно. Во-вторых, практически ни один землевладелец не был наказан за жестокое обращение с кабальными работниками. Закон позволяет предъявлять обвинение и наказывать хозяев, но этого ни разу не произошло. Реформаторы полагали, что нужно штрафовать всех землевладельцев, продолжающих удерживать рабочих в кабале, как если бы не было программы реабилитации, но практически полное отсутствие юридического обеспечения позволяет землевладельцам чувствовать себя в безопасности, угрозами и принуждением вновь вовлекая работников в долговое рабство.

Важность этих двух факторов особенно заметна в тех районах, где наблюдательные комитеты работают в союзе с правосудием. Именно здесь освободившиеся работники обычно добиваются успеха. В одном из районов Уттар-Прадеша наблюдательный комитет использовал свои возможности, чтобы обеспечить каждую семью десятью овцами и дюжиной цыплят, включая инструкции по уходу за ними. После этого каждая семья получила возможность выбрать из нескольких вариантов реабилитационной программы тот, что ей подходил больше, – занятие земледелием, домашнее производство, скотоводство, даже владение небольшим транспортным средством или же комбинацию перечисленных возможностей. Проведенное через два года исследование показало, что 95% реабилитированных зарабатывало достаточно, чтобы содержать свою семью. Работники оказываются свободными и экономически независимыми, но знают, что им делать с этой свободой. Они нуждаются в помощи, чтобы устроиться и научиться новому образу жизни. Жизнь в кабале можно сравнить с жизнью в тюрьме или психиатрической клинике: те, кто выходит оттуда, должны учиться жить в «реальном мире». Так же, как некоторые бывшие заключенные, бывшие рабы могут не справиться с этой задачей сами, но их шансы возрастают с каждым граном помощи, которую они получают в решающие первые дни свободы.

Индийская национальная академия государственной службы, которая готовит правительственных служащих, провела широкое исследование жизни закабаленных работников и их реабилитации в 1989–1990 годах⁸. Были проверены сотни различных вариантов на местах, и стало понятно, что работает успешно, а что – нет. Результаты говорят, что основной закон хорош, когда он полностью выполняется, но необходимо некоторые дополнения.

Освобождаемые работники должны иметь возможность выбора реабилитационной схемы.

Реабилитационная программа должна быть организована так, чтобы свобода следовала сразу после обучения и различных выплат работнику.

Земля, которую получают реабилитированные, должна обеспечивать их едой, и работник должен иметь ясный и надежный документ собственности.

Должны быть организованы фонды для выдачи займов под небольшие проценты и грантов для непредвиденных случаев, особенно в первое время после освобождения.

Последующая поддержка должна включать в себя помощь работникам в организации небольших кредитных союзов.

Для освободившихся работников должны быть зарезервированы государственные рабочие места, не требующие высокой квалификации.

У детей освободившихся работников должно быть больше возможностей для получения образования.

Центральному правительству следует передать больше полномочий по контролю за проведением программ реабилитации.

Должны существовать небольшие денежные выплаты для покрытия расходов на похороны или свадьбу, поскольку эти расходы часто заставляют работников обращаться за деньгами к землевладельцам.

Эти разумные предложения были сделаны на основе изучения реальных примеров успешной реабилитации. Они не требуют безумных денег и не идут вразрез с местными обычаями. Добавьте эти рекомендации к существующему закону, убедитесь, что ресурсов достаточно, и тогда еще больше закабаленных людей обретут свой путь к свободе. Разумеется, для того чтобы программа была успешной, необходимо, чтобы проводящие ее чиновники были честными.

Честность правительства – это нечто, мало поддающееся учету. Что может ее гарантировать? Правительственные чиновники, особенно в бедных развивающихся странах, подвергаются постоянному искушению. По всему миру рабство произрастает из чиновничьей бесчестности и жадности. В Таиланде очень трудно найти честного государственного служащего, они не задерживаются надолго в системе, пронизанной коррупцией снизу доверху. Коррупция признана серьезным вопросом в Индии, но уже одно это показывает, что коррупцию воспринимают как проблему. В какой-то мере свободная пресса может обеспечить честность правительства, может помочь и обычай образованных элит поступать на государственную службу. Когда демократия работает, политики вынуждены быть более осторожными, и даже горстка честных чиновников может стать началом конца коррумпированной политической машины. Все эти факторы могут способствовать появлению честного правительства в Индии. Если же они усилятся, то кабала исчезнет еще быстрее.

Еще одним важным фактором является влияние групп активистов и благотворительных организаций, называемых НГО (негосударственные организации), в развивающемся мире. Хотя некоторые НГО разваливаются, к чему часто приводят сильнейшее давление со стороны правительства плюс нерегулярное и недостаточное финансирование, но большинство продолжают свою миссию. Лучшие из НГО, такие как Международная амнистия или Красный крест, уважаемы во всем мире. То, что НГО привлечены к участию в индийской программе реабилитации, создает для нее самые радужные перспективы. Активисты привлечены к поиску кабальных рабочих, а также помогают в их освобождении. Поскольку закон позволяет кабальным рабочим обращаться в суд с жалобой на своего хозяина, юристы, которым платят НГО, могут оказать огромную помощь в идентификации и освобождении работников. Западные агентства, оказывающие гуманитарную помощь, и благотворительные организации, сотрудничающие с программой реабилита-

ции, могут видеть, что их фонды идут на долговременные программы, а не на решение краткосрочных задач.

Важно помнить и об относительной власти западных валют — доллара, фунта, марки, франка. Сумма в 6250 рупий, которая может полностью изменить жизнь целой семьи, составляла \$145 по обменному курсу в августе 1998 года. Такая же сумма может легко послужить основой для создания небольшого кредитного союза, который может освободить целую деревню из долговой ловушки. В следующей главе мы поговорим о разных возможностях *сделать* что-нибудь, чтобы остановить рабство, посмотрим, что работает, а что — нет. Мы должны еще раз посмотреть на Шири и Билала, Балдева и Лейлу и спросить, как нам разбить эти цепи?

ЧТО МОЖНО СДЕЛАТЬ?

Когда я начал изучать рабство, я пришел к убеждению, что мы действительно не понимаем, что происходит. Но по мере того, как я ездил по миру, встречаясь с рабами, очертания нового рабства и перемены в старой рабовладельческой и феодальной системах становились все яснее. Три ключевых фактора способствовали созданию нового рабства и переменам в старой системе рабовладения. Первое – это стремительный рост населения, переполнившего рынки труда бедными и незащищенными людьми. Второе – революционные изменения в глобализации экономики и модернизации сельского хозяйства, которые разорили бедных крестьян и сделали возможным их закабаление. В новой мировой экономике капитал течет туда, где рабочая сила дешевле, и финансовые связи рабства могут опутать весь мир. Третий фактор – это хаос жадности, насилия, коррупции, созданный экономическими переменами во многих развивающихся странах, переменами, которые разрушили социальный порядок, а также традиционные связи и обязательства, которые могли бы защитить потенциальных рабов. Появление новой рабовладельческой системы в Таиланде и Бразилии особенно ясно показывает, как эти факторы взаимодействуют.

Рост населения, экономические перемены и коррупция влияют на рабство и долговое закабаление по-разному в разных частях света. В Мавритании все еще существует традиционное рабство, но экономические перемены переместили рабов в города и изменили их жизни и работу. В Индии и Пакистане появились смешанные формы рабства, в которых сочетаются худшие особенности феодализма и современного капитализма. Все три фактора четко взаимодействуют. Уильям Грейдер писал о глобализации экономики и революционных переменах, которые она принесла с собой. Он не имел в виду рабство, хотя мог бы: «Основной парадокс этой экономической революции заключается в том, что порожденные ею новые технологии не позволяют народам и странам сделать неожиданный скачок в современность, напротив, они способствуют обновлению забытого варварства. Среди новизны вещей процветает эксплуатация слабого сильным»¹. Рабство – именно тот вид варварства, который упоминает Грейдер, и это указывает на саму новизну изменений, с которой столкнулся развивающийся мир. Эта новизна становится проблемой, когда мы хотим привлечь общественное внимание к рабству.

Каждый *знает*, что такое рабство, хотя на самом деле почти никто не знает. Старая рабовладельческая система настолько стала частью истории человечества и нашего общего понимания мира, что для большинства людей рабство – это когда один человек официально владеет другим. И, как каждому известно, это рабство было искоренено много лет назад. По поводу рабства можно испытывать чувство вины и гнева (какой уродливый эпизод человеческой истории!), но в то же время – некоторое самодовольство и превосходство (поскольку это все в прошлом, *мы* теперь гораздо цивилизованней). Это ужасное заблуждение позволяет нам не видеть страдание и смерть. Нельзя ошибаться более, полагая, что если чума закончилась в средние века, то нам больше не надо бояться эпидемий. На самом деле новые болезни развиваются все время, так же и рабство развивается и меняется, прорываясь там, где условия оказываются подходящими.

Сегодня во всем мире условия для рабства *подходящие*. Хотя оно противозаконно практически повсюду, хотя мир стал меньше и гораздо более доступным, чем когда-либо, рабство процветает. В этой книге мы увидели, как оно растет, и мы познакомились с условиями, которые рабство порождает. Когда мы предоставили слово рабам, мы поняли, что в их жизнях много общего. Все рабы, с которыми мы встретились, эксплуатируются экономи-

чески, и только их способность приносить прибыль делает их интересными для работодателей. И все они удерживаются в кабале под угрозой насилия. Иногда насилие доминирует, как в случае Шири, содержащейся в публичном доме в Таиланде. В других случаях оно остается в тени, как, например, в Мавритании, но присутствует всегда. Эти два основных компонента рабства – выгода и насилие – в сочетании с перечисленными выше тремя факторами направляют эволюцию новых форм рабства. Они же указывают на регионы, на которые мы должны обратить внимание, если хотим рабство остановить.

«Дешевый расходный материал» — население

Индустриальная революция в Европе и Северной Америке принесла с собой резкий рост населения и огромные социальные перемены. Как отмечал Грейдер, «некоторые человеческие существа стали свободными, а жизни остальных превратились в дешевый расходный материал»². То же самое происходит сегодня в развивающемся мире. В условиях быстро растущего населения стремительные экономические перемены перемещают некоторых людей в современный мир прекрасного медицинского обслуживания и новых технологий, «западного» образа жизни, новых представлений о себе и о том, чего можно достичь. Другие люди – просто используются, часто с самого детства, производством, которое и движет эти перемены. Абсолютное число людей в развивающемся мире в сравнении с числом новых промышленных рабочих мест означает, что многие оказываются, как сказал известный английский рабочий, когда его уволили, «лишними».

Замедление или смягчение последствий роста населения не отразятся непосредственно на рабстве или его искоренении. Но важно помнить, что стратегии, лучше всего воздействующие на уменьшение перенаселенности, также задевают саму причину существования рабства. Единственное проверенное средство для лечения негативных последствий перенаселенности – это борьба с крайней бедностью. Лучшие контрацептивы в мире – образование и социальная защита от нищеты в старости и болезни – также являются лучшими защитниками от рабства. Когда у семьи неожиданно возникает потребность в наличности, возможно для покупки лекарств, она становится уязвимой для закабаления. Лишенные образования, люди становятся легкой добычей для фальшивых контрактов и бесчестной бухгалтерии. Для того

чтобы искоренить рабство в долгосрочной перспективе, бедные люди во всем мире должны получить помощь, которая позволит им стать хозяевами своей собственной жизни.

Занятие рабством как бизнес – глобальная экономика

Существует важная связь между ростом населения и экономическим ростом. Иногда экономический рост представляют как прилив, который поднимает все лодки; предполагается, что индустриализация экономики Таиланда или Бразилии улучшит жизнь каждого – и богатого, и бедного. В кратковременной перспективе это безусловно не так. Профессор Лае Дилоквидхарат, экономист из Таиланда, отмечает: «Кое-кто получает огромный выигрыш от развития... но те, кто слабее, платят больше, чем получают взамен, гораздо больше»³. Мы все понимаем, что это значит – платить больше, чем получать: если это продолжается достаточно долго, то приводит к долгу и нужде, условиям, прямо ведущим в рабство. Принимая во внимание проникновение межнациональных корпораций в развивающиеся страны, этот долг может означать раба, работающего, в конечном счете, на международный бизнес.

Сегодня экономические связи могут привязывать раба в поле или публичном доме к самым высшим сферам международных корпораций. Как эти связи работают – основная тайна новой системы рабства, которая настоятельно требует исследования. Такие связи между рабами и мировым бизнесом – не новое явление. В девятнадцатом веке британская текстильная промышленность была вынуждена признать, что рабский труд обеспечивает большую часть поставок сырья – хлопка. Некоторые английские рабочие пытались отказываться работать с хлопком, собранным рабами, но большинство полагало, что у них нет другого выбора, кроме как работать с тем, что дает начальник. Многие рабочие считали, что все это не их дело. Владельцы фабрик не смогли стать моральными лидерами, они утверждали, что *должны* покупать самый дешевый хлопок, чтобы выдержать конкуренцию. А правительство в то время, хотя и получало прибыль от налогов на текстильную промышленность, придерживалось строгой политики невмешательства, утверждая, что «рынок» сам предложит лучшее решение. Многие компании, инвесторы и рабочие сталкиваются с аналогичной проблемой сегодня. Что вы будете делать, если поймете,

что ваша работа зависит от рабского труда? Когда мы исследуем тайну, каким образом рабство связано с мировой экономикой, нам лучше быть готовыми к неприятным сюрпризам.

Крупные экономические перемены последних 10 лет втянули мировую экономику в более тесные контакты с угнетенными, даже закабаленными рабочими. Международное торговое соглашение (особенно Мировое соглашение по тарифам и торговле и Североамериканское соглашение о свободной торговле) разрушило барьеры на пути торговли и движения капитала между странами. Сегодня лукавая и неодолимая логика использования самых дешевых материалов, произведенных самыми дешевыми рабочими руками, заставляет корпорации пересекать границы между странами. По словам нью-йоркского финансиста Роберта А. Джонсона, «у капитала есть крылья. Капитал имеет дело с двадцатью рынками труда одновременно и выбирает среди них. Рабочая сила привязана к месту. Поэтому властные отношения между трудом и капиталом меняются»⁴. Поскольку теперь международный бизнес рыщет в поисках самой дешевой рабочей силы, часто с помощью посредников, некоторые из этих посредников добиваются дешевизны, используя рабский труд. Между тем компании задаются вопросом, зачем платить \$20 в час фабричному рабочему в Европе, если в Индии он будет работать за \$1 в час или того меньше? Зачем покупать сахар у американских фермеров, когда он намного дешевле в Доминиканской республике (где урожай собирают закабаленные гаитяне)? Строительные материалы, например кирпичи, так дешевы в Пакистане – почему же не строить там? В Бразилии невероятные возможности для разведения скота, и подрядчики поставляют *такую* дешевую рабочую силу! До тех пор пока не помотришь попристальней, перед вами выгодная сделка. Деловой человек всегда может сказать: «Мне важно заключить выгодную сделку, я не могу волноваться по поводу местных проблем».

Все ведущие мировые компании без конца повторяли эту фразу. Но в конце 90-х годов в Соединенных Штатах разгорелась дискуссия по поводу потогонного использования детского труда в производстве одежды и обуви для всемирно известных марок, таких как Nike и Gap, которая помогла серьезно изменить это отношение. Когда образованное общество оказывает давление, деловые круги *могут* начать волноваться по поводу местных проблем. В Индии, например, от 65 до 100 миллионов детей в возрасте до 14 лет работают больше 8 часов в день⁵. Ими заполнены

фабрики с потогонной системой, они вовлечены и в другую работу. Что еще страшнее, примерно 15 миллионов этих детей — это не просто детский труд, а рабский детский труд. Закабаленных детей еще труднее обнаружить, пойманные в силки долгового рабства, они работают не на фабриках, производящих продукцию для широкомасштабного экспорта, но на небольших, изолированных предприятиях. В отличие от владельцев фабрик, производящих футбольные мячи, их хозяева не боятся быть обнаруженными и привлечь общественное внимание.

В новой рабовладельческой системе очень просто избежать ответственности. Одна из основных особенностей традиционного рабовладения состояла в том, что раб и хозяин были прочно связаны друг с другом. Но в современной рабовладельческой системе мы видим, что дистанция между «хозяином» и рабом все расширяется и расширяется. В Мавритании, дающей лучший пример старого рабства, рабы все еще живут в доме своего хозяина, часто носят то же семейное имя. В модернизованном индийском или пакистанском феодализме хозяева на шаг отделились от своих рабов, появился слой менеджеров. В полностью развитой системе нового рабства в Таиланде или Бразилии возникли сложные цепи контрактов и контроля. Они стали настолько сложными, что трудно сказать, кто же «владеет» рабами. Но то, что мы не можем указать пальцем на рабовладельца, не означает, что рабство прекратило существование, так же как убийство не перестает существовать лишь потому, что убийцу нельзя найти. Новое рабство — преступление с миллионами жертв, но очень небольшим числом опознанных преступников, именно это делает его искоренение такой трудной задачей.

В большинстве случаев эти преступники — «уважаемые» бизнесмены. Сеть цепляющихся друг за друга контрактов позволяет местным инвесторам получать огромные прибыли на свои вложения без необходимости точно знать, как эти деньги возникают. Клуб инвесторов, который владеет публичным домом в Таиланде, передал управление им в руки профессионального менеджера (сводника) и бухгалтера. Публичный дом не смог бы существовать без капиталов клуба, и прибыль течет обратно к ним, но они, возможно, ничего не знают о том, как девушки оказываются в их публичном доме. Новое рабство распыляет владение, делая его менее заметным. Не удивительно, что законы, принятые против старой рабовладельческой системы, похоже, больше не работают.

Исчезновение *рабовладельцев* является проблемой, но не непреодолимой. Все виды преступлений стремительно эволюционируют. Невероятная изощренность является отличительным знаком и высокоуровневого финансирования наркобизнеса, и компьютерного жульничества. Но и соответствующая законодательная база также становится более изощренной. В случае рабства это потребует больше времени, поскольку многие люди даже не понимают, что совершается преступление, к рабству привлечено слишком мало общественного внимания. В развитых странах очень мало людей страдают от рабства, а в остальном мире рабов заставляют молчать. Собственно законы необходимо переписать, чтобы расширить ответственность и вину. Новые или измененные законы должны быть направлены на *намерения* закабаления или получение *прибыли* от рабства, так же, как законы об убийстве наказывают за *умышленность* убийства, а не возлагают вину только на того, кто нажал на курок. Физическое расстояние между рабами и хозяевами увеличивается, так что законы должны быть построены так, чтобы возрастающая дистанция не означала сокращающейся ответственности.

Если ответственность за рабовладение будет распространена на тех, кто получает от этого прибыль, мы столкнемся с шокирующей этической проблемой. В числе получающих выгоду от рабства может оказаться любой — даже вы или я. Ваш пенсионный фонд или касса взаимопомощи, возможно, покупают ценные бумаги (что, в конце концов, является частичным владением) компаний, владеющих компаниями, которые через посредников используют рабский труд. Как далеко по этой экономической лестнице нам следует продвигаться? Как много звеньев должно оказаться между рабом и «владельцем», прежде чем с последнего будет снята ответственность? Или эта цепь не должна оканчиваться? Разве неведение является оправданием? Если ваше рабочее место зависит от доступности сырья, произведенного рабами, на чью сторону вы встанете? Некоторые из текстильных рабочих в Англии XIX века, протестовавшие против извлечения прибыли из рабства, потеряли свою работу и голодали. А как быть с производителями или оптовиками, которые закрывают глаза на то, что продукция, которую они покупают и продают, сделана рабами? Многие годы ковры, сделанные детьми-рабами, продавались в лучших магазинах (и продолжают там продаваться). Конечно, зарубежные поставщики в курсе, а как совет директоров? Предпримут ли директора компании шаги, гарантирующие, что компания

не вовлечена в систему рабства? И должна ли ответственность перед законом быть личной или корпоративной? В чем больше справедливости — в том, чтобы предъявить обвинение человеку, который сознательно поставляет товары, произведенные рабами, в сеть розничной продажи, или в том, чтобы вся сеть заплатила большой штраф за торговлю ими? Или должно быть и то, и другое?

Мы должны признать, что существует несколько уровней ответственности. Мы должны решить, в какой мере мы, граждане и человеческие существа, отвечаем за искоренение рабства. Как указал Уильям Грейдер:

Самый глубокий смысл глобальной индустриальной революции состоит в том, что у людей больше нет свободного выбора в вопросах идентичности. Готовы они к этому или нет, но они уже в мире. Как производители или потребители, как рабочие, торговцы или инвесторы, они теперь связаны с весьма удаленными «другими» сложными коммерческими и финансовыми нитями, превращающими земной шар в унифицированный рынок. Процветание Южной Каролины или Шотландии тесно связано с Штутгартom или Куала-Лумпуром. Истинные социальные ценности калифорнийцев или шведов будут определяться тем, что приемлемо на фабриках Таиланда или Бангладеш⁶.

Если мы и не принимаем участие в рабстве косвенным образом через инвестирование, то почти наверняка участвуем в нем через потребление. Произведенные рабами продукты и услуги вливаются в общемировой рынок, образуя небольшую, но значимую часть того, что мы покупаем. Но объем нашего потребления превосходит нашу способность осуществлять ответственный выбор. У нас нет времени обратить внимание на условия жизни тех людей, которые производят все то, что мы покупаем. А если мы хотим задаться этими вопросами, то как это сделать? Должен ли местный магазин быть ответственен за исследование трудовых отношений в мире или только за обеспечение вас самой лучшей едой по самой дешевой цене? Нам следует также подумать, а что делать, когда мы получим ответы, которые нам не понравятся. Например, гаитянские мужчины, женщины, дети закабалены в Доминиканской республике для сбора сахарного тростника, сахар экспортируется в Соединенные Штаты и другие страны. Должны ли мы перестать есть шоколад и пить безалкогольные

напитки до тех пор, пока не будем уверены, что рабский труд никак не используется в их производстве? Готовы ли мы платить по \$5 за шоколадный батончик, если это необходимо для гарантии того, что те, кто его изготавливает, не закабалены и получают достойную плату за труд? Когда мы сможем разработать план исследования рынка с целью обнаружения, где и как товары, сделанные рабами, входят в нашу жизнь, встанет большой вопрос: сколько мы готовы платить за то, чтобы рабство исчезло?

Класть деньги в рот

Давайте будем реалистами: большинство людей готовы *кое-что* заплатить за то, чтобы рабство было остановлено, но они не готовы на большие жертвы. Хорошо то, что если достаточно много людей так думают, то небольших пожертвований будет достаточно. В настоящее время в рабстве находится примерно 27 миллионов человек: хотя число, безусловно, велико, но если мы будем рассматривать страну за страной, то проблема упрощается. Кроме того, не нужно никакого чуда, все, что требуется – выполнение существующих законов и соглашений, принятие некоторых новых законов и обеспечение помощи, которая позволит этим людям и их семьям встать на ноги. Осуществить это будет нелегко. Для местных работников и исследователей противостояние сильным и жестоким рабодержателям представляет собой пугающую перспективу. Но мы должны помнить, что насилие – инструмент, а не цель рабства. Рабодержатели будут всеми методами защищать свой прибыльный бизнес, но они откажутся и от рабов, и от бизнеса, если он перестанет приносить прибыль. Оказание давления на доходы – вот основная стратегия, которой следует придерживаться, чтобы остановить рабство.

Уже существуют пилотные программы, показывающие эффективность этой стратегии. Одна из хозяйственных отраслей Индии, активно эксплуатирующая детский рабский труд, это производство паласов и ковров. Если у вас лежит восточный ковер на полу, то более чем вероятно, что он соткан детьми-рабами. На протяжении многих лет энтузиасты в Индии пытались освободить и адаптировать к свободной жизни закабаленных работников, но лишь с частичным успехом. Несколько лет назад была начата кампания «Ковровая метка» с целью оказания давления не на производителей ковров, а на тех, кто их покупает. Работая в маленьком офисе, ограниченные в средствах, активисты кампании предлагали

людям обращать внимание на небольшую метку, поставленную на сделанном вручную ковре, гарантирующую, что он не был сделан рабами. Чтобы иметь эту метку, производители должны были принять всего три предложения: не эксплуатировать детский труд, сотрудничать с независимыми наблюдателями и отчислять 1 % от оптовой стоимости ковра в фонд социального обеспечения работающих детей. Специальные усилия были направлены на создание хорошо обученной команды наблюдения, которая бы обнаруживала фальшивые метки, всесторонне знала бы производство ковров и не была бы подкуплена. На сегодняшний день правительства Германии, США и Канады признали «ковровую метку». Крупнейшие в мире компании заказов товаров по почте, такие как Otto Versand Group, а также основные торговцы коврами в США, Германии и Голландии сейчас импортируют только ковры с меткой. В Европе рынок ковров, «свободных от рабства», составляет 30 % и продолжает расти. Конечно, впереди еще много работы: британские розничные торговцы, включая Liberty and Selfridges, отказались закупать ковры с меткой, а южная и восточная Европа только начинает знакомиться с «ковровой меткой», однако «ковровая метка» продолжает набирать силу.

Самыми важными являются те последствия, которые эта кампания оказывает на жизни закабаленных детей. 1 % отчислений от производителей позволил построить и укомплектовать две школы «ковровой метки» в Индии, в которых обучается 250 учеников. Сама кампания привлекла внимание других организаций, так что немецкое правительство и UNICEF теперь финансируют другие школы в районах, являвшихся зоной вербовки работников для производства ковров. Дети, которым помогают оставаться в школе, не попадают в кабалу. Сталкиваясь с покупателями, которые желают приобретать товары, «свободные от рабства», худшие из рабодержателей перестают заниматься этим бизнесом, а остальные производители делают то, что необходимо для получения «ковровой метки». Это убедительнейший позитивный пример власти покупателей.

Кампания показывает, что когда западные потребители и розничные торговцы узнают о связи нужных им товаров с рабством, они готовы поменять свои покупательские привычки. Но как нам расширить эту власть покупателей на другие типы рабства? «Ковровая метка» оказалась такой успешной отчасти потому, что ковры – конкретный и осязаемый продукт, который поступает к потребителю в том же виде, в котором он покинул ткацкую

мастерскую, где его сделали дети-рабы. Но древесный уголь из бразильских лесов поступает на плавильные заводы и фабрики, а не к западным потребителям. Кирпичи, сделанные в Пакистане, покупаются местными строителями, иногда правительством. А «продукция» закабаленных тайских проституток, вообще не то, что можно приобрести в супермаркете за углом. Но природа глобальной экономики такова, что все эти «предприятия» связаны с разными сферами экономики. А раз так, должна найтись некоторая точка, на которую можно оказать давление. Обнаружение этих связей и оказание давления – главная возможность борьбы с новым рабством. Связи иногда запутанны и туманны, но они должны быть обнаружены. Рассмотрим поток угля в сталелитейную промышленность Бразилии, стали, которая доставляется в Мексику для производства деталей машин, деталей, которые потом поступают в США для сборки машин, после чего машины продаются в Канаду. Это сложно, но люди, занятые в этом бизнесе, отслеживают цепи поставки каждый день, относительно разумный исследователь определенно сможет сделать то же самое.

Мы рассматриваем сферу, где движение против рабства может многому научиться у движения за охрану окружающей среды. Люди, озабоченные состоянием окружающей среды, аналогичным образом отслеживают связи между теми, кто загрязняет окружающую среду в одной стране, и компаниями-учредителями в другой. Подобно рабству, самые страшные экологические преступления держатся в тайне, как, например, в торговле шкурами и рогами животных, находящихся под угрозой вымирания. Несколько лет назад ряд экологических организаций понял, что им необходимы детективы, специальные эко-детективы, чтобы отслеживать связи и обнаруживать преступников. Так родилось Экологическое агентство расследований (EIA). Скорее всего, вы никогда не слышали об этой маленькой некоммерческой организации, базирующейся в Лондоне, которая проводит тяжелую, иногда тайную работу по раскапыванию грязных махинаций экологических преступников. Персонал этой организации – специалисты, умеющие работать со скрытыми камерами, привыкшие к простой жизни и нацеленные в своих расследованиях на правду. Многие из известных историй, обнародованных крупными экологическими организациями, на самом деле раскрыты EIA⁷.

Сложность глобальной экономики и международный характер нового рабства требуют подобного рода расследований. Многие люди думают, что эта работа делается ООН, но это не так. Только

в самых тяжелых ситуациях, таких как распад бывшей Югославии, ООН инициирует работу *внутри* страны. Отчеты от информантов, находящихся внутри страны, рекой текут в ООН из Международной организации труда, но обычно ООН не принимает никаких действий и не накладывает никаких санкций, эта организации только обсуждает и объявляет результаты дискуссий. Сталкиваясь с тем, что национальные представители постоянно отрицают наличие рабства, ООН может только настойчиво продолжать задавать вопросы. Хотя ООН выполняет важную работу по всему миру, эта организация существует на деньги стран-участниц и иногда закрывает глаза, чтобы не слишком сильно их расстраивать. ООН также опирается на философию «участия любой ценой», то есть на установку, что лучше включать в члены организации страны, где нарушаются права человека, и разговаривать с ними, чем иметь их вне организации, ни перед кем не отвечающими. Чтобы удержать всех овец в овчарне, ООН тратит много сил на то, чтобы избежать конфронтации. Нравится нам это или нет, но ООН никогда не может быть полностью независимой в своих действиях — эта независимость в силу необходимости остается на долю активистов и добровольных организаций.

Чтобы разобраться, как рабство входит в нашу повседневную жизнь, нам необходимо привлечь хороших исследователей, хороших экономистов и хороших бизнесменов: исследователей, чтобы следовать за потоками сырья и продукции, текущими из рук рабов в руки конечных потребителей; экономистов, чтобы исследовать природу бизнеса, базирующегося на рабском труде, и выработать осуществимые альтернативы; опытных бизнесменов, чтобы помочь предприятиям вдоль всей производственной цепочки найти лучший способ прекратить свое участие в рабстве. И все эти исследования и информация будут бесполезны без тех, кто учит потребителей и помогает им принять при покупке продуманные и ответственные решения, способствующие освобождению рабов. Я верю, что когда люди узнают, что их расходы на покупки и инвестиции могут действительно помочь освободить рабов, они будут поступать правильно. К сожалению, сегодня многие из нас находятся в неведении по поводу товаров, произведенных рабами, или о том, как наши пенсии и ценные бумаги могут использоваться для финансирования рабства. Но прежде чем мы взглянем на организацию, которая может помочь покончить с нашим незнанием, мы должны изучить третий ключевой фактор, делающий рабство возможным, — правительственную коррупцию.

Абсолютная власть, абсолютный хаос — коррупция и насилие

Когда мы пытаемся понять коррумпированность правительства, имеет смысл рассмотреть одно из наиболее бесчеловечных правительств в истории — гитлеровскую Германию. У многих людей сложилось ошибочное впечатление, что нацистская администрация работала с потрясающей эффективностью. На самом деле за спиной вымущированно марширующих армий скрывалось правительство беспорядка и редкой жестокости. Историк Ян Кершоу показал, как нацисты и их обожаемый фюрер породили «самую большую путаницу в правительстве, которая когда-либо существовала в цивилизованном государстве». Когда центр правительства занят бессистемными актами расизма и жестокости, придатки правительства, такие, как полиция, становятся неуправляемыми. В Германии, как объясняет Кершоу, «большинство чинов в полиции остались на своих местах, когда нацисты пришли к власти, но их действия теперь отличались от принятых — их спустили с поводка»⁸. Единственные приказы, которые они получали из центрального правительства, состояли в том, чтобы подавить всех врагов государства, особенно евреев, и для достижения этой цели все было дозволено. В нацистской Германии, как в сегодняшней Бирме, одним из механизмов подавления был рабский труд.

В большинстве стран развивающегося мира правительства несут хаос в такой же степени. Однако их ведущий мотив — не нацистский антисемитизм, а алчность. Глобализация означает, что ценности, доминирующие в западных экономиках, переносятся в развивающиеся страны. Идея о прибыли как оправдании всего, успехе, дающем уважение, ведет вперед новое предпринимательство, которое вследствие этого игнорирует ценность человека. Государственная деятельность, которая ранее была некоммерческой (начиная от надзора за законодательством до помощи голодающим), превратилась в прибыльный бизнес. Момент, когда политики и бизнесмены разделили новые доходы, стал началом коррупции. Когда правители начинают гнаться за огромным потенциальным богатством глобальной экономики, порядок в государстве разрушается. По словам Грейдера в таких условиях «закон всегда страдает. Связи общественного договора рвутся на части, и люди оказываются в ситуации, где каждый играет по своим правилам. Это ведет к другой периодически повторяющейся особенности экономической революции — коррупции»⁹. В любой

стране присутствуют коррупция, но именно особая сила стремительных экономических перемен невероятно увеличивает и ее интенсивность, и ее размах. Существующие властные структуры опрокидываются, и разгорается битва за заполнение образовавшегося вакуума. Стабильные, хотя и бедные, экономики замещаются бессистемным развитием и эксплуатацией. И, как мы видели, в условиях отсутствия закона алчность может перевесить права человека.

Каждой стране присуща некоторая степень коррумпированности. Решающий вопрос заключается в том, что сильнее – коррупция или связи общественного договора? Вы можете задать одни и те же вопросы любому правительству в мире: работают ли люди, обладающие властью, начиная от президента до полицейского, согласно законам или в целях собственного обогащения? Общественные отношения формируются общими целями или эксплуатацией? Мой русский друг рассказал мне, насколько он был потрясен поведением полицейских в Америке: «Они остановили мою машину, но не потребовали денег!» Проблема проста: когда полиция становится прогнившей, прогнившим может стать все. Когда силовые структуры и стоящий за ними потенциал оружия и пенитенциарной системы действуют выборочно и с целью получения прибыли, закон просто-напросто перестает существовать. Лихорадка алчности делает невозможным любой закон против рабства.

В разных странах мира полиция включена в рабовладельческую систему. Мы видели, как полицейские действуют в качестве охотников за рабами и жестоких надзирателей в Таиланде, Пакистане, Бразилии. Хотя во многих странах полиция прилагает немало усилий, чтобы покончить с рабством. В любом случае они опираются на свою козырную карту: монополию применения насилия. Где бы ни изучалось рабство, мы видим, что критическим фактором, обеспечивающим его существование, выступает неограниченное использование насилия работодателями. Чтобы работодатели могли ловить рабов и удерживать их в неволе, они должны держать их в подчинении при помощи насилия. Чтобы работодатели могли свободно применять насилие, исполнение закона должно быть извращено, и рабы должны быть лишены его защиты. Когда правительство и полиция коррумпированы, они торгуют правом на насилие (или просто предоставляют собственное насилие как услугу). В сущности, они продают лицензии на отлов рабов.

Подобное насилие может принимать разные формы – часто ужасающие, поскольку рабы относительно дешевы в сегодняш-

ней экономике. И так как рабы не являются серьезным вложением, не будет большой потерей убийство или увечье одного из них. Даже в Индии, где древняя феодальная система смягчает конфликт, скрытое насилие существует. Только в Мавритании, где продолжает существование старая рабовладельческая система, хозяева смирят свою жестокость, чтобы не попортить свою собственность. Конечно, поскольку рабы эксплуатируются в силу своей способности к труду, физическое насилие, которое может снизить их возможность работать, обычно применяется как последнее средство. Гораздо выгоднее сломить разум, а не тело. Постоянный психологический террор и разрушение сознания, которые заставляли некоторых заключенных концентрационных лагерей служить нацистам без сопротивления, являются общей угрозой, встречающейся во всех формах нового рабства.

Когда я впервые встретился с Шири в публичном доме Таиланда и заглянул в пустую безжизненность ее глаз, услышал безнадежность ее голоса и увидел сломленность ее личности и ее желания освободиться, я прикоснулся к ужасу жизни, пойманной и разрушенной для удовлетворения алчности рабодержателя. Сокрушить человеческое сознание не просто, но при достаточной жестокости, наличии времени и равнодушии к страданию это можно сделать. Это *происходит* во всем мире. Рабодержатели практикуют жестокость, коррумпированные полиция и правительство обеспечивают безнаказанное существование рабства, и венчает все это — материализм глобальной экономики, оправдывающий общее безразличие. Завершая круг и восстанавливая связь с переменами глобальной экономики, мы должны еще раз напомнить, что в то время как насилие — инструмент закабаления, целью рабства является получение прибыли. В отличие от прошлого века никто из современных рабовладельцев не тешит себя мыслью о том, что они «цивилизуют» своих рабов или ведут их к религиозному спасению. В бездуховной, убогой глобальной экономике рабству не нужны моральные оправдания: рабы эквивалентны выгоде. Часть этих доходов платится за насилие, необходимое для гарантии стабильности поступления прибыли.

Но что мы можем сделать, чтобы остановить насилие и коррупцию, поддерживающие рабство? Понятно, что это непростая задача и, как борьба с преступностью, она может быть бесконечной, но кое-что сделать *можно*. Существует несколько подходов. По одному из эффективных путей следуют такие группы, как Anti-Slavery International (Международный союз против раб-

ства), Human Rights Watch и Amnesty International. Наблюдая и слушая, изучая и осуществляя мониторинг, они исследуют нарушения прав человека коррумпированными режимами. Они ориентированы на глубокие, основанные на фактах, ответственные отчеты о злоупотреблениях. Далее эти организации ставят своей целью донести эти отчеты и до общественности, и до международных объединений. Поскольку они обладают репутацией исследователей, заслуживающих доверия, их свидетельства имеют вес, и обличения со стороны этих организаций могут привести к санкциям со стороны других стран и общественности. Современная военная диктатура в Бирме, поработившая собственных граждан, столкнулась с осуждением в средствах массовой информации, ООН и Европейском союзе после публикации отчетов правозащитных организаций. Называние имен и обличение – это первый важный шаг.

В странах, где существует рабство, есть также местные группы, которые бесстрашно обличают, называют имена и сражаются с рабодержателями, к ним относятся Церковный земельный комитет (СРТ) в Бразилии, «SOS рабов» в Мавритании, Комиссия по правам человека в Пакистане. Без их исследований, предпринятых в условиях серьезного личного риска, огромная часть рабства в мире была бы неизвестна. Сотрудников СРТ в Бразилии убивали за то, что они задавали слишком много вопросов, на правозащитников в Пакистане, таких как Шэкил Патхан, совершали нападения, и в тот день, когда я начал писать эту книгу, я получил известие из Мавритании, что глава «SOS рабов», Бубакар ульд Масуд, вновь был арестован и отправлен за решетку, в это раз за беседу с французским журналистом. Одна из важнейших вещей, которые мы можем сделать, чтобы победить рабство, это помочь в защите этих местных активистов. Мы должны гарантировать этим группам теснейшие связи с международными организациями, такими как Международный союз против рабства (ASI), и обеспечить ASI широкую общественную поддержку. Когда правозащитники в сельских районах Таиланда знают, что о них заботится международная организация, и, что еще важнее, когда рабодержатели, коррумпированная полиция и правительства знают, что за ними осуществляется зарубежное наблюдение, это знание дает силу и защиту тем, кто сражается с рабством.

Борьба с рабством также требует привлечения опыта других успешных кампаний. Позвольте привести два примера. Сегодня в Британии существуют антирасистские группы, которые осуще-

ствляют наблюдение за полицией и судебной системой, чтобы гарантировать цветным справедливое отношение. Эти неправительственные группы активистов инспектируют тюрьмы, обеспечивают юридическую помощь, расследуют заявления о полицейском насилии, добиваются антирасистской политики от государства. Если цветной умирает в полицейском участке, правительство знает, что эта группа потребует полного расследования и отчета. Расисты, которых, возможно, искушает желание использовать свои властные позиции, знают, что они могут стать фокусом внимания и юридической действий. CPT в Бразилии и «SOS рабов» в Мавритании (когда им разрешают работать) исполняют в значительной степени те же функции в отношении рабства. Но подобного рода местные группы борцов с рабством нуждаются в заботе и защите во всех тех странах, где государство не исполняет законы против рабства.

Мой второй пример — движение против апартеида. Пока в Южной Африке правила система апартеида, группы против апартеида во всем мире продолжали оказывать давление, ускорившее его падение. Эти группы добились огромных изменений тремя способами. Во-первых, они (так же как и Международный союз против рабства и Human Rights Watch) привлекали общественное внимание к злоупотреблениям апартеида, фокусируясь снова и снова на насилии, которое было необходимым для поддержки расистского правительства. К концу 80-х годов остался ли хоть один человек в развитом мире, который бы не знал о тюремном заключении Нельсона Манделы? Во-вторых, они устраивали кампании, оказывая финансовое давление на режим апартеида, бойкотирова товары и призывая отозвать инвестиции из Южной Африки. Система апартеида действительно треснула, когда большие американские инвестиционные компании и университеты начали отказываться от участия, нанося режиму финансовые удары. В-третьих, они поддерживали местные группы в Южной Африке, лоббируя их интересы, оказывая им юридическую и финансовую поддержку. Если местных активистов арестовывали, со всего мира приходило огромное число писем. Поскольку упомянутые группы оказывали давление на правительства с целью изоляции режима апартеида, эти три способа борьбы с апартеидом дали замечательный эффект. Они все могут быть адаптированы и эффективно использованы в борьбе против рабства.

Экономические санкции, которых движение против апартеида добились в отношении Южной Африки, вновь возвращают нас

к вопросу о финансовых связях. Сегодня Всемирная торговая организация (ВТО) и Международный валютный фонд (МВФ) осуществляют надзор за правительствами, предпринимательской деятельностью, промышленностью во всем мире. Обе эти организации обладают огромной властью, основанной на торговых кредитах, которые можно было бы связать с гарантиями прав человека. Но права человека и существование рабства так низко стоят в системе приоритетов этих организаций, что почти невидимы. Грейдер точно сформулировал это следующим образом.

Об условиях торговли обычно думают как о коммерческих соглашениях, но они являются также и безусловным проявлением моральных ценностей. В настоящее время глобальная система ценит собственность выше человеческой жизни. Когда такие страны как Китай, крадут собственность капитала, нарушая права на копирование фильмов или технологий, другие страны стремятся предпринять действия, чтобы прекратить это, и готовы ввести санкции и штрафные тарифы в торговле с государствами-нарушителями. Когда же крадут человеческие права..., с обидчиками ничего не происходит, поскольку согласно моральному чувству свободного рынка отсутствует состав преступления¹⁰.

Мы вновь возвращаемся к условиям антирабовладельческой кампании XIX века: если мы хотим остановить рабство, мы должны убедить мир, что права человека требуют большей защиты, чем права собственности. Свобода человеческого существа должна иметь приоритет над свободным рынком. Это кажется настолько фундаментальной истиной, что трудно представить, как кто-нибудь может с этим не согласиться. Но где же международные законы, защищающие рабов и наказывающие правительства, которые допускают рабство? Правительство и деловые круги сегодня с большей вероятностью пострадают от международных санкций за подделку диска Майкла Джексона, чем за использование рабского труда.

В 1997 году Международный суд по правам человека в Гааге осудил военных лидеров боснийских сербов за геноцид и другие военные преступления. В том же самом году ВТО пригрозило Британии санкциями за отказ импортировать американскую говядину, выращенную с использованием стероидов. В том же 1997 году ООН предприняло экономические санкции против

Ирака, в то время как команда его инспекторов обыскивала страну в поисках биологического и химического оружия. Но какая страна была подвергнута санкциям за рабство? Где инспекторы ООН, уполномоченные выявить рабский труд? Где штрафы ВТО за экспорт товаров, сделанных рабами? Кто говорит от имени рабов в Международном суде по правам человека? Объективно оцененная, ситуация представляется нелепой: останови движение мертвых коров между странами – и будешь наказан, продавай и покупай живых людей, невзирая на национальные границы, и никого это не волнует. Необходимо привлечь невероятную мощь МВФ и ВТО для борьбы с рабством¹¹.

Чтобы покончить с рабством, мы должны взглянуть беспристрастно на рабство как на предмет потребления. Так же как мы должны изучить, каким образом товары, сделанные рабами, входят в международную экономику, мы должны понять, как рабы попадают из одного места в другое и в руки работодателей. Рабство никогда не удастся остановить, если освобожденных рабов можно будет с легкостью заменить новыми. Произнеси слово «работорговля», и большинство людей представит деревянные корабли, отправляющиеся из Африки в Новый свет, но работорговля эволюционировала и изменилась. Современный ее вариант использует фальшивые паспорта и авиабилеты. Работорговля упикивает людей в грузовики и платит взятки пограничникам. Она скрывает свои следы с помощью фальшивых контрактов и обманных виз. Она делает с людьми то же, что организованная преступность делает с героином, и часто – гораздо успешнее. Мы должны проследить перемещения рабов внутри стран и через границы и закрыть все дыры. Американское Агентство по борьбе с наркотиками (Drug Enforcement Agency) превосходит другие страны, тратя миллиарды долларов, чтобы перекрыть поток наркотиков. В бюджет какой страны заложены деньги, чтобы бороться с потоком рабов?

Существует важный исторический прецедент. В XIX веке британская зарубежная политика включала в себя активную программу борьбы с работорговлей. Флот военных кораблей был послан к западным берегам Африки, чтобы перехватывать охотников за рабами и освобождать рабов. Корабли, перевозившие рабов, конфисковывались и уничтожались, а информаторам, предупредившим патруль, выплачивалась награда. Работорговля превратилась в опасное и неприбыльное дело. Сегодня у нас все еще есть возможность перехватывать рабов. В течение последних лет

и Соединенные Штаты, и Великобритания посылали свой военный флот за два океана, чтобы пригрозить иракскому правительству, что стоило миллиарды долларов. Когда есть политическая воля, тогда правительства находят необходимые деньги и энергию.

В аэропортах и пограничных пунктах должны быть официальные лица, в чьи обязанности входит выявление рабов. Должны быть следователи, отслеживающие перевозку рабов и изымающие машины, грузовики, лодки, летательные аппараты. Должны быть целевые операции, направленные на выкуп рабов и наказание дилеров. Практически все навыки существующих силовых структур могут быть использованы в борьбе с рабством. Можно остановить перевозки рабов даже внутри таких стран, как Бразилия или Таиланд. Уже существуют договоры, позволяющие Американскому агентству по борьбе с наркотиками работать с местными силовыми структурами, финансируя их, обучая, передавая оборудование, чтобы остановить производство и перевозку наркотиков. Но где аналогичные договоры, которые позволят остановить перевозку рабов? Нелишне вспомнить, что почти все страны подписали договор, в котором обещают «предпринимать все возможные меры, чтобы предотвратить перевозку рабов морскими и воздушными судами, несущими их флаги, а также наказывать лица, виновные в подобных действиях»¹².

Глобальная сеть выживания (Global Survival Network), некоммерческая организация, расположенная в Вашингтоне, исследовала вопросы закабаления и поставки молодых женщин из России и Украины в различные страны, включая Израиль и Японию. В их отчетах говорится, что «конфиденциальные интервью с гангстерами, сутенерами и коррумпированными бюрократами показали, что силы местной полиции — часто наилучшим образом способные остановить перевозку — менее всех заинтересованы в этом». Согласно Джилиан Колдуэл, работающей в этой организации, «в Токио сочувствующий нашей работе сенатор организовал для нас встречу с ведущими полицейскими чинами, чтобы обсудить растущую распространенность ввоза русских женщин в Японию. Полиция настаивала на том, что никакой проблемы нет и им не нужна конкретная информация, которую мы могли бы предоставить. Это не удивило местные агентства по освобождению, которые привели примеры, показывающие, что полиция сама продавала привезенных женщин криминальным структурам, закаблявшим их»¹³.

Национальные законы о перевозке рабов противоречивы, а сотрудничество между странами встречается редко. Наказания незначительны, и криминальные группировки считают, что женщин поставлять проще, чем наркотики. Обратите внимание, что само преступление стыдливо называется «перевозкой», а не своим действительным именем – работорговля. Судя по лицемерному сервису и благим намерениям, ясно, что большинство западных правительств больше беспокоится по поводу кражи программного обеспечения или импорта поддельных часов дизайнерских фирм, чем по поводу современной работорговли. В XIX веке деловые круги и правительства поддерживали работорговлю, поскольку она приносила высокие прибыли. По иронии судьбы сегодня деловые круги и правительства не заинтересованы в борьбе с работорговлей, поскольку она *не* угрожает их прибылям. Присутствие нескольких сотен русских девушек в японских публичных домах не влияет на баланс выплат. Наиболее звучные протесты, привлекающие внимание правительств и ООН, – и наиболее громкие голоса – принадлежат крупным корпорациям, а не группам правозащитников. Поэтому международное законодательство о краже программного обеспечения или правах копирования весьма развито, щедро финансируется и строго соблюдается. Законы против работорговли размыты, страдают от невнимания и игнорируются. Но нам не следует обвинять во всем правительства или ООН. Они просто зеркало тех проблем, которые перед ними возникают. Они отражают предубеждения своих избирателей.

Сорок акров, мул и психотерапия

Члены ООН, обладающие наибольшей силой, чтобы направлять политику и действия этой организации, это наиболее экономически развитые страны, включая Соединенные Штаты, Великобританию, Германию, Китай и Японию. Они также имеют наибольший вес во Всемирной торговой организации, оберегая прибыли многонациональных корпораций. Но существует другой ряд избирателей, не имеющих влиятельных друзей: рабы. Кто говорит от их имени? Кто защитит их интересы в мировой экономике и в мировых столицах капитала? Если они могут рассчитывать только на ООН, шансы рабов во всем мире на свободу очень невысоки. Такие группы, как Международный союз против рабства работают упорно, но они напоминают капли воды, падающие на каменные глыбы ООН и национальных правительств. Большинство

рабов в своем спасении могут рассчитывать только на себя. В борьбе за прекращение рабства мы должны учитывать действия рабов, которые сами борются за свое освобождение.

Абсолютно верно, что человеческие и экономические отношения в современной рабовладельческой системе сложны. Было бы намного проще понимать рабство и бороться с ним, если бы было ясно, где хорошие, а где плохие парни, если бы все работодатели были жестоки, а рабы молили бы о свободе, если бы существовало простое решение, позволяющее освободить всех рабов. Но быть свободным значит больше, чем просто избавиться от долгой кабалы. Свобода – это особое состояние души и тела, и освобождение станет горькой победой, если приведет к голоданию или повторному закабалению. В конечном счете рабы должны найти свой собственный путь к истинной свободе. Физическая и психологическая зависимость, которую они часто испытывают по отношению к своему хозяину, может сделать этот путь длинным. Если мы предполагаем, что ребенку нашей страны, с которым жестоко обращались, потребуются годы терапии и особой заботы, чтобы преодолеть полученную травму, то вряд ли мы можем ожидать, что угнетенные рабы немедленно войдут в свободное общество как полноправные граждане. Это правда, что многие бывшие рабы феноменально оптимистичны, но тем, кто страдал больше, например бывшим проституткам-рабыням из Таиланда, может потребоваться целая жизнь для восстановления. Пережитые ими страдания могут оставить незаживающую рану и отразиться на всех их отношениях с людьми. Некоторые известные писатели, такие, как Майя Ангелоу и Тони Моррисон, показали, как травма, полученная в рабстве, передается даже через несколько поколений свободных. В попытках пережить не только рабство, но и освобождение, просматривается одна впечатляющая параллель между старым рабством в Соединенных Штатах и современным рабством: когда рабство закончилось в 1865 году, рабы были просто брошены (это продолжается и сейчас). Если мы хотим покончить с рабством, мы обязаны понять, как рабы могут лучшим образом обеспечить свою свободу.

Есть только несколько примеров, к которым мы можем обратиться. Один из них – Пуреза Лопес Лойола, бедная бразильская женщина, которая сделала освобождение делом своей жизни. Она начала свой крестовый поход, когда ее собственный сын исчез, работая в одной из латифундий на севере Бразилии. Продав большую часть своего имущества, она проделала тысячи миль,

обследуя изолированные и строго охраняемые ранчо, где сотни рабочих содержались в долговом рабстве. С помощью Церковного земельного комитета (СТР) она начала собирать официальные жалобы, некоторые из них привели к судебным делам и освобождению закабаленных работников. В мае 1996 года женщина в конце концов нашла своего сына, который в самом деле был закабален на одном из ранчо. Пуреза Лопес Лойола выполняла свою задачу с редким бесстрашием и настойчивостью, что подвигло бразильское правительство по крайней мере пообещать новые законы. Сама Пуреза никогда не была закабалена, и ее поиски стали возможны, потому что она могла свободно перемещаться. Поддерживаемая своей верой, она привела к свободе многих рабов, дала им смелость говорить и называть людей, захвативших их в рабство. Невзирая на частые угрозы, она продолжает свой крестовый поход, убеждая политиков, журналистов, деловые круги, владельцев ранчо. В 1997 году она получила награду за борьбу против рабства в Лондоне, ее успех показывает, что может сделать всего один энтузиаст на местном уровне.

Если бы не «Эль хор» и «SOS рабов» в Мавритании, персонал которых укомплектован частично бывшими рабами, мы бы мало что знали о рабстве в этой стране. Эти организации бесстрашно борются за свободу, равные права, возвращение детей рабов своим родителям. Их работа не имеет большого влияния на огромное здание рабства в Мавритании, а когда они добиваются некоторого успеха, над ними нависает угроза ареста и изоляции. Но даже в ситуации, когда их отчеты подвергаются цензуре и запрещаются, а они сами постоянно находятся под наблюдением, они, тем не менее, символизируют надежду. Все рабы, с которыми я разговаривал в столице Мавритании, слышали про «Эль хор». Они не разбираются в политическом лоббировании или борьбе в судах, но они знают, что есть люди, которые работают, чтобы освободить их, — и это для них очень много.

Вспомните замечательную женщину, с которой мы встретились в Индии — Лейлу. Вот пример кабального работника, дочери и жены кабальных работников, который помогает выйти на свободу семьям, живущим в их деревне. Ключевыми элементами этого превращения являются образование, упорный труд и очень небольшие капиталовложения. Конечно, «очень небольшие» — мера относительная. Молочная коза, которую правительство предоставило каждой женщине из организации, возглавляемой Лейлой, стоит 800 рупий, сумму, которую они сами никогда не смо-

гут накопить, но 800 рупий – это примерно \$20. Женщины добавили к этому договору способность упорно работать, не имея практически ничего. Суммы всего в \$300 достаточно, чтобы занять бывших рабов в самостоятельном деле. Реабилитационные гранты, выдаваемые индийским правительством, составляют \$160 и позволяют купить скот, а также получить дом и землю в деревне. Но реабилитация значит больше, чем свобода и пара коз в придачу.

Одно из наилучших мест, где можно увидеть хорошие результаты реабилитации, находится в Индии, в рамках программы, начатой Южно-Азиатской коалицией детского рабства (SACCS). Следуя учению Махатмы Ганди, они фокусируются на беднейших из бедных – часто на кабалных крестьянах, наподобие тех, что мы встретили в Банди, – и работают так, чтобы у этих людей появилась возможность ставить свои собственные цели. Понимая, что сознание также требует освобождения, как и тело, SACCS обеспечивает образование в сфере прав человека для закабаленных рабочих. Вот что говорит эксперт по правам человека, Ричард Пьер Клод.

В 1991 году SACCS организовал профессиональный реабилитационный центр для освобожденных людей, чтобы «помочь им стать самостоятельными, упрочить их уверенность в себе и освободить их от травм прошлого». Названный «Мукти Ашрам» (приют для освобождения), тренировочный центр работает одновременно с 60 обучающимися в течение 3 месяцев, обеспечивая профессиональную подготовку, обучение грамотности и просвещение в сфере прав человека. Приют также проводит для некоторых отобранных стажеров двухнедельные установочные курсы на тему о том, как следует освобождать закабаленных рабочих, в том числе детей. Таким образом, к 1995 году Мукти Ашрам выпустил 1000 обученных активистов, которые работают на победу над рабством... большинство из них в своих родных деревнях стали экономически независимыми, помогая своей сельской общине объединиться и бороться за свои права¹⁴.

Это действенный ответ рабству, существенно улучшающий шансы оставаться свободными для тех, кто живет в районах, падающих под действия SACCS.

Многим рабам освобождение приносит новые проблемы. Невозможно освободиться за одно мгновение от целой жизни, проведенной в неволе. Человек, лишенный независимости, никогда не стоявший перед выбором, может оказаться в ступоре, столкнувшись с необходимостью принимать решения. Если мы можем хоть чему-нибудь научиться, анализируя жизнь освобожденных рабов, так это пониманию, что освобождение не событие, а *процесс*. Если мы всерьез хотим остановить рабство, мы должны принять на себя обязательства поддержки освобожденных рабов в этом процессе, который может занять годы. Мы должны тщательно продумать, что необходимо рабам, чтобы достичь подлинной свободы, и решить, как помочь рабам как человеческим существам. Объем знаний о том, как преодолевать физические и психические раны, полученные жертвами пыток, все растет. В настоящее время психологи изучают, как бороться с детскими травмами, нанесенными войной. Но что мы знаем о психологии рабства? Как мы лечим травмы, причиненные пленением? Если Шири будет когда-нибудь освобождена из своего публичного дома в Таиланде, каков прогноз ее психического здоровья? Если мы хотим покончить с рабством, мы должны стать специалистами в исправлении ущерба, которое рабство наносит и телу, и душе. Нам следует внимательно отнестись к опыту Мукти Ашрам.

Нам надо также стать специалистами, разбирающимися в рабах как экономических существах. Рабы обычно не обладают высокими навыками и делают работу, которая на свободном рынке стоит немного. Но если они, будучи освобождены, не смогут поддерживать свое существование, как они смогут избежать повторного закабаления? Маленькие дети зависят от своих родителей, которые часто поручают им небольшие дела по дому. Рабы находятся в состоянии постоянной зависимости, и обычно их не учат ничему, кроме простейших дел. Мы даже представить не можем восьмилетнего ребенка, выброшенного на рынок труда и борющегося за свое выживание, но именно это происходит с тысячами освобожденных рабов. Правительства Соединенных Штатов и Великобритании тратят миллионы на то, чтобы помочь одиноким матерям получить профессиональную подготовку, перестать жить на пособие и выйти на рынок труда, тысячи людей, начиная от политических аналитиков и заканчивая социальными работниками, участвуют в этом процессе. Но только горстка людей работает для 27 миллионов рабов, существующих в мире, чтобы изучить и выстроить экономические пути из рабства

к независимому существованию. Экономический процесс превращения раба в самостоятельного человека сопутствует росту психологической независимости. Они связаны, и мы должны точно знать, как развивать их в тандеме.

По всем темам, начиная от психологии, проблем малого бизнеса до крупномасштабного соблюдения законов, необходимо больше исследований и усовершенствований. Практически никакой работы не сделано по пониманию, как наилучшим образом поддерживать бывших рабов в обретенной свободе. То есть то немногое, что было сделано, предлагает несколько способов помощи людям оставаться свободными: обеспечить доступ к кредитам; позволить решать, какой работой они будут заниматься; бороться с коррупцией в программах реабилитации; обеспечить деятельное присутствие на стороне бывших рабов людей, обладающих властью; дать доступ к образованию – величайшему из освободителей. Мы знаем, что очень небольшие кредитные союзы преобразили жизнь многих беднейших людей в Индии и Бангладеш и что процент по невозврату займа в этих союзах ниже, чем в западных банках.¹⁵ Иногда мы думаем, что поскольку на Западе у нас есть кредитные карты, ипотека, кредиты на покупку машин, ежемесячные платежи, то кредиты имеют значение только в больших современных экономиках. Ничто не может быть дальше от истины. Кредитные механизмы в развивающемся мире одновременно и сложны, и практически неконтролируемы. Кредиты, долги, манипуляции с процентами, выплаты могут возвести ловушку долгового рабства, а могут обеспечить тот рычаг, который вытащит семью из кабалы.

У нас есть также рекомендации Индийской академии государственной службы, которая изучала ряд успешных и неуспешных «реабилитаций» и подчеркивает важность того, что рабы сами должны направлять свой переход. Но там, где существует рабство, существует и коррупция, которая может полностью извратить процесс реабилитации. Программа «Ковровая метка» борется с коррупцией при помощи своих собственных независимых инспекторов. Работа по реабилитации в Индии успешна там, где комитеты по надзору работают честно и настойчиво. Необходимо найти способы привлечь власть на сторону освобожденных рабов. Это не должна быть полицейская или даже правительственная власть – официальные лица, на самом деле, могут оказаться основными противниками; не должна это быть и подавляющая

власть или власть насилия. Часто присутствия социальных работников или правозащитников из города оказывается достаточно.

Здесь есть место для полностью нового рода занятий: работник по освобождению, вроде тех, что прошли тренинг в Мукти Ашрам. Было бы идеально, если бы освобожденным рабам придавался местный независимый консультант на год или два. Он не прибывал бы туда со своим планом «развития», но помогал бы бывшим рабам составлять свои собственные планы и осуществлять их. Такой работник был бы учителем, советником, адвокатом, соратником и другом. Индийский опыт показывает, что совет и поддержка являются определяющими в успешной реабилитации. Ключ к предотвращению повторного закабаления заключается в образовании. Когда люди в состоянии распознать ловушку долгового рабства, когда они знают свои гражданские права, понимают силу своего сообщества и могут найти способы заработать на жизнь, они в меньшей степени уязвимы для рабства. Многие благотворительные организации на Западе играют на чувствах публики, призывая «спонсировать» бедных детей в развивающихся странах. Исследования показывают, что это, может быть, и не лучший способ помочь этим детям выбраться из нищеты, но, возможно, он может помочь освободить рабов. Где их спонсоры? Кто заплатит за свободу работников в развивающихся странах? В настоящий момент, когда правительства уклоняются от своих обязательств, мы вынуждены надеяться лишь на небольшие организации, которые не прекращают борьбу и не закрывают глаза на существование рабства.

Новые борцы с рабством

К сожалению, агентства и организации в развивающемся мире, которые должны были бы находить и обучать работников «по освобождению», прослеживать экономические связи предприятий, использующих рабство, информировать общественное мнение о реалиях современного рабства, оказывать давление на правительства с тем, чтобы защищать ими же принятые законы, оказались пойманными в порочный круг неведения и недостаточной поддержки. Основная группа, борющаяся с рабством, это Международный союз против рабства (ASI), старейшая правозащитная организация в мире. Основанная в 1839 году для борьбы с работорговлей в Атлантике, она находится в Лондоне и упорно трудится, чтобы выявить и уничтожить рабство и детский труд.

Но ASI, насчитывающая только 6000 сторонников и членов, напоминает мышь, сражающуюся со стадом слонов. По сравнению с такими организациями, как Greenpeace или Amnesty International, насчитывающими миллионы сторонников по всему миру, ASI действительно невелика. Почему?

Эта организация оказалась заложницей общественного невежества: большинство людей уверены, что рабство закончилось в XIX веке. Чтобы их переубедить, нужны серьезные публичные усилия, а чтобы предпринять такую кампанию, ASI должна быть большой организацией, располагающей значительными ресурсами. Но, чтобы стать большой организацией, необходимы тысячи сторонников, которые знают, что рабство не закончилось в девятнадцатом веке. Без массовой поддержки ASI не сможет провести массовое пополнение своих рядов. Тяжело тащить людей за уши, но именно это приходится делать движению против рабства. Ряд организаций относится к рабству как к части более широкой деятельности: Католическое агентство развития зарубежных стран (CAFOD), Oxfam, Human Rights Watch, UNICEF – все они атакуют рабство со своих собственных позиций. Чего не хватает, так это объединенных усилий.

Прежде чем эти объединенные усилия станут возможными, необходимо, чтобы произошли две вещи. Во-первых, организации, противостоящие рабству, должны *сфокусировать* на нем свои усилия. Для многих групп рабство лишь связанная с прочими периферическая проблема. В начале этой книги я подчеркнул, что рабство не следует путать ни с чем другим: это не труд заключенных, это не различные формы детского труда, это не нищета и отсутствие выбора. Все перечисленное ужасно и требует внимания, но это не рабство. Рабство в своей реальной, не метафорической форме растет и процветает. Правозащитным организациям следует относиться к рабству как к отдельному и особому нарушению прав человека. Мы должны *назвать* проблему своим именем – рабство, а не сваливать ее вместе с другими в одну кучу. Борьба с рабством только тогда может двигаться вперед, когда мы абсолютно уверены, что предмет наших исследований и кампании – рабство. Рабство – сложная и динамичная проблема, которую нужно понимать в ее собственном контексте.

Отчасти сложность именования проблемы заключается в том, что *рабство* – очень сильное слово. Но организации, борющиеся с рабством, должны использовать сильные выражения и еще сильнее «наступать на ноги». Некоторые организации, особенно ООН,

очень стесняются, когда приходится говорить: «В стране *x* существует рабство». Как мы видели, в странах, где рабство существует, правительства пытаются скрыть его с помощью бюрократического языка. Индийские крестьяне вовсе не рабы, а «присоединенные работники». Росчерком пера все рабы Мавритании превратились в «бывших рабов». Они могут называться «контрактниками», как на печах по производству древесного угля Бразилии, или «служащими», как в публичных домах Таиланда, но все эти люди – рабы. Имея миллионы рабов во всем мире, мы просто не можем позволить, чтобы слово «рабство» выхолащивалось настолько, что теряло всякую способность идентифицировать и клеймить реальное рабство. Одно из величайших достижений Amnesty International состоит в том, что эта организация никогда не использовала эзопов язык: пытки всегда назывались пытками, и подлинная суть политических репрессий становилась яснее огромному числу людей. Рабство также должно быть представлено как во всем своем ужасе, так и во всей своей сложности. Когда общественность перестанет спрашивать «А что вы понимаете под рабством?» или «Вы хотите сказать, что рабство существует?» (вопросы, на которые мне приходится отвечать несколько раз в неделю), тогда рабы окажутся на пути к свободе.

Мы являемся свидетелями зарождения нового аболиционистского движения, перед которым стоят задачи столь же сложные и глубокие, как и в начале XIX века. Одна из проблем состоит в том, что люди не верят в существование рабства. Многие граждане развитого мира испытывают душевный комфорт, полагая, что рабство искоренено «давным-давно», и они переживают шок, узнавая, что его придется искоренять еще раз. Конечно, работа, которую предстоит проделать сегодня, ни на йоту не уменьшает достижения аболиционистов девятнадцатого века. Они боролись с официальным рабством, и они выиграли эту битву. Мы должны остановить рабство незаконное.

Если мы хотим победить, то один из первых шагов, которые нам следует предпринять, состоит в признании нашей неосведомленности. Рабодержатели, деловые люди, даже правительства прячут рабство за дымовой завесой слов и определений. Мы должны рассеять эту завесу и увидеть рабство таким, какое оно есть, понимая, что это не проблема «третьего мира», но наша общая реальность, в которую мы уже вовлечены и в которой живем. Мы должны признать, что рабство касается нас в наших собственных семьях. Церкви были сердцевиной аболиционистского

движения в прошлом. Вдоль всей линии Мейсон–Диксон – границы между рабовладельческими и свободными штатами во время Гражданской войны в США – церковные группы помогали наладить на железных дорогах подпольные перевозки, которые доставляли рабов на Север к свободе. Сегодня многие церкви занимаются защитой и сохранением семей. Но что может быть большей угрозой жизни семьи, чем рабство? Подумайте о мавританских рабовладельцах, отнимающих детей у родных матерей, или о продаже дочерей в Таиланде: рабство бесспорно омерзительное явление, отрицающее святость жизни и уничтожающее молодых и беззащитных. Мы так и собираемся с улыбкой наблюдать, как наши дети играют мячом, который сделан детьми-рабами? Каждый, у кого есть дети, хочет для них самого лучшего, но может ли это лучшее быть куплено ценой жизни другого ребенка?

Это огромное сражение. На одной стороне баррикад находятся люди, делающие на рабстве хорошие деньги. На другой – горстка активистов, которым приходится больше времени уделять борьбе с незнанием, чем борьбе с самими рабодержателями. На каждом уровне – семьи, работы, церкви, политических партий – те, кто полагает, что рабство нужно остановить, должны объединиться. Люди, попавшие в рабство в развивающемся мире, будут делать почти все, чтобы освободиться, но они не могут сделать это в одиночку. Они поделятся с нами своим знанием и силой, но мы должны поделиться с ними нашими ресурсами и властью. Иначе то, что мы привыкли называть «свободным миром», будет и дальше паразитировать на рабстве.

Пустое притворство и торжествующее бесстыдство

В 1852 году, готовясь к празднованию 4 июля, отцы города Рочестер в штате Нью-Йорк решили попросить одного из наиболее известных граждан, Фридриха Дугласа, произнести программную речь. Дуглас был освобожденным рабом из южных штатов, ставшим лидером борьбы за освобождение. Возможно, отцы города ожидали, что Дуглас выскажет благодарность за жизнь на свободе или благосклонно сравнит великую американскую традицию свободы с правящими в Европе королями и тиранами. Их ждал большой сюрприз. Когда весь город собрался на празднование Дня независимости, Дуглас поднялся на трибуну и сказал следующее:

Что означает для американского раба ваш день 4 июля?.. Это день, еще в большей мере открывающий ему несправедливость и жестокость, постоянной жертвой которых он является... Ваше празднование — ложь, ваша хваленая свобода — дьявольская привилегия, ваше национальное величие — напыщенное тщеславие... ваше развенчивание тиранов — торжествующее бесстыдство, ваше восхваление свободы и равенства — пустое притворство, ваши молитвы и гимны, ваши проповеди и благодарственные молитвы, ваши религиозные шествия... — напыщенный обман, жульничество, нечестивость и притворство¹⁶.

Я подозреваю, что Дугласа не пригласили на барбекю после торжественной церемонии. Он пролил на головы своей аудитории горькую насмешку и сарказм, за которыми стоял единственный вопрос: «Если еще существуют рабы, то как вы можете гордиться своей свободой?»

Сегодня мы должны ответить на тот же самый вопрос. Хотим мы этого или нет, но сегодня мы живем в едином мире. Мы должны спросить самих себя, хотим ли мы жить в мире, в котором существуют рабы? Если нет, то мы должны взять на себя ответственность за все те проблемы, что касаются нас, даже если они далеко. Если мы не стремимся понять связи, соединяющие нас с рабством, и предпринять шаги, разрывающие эти связи, мы просто куклы, предмет игры сил, которые мы не можем или не желаем контролировать. Бездействовать — значит сдаться и позволить другим людям разрывать пути, привязывающие нас к рабству. Конечно, существует много видов эксплуатации в мире, много типов несправедливости и насилия, заслуживающих нашего внимания. Но рабство — это эксплуатация, несправедливость и насилие, слитые вместе в наиболее эффективном сочетании. Если и существует одно самое глубокое оскорбление человеческой природы, которое мы не можем допустить, то это рабство. Если существует одна основная истина, с которой согласится большинство людей, это то, что рабство должно быть остановлено. Какая польза от нашего экономического и политического могущества, если мы не можем использовать их для освобождения рабов? Если мы не в состоянии освободить рабов, как мы можем говорить, что мы свободны?

Заключение

Три вещи, которые Вы можете сделать, чтобы остановить рабство

Мы можем остановить рабство. Законы приняты, международные организации, такие как ООН, готовы к этому шагу, но ничего не произойдет, пока это не станет общественной потребностью. Когда каждый человек, не желающий жить в мире, где существует рабство, предпримет следующие три шага, рабство исчезнет.

Шаг 1. Узнайте. Если Вы прочли эту книгу, Вы уже сделали этот шаг. Теперь поделитесь этой книгой с друзьями, одноклассниками, соседями, закажите экземпляр для библиотеки. Помните, что каждая копейка, полученная за книгу, идет на борьбу с рабством. Продолжайте узнавать, как рабство проникает в наш мир и в нашу жизнь. На сайтах www.freetheslaves.net и www.antislavery.org Вы найдете постоянно обновляющуюся информацию по этой теме.

Шаг 2. Присоединяйтесь к тем, кто хочет остановить рабство. Чтобы прекратить рабство, в мире работают организации *Free the Slaves* и *Anti-Slavery International*. Вы можете помогать своей местной организации, которая борется за освобождение закабаленных людей; стимулировать производителей и потреби-

телей не использовать рабский труд и товары, произведенные рабами; требовать от национальных правительств принятия законов против рабства. Существуют миллионы людей, таких как Вы, которые сегодня хотят прекратить рабство. Чтобы Ваш голос был услышан, присоединяйтесь к организации *Free the Slaves*, если Вы в Соединенных Штатах, или родственной организации *Anti-Slavery International*, если Вы в Европе. Чтобы сделать это, просто свяжитесь с ними через Интернет: www.freetheslaves.net или www.antislavery.org. Вы можете позвонить или написать им:

Free the Slaves Anti-Slavery International 1326 14th Street NW
Thomas Clarkson House Washington, D. C. 20005, USA, Broomgrove
Road Телефон: (202)588 1865 London SW9 9TL, England. Телефон:
(020) 7501 8920

Шаг 3. Действуйте! Не ставьте эту книгу на полку. Дайте ее почитать кому-нибудь еще. Одна из основных причин существования рабства – незнание. Возьмите книгу с собой в клуб или в церковь, где вы передаете друг другу книги и обсуждаете их.

Задавайте жесткие вопросы политикам. Один из самых действенных способов борьбы против рабства – политика «кнута и пряника»: угроза экономических санкций или поддержка со стороны развитых стран. Россия недавно приняла новый свод правил о работорговле, но еще не ратифицировала основную Конвенцию ООН по организованной преступности и торговле людьми. Когда политики предлагают Вам голосовать за них, спрашивайте их, что они делают, чтобы остановить рабство. Пошлите письмо своему депутату в Думе с требованием обратить особое внимание на закон о торговле людьми.

Если Вам известно, что кто-то находится под угрозой закабаления или был закабален, внимательно прочтите приведенный ниже список. Вы узнаете, чем эти организации могут помочь.

**Российские организации,
в которые Вы можете обратиться:**

Кризисный центр для женщин (Москва)

Горячая линия: 124-6185, 477-8671. Тел./факс: 135-1163

E-mail: anna-center@mtu-net.ru

Сферы деятельности:

Горячая линия

Помощь в критических ситуациях, информация и консультирование. Каждый день с понедельника по пятницу с 9 до 21. Немедленная помощь женщинам в критических ситуациях;

Правовая помощь и защита

Адвокаты центра обеспечивают правовую помощь жертвам домашнего насилия посредством индивидуального консультирования и представительства в суде;

Поддержка жертв домашнего насилия в ходе судебного процесса, включая подготовку документов и поддержку в суде;

Общественное просвещение и программа помощи неимущим или нуждающимся;

Учебный центр кризисного центра обеспечивает информационными материалами и учебными курсами (включая «обучение учителей») другие кризисные центры в России;

Исследования;

Консультационный центр и группы поддержки.

Два профессиональных психолога обеспечивают индивидуальное и групповое консультирование женщинам, позвонившим по горячей линии и нуждающимся в дополнительной помощи.

Проект мужской солидарности (MPS)

Обучение по вопросам преодоления насилия, групповой поддержки, оказания помощи неимущим или нуждающимся.

Байкальский региональный союз женщин «Ангара»

666074, Иркутск. ул. Курчатова, 14-11

Тел.: (3952) 465-509. Факс: (3952) 397-835

E-mail: aygara@prefect.irkutsk.ru

Сферы деятельности:

- психологическая поддержка жертв торговли людьми;
- правовая помощь;
- адвокатура;
- исследования по торговле людьми и связанным темам;
- информирование общественности о случаях работорговли.

Центр развития и образования женщин (Мурманск)
Кризисный центр для женщин «Приют»

183050, Мурманск. Ледокольный пер., 31-136

Тел.: (8152) 591-972, (8152) 330-955. Факс: (8152) 591-972, (8152) 233-121

E-mail: irina@womkongr.murmansk.su, krc@unis.ru

Сферы деятельности:

- социальная поддержка женщин – жертв работорговли;
- линия помощи;
- предупреждение и образование;
- лоббирование;
- исследования.

Социально-психологический центр для детей и подростков «Диалог»

664047, Иркутск. ул. Коммунаров, 10, к. 1

Тел.: (3952) 279-959, (3952) 200-213. Факс: (3952) 279-959

E-mail: dialog@dialog.baikal.ru

Сферы деятельности:

- психологическая помощь жертвам насилия;
- правовое консультирование жертв насилия;
- социальная поддержка и помощь жертвам насилия;
- предупреждение насилия;
- предупреждающая программа «Азбука молодой семьи»;
- консультативные услуги семьям.

Иркутский кризисный центр

664033, Иркутск. ул. Лермонтова, 315-10

Тел./факс: (3952) 461-683

E-mail: women@irmail.ru, women@aort.ru

Сферы деятельности:

Основная цель центра – защита прав женщин и детей от любых форм насилия. Центр является членом Российской ассоциации кризисных центров и координатором сети сибирских кризисных центров.

Две горячих линии, обеспечивающих консультирование и информацию.

Информация о работорговле для женщин, находящихся в зоне риска, и членов их семей.

Группа поддержки женщин, подвергшихся насилию. Эти группы дают женщинам шанс обсудить чувства и переживания, а также узнать больше о правовых и социальных услугах, убежищах, а также других ресурсах, доступных им и их семьям.

Индивидуальное консультирование жертв насилия с акцентом на повышение самоуважения и планирование безопасности.

Программа защиты жертв домашнего насилия.

Образование общественности с помощью курсов для профессионалов, студентов и жителей района по вопросам полового насилия, всех форм сексуальной эксплуатации, динамики и диапазона домашнего насилия, а также ресурсах, доступных для поддержки и более эффективного противодействия.

Разработка широкого спектра предупреждающих материалов о домашнем насилии и торговле людьми.

Исследования.

Информирование и обучение общественности по вопросам домашнего и сексуального насилия, а также торговли людьми.

Кризисный центр для женщин ИНГИ

192071, Санкт-Петербург, а/я 72

Тел.: (812) 327-3000. Факс: (812) 273-1214

E-mail: natasha@women.spb.su

Сферы деятельности:

- горячая линия;
- убежище сроком до 1 месяца;
- психологическая и социальная поддержка жертв торговли людьми;
- правовая помощь;
- медицинская и финансовая помощь;
- профессиональное обучение (компьютерные курсы, маркетинг и менеджмент, языковые курсы, повышение уверенности в себе);
- лоббирование;
- исследования;
- предупреждение и образование;
- обучение женщин – жертв насилия организации кризисных центров и предупреждающей деятельности в их собственных городах.

Карельский центр гендерных исследований

185035, Карелия, Петрозаводск, а/я 199. ул. Мережкова, 14, кв.78

Тел.: (8142) 55-07-49. Факс: (8142) 55-70-89

E-mail: larakira@onego.ru, gender@onego.ru

Сферы деятельности:

- правовое консультирование;
- вмешательство в случаях торговли людьми;
- линия помощи для женщин;
- образование и профессиональное обучение;
- повторная помощь;
- гендерные программы, курсы, психологический тренинг, семинары для женщин.

Центр проводит исследования по вопросам торговли людьми и защищает жертв работорговли, распространяет информацию по вопросам работорговли и связанным темам, информирует общественность о подобных случаях, проводит предупреждающие и образовательные кампании, имеется центр документации. Проводит обучение других центров по гендерным вопросам и вопросам насилия над женщинами.

Институт MiraMed

Тел.: (095) 730-0064

E-mail: trafficking@miramed.org

Сферы деятельности:

- предупреждение и обучение;
- распространение информации;
- исследования по торговле женщинами в российских сообществах;
- русскоязычный форум в Интернет по вопросам сексуальной работорговли;
- медицинские кампании в шести регионах России.

Пермский центр против насилия и торговли людьми

614000, Пермь, Главпочтамт, а/я 7015

Тел./факс: (3422) 107-168

E-mail: no-violence@narod.ru

Сферы деятельности:

- правовая помощь;
- психологическая помощь;
- исследования;
- предупреждение и обучение;
- лоббирование.

Санкт-петербургский центр гендерных исследований

195196, Санкт-Петербург, ул. Стахановцев, 13, к. 415-417

Тел.: (812) 445-1248. Факс: (812) 528-1830

E-mail: pcgi@sisters.spb.ru

Сферы деятельности:

- исследования;
- просвещение и образование.

Московский восстановительный центр для жертв сексуального насилия «Сестры»

113035, Москва, а/я 38

Тел./факс: (095) 901-0201

E-mail: syostri@sityline.ru

Сферы деятельности:

- психологическая помощь женщинам – жертвам работорговли или сексуального насилия, в том числе: психологическое консультирование, групповая терапия, группы самоподдержки, семейное консультирование и консультирование детей;
- социальная и правовая помощь женщинам жертвам работорговли или сексуального насилия посредством социальных работников и общественных адвокатов;
- телефонная линия помощи;
- направление к специалистам-медикам и психотерапевтам;
- просвещение по вопросам работорговли или сексуального насилия;
- предупреждение и образование.

Центр «Сестры» проводит исследования по вопросам торговли людьми, а также стремится предупреждать торговлю женщинами и насилие против женщин, распространяя информацию и проводя обучение в школах. Центр проводит обучение специалистов – докторов, сотрудников миграционных служб и милиции, учителей и т. д., а также родителей.

Теплый дом – центр поддержки женщин

Удмуртия, Ижевск, Воткинское шоссе, 110-а

Тел.: (3412) 44-16-35

E-mail: tyoplydom@udm.ru

Сферы деятельности:

Центр начал работу по вопросам торговли людьми недавно, но имеет опыт работы с женщинами – жертвами насилия, а также ресурсы для работы с женщинами – жертвами работорговли. Центр обеспечивает:

- горячую линию;
- правовую помощь;
- психологическую помощь и консультирование;
- исследования по миграции женской рабочей силы и торговли женщинами в регионе;
- привлечение общественного внимания к вопросам торговли женщинами;
- обучение и предупреждение.

Информация для этого списка организаций, борющихся с работорговлей, была предоставлена Программой против торговли людьми CHANGE. Список организаций регулярно обновляется и доступен в Интернет на сайте www.anti-trafficking.org. Вы можете написать или позвонить в CHANGE:

CHANGE,

Room 222, Bon Marche Centre,

241-251 Ferndale Road, London SW9 8BJ

United Kingdom

Tel.: 44(0)20 7733 9928

E-mail: change@sister.com

Приложение 1

ПОЯСНЕНИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ МЕТОДОВ

В академических текстах часто раздел «Методология исследования» помещают после обзора литературы и перед главой, озаглавленной «Результаты». Я решил не следовать этой структуре, чтобы дать возможность проведенным мною исследованиям больше сказать самим за себя. Я надеюсь, что это приложение пояснит методы, которыми я пользовался для сбора информации, приведенной в книге, и уменьшит беспокойство за безопасность моих респондентов.

К настоящему моменту большинство исследований, посвященных рабству, проводились журналистами или правозащитниками. Они проделали замечательную работу, и я постоянно ссылался на их исследования в моей книге. Но они сами первыми признают, что их работам часто недостает объединяющей концептуальной рамки, так же как и времени, необходимого на углубленное изучение социальных и экономических обстоятельств, поддерживающих рабство. Журналисты и правозащитники в основном сосредоточивались на предъявлении обвинений и осуждении нарушений прав человека. Но разглядывание конкретных нарушений закона не дает полной картины рабства. Я думаю, что Ричард А. Фолк был прав, когда писал: «В основном защита прав человека — результат борьбы между противостоящими друг

другу социальными силами и не может быть понята непосредственно как работа законотворчества или рациональное убеждение других»¹. Обычно не хватает более глубокого исследования, которое я постарался провести, подбираясь ближе к деталям индивидуальной жизни и работы рабов.

Пять стран были отобраны для исследования согласно нескольким критериям. Я искал страны, где рабство присутствует в значительном объеме и где можно обнаружить конкретную экономическую деятельность, использующую рабский труд. Мне было важно выбрать страны, демонстрирующие различные типы рабства, варьирующего между старыми и новыми формами. Еще одним критерием отбора являлась возможность доступа (Бирма в настоящее время практически недоступна), как и мое желание исследовать хотя бы одну страну в Новом свете. Поскольку в Пакистане и Индии существует большое число закабаленных работников, я посчитал, что обе страны нужно включить в исследование. Внутри каждой страны я искал регион, где бы существовала конкретная экономическая деятельность, допускающая эффективное изучение. Проституция в Таиланде была выбрана по совету моего коллеги по исследованию доктора Рейчел Харрисон, а также потому, что мне казалось, что читатели могут знать кое-что из историй, опубликованных в прессе. Доставка воды в Мавритании была выбрана после того, как мы начали работу в стране, поскольку мобильный образ жизни водоносов делал их более доступными для нашего исследования. Существовал ряд работ, выполненных на тему обжига древесного угля в Бразилии, и я принял их за основу при разработке моего плана исследования в этой стране. Это же верно и по поводу производства кирпичей в Пакистане, хотя, как я обнаружил, бизнес находится в упадке, и, оглядываясь назад, я думаю, что мог сделать лучший выбор. Древнее и до сих существующее использование кабальных рабочих в сельском хозяйстве Индии сделало эту сферу очевидным объектом изучения, но, опять-таки, возможно, это был не лучший выбор, может быть, было бы более уместно сосредоточиться на небольших индийских производствах, гораздо более тесно слитых с мировой экономикой. Не следует думать, что мною сказано последнее слово по поводу рабства в этих странах, по поводу конкретных экономических предприятий или по поводу социальных отношений, связывающих их. И, разумеется, это исследование не является всесторонним, есть много других стран, которые могут и должны быть изучены. Северная Америка и страны Персидского залива, другие

страны Юго-Восточной Азии и Южной Америки, перевозка рабов практически во все страны развитого мира – особенно в западную Европу, США и Японию – все это требует широкомасштабного и углубленного изучения.

Я решил использовать метод кейс-стади по двум причинам. Во-первых, я последовал совету Роберта К. Йина, специалиста по этой исследовательской технике: «Метод кейс-стади предпочтительнее, когда возникают вопросы «как» и «почему», когда у исследователя мало возможностей управлять событиями, когда исследование фокусируется на современном феномене в контексте реальной жизни»². Работа носила исследовательский характер, поскольку изучение современного рабства практически полностью отсутствует в социальных науках. Эта сфера широко открыта для исследований, однако уже проведенные работы дают не слишком много материала, которым можно руководствоваться. Для разработки новых областей знания обычно используются качественные техники, поэтому для исследования темы, включающей преступление – и, возможно, содержащей некоторую опасность, как для исследователя, так и для объектов исследования, – я полагаю, что менее назойливый метод кейс-стади является самой подходящей методологией. Во-вторых, я выбрал эту технику, поскольку моей целью являлся некоторый сравнительный анализ пяти стран, в которых я собирал информацию. Насколько мне известно, впервые был использован один и тот же список основных исследовательских тем по вопросам рабства для обследования более чем в одном месте (полный список вопросов приводится в этом приложении). Я убежден, что глобальная природа современного рабства требует именно такого подхода. Моей целью было собрать всю возможную информацию о рабстве в каждой стране, так же как и дополнительную информацию о национальной культуре, истории, экономике, которая затем конкретизировалась и иллюстрировалась с использованием кейс-стади конкретной экономической деятельности.

Было бы невозможно реализовать эти задачи без помощи коллег, работавших со мной в каждой стране. На то, чтобы найти и рекрутировать в каждой из пяти стран специалистов с глубоким знанием, опытом работы, исследовательскими навыками, языком, ушло почти два года. Вот их имена: доктор Рейчел Харрисон и Гампол Нираван в Таиланде, Н'Гади Н'ди в Мавритании, Лучиано Падрео в Бразилии, Харис Газдар в Пакистане, Прамод Сингх и доктор Правин Джха в Индии. Я должен сказать, что мне неве-

роятно повезло: каждый из этих исследователей оказался даже лучшим сотрудником, чем я мог ожидать. Каждый из них обеспечил меня огромным количеством информации и оказал мне помощь еще до того, как я приезжал в их страну. Каждый из них открывал мне новую культуру и проявлял большую чуткость, когда мы встречались с закабаленными людьми. В каждой стране я работал с моими коллегами, чтобы найти и проинтервьюировать рабов и рабовладельцев. Иногда я сам проводил интервью, а коллега выступал в качестве переводчика, иногда мои коллеги проводили интервью сами. В каждой стране мы озаботились перевести вопросы заранее, чтобы убедиться, что то, о чем мы спрашиваем, имеет смысл для респондентов.

В каждой стране нашим основным приоритетом была безопасность рабов. Мы спрашивали всех наших респондентов, хотят ли они поговорить с нами, и гарантировали их анонимность. Если кто-то боялся или нервничал, мы шли дальше. У рабов и так достаточно проблем помимо надоедливых исследователей! Я высоко ценю особую заботу, проявленную по отношению к молодым женщинам, которых мы интервьюировали в публичных домах Таиланда, заботу о том, как исследователь-мужчина может установить контакты с ними, а также об их безопасности. Я понимал все эти проблемы. Я должен пояснить, что моим партнером по работе в Таиланде была женщина, обладающая многолетним опытом интервьюирования и работы с занятыми в секс-индустрии. Мы посещали публичные дома под руководством и по рекомендации местных работников, занимающихся СПИДом, которые пользуются доверием этих молодых женщин. Когда у нас была возможность более продолжительной беседы с Шири или другой молодой женщиной, нас сопровождала мать Шири. Большая часть этой информации была собрана во время нашего визита в сельский буддистский храм, после которого состоялся длинный ленч в ресторане на берегу реки. Их имена, как и имена всех рабов в этой книге (за исключением тех, которые мы взяли из опубликованных источников), были изменены. Я должен признаться, что был не всегда до конца искренним с рабовладельцами. В Пакистане, например, мы представлялись владельцам печей как исследователи, изучающие малый бизнес, и то, как он сочетается с экономикой страны: это было правдой, только неполной. В Индии я обнаружил, что факт моего проживания в юности в сельской местности очень помогает установить доброжелательный контакт с землевладельцами. Задавая им вопросы об урожае

зерна, сельскохозяйственных сезонах, технике всполья, горючем и стоимости семян, типах удобрений и расходах, расспрашивая о животных, я очень скоро обнаруживал, что землевладельцы затрагивают сферу, которой я сам не касался: рабочая сила, в частности кабальная рабочая сила. Мне это исследование дало невероятный опыт, который добавил новую глубину к моему более чем двадцатилетнему опыту занятий социальными исследованиями.

Далее приводится список вопросов гайда, на которые я пытался получить ответы в каждой изучаемой стране. Не все вопросы применимы к каждой стране, но мы пытались найти межстрановые эквиваленты. Конечно, теперь, когда исследование закончено, я думаю, что мог опустить некоторые вопросы, а другие бы добавил. Вы заметите, что в списке много вопросов о точных деталях тех сфер деятельности, которые я изучал. Исследование дало гораздо больше информации по этой теме, чем я включил в книгу. Мой редактор убедил меня, что эти детали находятся вне сферы интересов большинства читателей и, немного отдалившись от материала, я понимаю, что это верно – но если кто-нибудь захочет открыть печь по обжигу кирпичей, я готов дать ему ценные рекомендации.

Вопросы исследования

Демографические переменные.

Для каждой единицы исследования (то есть фермы, публично-го дома, печи по обжигу кирпичей или другой конкретной единицы «производства»):

1. Размер

Как много рабов/кабальных работников удерживается внутри единицы исследования (печи/фабрики/борделя/фермы и т. д.)?

Какова эта единица в сравнении с другими того же типа в этом же регионе в терминах общего числа «занятых» и объема произведенной продукции?

Это большая, маленькая или средняя единица в сравнении с другими аналогичными?

Каков разброс размеров подобных единиц в данном регионе?

Отличаются ли единицы данного региона по размеру от аналогичных в других регионах?

2. Степень закабаления

Какая доля местных работников в данной отрасли закабалена?

Какова численность рабочей силы в целом в данном конкретном регионе?

Каков размер ближайшего населенного пункта (деревни/города/района)?

Каковы оценки количества закабаленных работников в данном регионе?

3. Половозрастные различия

Каково соотношение мужчин/женщин среди закабаленных работников в данной единице исследования?

Какова доля детей, каковы возрастные категории?

Делится ли работа на мужскую и женскую?

Существует ли разделение задач? (Иными словами, если конечный «продукт» требует нескольких шагов или стадий в своем производстве, делится ли работа между различными группами – мужчинами, женщинами, детьми?)

Содержатся ли закабаленные рабочие индивидуально или семьями?

4. Этнические различия

Какова этническая принадлежность рабов?

Принадлежат ли рабы и рабовладельцы к одной или разным этническим группам?

Существуют ли этнические различия между рабами и прочими, вовлеченными в рабство (то есть сообществом вокруг единицы исследования), или теми, кто пользуется его результатами (например, посетителями публичных домов)?

Есть ли история доминирования одной из этих групп над другой?

5. Религиозные различия

Существуют ли религиозные различия между рабами и работодателями и/или между рабами и потребителями произведенной рабами продукции?

Какова природа религиозности всех участников ситуации? Иными словами, каков религиозный контекст в данной деревне/городе/стране – господствующая религия, постоянные практики, институт религиозного права?

6. География рабства

Очаги рабства расположены в основном в сельских или городских поселениях, или в равной степени в обоих типах поселений?

Изолированы ли они географически или как-либо иначе?

Есть ли тенденция к существованию очагов рабства в местах, где не распространены современные нормы и ценности?

Известно ли местным жителям о существовании рабства в этом регионе?

Известен ли этот факт местному/национальному правительству?

7. Влияние на рабов

Как закабаление влияет на продолжительность жизни?

Наносит ли процесс производства какой-нибудь особый вред здоровью?

В каком возрасте обычно рабы не в состоянии продолжать работу и что с ними после этого происходит?

8. Рабовладельцы

Кто они: возраст, пол, уровень образования, социальный класс/каста?

Какое место в обществе/местном сообществе они занимают? Какова их роль?

Как долго они живут в данном месте?

Есть ли у них другая работа/предприятия?

Перешло ли к ним владение рабами по наследству?

Почему именно они стали рабовладельцами, если другие люди с аналогичными позициями не являются таковыми?

Если бы они не были рабовладельцами, что бы они делали?
Как они объясняют/объяснили бы свое владение работниками?

Формы и процессы

1. Экономика рабства

Какой капитал нужен, чтобы начать данную форму производства?

Подробности накладных расходов:

Какова цена раба?

Какие дополнительные расходы возникают при покупке/займе?

Сколько стоит содержание раба?

Какую ренту платит рабовладелец?

Какие еще существуют расходы, связанные с рабочей силой?

Какова цена необходимого сырья?

Какова цена легитимизирующих механизмов, придающих рабству видимость законности?

Какого рода разрешения, взятки и т.д. необходимы, чтобы начать и поддерживать производство/деятельность?

Какие еще нужны работники, кроме рабов, и сколько им платят?

Какова цена свободных рабочих, если их нанять для выполнения той же работы, которую делают рабы?

Каков примерный общий оборот?

Какую прибыль получает владелец?

С какого рода конкуренцией сталкивается владелец?

Рынок данного продукта или услуг сокращается или растет?

Платят ли работодатели какие-нибудь налоги/взятки?

Существует ли возможность замены рабского труда механизированным?

Является ли рассматриваемая единица частью официальной или неформальной экономики?

Если данный продукт производится также механизированным способом, предназначен ли «механизированный» продукт для других рынков?

Становится ли «механизированный» продукт более дешевым?

Каковы препятствия для механизации?

2. Прибыль на вложения

Какова прибыль от производства с использованием рабского труда по сравнению с прибылью от производства с участием оплачиваемых рабочих? Существуют ли какие-либо другие способы для рабовладельца инвестировать свой капитал?

Если так, будут ли рабовладельцы вкладывать свои деньги куда-нибудь еще, если им представится шанс?

Есть ли у них такой шанс?

Насколько жестко рабовладельцы связаны с деятельностью, где используется рабский труд?

Могут ли они легко и с выгодой перейти к другим способам инвестирования – или они слишком привязаны к рабовладению?

3. Экономические показатели

Каковы уровень зарплат и стоимость жизни в данном регионе?

Каковы абсолютный и относительный уровень бедности?

Какой размер дохода обеспечивает физическое выживание?

Каков уровень инфляции?

Как меняется местная экономика?

Каков уровень безработицы?

4. Процессы работы и производства

Как описывается полный производственный цикл?

Какая часть работы внутри этой сферы производства выполняется рабами?

Является ли работа сезонной?

Это верхний или нижний край номенклатуры данного товара? (Иными словами, это высококачественный и дорогой товар или низкого качества и дешевый, если сравнивать с соответствующими продуктами, произведенными не рабами на этом же рынке?)

Является ли продукт, произведенный рабами, элементом более сложной продукции? (То есть, продукт закончен и готов к продаже/использованию или требует дальнейшей обработки перед продажей/использованием; по отношению к услугам – это окончательная услуга или часть более сложного/длительного обслуживания?)

Является ли рынок данного продукта местным, национальным или международным?

Через сколько процессов/шагов должен пройти этот продукт, прежде чем он достигнет своего окончательного пользователя?

5. Потребительский выбор

Кто конечный потребитель продукции?

Каковы товары/услуги, произведенные рабами, по сравнению с товарами/услугами, произведенными не рабами?

Если пользователи решат не пользоваться продукцией, произведенной рабами, каким будет иной источник производства этой продукции и какова ценовая разница?

6. Процесс закабаления

Каков путь закабаления – долг, обман, использование контрактов, насилие? Или их комбинация?

Какова типовая история закабаления в данной ситуации?

Существуют ли легитимизирующие социальные, культурные или юридические механизмы? Если да, то какие?

Можно ли скопировать/переписать какой-нибудь контракт или долговое обязательство?

Каковы исходные позиции сторон при заключении контракта между потенциальным рабом и рабовладельцем?

Как установлен контакт с потенциальным рабом?

Каковы факторы, которые могут втянуть или втолкнуть потенциального раба в рабство – социальные, экономические, семейные, культурные? (Что именно предлагает рабовладелец, что втягивает раба в эти отношения?)

Какие обстоятельства жизни потенциального раба подталкивают его к кабале?

Что делает рабов уязвимыми для закабаления?

Какие альтернативы закабалению существуют для рабов?

Как они могли бы выжить, если бы не закабаление?

Как была скреплена сделка?

В каком пункте договор неотменяем?

Договор неотменяем на самом деле или только в восприятии раба?

Оказавшись закабаленными, будут ли рабы удерживаться лицом, закабалившим их, или они будут проданы?

Рабовладелец является поставщиком, посредником или сам использует рабов?

Что происходит, прежде чем рабы придут на место, где окончательно останутся?

Когда они там окажутся, продадут ли их позже?

Что делает рабов привлекательными для рабовладельца – какими качествами должны обладать рабы?

Закабаляются ли рабы для выполнения конкретной работы?

Могут ли рабы в какой-то момент быть переведены на другую работу?

7. Отношения

Как сам закабаленный работник видит ситуацию, в которой он оказался?

Меняется ли это видение на разных этапах развития отношений?

Каковы социальные связи между рабом и рабовладельцем? (Иными словами, как они воспринимаются каждым из них и людьми вокруг?)

Пытаются ли люди, закабаляющие других, оправдать рабство – перед собой, перед окружением, перед правительством? Как?

Каковы основания контроля над рабом? Каким образом используется насилие?

Какое социальное или психологическое насилие может быть использовано для контроля над рабом?

Какие социальные механизмы, кроме насилия, связывают раба и рабовладельца?

Какова роль правительства в закабалении?

Поддерживаются ли отношения рабства местными силовыми структурами?

Есть ли у рабов какая-либо возможность освобождения? Если да, то какая?

Если кто-либо прежде был рабом, то влияет ли это на его дальнейшую работу?

Остается ли бывший раб социально клейменным или отмеченным каким-либо иным образом?

8. Дети рабов

Что происходит с детьми рабов?

Какой контроль есть у рабов над своими потомками?

Дети рабов – помощь им или помеха?

Дети уменьшают или увеличивают ценность раба в глазах рабовладельца?

Есть ли у рабов хоть какая-то возможность влиять на жизнь своих потомков?

9. Необходимые предварительные условия

Можно ли сказать, что насилие или угроза его использования не являются монополией государства в данном районе/регионе/стране? (Иными словами, есть ли возможность у людей, обладающих властью и оружием, использовать их, не боясь вмешательства государства, в частности, для поимки и/или удержания рабов?)

Существуют ли социальные нормы, которые обосновывают или разрешают закабаление (по крайней мере для рабовладельцев и тех, кто непосредственно потребляет товары и услуги, произведенные рабами?)

Каков механизм легитимизации, который позволяет скрыть рабство, официально являющееся незаконным?

Приложение 2

Выдержки из международных соглашений по рабству

КОНВЕНЦИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО РАБСТВА от 25 сентября 1926 г. с изменениями, внесенными протоколом от 7 декабря 1953 г.

<...>

Статья 1

В целях настоящей Конвенции понимается, что:

1. Рабство есть состояние или положение человека, над которым осуществляются атрибуты права собственности или некоторые из них.
2. Торговля невольниками включает всякий акт захвата, приобретения или уступки человека с целью продажи его в рабство; всякий акт приобретения невольника с целью продажи его или обмена; всякий акт уступки путем продажи или обмена невольника, приобретенного с целью продажи или обмена, равно как и вообще всякий акт торговли или перевозки невольников.

Статья 2

Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются, поскольку они еще не приняли необходимых мер, и каждая в отношении территорий, находящихся под ее суверенитетом, юрисдикцией, покровительством, сюзеренитетом или опекой:

- а) предотвращать и пресекать торговлю невольниками;
- б) продолжать добиваться постепенно и в возможно короткий срок полной отмены рабства во всех его формах.

Статья 3

Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются принять все соответствующие меры для предотвращения и прекращения погрузки, выгрузки и перевозки невольников в своих территориальных водах, равно как и вообще на всех судах, носящих их национальные флаги. <...>

<...>

ВСЕОБЩАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА от 10 декабря 1948 г.

<...>

Статья 1

Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства. <...>

<...>

Статья 4

Никто не должен содержаться в рабстве или подневольном состоянии; рабство и работорговля запрещаются во всех их видах.

<...>

Статья 23

1. Каждый человек имеет право на труд, на свободный выбор работы, на справедливые и благоприятные условия труда и на защиту от безработицы.

<...>

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ КОНВЕНЦИЯ ОБ УПРАЗДНЕНИИ РАБСТВА, РАБОТОРГОВЛИ И ИНСТИТУТОВ И ОБЫЧАЕВ, СХОДНЫХ С РАБСТВОМ от 7 сентября 1956 г.

<...>

Раздел I. ИНСТИТУТЫ И ОБЫЧАИ, СХОДНЫЕ С РАБСТВОМ

Статья 1

Каждое из участвующих в настоящей Конвенции государств принимает все возможные и необходимые законодательные и иные меры к тому, чтобы осуществить постепенно и в кратчайший по возможности срок полную отмену или упразднение нижеследующих институтов и обычаев, где они еще существуют, и независимо от того, охватываются ли они или не охватываются определением рабства, содержащимся в статье 1 Конвенции о рабстве, подписанной в Женеве 25 сентября 1926 года:

а) долговой кабалы, то есть положения или состояния, возникающего вследствие залога должником в обеспечение долга своего личного труда или труда зависимого от него лица, если надлежаще определяемая ценность выполняемой работы не засчитывается в погашение долга или если продолжительность этой работы не ограничена и характер ее не определен;

б) крепостного состояния, то есть такого пользования землей, при котором пользователь обязан по закону, обычаю или соглашению жить и работать на земле, принадлежащей другому лицу, и выполнять определенную работу для такого другого лица, или за вознаграждение или без такового, и не может изменить это свое состояние;

с) любого института или обычая, в силу которых

i) женщину обещают выдать или выдают замуж, без права отказа с ее стороны, ее родители, опекун, семья или любое другое лицо или группа лиц за вознаграждение деньгами или натурой;

ii) муж женщины, его семья или его клан имеет право передать ее другому лицу за вознаграждение или иным образом; или

iii) женщина по смерти мужа передается по наследству другому лицу;

d) любого института или обычая, в силу которого ребенок или подросток моложе 18 лет передается одним или обоими своими родителями или своим опекуном другому лицу, за вознаграждение или без такового, с целью эксплуатации этого ребенка или подростка или его труда.

Статья 2

Чтобы положить конец институтам и обычаям, упомянутым в пункте «с» статьи 1 настоящей Конвенции, участвующие в ней государства обязуются установить, где надлежит, соответствующий минимальный брачный возраст и поощрять установление порядка, при котором обеспечивается свободное изъявление обеими сторонами согласия на вступление в брак в присутствии компетентного гражданского должностного лица или служителя культа, а также поощрять регистрацию браков.

Раздел II. РАБОТОРГОВЛЯ

Статья 3

1. Перевозка или попытка перевозки рабов из одной страны в другую какими бы то ни было транспортными средствами или соучастие в таковых считается уголовным преступлением по законам участвующих в настоящей Конвенции государств, и лица, признанные виновными в этих преступлениях, подлежат суровым наказаниям.

2. а) Участвующие в настоящей Конвенции государства принимают все эффективные меры для воспрепятствования тому, чтобы суда и летательные аппараты, законно пользующиеся их флагом, перевозили рабов, и для наказания лиц, виновных в таких деяниях или в использовании государственного флага для этой цели.

б) Участвующие в настоящей Конвенции государства принимают все эффективные меры для воспрепятствования тому, чтобы их порты, аэродромы и побережья использовались для перевозки рабов.

3. Участвующие в настоящей Конвенции государства обмениваются информацией с целью обеспечения практической координации принимаемых ими в борьбе с работорговлей мер и уведомляют друг друга о каждом случае

работоторговли и о каждой попытке совершить такое преступление, о которых им стало известно.

Статья 4

Раб, нашедший убежище на судне участвующего в настоящей Конвенции государства, ipso facto становится свободным.

Раздел III. РАБСТВО И ИНСТИТУТЫ И ОБЫЧАИ, СХОДНЫЕ С РАБСТВОМ

Статья 5

В стране, где рабство или институты или обычаи, упомянутые в статье 1 настоящей Конвенции, еще не отменены или не упразднены полностью, искалечение, клеймение выжиганием или иным способом раба или лица в подневольном состоянии, чтобы отметить такое его состояние, или с целью наказания, или по какой-либо иной причине, а равно и соучастие в таких действиях, считается уголовным преступлением по законам участвующих в настоящей Конвенции государств, и признанные виновными в таких преступлениях лица подлежат наказанию.

Статья 6

1. Обращение другого лица в рабство, или склонение другого лица к отдаче себя или лица, зависимого от этого другого лица, в рабство, или покушение на совершение таких действий, или соучастие в них, или участие в тайном сговоре для совершения любого из этих действий считается уголовным преступлением по законам участвующих в настоящей Конвенции государств, и лица, признанные виновными в нем, подлежат наказанию.

2. С соблюдением положений вступительной части статьи 1 настоящей Конвенции, положения пункта 1 настоящей статьи применяются также к случаям склонения другого лица к отдаче себя или лица, зависимого от этого другого лица, в подневольное состояние, являющееся результатом институтов или обычаев, упомянутых в статье 1, ко всякому покушению на совершение такого преступления, к соучастию в нем или участию в тайном сговоре для совершения любого из этих преступлений.

Раздел IV. ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Статья 7

В настоящей Конвенции

а) под «рабством», как оно определено в Конвенции 1926 года о рабстве, понимается положение или состояние лица, в отношении которого осуществляются некоторые или все правомочия, присущие праву собственности, а под «рабом» понимается лицо, находящееся в таком состоянии или положении;

б) под «лицом в подневольном состоянии» понимается лицо, находящееся в состоянии или положении, создавшемся в результате институтов или обычаев, упомянутых в статье 1 настоящей Конвенции;

с) под «работоторговлей» понимаются и в нее включаются все действия, связанные с захватом, приобретением какого-либо лица или с распоряжением им с целью обращения его в рабство; все действия, связанные с приобретением раба с целью его продажи или обмена; все действия по продаже или обмену лица, приобретенного с этой целью, и вообще всякое действие по торговле или перевозке рабов какими бы то ни было транспортными средствами.

<...>

Тексты документов приведены по книге: Международная защита прав и свобод человека: сборник документов. М.: Юридическая литература, 1990.

Примечания

Глава первая

¹ Цит. по: Sutton Alison. Slavery in Brazil: A Link in the Chain of Modernization. L.: Anti-Slavery International, 1994. P. 102.

² Из письма, переданного исследователям SEICOM (Secretaria de Industria, Comercio e Mineracao do Estrado do Para) и опубликованного в 1992 году Ритой Марией Подригес (Rita Maria Rodrigues) в книге «As Mulheres do Ouro: A Forca de Trabalho Feminino nos Garimpos do Tapajos» (Belem: SEICOM, 1992). Цит. по: Sutton Alison (см. прим. 1) P. 97.

³ Цит. по: Brandford Sue. Brazilian Congress Tells of Half-Million Child Prostitutes / Gardian, 29 June 1993. P. 12.

⁴ Слово slave – *раб* произошло от слова Slav (Slavic people – славяне), пришедшего в средневековый английский из французского, от старого слова eslave и средневекового латинского slavus, slava – славянские пленники. Оно восходит к временам Рима, когда германские племена поставляли на рынки Европы захваченных в плен славян (см. Meltzer Milton. Slavery: A World history. N.-Y.: De Capo Press, 1993. P. 1–6. Орlando Паттерсон дает следующее определение рабства, которое он употребляет по отношению к примерам исторического рабства, делая акцент на «социальной смерти» раба: «...рабство – это постоянное и насильственное господство над людьми, лишенными даже права быть членом семьи и иметь имя и чья социальная позиция не отмечена никакой властью или престижем» (Patterson Orlando. Slavery and Social Death. Cambridge: Harvard University Press, 1982. P. 13). Это определение может помочь нам понять рабство прошлого, но оно кажется менее полезным при анализе современного рабства. Для целей проведения исследования о современном рабстве полезнее оказывается трехфасетная классификация, данная Дэвидом Беллом (Bell David V. I. Power, Influence, and Authority. N.-Y.: Oxford University Press, 1975. P. 26): «Первый фасет – социальный, он касается использования угрозы насилия для обеспечения контроля одного человека над другим. Второй фасет – психологический аспект влияния, связанный со способностью убедить другого изменить способ, которым тот осознает свои интересы и обстоятельства. И третий – культурный аспект ав-

торитета, «способ превращения силы в право и следование обязанностям», который, согласно Жан-Жаку Руссо, власть имущие полагают необходимым, чтобы «обеспечить им незыблемое господство» (С. 2). Принудительное господство рабовладельцев и отношение этого господства к принудительной власти государства — важнейший вопрос рабства. Можно считать, что Карл Маркс определил рабство с экономических позиций, но на самом деле он называл рабство «отношениями господства» (*Grundrisse: Основания критики политической экономики*, пер. Мартина Николаса. Harmondsworth: Penguin, 1973. С. 325–326). И хотя многие комментаторы относят рабство к докапиталистическим сумеркам, сам Маркс рассматривал рабство как современную ему реальность, требующую тщательно-го социального и экономического анализа. Я сам определяю раба как «человека, закабаленного силой или угрозой применения силы в целях экономической эксплуатации». Я понимаю, что это определение крайне общее, но мне кажется, что любое работающее определение должно оставаться общим, чтобы охватывать разнообразие различных форм рабства.

⁵ См., например, Quarles Benjamin. *The Negro in the American Revolution*. Chapel Hill, University of North Carolina Press, 1961; Williamsburg, Va, Davis David Brion. *The Problem of Slavery in the Age of Revolution, 1770–1823*. Ithaca, Cornell University Press, 1975.

⁶ Великолепный обзор ранней истории рабства можно найти в книге Мелтцера (см. прим. 4).

⁷ William Greider. *One World, Ready or Not: The Maniac Logic of Global Capitalism*. N.-Y.: Simon and Schuster, 1997. P. 37.

⁸ Существует обширная литература по экономической истории рабства в Соединенных Штатах, см., например, Roger L. Ransom. *Conflict and compromise: The Political Economy of Slavery, Emancipation, and the American Civil War*. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.

⁹ См. Eugene Genovese. *Roll, Jordan, Roll: The World the Slaves Made*. N.Y.: Vintage, 1976. P. 416, 420.

¹⁰ См. Ted C. Fishman. *The Joys of Global Investment*, Harpers, February 1997. P. 35–44.

¹¹ Больше на эту тему можно прочесть в материалах UNICEF, *State of the World's Children*, 1997. Oxford: Oxford University Press, 1997 или в Restavecs: *Child Labor in Haiti*, отчет юристов Миннесоты (University of Minnesota, August 1990).

¹² *The Forgotten Slaves: Report on a Mission to Investigate the Girl-Child Slaves of West Africa*. Melbourne: Anti-Slavery Society of Australia, 1996. Также см.: Howard W. French. *The Ritual Slaves of Ghana: Young and Female*, New York Times, 20 January 1997, p. A1, A5.

¹³ *The Game's Up*. London: Children's Society, 1996; см. также Maggie O'Kane. *Death of Innocence*, Guardian, 12 February 1996, sec. G2. p. 2–3.

¹⁴ Steven Greenhouse. *Three Plead Guilty to Enslaving Migrant Workers in South Carolina*, New York Times, 8 May 1997, sec. A, p. 20; Carey Goldberg. *Sex Slavery, Thailand to New York*, New York Times, 11 September 1995, sec. B, p. 1. См.

также Ky Henderson. *The New Slavery*. Human Rights 24, no. 4, (fall 1997); доступна в INTERNET: <http://www.abanet.org/irr/hr/kyslave.html> (12 октября 1998).

¹⁵ Британский департамент торговли и промышленности. Статистика внешней торговли Великобритании, London: H. M. Stationery Office, 1997; Исследовательский отдел Экономиста «Прогноз развития Бразилии, третий квартал 1997», ред. Graham Stock, London: EIU, 1997.

¹⁶ См. Roger L. Ransom (см. прим. 8). P. 41–81.

¹⁷ Roger Plant. *Sugar and Modern Slavery: A Tale of Two Countries*. London: Zed Books, 1987; см. также Mary Jane Camejo. *A Troubled Year: Haitians in the Dominican Republic*. отчет Американских наблюдателей, N.Y.: Americas Watch and the National Coalition for Haitian Refugees, 1992.

¹⁸ Arthur Leathly. Party to Debate Claims That Britain Is a 'Slave Haven'. *Times* (London), 23 September 1996, p. 8; Girls in the Slave Trade. *Gardian*, 26 February 1996, sec. G2, p. 6

¹⁹ Bridget Anderson. *Britain's Secret Slaves: An Investigation into the Plight of Overseas Domestic Workers*. London: Anti-Slavery International, 1993. P. 47/

²⁰ Там же: P. 68.

²¹ Eugene Genovese (см. прим. 9). P. 30–48.

²² См. соответствующие соглашения ООН: Соглашение по рабству от 25 сентября 1926 года, статья 46, 2183, 60 L.N.T.S. 253; Протокол поправки к Соглашению о рабстве от 7 декабря 1953 года, 212 U.N.T.S. 17; Дополнительная конвенция об упразднении рабства, работорговли и институтов и обычаев, сходных с рабством от 7 сентября 1956 года, 18 U.S.T. 3201, T.I.A.S. No 6418, 266 U.N.T.S. 3; Соглашение ILO (No 29) о насильственных или принудительных работах от 10 июня 1930, 39 U.N.T.S. 55; Соглашение ILO (No 105) о запрете принудительного труда от 25 июня 1957 года, 320 U.N.T.S. 291. В приложении 2 приводится подборка соответствующих соглашений ООН по рабству и долговому закабалению.

Глава вторая

¹ Шири – конечно, псевдоним. Имена всех респондентов были изменены в целях их защиты. Описание методов опроса и защиты респондентов даны в Приложение I «Методы исследования». Интервью происходили в декабре 1996 года.

² I. B. Horner. *Women under Primitive Buddhism*. London: Routledge, 1930. P. 43.

³ *Caught in Modern Slavery: Tourism and Child Prostitution in Thailand*. Отчет, подготовленный Sudarat Sereewat-Srisang для Экуменического совета в Чианг Май в мае 1990.

⁴ Обменный курс валют постоянно меняется. Если нет специальных оговорок, обменный курс всех валют приведен на момент проведения исследования.

⁵ Из интервью, проведенных Human Rights Watch с детьми, вовлеченными в проституцию в Таиланде, которые были освобождены и помещены в убежища. По отчету Jasmin Caye. *Preliminary Survey on Regional Child Trafficking for Prostitution in Thailand*. Bangkok: Center for the Protection of Children Rights [CPCR] (Центр защиты прав детей), 1996. P. 25.

⁶ Фаис сказал мне, что просто невозможно, чтобы мужчина с положением или политик не имел бы по крайней мере одной любовницы. Когда я в последний раз был в Таиланде, публика очень веселилась по поводу столкновения жены и любовницы высокого правительственного чиновника, пережившего сердечный приступ у дверей больничной палаты, которую дамы по очереди блокировали.

⁷ См. Mark VanLandingham, Chanpen Caengtienchai, John Knodel, Anthony Pramualratana. *Friends, Wives, and Extramarital Sex in Thailand*. Bangkok: Institute of Population Studies, Chulalongkorn University, 1995. P. 9–25.

⁸ Там же: P. 53.

⁹ Там же: P. 34. «Несколько проинтервьюированных женщин высказали готовность принять использование мужем коммерческих сексуальных услуг, поскольку они видят в этом альтернативу младшей жене или любовнице, которые воспринимаются ими как гораздо более серьезная угроза финансовой и эмоциональной безопасности их брака.

¹⁰ Там же: P. 18

¹¹ См. Pasuk Phongpaichit, Chris Baker. *Thailand's Boom*. Chiang Mai: Silkworm books, 1996. P. 51–54.

¹² Mechai Veravadya, address to the International Conference on HIV/AIDS. Chiang Mai, сентябрь 1995. См. также: Gordon Fairclough, «Gathering Storm». *Far East Review*, 21 September 1995, p. 26–30.

¹³ Личный разговор, декабрь 1996.

¹⁴ R. D. Laing. *The Politics of Experience*. Harmondsworth: Pinguin, 1967. P. 95.

¹⁵ Чун Липай цитируется по PM Gives Himself 3-Month Deadline to Curb Child Sex. *Nation*, 14 November 1992. p. 3.

¹⁶ Растущая вовлеченность полиции обсуждалась как в интервью социальных работников, занимающихся СПИД'ом, так и в материале *A Modern Form of Slavery: Trafficking of Burmese Women and Girls into Brothels in Thailand*. Asia Watch/Women's Rights Project, N.Y.: Human Rights Watch, 1993. P. 84–96.

¹⁷ Ведущие газеты Таиланда играют важную роль в поддержании общественного внимания к этому событию. См., например, *Mystery surrounds the Death of a Prostitute in Songkhla*. Bangkok Post, 8 November 1992; *Police Have Strong Evidence in Prostitute Murder Case*. Bangkok Post, 2 December 1992, p. 5.

¹⁸ 20 Songkhla Policemen Transferred. *Nation*, 9 March 1993. p. 8.

¹⁹ См. прим. 16. *A Modern Form of Slavery*. P. 3.

²⁰ Ranong Brothel Raids Net 148 Burmese Girls. *Nation*, 16 июля 1993, p. 12.

²¹ См. прим. 16. *A Modern Form of Slavery*. P. 112.

²² См. *International Report on Trafficking in Women (Asia-Pacific Region)*. Bangkok: Global Alliance Against Traffic in Women [GAATW], 1996; Sudarat Sereewat, *Prostitution: Thai-European Connection*. Geneva: Commission on the Churches' Participation in Development, World Council of Churches, n.d. Женские организации и организации против поставок женщин в Таиланде также опубликовали ряд личных отчетов женщин, закабаленных в качестве проституток и проданных в другие страны. Их эмоциональные рассказы широко распространя-

лись в надежде предостеречь молодых женщин от угрозы закабаления. Хорошими примерами являются публикации Siriporn Skrobaneck. *The Dairy of Prang*. Bangkok: Foundation for Women, 1994 и White Ink (pseud.) *Our Lives, Our Stories*. Bangkok: Foundation for Women, 1995. Они повествуют о жизни женщин, вывезенных сначала в Германию, а затем в Японию.

²³ Carey Goldberg. Sex Slavery, Thailand to New York. *New York Times*, 11 September 1995, sec.B, p. 1.

²⁴ Там же

²⁵ Chavalit Wants All Brothels Closed. *Bangkok Post*, 7 November 1992, p. 1.

²⁶ Отчет Координационного центра по предупреждению детской проституции и борьбе с жестоким обращением с детьми на работе: Подразделение по борьбе с преступностью (Тайская национальная полиция), Bangkok, 1995.

²⁷ Полковник Сурасак дал интервью представителю «Азиатского наблюдателя», которое приводится в *A Modern Form of Slavery* (см. прим. 16). P. 84.

²⁸ См. *A Modern Form of Slavery* (прим. 16). P. 153–157.

²⁹ Цитируется по Thanh-Dam Truong. *Sex, Morality, and Money: Prostitution and Tourism in Southeast Asia*. London: Zed Books, 1990. P. 179.

³⁰ Центр защиты прав детей. *Case Study Report on Commercial Sexual Exploitation of Children in Thailand*. Bangkok, October 1996, p. 37.

³¹ Цитируется по S. D. Bamber, K. J. Hewison, and J. Underwood, *A History of Sexually Transmitted Diseases in Thailand: Policy and Politics*. *Geenitourinary Medicine*, 69, no. 2, (1993). P. 150–151.

³² Брошюры цитируются по Thanh-Dam Truong (см. прим. 29). P.178.

³³ Pasuk Phongpaichit, Chris Baker. (см. прим. 11). P. 237.

Глава третья

¹ Истории Темразгин минт М'Барех и Фатимы минт Сулейман взяты из Note D'Information Sur L'Esclavage en Mauritanie. Nouakchott: SOS Esclaves, 1995. P. 13–14.

² David Hecht. Where African Slavery Still Exists in the Eyes of Many. *Christian Science Monitor*, 13 February 1997, p. 6.

³ Этот и прочие примеры в этом параграфе, взятые из 70-й главы Корана, упомянуты в работе John Mercer. *Slavery in Mauritania Today*. London: Anti-Slavery International, 1981. P. 29–30.

⁴ Министерство внутренних дел осуществляет предварительную цензуру всех газет, и Закон о прессе позволяет министру внутренних дел полностью закрыть издание. Учитывая низкий уровень грамотности, радио, возможно, является наиболее важным средством общения с аудиторией. Все радио- и телестанции, так же, как и две основные газеты, принадлежат правительству и им управляются.

⁵ Fred Saint-James. 50 Millions d'esclaves dans le monde. *Paris Match*, 11 April 1986, p. 3–9, 88; quotation 7.

⁶ Richard Thrillo and Jim Hudgens. «Mauritania» в *West Africa: The Rough Guide*, 2nd ed., London: Penguin, 1995. P. 92.

⁷ Справочник по мировой экономике, London: Euromonitor, 1994. P. 294–295.*
 Note D'Information Sur L'Esclavage en Mauritanie. P. 5–6 (см. прим. 1).

⁹ Цитируется по Slavery in Mauritania Today (см. прим. 3), изложено Бубакаром Мессудом, президентом организации «SOS рабов», Рабочей группе по современным формам рабства Подкомиссии по предупреждению дискриминации и защите меньшинств Комиссии по правам человека ООН, Женева, 21 июня 1996.

¹⁰ Темразгин минт М'Барек дала интервью 12 июля 1995, приведено в Note D'Information Sur L'Esclavage en Mauritanie (см. прим. 1). P. 14.

¹¹ См. Richard Thrillo and Jim Hudgens (прим. 6). P. 112.

¹² Human Rights Report for Mauritania. Washington, D. C.: Department of State, 1996. P. 14. Этот документ был мне предоставлен посольством США в Нуакшоте.

Глава четвертая

¹ Alison Sutton. Slavery in Brazil: A Link in the Chain of Modernisation. London: Anti-Slavery International, 1994. P. 34.

² David Cleary, Dilwyn Jenkins, Oliver Marshall, and Jim Hine, Brazil: The Rough Guide. London: Penguin, 1997. P. 133.

³ Из интервью, проведенного Элисоном Саттоном в Пауи в апреле 1992, см. прим. 1. С. 34.

⁴ Jose de Souza Martins. Escravidao Hoje no Brasil. Folha de Sao Paulo, 13 мая 1986. P. 7.

⁵ К 1996 году около 10 000 человек, включая женщин и детей, содержались примерно в 200 лагерях угольщиков в Мату-Гросу. (Важно помнить, что я сосредоточился в своем исследовании на трех графствах штата Мату-Гросу: 10 000 человек, содержащихся там, лишь часть тех, кто попал в долговое рабство в Бразилии.)

⁶ Working Conditions That Amount to Slavery. Correspondent, BBC 2, 23 августа 1995 (репортером в Бразилии был Жюльен Петтифор); Diana Jean Schemo. Of Modern Bondage – Special Report: Brazilians Chained to Job, and Desperate. New York Times, 10 August 1995, p. A1, A6.

⁷ Министр сельского хозяйства штата Мату-Гросу Рибас-ду-Рио-Парду цитировался в местной прессе в марте 1992, приводится по: Alison Sutton (см. прим. 1). P. 73.

* Прим. 1. P. 144.

Глава пятая

¹ Cassandra Balchin. Slavery in Pakistan, I – How the Other Half Dies. Nation, 5 September 1988, p. 1.

² Farhad Karim. Contemporary Forms of Slavery in Pakistan. London: Human Rights Watch, 1995. P. 38.

³ Цитируется по Cassandra Balchin. Slavery in Pakistan, II – Exploitation All the Way. Nation, 6 September 1988. P. 24.

⁴ Приставку «шейх» получали новообращенные индусы, принимавшие ислам.

⁵ Там же.

⁶ Цитируется по Cassandra Balchin. Slavery in Pakistan, III – Official Apathy. Nation, 8 September 1988. P. 1.

⁷ См. Human Rights Commission of Pakistan. State of Human Wrights in Pakistan in 1996. Lahore: HRCP, 1996. P. 84.

⁸ Там же: P. 85.

⁹ Там же: P. 77.

¹⁰ Там же: P. 123.

¹¹ Там же: P. 54.

¹² Информация о Верховном суде и связанных случаях взята из All Pakistan Legal Decisions. Vol. 42, 1990, Darshan Masih v. State (Muhammad Afzal Zullah, J.) PLD, 1990, Supreme Court 513 и All Pakistan Legal Decisions. Vol. 44, 1992 (6), General Statutes.

¹³ См. Human Rights Commission of Pakistan. State of Human Wrights in Pakistan in 1996. Lahore: HRCP, 1996. P. 120.

Глава шестая

¹ Исследование, проведенное Пьюролой Блок (Purola Block), показывает, что «эти девушки были вовлечены в проституцию собственными мужьями, отцами и братьями... чтобы заработать свободу от ростовщиков для мужчин своей семьи. По иронии судьбы, в ряде случаев мужчины попадали в долги из-за необходимости платить выкуп за невесту, и позднее эти самые невесты были вынуждены заниматься проституцией, чтобы вернуть свободу своим мужьям»; цитируется по: Incidence of Bonded Labour in Uttar Pradesh. Incidence of Bonded Labour in India. Vol.1, Area, Nature, and Extent. Mussoorie: Lal Bahadur Shastri, National Academy of Administration, 1990, sec. 23. P. 10. В отчете далее говорится: «Эта традиция настолько древняя и так широко распространена, что в отношении этих женщин, когда они перестают заниматься проституцией, не следует никаких социальных санкций».

² Случай упоминался в нескольких источниках. См: Indian Express, 3 October 1985; A. Dingwaney, Bounded Labour in India. New Delhi: Rural Labour Cell, 1991; Incidence of Bonded Labour in Uttar Pradesh (см прим. 1).

³ Официально минимальная зарплата сельскохозяйственного рабочего составляет 76 рупий в день, реальные заработки в деревне Банди составляют половину этого. Стоимость зерна, которое дают кабальным рабочим, таким как Балдев, составляет 6 рупий в день.

⁴ См. Eugene Genovese, Roll, Jordan, Roll: The World the Slaves Made. N.Y.: Vintage, 1976. P. 49–86.

⁵ Приведено в Migrant Bonded Labour, Incidence of Bonded Labour in India. Vol. 1 (см. прим. 1). Краткое изложение отчета и случаи для рассмотрения, sec. 7. P. 10.

⁶ Стажеры IAS [Indian Administration service]. Study Report on Bonded Labour. Mussoorie: National Academy of Administration, 1989–1990, 6:83.

⁷ Uttar Pradesh. In: Incidence of Bonded Labour in India. Vol. 4, Study Report, sec. 17. P. 235.

* Это пятитомная работа *Incidence of Bonded Labour in India*. См: прим. 1.

Глава седьмая

¹ William Greider. *One World, Ready or Not: The Manic Logic of Global Capitalism*. N.Y.: Simon and Schuster, 1997. P. 12.

² Там же: P. 342.

³ Там же: P. 355.

⁴ Там же: P. 24.

⁵ Human Rights Watch. *The small hands of Slavery: Bonded Child Labour in India*. N.Y.: Human Rights Watch, 1996. P. 14–16.

⁶ William Greider (см. прим. 1). P. 333.

⁷ Кроме прочих расследований именно ЕИА первыми раскрыли миллиардную торговлю слоновой костью, самый большой в мире запас рогов носорога и нелегальную торговлю аэрозолями, содержащими инертные газы, разрушающие озоновый слой. Подробнее об организации можно узнать на сайте <http://www3.pair.com/eia>.

⁸ Выступление Яна Кершоу в программе BBC «Нацисты», BBC Timewatch, BBC2, 20 October 1997.

⁹ William Greider (см. прим. 1). P. 35.

¹⁰ Там же: P. 359.

¹¹ В настоящий момент рабство также стоит в нижней части списка приоритетов ООН: им занимается Рабочая группа Подкомиссии Комиссии по экономическим и социальным вопросам, которая отчитывается перед Генеральной ассамблеей (и обычно теряется среди других вопросов).

¹² Дополнительная конвенция об упразднении рабства от 1956 года; для более подробного обзора см. приложение 2.

¹³ Колдвел цитируется по Michael Specter. *Traffickers' New Cargo: Naive Slavic Women*. New York Times, 11 January 1998, p. 6.

¹⁴ Ричард Пьер Клод, частная беседа, состоялась 22 октября 1997 года. Я благодарен профессору Клоду за эту информацию.

¹⁵ См. Susan Johnson and Ben Rogaly. *Microfinance and Poverty Reduction*. Oxfam Development Guideline, Oxford: Oxfam, 1997.

¹⁶ Frederick Douglass. *What to the Slaves Is the Fourth of July?* // *The Frederick Douglass Papers*, ed. John A. Blassingame et al. New Haven: Yale University Press, 1979, 2:359.

Приложение 1

¹ Richard A. Falk. *Theoretical Foundations of Human rights* // *Human Rights and State Sovereignty*, New York: Holmes and Meier, 1981. P. 34.

² Robert K. Yin. *Case Study Research: Design and Methods*, 2nd ed., Thousand Oaks, Calif.: sage. P. 1.

Оглавление

<i>Предисловие к русскому изданию</i>	5
<i>Глава первая. Новое рабство</i>	8
<i>Глава вторая. ТАИЛАНД. Потому что она похожа на ребенка</i>	41
<i>Глава третья. МАВРИТАНИЯ. Старые времена не забыты</i>	88
<i>Глава четвертая. БРАЗИЛИЯ. Жизнь на краю</i>	128
<i>Глава пятая. ПАКИСТАН. Когда раб - не раб</i>	156
<i>Глава шестая. ИНДИЯ. Обед пахаря.</i>	202
<i>Глава седьмая. Что можно сделать?</i>	240
<i>Заключение. Три вещи, которые Вы можете сделать, чтобы остановить рабство</i>	271
<i>Приложение 1. Пояснение исследовательских методов.</i>	278
<i>Приложение 2. Выдержки из международных соглашений по рабству</i>	290
<i>Примечания</i>	295

Кевин Бэйлз

ОДНОРАЗОВЫЕ ЛЮДИ
Новое рабство в глобальной экономике

Издатель Леонид Янович

Редакторы Э.Ф.Азарх, Л.С.Янович
Корректор А.В.Сивицкая
Художественный редактор Л.С.Янович
Макет А.Л.Янович

Подписано к печати 13.XI.06.
Формат 60х90/16. Гарнитура Таймс.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл.-печ. л.19. Зак. № 1736. Тир.3000 экз.

НП Издательство «Новый хронограф»
Свидетельство о регистрации № 002.070.147 от 06 декабря 2001 года
109052, Москва, ул. Верх. Хохловка, д.39/47-132
Тел.: (495)671-0095, факс: (495) 326-0943
E-mail: nkhronograf@mail.ru
Информация об издательстве в Интернете
<http://www.novhron.ru>